И. БОРИСЕНКО

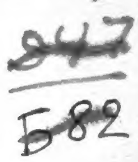
СОВЕТСКИЕ РЕСПУБЛИКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1918 ГОДУ

II

„СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ“

РОСТОВ н-Д. 1930

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ КРАЙИСТПАРТ



И. БОРИСЕНКО

СОВЕТСКИЕ РЕСПУБЛИКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1918 ГОДУ

ТОМ II

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ РЕСПУБЛИК

ПОД РЕД. Н. ЛИХНИЦКОГО

Северо-Кавказск. Краевым Методическим Советом допущено в качестве учебного пособия для учащих и учащихся ВУЗ'ов, технихумов и школ повышен. типа Края.



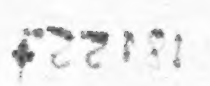


КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ"

РОСТОВ Н-Д. 1930



№ 453
III. 30





Стф. ОСТ А5 148×210

Крайлит № 00242/237. Заказ № 3598. Тираж 2.000 экз.
Типография им. т. А. Лиманского Севкавполиграфтреста, Краснодар, ул. Гоголя, 54.

ТЕРСКАЯ НАРОДНАЯ ССР.

ГРУППА РАБОТНИКОВ ТЕРСКОЙ НАРОДНОЙ ССР.



1. Буачидзе Н., 2. Богданов, 3. Гикало, 4. Хорошев, 5. Анджиевский, 6. Булле, 7. Фигатнер, 8. Бутырин, 9. Шерипов, 10. Левандовский, 11. Камалов, 12. Киров, 13. Полякова.

ТЕРЕК—КОЛОНИАЛЬНАЯ ОКРАИНА РОССИИ.

Основные черты колониальной политики самодержавия на Сев. Кавказе. Военная колонизация и роль казачества. Разжигание междуплеменной вражды. Поддержка привилегированных сословий. Переселение и выселение горцев. Разрушение горской культуры, как итог политики царизма. Характеристика бюрократической системы управления областью и национальный вопрос. Разнообразие хозяйственных форм и внедрение капитализма на Тереке. Ленинская характеристика „экономического завоевания“ Кавказа. Особенности развития промышленности и характеристика пролетариата. Аграрный вопрос и основные социально-экономические противоречия — казачество, иногородние и горцы. Роль аренды, как формы колониальной эксплоатации и развития сельско-хозяйственной буржуазии. Терек—место соединения национально-освободительного движения с пролетарской революцией.

Не только на Юго-Востоке России, а пожалуй и на территории всей бывшей Российской империи трудно было найти другой район, представлявший такой яркий образчик результатов длительного господства „военно-феодального империализма“ самодержавной России, как бывшая Терская область. Завоевание Кавказа— это кровавая эпопея борьбы многочисленных горских народов за отстаивание своей самостоятельности, растянувшаяся на десятки лет. Терская область включала в себя как-раз ту часть Кавказа, где покорение его имело наиболее кровавый характер. Именно на ее территории находились „опаснейшие злодеи чеченцы“, составлявшие основную силу государства Шамиля. Трагический для горцев конец Кавказской войны был торжественно возвещен князем Барятянским 26 августа 1859 г. в приказе по войскам —„Гуниб взят. Шамиль в плену. Поздравляю Кавказскую армию“. Но эта оффициальная дата, означавшая конец войны на восточном Кавказе (западный был покорен в 1864 г.), не означала замирения Кавказа,— „усмирять“ его после приходилось еще не раз. Горцы не могли успокоиться вплоть до революции не потому, что они были „коварными хищниками“ и „мошенниками“, каковыми их считали в старое время представители русской администрации и историки Кавказской войны (вроде Буткова, генерала Дубровкина), а вследствие того, что они были так придавлены сапогом завоевателей, что совершенно не могли „свободно дышать“. Мы уже указывали плоды „культуртрегерской“ работы самодержавия на Кавказе, отмечая уход черкесов в Турцию с Черноморского побережья. Этот район запустел, несмотря на все попытки царизма заселить его переселенцами и крестьянами. Примерно то же мы видим в ряде районов и на Тереке.

Четыре принципа лежали в основе политики царизма по водворению на Кавказе должного спокойствия и порядка вплоть до революции 1917 года.

Лорис-Меликовым, военным начальником и командующим войсками Терской области 60-х г.г., первый и основной принцип формулировался в записке начальнику главного штаба от 16 июня 1864 г. так: „Мы по необходимости прибегли к коренной русской исторической системе заселения окраин государства казаками. Сплошная линия казачьих земель от Черного до Каспийского морей, совершенно обезопасившая новые границы империи от набегов Кавказских племен, послужила для дальнейших действий по занятию и колонизации неприятельской страны“.[1]

Пожалуй, нигде так явственно не выступал военно-полицейский характер казачества, роль его в качестве орудия колониальной политики, как в бывшей Терской области. Казачьи поселения раскидывались по долинам рек Терека и Сунжи и имели специальную цель разъединения Кабарды, Ингушетии и Чечни.

Лучшие плоскостные земли переходили к казачеству и аборигены края загонялись в горы. Военная колонизация вплоть до 70-х годов была основным методом политики по подчинению и закреплению Кавказа за победителями. Она создала необычайную остроту и запутанность аграрных отношений,— именно последние явились главной экономической основой, на которой развивалось национально-освободительное и революционное движение на Тереке. Когда-то в 1845 г. в обращении к горским народам граф Воронцов обещал: „религия Ваша, Шариат, Адат, земля Ваша, именья Ваши, а также все имущество, приобретенное трудом, будет неприкосновенною Вашей собственностью и останется без всякого изменения“.[2] А в 1857 г. князь Барятинский в прокламации к чеченскому народу заявлял, что все земли, занятые этим народом, останутся за ним навсегда. Эти декларации воплотились в плоть и кровь ввиде казачьих поселений, отбиравших у горцев лучшую землю. В результате, из казачества был создан „вооруженный лагерь во вражеском стане“, который, заняв плодородные земли, экономически давил туземцев и был постоянным врагом, на котором сосредоточивалась в первую очередь вся ненависть к русским завоевателям со стороны побежденных горских народов.

Второй принцип заключался в системе ослабления горцев, путем разжигания междуплеменной вражды. Еще в конце XVIII века,— „в то время наблюдаемо было правило древних Римлян, чтоб для пользы Кавказского края ссорить между собою разных кавказских народов, дабы они, ослабляя свои силы, оставляли больше нас в покое. Вследствие сего поссорены от нас разными образами

---

[1] Дзагуров. „Переселение горцев“. Материалы по истории гор. народов. „Севкавкнига“, Ростов-Дон, 1925 г., стр. 9.

[2] „Письменные заявления горского населения и объяснения комиссии“. Владикавказ 1909 г. Цит. по Г. Мартиросьяну „Соц.-эконом. основы революционного движения“. Владикавказ, 1925 г., стр. 29.

чеченские народы с ингушами и в июне 1783 г. сразились, имев каждая сторона до 1 т. человек. Чеченцы потеряли 20 убитыми и до 40 человек ранеными, однако получили поверхность и отогнали у Ингуш до 2 тыс. баранов".[1] Этот древний способ—„разделяй и властвуй"—провожает нас через весь XIX и начало XX века, вплоть до 1917 г., и мы встречаемся с ним и во время революции, как одним из главных приемов, на котором строилась политика контр-революции.

Третьим китом царской политики, утвердившейся с 40-х г.г. XIX в., являлась система поддерживания высших сословий, через которых „изнутри" легче было подчинить себе непокорные народы. Хотя к периоду завоевания Кавказа русскими горские народы и были на разных ступенях социально-экономического развития,— от родового строя (чеченцы) до развитого феодализма и зарождения торгового капитала (ряд черкесских племен),—но у большинства были привилегированные сословия, которые держали в экономической и правовой зависимости от себя массы населения. Победитель Шамиля князь Барятинский значение этого метода в деле борьбы с горцами прекрасно учитывал—„надобно прежде всего стремиться к восстановлению высшего сословия там, где сохраняются еще более или менее следы его, и создавать его действующим в Империи порядком там, где оно не существует. Таким образом, по мере восстановления дворянства, правительство будет иметь в нем лучшее орудие к ослаблению исламизма".[2] Освобождение низших сословий на Кавказе в 60-х г.г. не обидело горское дворянство: так, в Карачае из площади в 80.855 дес,. годных для сенокоса и выгона скота, в частные руки перешло 30.709 дес., в Кабарде 144 лицам отведено было 83.550 дес. и т. д.[3] Горское дворянство после покорения Кавказа превратилось в часть господствовавшего класса России и являлось на деле агентом царского правительства. Сколько случаев знает история о предательстве и подлой провокаторской роли, которую играли „привилегированные", предавшие свой народ за соответствующую мзду, получаемую от царской бюрократии.

Русские завоеватели отдавали себе отчет в том, что вселение на горскую землю казачества создает такую аграрную тесноту, которая будет постоянным источником волнений в Крае. Уже упоминавшийся нами Лорис-Меликов в письме к начальнику Штаба Кавказской армии от 7 мая 1864 г. сообщал:

...„Поземельные условия, в которых племя это (чеченцы) находится в настоящее время, требуют коренного изменения...

---

[1] „Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г." П. Буткова, ч. 11. С. П. Б., 1869 г., стр. 111.

[2] Цит. по Покровскому. Дипломатия и войны царской России в XIX в. Красная Новь, 1924 г., стр. 216. См. также записку о Терской области нач. глав. штаба от 1864 г. Сборник материалов Дзагурова-„Переселение горцев", стр. 26—27.

[3] Терский сборник, вып. 7. Иваненков „Горные чеченцы". Владикавказ, 1910 г., стр. 178.

В этой-то разбросанности казачьего населения и в недостатке земель, как для казаков, так еще более для местного населения, заключается вся трудность и исключительность управления Терской областью, в сравнении с прочими частями Кавказа... Стесненность территории, происшедшая от водворения в пределах области стотысячного казачьего населения, поставила большую часть туземных племен в полную невозможность прежних условий хозяйственного быта их“.[1]

Отсюда вытекала постоянная забота о том, какими способами разрядить эту тесноту, не изменяя основным принципам своей колониальной политики. И мысль царских сатрапов пошла здесь по линии наименьшего сопротивления: они взяли курс на выселение части горцев с их старых, насиженных мест в другие районы, и одновременно применили еще более радикальное средство — переселение горцев в Турцию. В этих двух мероприятиях и заключался четвертый основной момент той системы порабощения туземцев, которая была применена на Кавказе.

О фактах выселения можно судить по данным, которые сообщал полковник Кундухов в рапорте гр. Евдокимову о выселении карабулаков, галашевцев из гор в 1859 г.: „Все карабулаки, жившие в ущельях по обеим сторонам Фортанги, сожгли свои хутора, и со всеми семействами и имуществом переселились в аулы: Бомут, Аласкино, Ахуборов, Нестеровский, Алхост-ки, Алеус-Али, Пршты и, частью, в Назрановское общество, в аул Ачалук. Некоторые же из карабулаков, не желая подчинить себя старшинам, переселились в Чечню — в чем я им не препятствовал“. Далее, после сообщения о выселении галашевцев Кундухов заключил: „после описанного переселения в ущельях по Фортанге, Ассе, Сунже и Камбилеевке, мелких хуторов и жителей никого не осталось, и дело это к удовольствию моему я считаю совершенно конченным“.[2] В результате этих выселений Лорис-Меликовым в уже цитированном письме указывалось на отсутствие земель у 1.800 семейств карабулаков.

Но операция с выселением горцев не могла дать больших результатов, т. к. во-первых часто и с новых мест горцы сгонялись для очищения их под новые казачьи станицы и, во-вторых, горцам предоставлялись худшие земли. Берже, историк переселения горцев, отмечает эту неудачу в отношении черкесов: „выселение горцев к нам состоялось в размере весьма ограниченном и не первосходило 100 тыс. душ, т. е. одной шестой части всего черкесского народа“. Поэтому, кроме выселения был испробован путь переселения горцев в Турцию. Массовый характер это переселение приобрело в первые годы после окончания Кавказской войны 1859, 1861, 1864 и 1865 г.г. и кончилось, как известно, трагическим финалом. Генерал Карцев в 1863 г. в своем письме заявлял, что немногие горцы согласятся переселиться на степь, а поэтому, „в видах

---

[1] Дзагуров. „Переселение горцев“, стр. 16.
[2] Цит. по брош. Мартиросьяна „Соц.-эконом. рев. движ. на Тереке“, стр. 34—35.

человеколюбия... необходимо открыть им другой выход: переселение в Турцию".[1]

Это относилось к черкесам, которых ушло в Турцию наибольшее количество—400 тыс. человек (3/4 всего народа). Затем наиболее массовый характер переселение приобрело в Чечне в 1865 г., главными героями которого явились Лорис-Меликов и генерал Кундухов. На этот раз переселялось 23.057 душ обоего пола. Именно на переселении чеченцев наиболее ярко вскрывается инициатива и организация переселенческого дела со стороны царских генералов. По договору с Лорис-Меликовым генерал Кундухов развернул целую систему агитации среди чеченцев за переселение и имел успех, т. к. действительно „горцам некуда было деваться". Как известно, в Турции из 23 тыс. переселенцев через 5—6 лет осталось в живых около десяти тысяч чеченцев, а остальные перемерли. Примерно то же получилось и с черкесами. Но когда ушедшие в Турцию чеченцы попытались вернуться обратно, причем некоторые из них соглашались принять православие, был отдан приказ прогнать их от границ выстрелами русских и турецких войск (при помощи даже артиллерии). После такого трагического конца, массовых переселений после 1865 г. не было. Хотя более мелкими партиями, горцы текли в Турцию почти все время. Вывод горцев в Турцию вскрывает перед нами всю наготу колониальной политики царизма, сопровождавшейся прямым физическим истреблением горских народов.

Таков букет основных методов, которыми укреплялась власть Белого орла на предгорьи и в северных горах Кавказа.

Итоги этой политики оказались плачевными. Заявления всех старых исследователей и знатоков Кавказа в один голос свидетельствуют о разрушении, в ближайшие десятилетия после покорения, хозяйства и культуры горцев, на место которой не было создано новой.

В 80-е годы Яков Абрамов писал: „Проводя три последние лета в Терской области, я неоднократно задавал вопрос о причинах современного выселения горцев членам администрации, местным ученым и просто обывателям. Большинство из них в ответ говорили о дикости горцев, о том, что по общему историческому закону при столкновении двух народностей менее культурная должна неминуемо так или иначе погибнуть, о лености, нерадении и тупости туземцев и т. п. Но, присматриваясь поближе к делу, я убедился, что все приведенные моменты, направленные против горцев, не имеют решительно никаких оснований в действительности.

Если сравнить то, что сделано на Кавказе туземцами и нами, русскими, то менее культурной и менее трудолюбимой нацией придется признать русских... Здесь мне пришлось в волю насмотреться на то, с каким бесстыдством русские истребляли продукты кабардинской культуры и многолетнего труда. Около самого Нальчика

[1] Ах. Цаликов „Кавказ и Поволожье", Москва, 1917 г., стр. 12.

находится так называемый „Атажукин сад“, от которого теперь остались только жалкие остатки“.[1] Между прочим, подобная „хозяйственная“ деятельность русских колонизаторов интересно отразилась в горских песнях. Так, в кабардинской песне „Приход русских“ мы встречаемся с такими строками: „Эх, русский, с фуражкой на голове, ты нас вытеснил с плоскости; на ней мы раньше пасли стада и разбивали свои шатры... Среди мусульман ты забросил мысь о переселении за море... Долину реки Ходзь ты всю оголил от леса. Без нашего согласия ты нашу рощу вырубил“, и т. д. Многочисленные факты, подтверждающие эту общую характеристику, читатель может найти в трудах исследователей Северного Кавказа. Обстоятельством, чрезвычайно способствовавшим разрушению края и дикой, нелепой, культуртрегерской работе по искоренению у туземцев „хищических наклонностей“, была бюрократическая система управления областью, направленная к руссификации края и самый подбор персональных носителей этой системы, которые по выражению Александра II должны были „окончательно умиротворить Кавказские народы и утвердить над горским населением нашу нравственную власть“.[2]

Скоро после покорения Кавказа русская администрация перестала собирать больше народные собрания, которые она сначала стремилась использовать для установления „нравственной власти“. Начиная от назначенных сверху сельских старшин[3] и участковых начальников (соответствовали русским становым приставам) и кончая высшей администрацией, горцами командовал такой цвет царских сатрапов, который по невежеству и моральным качествам представлял несомненно „отбросы военной и чиновной среды“. Даже Воронцов-Дашков в конце концов вынужден был признать, что „посылка на окраины худших элементов, которым нет места в центральной России, должна быть прекращена, так как они ведут лишь к падению значения в глазах окраинного населения государственной власти“. Уже после революции 1905 г. мы встречаемся, просматривая прения по так наз. Кавказскому запросу в Государственной Думе, с такой характеристикой администрации, в устах даже депутатов-монархистов, перед которой бледнеет своеобразная тупая наивность и изворотливость гоголевских и щедринских героев. Приведем только заявление черносотенца Пуришкевича от от 10 декабря 1908 г.: „Зиновьев, правитель канцелярии Колюбакина (атамана области), фамилия фиктивная, Зиновьев — беглый преступник... Его деятельность сразу повела к тому, что жалобам и доносам на него нет конца... Несколько из шайки грабителей было поймано и вот от пойманной шайки нити привели к Зиновьеву. Оказалось, что сам Зиновьев снабжал оружием, патронами и информировал ту шайку, которая работала в Тифлисе.

---

[1] „Дело“, 1884, № 1, ст. Я. Абрамова „Кавкаские горцы“, стр. 74—75.

[2] Рескрипт Александра II на имя наместника Кавказа от 13 сентября 1871 г.

[3] Институт выборных старшин был введен только после революции 1905 г., но кое-где назначенство продолжало существовать.

Как Вам нравится этот человек, который стоит у власти?“...[1] Далее оратор указывал, что сам Колюбакин имеет крупные злоупотребления и что взяточничество процветает на Кавказе. Если так говорили монархисты, то можно представить, как заботилась бюрократия о процветании области. Упомянутый „Кавказский запрос“— это документ, каждая строка которого вопит о беспредельной наглости, бесконтрольности и полном забвении царскими чиновниками национальных интересов горцев. Лучшим афоризмом политической мудрости правителей Кавказа является следующее изречение из анекдота, переходившего из уст в уста, об одном „сановном бюрократе“: „Я успокоюсь только тогда, когда в Тифлисском музее будут показывать чучело армянина, в подтверждение того факта, что жили когда-то и армяне на Кавказе“.[2] Хотя это было сказано об армянах, но мы с полным правом можем отнести это к вопросу об отношении и к горским народам, которых „сановные бюрократы“ стремились не только свернуть в бараний рог, но держали курс на их физическое истребление. Даже тогда, когда проявлялись проблески понимания чрезвычайно тяжелого положения горцев у того или другого представителя этой бюрократии, управлявшей Кавказом, и стремление провести какие-нибудь меры к некоторому урегулированию отношений, они неизменно разбивались о систему в целом, и предложенные мероприятия сначала застревали, а затем терялись во Владикавказе, или Тифлисе, или Петербурге. Взять хотя бы наиболее остро стоявший аргарный вопрос, которым мы еше будем заниматься ниже, и все перипетии его разрешения в отношении нагорной полосы в канцеляриях, комиссиях и комитетах. Начиная с 60-х гг. и до 1917 г., тянулась разработка вопроса земельного устройства горцев нагорной полосы. В 1861 г. Александр II при приеме депутации от горцев Кубанской области счел нужным распорядиться о наделении горцев „достаточным количеством земли для хлебопашества и пастбищ“. Для реализации этого монаршего указания было создано много комиссий и комитетов, не разрешивших вопроса; с 1887 г. по 1905 г. проводилась хозяйственно-межевая съемка территории, с 1906 по 1908 г. работала специальная „Абрамовская“ комиссия по исследованию положения землепользования и землевладения в нагорной полосе Терской области, которая и должна была закончить разработку необходимых материалов.[3] Только в 1911 г. наместником Кавказа был послан в центр проект закона о землеустройстве, где он не был утвержден до самой революции 1917 года. Этот темп разрешения

[1] Мартиросьян.—„Соц.-экон. основы рев. движения на Тереке“, стр. 12, 17 и 18.

[2] Гр. Чалхушьян —„Армян. вопрос и армянские погромы в России“. Ростов-Дон, 1905 г., стр. 89.

[3] Абрамов был председ. комиссии, издавшей „Труды комиссии по исследованею соврем. положения землепользования и землевладения в нагорной полосе Терской обл.“. Владикавказ, 1908 г. Эта работа является одним из основных трудов, мимо которого не может пройти современный исследователь аграрных отношений на Тереке до революции.

самого больного вопроса — лучший показатель того, что из себя представляла система управления областью. Мы здесь не будем останавливаться на просветительной политике царизма среди горцев — ее открыто руссификаторский характер и микроскопические цифры о количестве горских школ общеизвестны. Кавказская бюрократия была классическим представителем колониальной системы самодержавной России.

В итоге бегло охарактеризованной нами колониальной политики бывшая Терская область к войне и революции представляла из себя экономически самый маломощный, с чрезвычайно запутанными социальными отношениями и с крайне резкими проявлениями межнациональных антагонизмов, район во всем юго-восточном крае. В то время как промышленный и, в особенности, аграрный капитализм во всех областях края успел в конце XIX и особенно в начале XX века уже глубоко проникнуть во все поры хозяйственной жизни, в Терской области к войне 1914 г. мы имели по существу только начало широкого проникновения капитализма в промышленность (исключая Грозненский район) и в сельское хозяйство. Терек в основном являлся объектом той системы торгово-капиталистической эксплоатации, которая была экономической основой такой долговечности „закорузлого" русского самодержавия.

„Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды и юго-востоку от Ростова на Дону... идут... пространства, на которых уместились бы десятки культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость". Так писал Ленин в 1921 г. Невольно вспоминается этот призыв посмотреть на карту, когда приступаешь к зарисовке картины социально-экономического положения Терека накануне войны. Бурно растущий Грозненский нефтяной район, окруженный еще окончательно не вышедшим из патриархально-родового строя чеченским народом, — вот два полюса той пестроты хозяйственных укладов и социально-экономических отношений, которыми был богат Терек, занимавший по территории третье место (64,6 тыс. кв. верст) и по населению четвертое место (1261,2 тыс. чел.) [1] среди областей, вошедших в С.-К. Край.

Эта пестрота явилась следствием и колонизации Кавказа царским самодержавием и русским капитализмом, который, ворвавшись сюда, конечно, разрушал у горцев патриархальщину и дикость, но вплоть до войны этот процесс не закончился. Здесь образовалось то знаменитое сожительство, которое привело, как формулировал Ленин позже, по отношению уже к Советскому хозяйству, к наличию пяти хозяйственных укладов.

Если завоевание Кавказа в первой половине XIX в., война с горцами „непосредственно вытекала из Персидских походов" и „ее значение было чисто стратегическое, всего менее колониза-

---

[1] По данным на 1914 год „Стат. справ. Ю.-В. России", в. II, 1923 г.

ционное“, [1] то во второй половине XIX века, особенно начиная с 70-х г.г. (кстати, в 1870 г. была официально разрешена частная собственность на землю), началось экономическое завоевание Северного Кавказа вторгшимся сюда русским капитализмом, который колонизацией окраин ослаблял противоречия внутри метрополии.

Эта роль колонизации была особенно четко подчеркнута Лениным в его работе „Развитие капитализма“, и представляет из себя чрезвычайно важную и благодарную проблему для специального исследования, еще не написанного. [2]

Ленин дал блестящую характеристику процесса экономического завоевания Кавказа при анализе проблемы образования внутреннего рынка в России. Русский капитализм, бурно развиваясь после реформы 61 г., упирался в недостаточную емкость внутреннего рынка в метрополии, где расширение его задерживалось сохранением остатков полукрепостничества. Вместо преодоления этих задерживающих моментов внутри страны, помещики и буржуазия стремились искать новых районов, для расширения своего рынка, каковыми и являлись окраины царской России. Заселявшиеся в пореформенный период южные окраины, в том числе и Кавказ, и предоставляли из себя колонии, куда центральная Россия направляла предметы фабрично-заводского производства, получая взамен этого сельско-хозяйственные продукты.

Вот цитата из Ленина, в которой освещается процесс капитализации Сев. Кавказа, как колониальной страны:

„Еще более приложимо это понятие колонии к другим окраинам, напр. к Кавказу. Экономическое „завоевание“ его Россией совершилось гораздо позднее, чем политическое, а вполне это экономическое завоевание не закончено и поныне. В пореформенную эпоху происходила распашка земли колонистами (особенно в Северном Кавказе), производившими на продажу пшеницу, табак и пр. и привлекавшими массы сельских наемных рабочих из России. С другой стороны, шло вытеснение туземных вековых „кустарных“ промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов. Падало старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, падала кустарная выделка железа под конкуренцией привозного русского продукта, а равно и кустарная обработка меди, золота и серебра, глины, сала и соды, кож и т. д.; эти продукты производились дешевле на русских фабриках, посылавших на Кавказ свои изделия...

Русский капитализм втягивал, таким образом, Кавказ в мировое товарное обращение, нивеллировал его местные особенности — остаток старинной, патриархальной замкнутости,— создавал себе рынок для своих фабрик. Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода, или заселенная горцами, стоявшими в стороне

---

[1] Т. Покровский. — „Дипломатия и войны царской России в XIX ст.“, стр. 179.

[2] Т. III. 2-е издание. Прим. на стр. 465.

от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табаку, и господин Купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея (Гл. Успенский)“...[1]

Ярким представителем этого „переряженного гордого горца“, превратившегося в лакея европейской буржуазии, и был грозненский нефтепромышленник чеченец Чермоев, о контр-революционной роли которого мы будем говорить ниже. Но, повторяем, массы горцев к войне еще не успели „перерядиться“. Если не считать Грозненский район,[2] явившийся как бы оазисом среди скотоводческо-земледельческого плоскостного и нагорного хозяйства, и серебро-свинцовых предприятий в Осетии, то можно констатировать наличие слабой промышленной базы в области, несмотря на то, что количественное соотношение городского и сельского населения к 1914 г. здесь более благоприятно, чем напр. на Кубани, не говоря уже о Ставрополье. Из 1.261,2 тыс. жит. Терек имел 234,6 городского населения, в то время, как на Кубани из 2,984 тыс. жит. на города падало 245,5 человек. Но это преимущество стушевывалось, во-первых, гораздо большим разнообразием хозяйственных форм и, во-вторых, тем, что, исключая Грозный, в котором на 1913 г. числилось 30.377 жит., и отчасти Владикавказ, все остальные города представляли из себя, прежде всего, административно-мещанские гнезда, с полуремесленным рабочим классом и мелкими заводами. Если, напр., взять даже Владикавказ, то мы найдем в облике этого города много сходного со Ставрополем. Незначительное количество индустриальных рабочих и в то же время большая стая бюрократов-чиновников и мелких торговцев— вот знакомая уже нам картина городов Северного Кавказа. На Тереке был еще значительно представлен тип курортного города, социальный облик которого ясно говорит не в пользу революции— это весь Минераловодческий район. Недаром, если Вы откроете обширный труд Терской плановой комиссии, посвященный экономической характеристике округа, и если вы посмотрите таблицу состава и состояния промышленности,[3] то установите, что самый большой удельный вес имеет пищевкусовая промышленность (мельницы, маслобойные заводы и пр.), которую составители поэтому подвергли „совершенно самостоятельному и глубокому анализу“. Правда, эти данные относятся к советскому периоду, когда быв. Терская область была разбита на 4 округа и два самостоятельных города Грозный и Владикавказ, но, повторяю,— минус Грозненский

---

[1] Там же, стр. 463 — 464.

[2] Широкая разработка нефти в этом районе началась только с 90-х годов XIX в., но она развернулась здесь так бурно, что за период с 1893 г. по 1914 г. добыча нефти удесятерилась — с 8,0 мил. пуд. до 89,4. (Эконом. география Юго-Восточ. России, изд. Ю. В. план. комиссии 1924 г., стр. 418).

[3] Терский округ. Очерки по истории, экономике и советскому строительству округа. Изд. Терокрисполкома, ч. I и II. Пятигорск, 1927 г., т. I, стр. 432 — 452.

район, имевший на 1913 г. 5.991 рабочих и служащих на производстве,[1] — картина и для всего Терека в старых границах в основном сохраняется в промышленном отношении та же. Самый старый серебро-свинцовый Алагирский завод на Тереке имел в 1917 году 352 рабочих.

Мартиросьян в своей историко-экономической работе, посвященной характеристике терской промышленности, дает такую сводку ее развития:[2]

Количество заводов:

В 1884 г.	1.705
„ 1893 г.	3.179
„ 1903 г.	3.985
„ 1913 г.	2.686
„ 1914 г.	2.747
„ 1915 г.	2.831

Число рабочих:

В 1884 г.	3.908	чел.
„ 1903 г.	7.599	„
„ 1913 г.	11.397	„
„ 1914 г.	14.462	„
„ 1915 г.	13.385	„

Нетрудно понять из этой статистики, что в ней к заводам причислены все мелкие и кустарные предприятия, которые, конечно, не могут быть отнесены к фабрично-заводской промышленности. Следовательно и количество заводов и число рабочих здесь преувеличено.

К сожалению, мы должны констатировать, что в другой своей работе, носящей название „Соц.-эконом. основы революционного движения на Тереке“, этот же автор, освещая экономическое и правовое положение пролетариата, совершенно не останавливается особо на группе, занятой в крупной горно-заводской и горной промышленности. Больше этого, в характеристике положения рабочего класса он больше всего интересуется рабочими мелких предприятий, полу-ремесленного типа, напр. служащими почтово-телеграфного ведомства, домашней прислугой и пр., растворяя таким образом в этих полупролетарских слоях лицо подлинного фабрично-заводского рабочего класса. Этот нечетко-классовый подход, конечно, не дает правильной социальной характеристики рабочего класса и его удельного веса в области, но он отражает положение в определенном смысле; действительно, индустриального рабочего в Терской области было очень мало,[3] чем прежде всего

---

[1] Терский календарь на 1914 г. Вып. 23. Владикавказ. 1913 г., стр. 131 — 132.

[2] „Фабрично завод. промышленность на Тереке“. Владикавказ, 1924 г., стр. 11. Сводка составлена по „Терским календарям“ и „Отчету нач. Терской области“ за соответствующие годы.

[3] Но это, конечно, не освобождает марксиста исследователя от необходимости соответствующей диференциации социальной характеристики рабочего класса и особого выделения слоев, действительно „варящихся в фабричном котле“, чего не сделал Мартиросьян.

и объясняется слабость, как мы увидим дальше, местной большевистской организации, а также более долгое, чем в других местах, сожительство ее с меньшевиками в объединенной с.-д. организации во Владикавказе в 1917 году (конечно, это последнее вытекало и из национальной обстановки).

Итак, в отношении промышленного развития Терек не выделялся из большинства областей, разбираемых нами в настоящей работе. И хотя он по соотношению городского и сельского населения занимал третье место в пределах теперешнего Сев.-Кавк. Края (шел после Черноморской губ. и Донск. обл.), но такого пролетарского авангарда, который смог бы легко охватить своим руководством трудящиеся массы города и деревни-аула, он не имел, особенно если принять во внимание необычайную сложность переплета здесь национальных, классовых и сословных отношений. Но даже и при таком состоянии пролетарской базы в областном масштабе мы должны констатировать, что в развернувшихся революционных событиях 1917-18 г.г. терский рабочий, и главным образом грозненский горняк, явился такой цитаделью революции, аналогичной которой мы не имели на Кубани.

Основным вопросом, который должна была разрешить здесь революция, явился, конечно, аграрный вопрос. И национальные антагонизмы, охарактеризованные выше, своим экономическим стержнем имели прежде всего земельные отношения как, в первую очередь, основных трех социальных групп деревенского населения области казаков, иногородних и горцев между собой, так и отдельных горских народов, находившихся по отношению друг к другу в разнообразных условиях.

Из анализа основных принципов колониальной политики царизма ясно вытекает картина особо привилегированного положения Терского казачества.

Эта группа, составлявшая накануне войны около 1/5 (19,52%) всего населения области—241.161 из 1.235.213 чел.,[1]—владела 60% из годной для обработки земли, притом же расположенной на плоскости и наиболее плодородной. Такое громадное преимущество в пользовании землей еще больше бросается в глаза, когда мы сравним среднее количество земли, падавшей на одну душу казачьего населения и у прочего. На казака Сунженского отдела наиболее бедного по самым скромным подсчетам падало 8,3 дес. земли и 1,7 дес. леса, в среднем же по всему войску одна мужская душа имела 14—16 десятин (по офиц. стат. на 1913 г.—14,4%), в то время, как у горца было до 4 дес. (если взять и нагорную полосу и плоскость), а у иногороднего еще меньше—1 5/6 дес. Именно землеобеспеченность казаков, характер вселения которых мы описывали выше, помимо прочих политических моментов, делала их основным объектом национальной ненависти туземцев к русским, которая здесь проявлялась так резко, как может быть ни на одной

---

[1] Терский календарь на 1914 г., вып. 23. Владикавказ. 1913 г., стр. 9.

из прочих окраин России. Как мы уже указывали, военно-полицейские функции казачества нигде не выступали так ярко и не сохранились в такой „чистоте“, как на Тереке, что накладывало особый отпечаток на местное казачество, наиболее сохранившее свои сословные черты и замкнутость по отношению к остальному населению.

Это обстоятельство и менее благоприятные природные условия для ведения хозяйства, по сравнению напр. с Кубанью, делали терца худшим и менее рачительным земледельцем, чем свои „старшие братья“.

„Первое время своей жизни на Тереке казакам мало приходилось думать о сельско-хозяйственных занятиях. Будучи притесняемы (?!) со стороны горцев, они сами старались больше существовать за их счет, уводя от последних скот и забирая их жизненные припасы, которые собирали они со своих полей“ — пишет П. Востиков, давший описание Наурской станицы.[1]

Эта картина, общая для всего казачества, не сохранилось в полной неприкосновенности к XX в., но все же вплоть до революции казаки не обрабатывали значительную часть своих участков, сдавая в аренду иногородним и горцам от 25 до 35% всей площади станичных земель.

Точные данные о распространении арендного пользования землями, сдававшимися только станичными обществами, за XX в. дают такую картину:[2]

Годы	Арендная площадь	Проц. отнош. к общ. площ. станичн. земли	Сумма арендной платы	Средняя плата за десятину
1901	617.564	35,5	300.659	48 к.
1905	392.258	22,5	416.393	1 р. 06 к.
1910	420.266	24,2	696.586	1 р. 66 к.
1915	373.165	21,4	936.391	2 р. 50 к.

Эти данные, свидетельствуя о большом распространении арендных отношений, показывают с одной стороны беспрерывный рост платы, а с другой—сокращение сдаваемой площади с 35% в 1901 г. до 21,4% в 1915 году.

И тот и другой процесс иллюстрируют укрепление экономической зависимости от казаков других групп населения, что, конечно,

[1] Цит. по работе Терск. Окр. Планов. Комис. „Терск. округ“, п. I, 1927 г., стр. 82. Кстати в оправдание казачества стоит заметить, что их расселение, преследуя исключительно военно-стратегические цели, сильно затрудняло возможности плодотворной хозяйственной деятельности. Самодержавие своим планом не только разрушало горскую материальную культуру, но и ставило казачество в условия, которые еще больше способствовали развитию экономического хищничества в крае.

[2] Там же, стр. 95.

не могло сглаживать сословно-национальных противоречий. С другой стороны, освещенное нами бегло положение терцев приводило к тому, что процесс капитализации сельского хозяйства, неуклонно развертывавшийся, и в разбираемой нами области затрагивал здешнее казачество меньше, чем донское и кубанское, вследствие чего разложение его на основе классовой диференциации имело меньшее место вплоть до революции, чем в других войсках.

Именно результатом и этого обстоятельства являлась большая затяжка на Тереке процесса раскола казачества в революции, но зато (нет худа без добра), когда наметился перелом в настроении, то он здесь носил более массовый характер. Таким образом, мы должны констатировать, что экономическая зависимость от казачества и горцев и иногородних зиждилась на привилегированном землеобеспечении первых, использовавших свое преимущество путем установления кабальных арендных отношений.

Аренда, как форма колониальной эксплоатации, была наиболее ярким и бросающимся в глаза фактом, свидетельствовавшим о сохранении сословных преимуществ казаков до самой революции, ибо положение арендовавших слоев ухудшалось еще тем, что казаки — плохие хозяева, очень часто землю сдавали через особый слой „кровопийцев-мироедов", скупщиков-кулаков. Этот тип был распространен не только в Ставрополье, но и здесь, и он-то еще больше завинчивал пресс торгово-капиталистической эксплоатации горцев. Вот факт, показывающий эту систему двойной аренды, относящийся к периоду первой русской революции:

„В ст. Осинской под давлением кулаков-скупщиков казаки постановили не сдавать землю ингушам, а сдать русским. Такими русскими явились сами кулаки, которые, заарендовав землю что-то по 4 — 6 руб., передали ее молоканам по 10 руб. за десятину, а эти, в свою очередь, запросили с ингушей по 15 руб. Ингушам, лишенным земли, грозила смерть. Между ними и молоканами произошло столкновение, несколько молокан было ранено и убито, в результате — на ингушей был наложен штараф в несколько десятков тысяч рублей"...[1]

В данном факте бросается в глаза та экономическая основа, на которой все время зиждилась и не угасала национальная ненависть, та знаменитая „туземно-казачья распря", корни которой царские бюрократы и писатели-чиновники старались видеть в некультурности и грабительских инстинктах горских племен. Из-за кабальнейших условий сдачи земли в аренду, без которой ингуши не могли существовать, произошло кровавое столкновение, вызвавшее штраф, который, конечно, еще больше разжигал вражду и страсти.

---

[1] Цаликов. „Кавказ и Поволжье", стр. 92. Яков Абрамов писал: „Суммы, выплачиваемые туземцами в силу круговой ответственности, превосходят во много раз всякие подати и налоги, платимые населением. Круговая ответственность положительно разоряет туземцев" („Дело" 1884 г. № 1, стр. 95). В силу этой круговой ответственности за отдельные случаи убийств и грабежей русских выплачивали штрафы аулы в целом.

Недаром ингуши писали в петиции в 1-ю Госуд. Думу следующее:[1]

„В настоящее время $^2/_3$ наших земель, насильственно оторванных, перешли в руки казаков, и мы, ингуши, доведены до того состояния, что для того, чтобы жить, должны арендовать землю у тех же казаков. В среднем ингушское племя платит ежегодно казакам слишком 300.000 руб. арендной платы. Эго не что иное, как налог в пользу казаков, налог тем более возмутительный, что мы, ингуши, платим его за пользование землей, принадлежащей нам тысячелетиями. Но, к нашему несчастью, казаки не довольствуются этим. Они повидимому окончательно решили истребить наше племя и выжить его. Казаки пользуются всяким случаем, чтобы придраться к нам, взыскивать штрафы, убивать, а областной начальник, будучи в то же время атаманом Терского казачьего войска, не только ничего не предпринимает против них, но поощрял их в этом направлении“...

Этот документ — неопровержимый аргумент против обвинения горцев в природной склонности к грабежу, что осмелился утверждать образованный генерал, вождь южно-русской контр-революции, Деникин в своих „Очерках русской смуты“, являющихся, с позволения сказать, обобщением опыта гражданской войны 1918-20 г.: „Моральный его (ингушского народа. И. Б.) облик определен был давно уже учебниками географии: „главный род занятий — скотоводство и грабежи...“ Последнее занятие здесь достигло особенного исскусства. Политические стремления исходили из той же тенденции“.[2]

В лице Деникина колонизаторская психология полукрепостнического самодержавия дожила до наших дней,— она была вскормлена столетиями господства „военно-феодального империализма“ в России. Злую шутку сыграл этот „империализм“ с казачеством, этим орудием колониальной политики царизма. Оно в первую очередь должно было расплачиваться за „пагубную идею руссификации Края“, как назвали суть этой политики ингуши в свой петиции.

Если взять другую часть русских, которые „нас вытеснили с плоскости“ (из горской песни) — иногородних земледельцев, то нужно констатировать, что они не играли в Терской области в целом такой роли, как на Дону и Кубани, ибо и по численности и по экономической роли они здесь имели гораздо меньший удельный вес.

Переселенческий поток „вольной“ колонизации, устремившийся на Терек гораздо позже, не достиг здесь такой мощности, как в соседних областях и губерниях. До 70-х г.г. иногородним не разрешалось селиться на казачьих землях, которые находились

---

[1] „1905 год на Сев. Кавказе“. Сборннк материалов и документов. Секавкнига. 1926 г., стр. 309.

[2] „Очерки Русской Смуты“ т. 4. Берлин, 1925 г., стр. 97.

в общинном владении. „Никакая часть земли и никакие угодья, в черте станичного юрта заключающиеся, не могут выходить из владения станичного общества в чью-либо личную собственность“— гласил закон 1869 г., определявший порядок землепользования.

Вследствие этого до 70-х годов переселенцы крестьяне были представлены здесь в небольшом количестве и занимались земледелием только на арендованной земле, или же батричили и шли на работу в города.

К 70 м годам относится разрешение помещикам и офицерству распоряжаться своими имениями и участками на началах частной собственности, а также предоставление прав неказачьему населению покупать в собственность усадебные места у казачества. С этого времени переселенческая волна, обусловившаяся характером развития пореформенного хозяйства России, начинает усиливаться, особенно высоко заметнувшись в период 1897—1902 г., когда в год переселялось от 200 до 800 семей, вместо 229 семейств, как максимальной цифры в год за предыдущие два десятилетия.

В 1902 г. крестьяне-переселенцы составляли 6,4% земледельческого населения всей области при 23,2% казаков и 70% горцев,[1] а в 1912 г. из 1.235.223 ж. на крестьянство падало 183.757, или около 15%[2] всего населения области.

Следующие цифры дают представление о соотношении войскового и невойскового населения на Тереке (без городов), в период между двумя революциями:

Годы	Войсковое		Невойсковое		Всего
	Абсолютные	В %%	Абсолютные	В %%	
1905	206.021	66	108.068	34	314.089
1911	229.620	64	129.635	36	359.255
1916 . . .	255.068	62,5	152.711	37,5	407.779

Эти данные относятся к 4 казачьим отделам, между которыми мы имеем следующую разницу в соотношении интересующих нас групп в процентах на 1916 г.:

	Войсковое	Невойсковое
Кизлярский	48	52
Пятигорский.	58,5	41,5
Моздокский	68	32
Сунженский.	86,5	13,5[3]

---

[1] Л. Успенский. К вопросу об аграрном движении в Осетии в 1905 году. Владикавказ, 1928 г., стр. 1.

[2] Терский календарь на 1914 г., стр. 10. Данные о сословном составе населения Терской области.

[3] „Терский округ“, ч. I, стр. 35.

Как видим, больше всего иногородних было в Кизлярском и Пятигорском отделах, что соответствующим образом отразилось на политической географии Терской революции в 1917—18 г.г.

В целом по области приток иногородних неуклонно увеличивался и удельный вес казачества падал.

И хотя иногородние на Тереке вплоть до революции были меньше численно представлены, чем на Кубани и на Дону, но процесс развертывался в направлении все большего закручивания противоречий между казачеством и ими. Положение массы иногородних крестьян здесь было еще хуже, чем в соседних областях, так как они находились между двух огней — казачеством и горцами, в огромной массе землей обеспечены не были и являлись или мелкими арендаторами, или батраками.

Приведенные выше цифры о сдаче в аренду земель только станичными обществами (без отдельных хозяйств) показали нам чрезвычайно большой рост арендной платы за десятину — с 47 коп. в 1901 г. до 2 р. 50 к. в 1915 г.— и значительное неуклонное сокращение арендной площади, в то время, как количество иногородних все увеличивалось.

Следовательно, этот основной показатель дает нам картину все ухудшавшегося положения иногородних-земледельцев, так как аренда являлась для них основным средством жизни. С другой стороны, этот же процесс повышения арендной платы и уменьшения арендной площади увеличивал противоречие не только между казачеством и иногородними, но и между последними и горцами, ибо эти группы, являясь конкурентами на аренду земель, естественно сталкивались лбами друг с другом и в этой области экономических отношений.

Перейдем теперь к характеристике положения аграрного вопроса у горских народов, представлявших вместе с степняками пеструю мозаику племен и наречий.

Вот численное соотношение этих племен на 1913 год:

	Чеченцы	245.538
	Осетины	139.784
	Кабардинцы	101.189
	Ингуши	56.367
	Кумыки	34 242
Степняки	Ногайцы	35.152
	Калмыки	1.792

Представляя из себя большую половину всего населения области (из 1.135.223 ж. в 1913 г. на горцев—„туземцев сельского сословия“—падало 636.013, а если изъять городское население, то на горские округа приходилось — 647.811 ч., а на казачьи отделы — 379.511 чел.), они владели даже в абсолютной цифре меньшим количеством земли, чем русское население: в 1913 г. казачьи отделы имели 3.519.783 дес., а городские округа — 3.065.829 дес., не говоря уже о качестве ее и степени пригодности для ведения хозяйства.

Согнанные в своем большинстве с плоскости в горы, туземные племена попали в такие условия, которые совершенно не обеспечивали им возможности даже прожиточного минимума. Вся разница в землеобеспеченности между горцами и казачеством выступает перед нами, когда мы сравним суммарные цифры приходившейся удобной земли на одну муж. душу в 1913 г.: в казачьих отделах—13,57 дес. и горских округах—6,05 дес. [1]. Картина становится еще мрачнее, если мы посмотрим обеспеченность землей внутри самих горских обществ, так как тогда перед нами вырисовывается во всей наготе то бедственное положение, в котором находились горцы нагорной полосы, даже по сравнению с плоскостниками-одноплеменниками. О горце недаром говорилось, что он на своем клочке земли „делает хлеб из камня“ и весь свой участок земли может поместить под буркой. В то время, как на плоскости в 1906 г. средний надел горца равнялся 5,5 дес. удобной земли, житель нагорной полосы имел на муж. душу в среднем 6,9 дес., составлявшейся из 0,8 дес. пахотной земли, 1,5 д. сенокосной и 4,1 дес. выгонной и пастбищной. Если принять во внимание, что десятина в горах в среднем дает урожай вдвое меньше, чем на равнине, то нужно сделать вывод, что „для такой же жизни, какую ведут плоскостные туземцы, жителям нагорной полосы необходимо бы добавить пахотной и плоскостной земли в два и три раза больше, чем они имеют ее в настоящее время... населению надо бы добавить на душу по 1,2 д. пахотной земли, по 3,6% покосной и соответствующее количество пастбищ и выгонов“. [2]

Приведем здесь сводную таблицу землеобеспеченности горцев из данной работы (стр. 177—178), которая дает представление по этому предмету о каждом племени в отдельности (см. стр. 23).

Эти данные не учитывают положения только карачаевцев, живших в нагорной полосе, в границах Кубанской области (34.975 ч. на 1908 г.). Но и там по материалам Абрамовской комиссии в основном было то же—„цифровые данные указывают, что в одном только селении пахотной земли, вместе с усадьбами, приходится на одну мужскую душу около $1^1/_2$ дес., в большинстве же селений—от 0,1 до 0,2 дес., а в одном пашен совсем нет... Собранного хлеба на месте с своих полей в трех селениях хватает не более, как от 1 до $2^1/_2$ м., в двух от 6 - 8 м.“ [3], только жители одного Джегутинского селения обеспечены хлебом. Не спасало от бедственного положения этот народ и главное занятие вообще всех горцев нагорной полосы— скотоводство, по причинам, которые мы разберем ниже.

В свете этих цифр мы не можем признать большим преувеличением следующий вывод горского публициста Г. Цаголова: „на каждые пять душ наличного населения мужского пола за убогим

---

[1] Терский календарь на 1914 год, стр. 8—9, 19.

[2] Терский сборник, вып. 7. И. С. Иваненков. Горные чеченцы. Владикавказ, 1910 г., стр. 180—181.

[3] „Труды ком. по исслед. совр. пол. земл. и землевлад. Карач. народа Кубанской обл.“. Владикавказ, 1908 г., стр. 167.

Туземные племена, наделенные на плоскости землею в конце 60-х годов	Земли, удобной для всякого хозяйства на душу м. пола 1906 г.	Ближайшие к ним племена Нагорной полосы, землеустройство которых ныне рассматривается	Земли, годной не для всякого хозяйства на душу 1906 г.	В том числе в процентном отношении				В ведении упр. Госуд. имущ. состоит	Неудобной земли причитается на душу
				Пахотной	Сенокосной	Выгонной и пастбищной	Виноградники и леса		
Кумыки . . .	7,6	Лезгины (Салатовское общество)	3,8	18,4	20,3	59,7	Виноградн. 1,1% и 0,5% леса	15.774 или 28,1%	0,5 д.
Чеченцы . . .		Чеченцы восточной части и Ауховское общество	3,0	41,0	27,3	31,7	Нет	187.247 или 43,1%	0,6 „
		Чеченцы западной части .	7,5	10,0	30,7	59,3	Нет		
Ингуши . . .	4,3	Ингуши .	5,8	5,8	18,8	75,4	Нет	22.796	3,4 „
Осетины . . .	4,5	Осетины (без владельческих участков) .	6,5	6,7	22,3	62,0	Лес 9,0%	102.949 или 38,9%	4,9 „
Кабардинцы .	12,2	Тюрки или пять горских обществ (без владельческих участков)	17,5	1,4	27,3	56,6	Лес 14,7%	Нет	13,7 „
Средние величины для всех площадей	5,5	Средние величины для всей нагорной полосы.	6,9	10,8	22,6	59,4	7,2	328.166 или 41,4%	

столом природы имеется прибор только для одного человека, а остальные четыре должны встать из-за стола. Другими словами, в нагорной полосе земли хватает только для одной пятой части населения, а остальные 80% являются лишними ртами". [1]

Такова общая картина обеспеченности землей горцев, в то время, как у казаков в 1906 г. была удобная для обработки избыточная земля на каждую мужскую душу, при рабочей норме в 11 дес., в среднем 2,4 дес. [2]

Конечно, приведенные данные рисуют суммарную картину, из которой мы видели основное различие внутри самих горцев, между нагорниками и плоскостниками. Если взять отдельные народы и посмотреть их положение, сравнительно друг к другу, то и здесь будет значительная градация, причем на флангах окажутся кабардинцы, находившиеся в самых благоприятных условиях, и чеченцы с ингушами, наиболее обездоленные хищничеством царизма. Примите во внимание, что в ведении казны находилось 41,4% земель нагорной полосы и часть земель была роздана в частную собственность горским привилегированным сословиям—и вы поймете всю тяжесть того положения, в которое были загнаны туземцы Северного Кавказа.

При создавшихся условиях совершенно ясно, что горцы не могли жить без аренды земли, которая, как мы уже указывали, была очень распространена на Тереке.

Общеизвестно то явление, что горское скотоводство и овцеводство с конца XIX в. постепенно падало,—„уже при сплошном обследовании в конце 1889 г. оказалось, что из 4.320 хозяев нагорной полосы (Осетии—И. Б.) вовсе не имели овец 1.009 хозяев, т.-е. 24%. Затем число таких хозяйств все увеличивается и спустя 30 лет оно достигает 44%. [3]

И земледелие, и скотоводство горцев упиралось в аренду земель, за которую в 1912 г. они уплачивали: Кабарда 54.570 руб., осетины—230.628 р., ингуши—49.943 р., чеченцы—400.000 р., салатавцы—30.938 р. Осетинское сел. Ардон в 1863 г. уплатило ст. Зеленской за аренду 352 р., а в 1895 г. более 1122 руб.; арендная плата в конце XIX в. за десятину земли под пшеницу выражалась в 4-7 р., а в 1910 г.—20-35 руб. При таких условиях и скотоводство, требующее больших земельных просторов, должно было падать.

„Скотоводство, процветавшее прежде в Карачае, значительно уменьшилось в настоящее время и на развитие его кроме факторов, действующих случайно—всевозможные заболевания и бескормица,—несомненно решающее значение имел недостаток в земле и

---

[1] Ах. Цаликов „Кавказ и Поволжье", стр. 42. Недаром в то время, как все население Сев. Кавказа с 1886 г. по 1897 г. возросло с 2.600 т. до 3.725 т., т.-е. на 44%, туземное население не увеличилось (там же, стр. 45).

[2] Иваненков, цит. соч., стр. 167.

[3] Стат. Рклицкого „Главные моменты в экон. Сев. Осетии". Жур. „Известия осетин. инст. краев.", в. II, 1926 г., стр. 192.

отсутствие арендных земель“; в 1908 г. карачаевцы расходовали „на покупку хлеба 503.533 руб. и на аренду земель 791.781 р., а весь расход определится в сумме 1.295.314 р. Такая колоссальная сумма, ежегодно затрачиваемая населением для удовлетворения продовольственных потребностей и на кормовые средства для скота, свидетельствует, насколько обострилась нужда в земле“—такой вывод сделала Абрамовская комиссия в своих „Трудах“.[1]

Мы просим читателя сейчас вспомнить про инцидент ингушей с казаками 1906 г.—петиция в Гос. Думу характеризует положение не только этого маленького народа.

Вот на каком экономическом корне развернулось в 1905—06 г.г. рев.-освободительное движение горцев, напугавшее царских бюрократов настолько, что они, наконец, решили форсировать разрешение аграрного вопроса.

В докладе командующему войсками нач. окр. штаба ген. Белявский писал в 1905 г.: „Вопрос о поземельном устройстве жителей нагорной полосы, занимающей около 1/3 Терской области, настолько уже назрел, а увеличивающиеся с каждым годом земельные недоразумения между населением достигли таких пределов, что всякое промедление в разрешении этого вопроса представляется более, чем нежелательным“. В результате была учреждена неоднократно уже упоминавшаяся нами Абрамовская комиссия, итоги работы которой выразились только в выпуске „трудов“. Так до самой революции землеустройство горцев и не было урегулировано. Царила неразбериха, запутанность, бесконечные земельные споры, произвол и хищничество бюрократов, и все это наконец „регулировалось“ внедрявшимся капитализмом настолько стройно, что переплетавшиеся элементы сословно-феодальной и капиталистической эксплоатации, чем дальше, тем все больше и больше сжимали хозяйство горца в железные тиски, вырваться из которых возможно было только путем революционного взрыва. Процесс внедрения капитализма на Кавказе был именно связан с развертыванием колониальной эксплоатации его по тому пути, ленинская характеристика которого была нами приведена выше. Этот путь означал не радикальную ломку старых отношений, а их постепенное, очень медленное и болезненное изживание и приспособление к новым условиям. Не развитие местной промышленности, а уничтожение ее (кустарной) и превращение Терека в район для сбыта фабрикатов Российской промышленности и высасывания из него сырья, путем торгово-капиталистической эксплоатации—вот генеральная линия, от которой конечно были отклонения, и чем ближе к революции, тем больше, но в основном она осталась генеральной до самой революции.

Насколько сильны были на Тереке вплоть до революции социальные отношения, имевшие своей базой распределение земли на основе не капиталистической, а сословно-феодальной собственно-

[1] Стр. 29—32.

сти, свидетельствуют данные о формах землепользования накануне революции в пределах теперешнего Терского округа, т.-е. в быв. казачьих отделах Терской области и части Ставропольской губ.: земли трудового пользования составляли 70,4%, из которых хутора и отруба имели 10,1%, остальные 89,9% — общего пользования; земли нетрудового пользования — 29,6%, из которых казенные — 51,5%, частно-владельческие — 34,7%, дополнит. наделы 13,8%.[1] В горских округах процент частно-владельческой земли был еще меньше, казенной еще больше (41,4% всей земли нагорной полосы) и общинное пользование было основной формой владения в аулах и гор. селениях.

Развитие рыночных отношений с 70-х г.г. XIX века, означавших внедрение капитализма в сельское хозяйство в обстановке сохранения старой системы распределения земли, исторически сложившейся на базе колониального захвата и грабежа, породило здесь тот тип земельного ростовщика и скупщика-посредника, о котором мы упоминали, касаясь конфликта ингушей с казаками в 1906 г., и который являлся чрезвычайно показательным и ярким спутником капитализации этой колонии.

Хищнический торговый капитал получал наибольшие выгоды от укрепления связи с рынком хозяйства Терской области. Колоссальную роль в развитии этого процесса сыграло проведение Владикавказской ж. д., чрезвычайно облегчившей выкачку отсюда хлеба и др. сырья. Именно потребности рынка вызвали, напр., в сев. Осетии вытеснение посевов озимой пшеницы кукурузой. За 25 лет с 1886 г. по 1916 г.—посевы кукурузы с 9,6 т. д. достигают 36 т. д., „составляя 71% всех посевов и вытесняя посевы озимой пшеницы, занимавшей в начале 36% всей посевной площади, а потом сократившейся до 5%; в вывозе хлеба из сев. Осетии за 1913 и 1914 г.г. кукуруза составила 9,2 мил. пуд. из 9,4 м. пуд. всех хлебных грузов“.[2] Процесс укрепления связи с рынком может иллюстрироваться расширением посевной площади по всей области, означавшим вытеснение скотоводства зерновым хозяйством и расширение казачеством своих запашек: в 1877-91 г.г. — в среднем за год 213 тыс. дес; в 1898-1902 г.г.— 475 тыс. дес.; в 1913-1914 г.г.—991 тыс. дес.

На Тереке этот процесс не сопровождался таким размахом машинизации, как в других областях Края, хотя в самую „рыночную“ часть области, вместе с южной частью Ставрополья, в теперешний Терский округ в 1912 г. было ввезено 33% всех машин, ввезенных через Новороссийск для всего Края.[3] Но зато рос спрос на рабочие руки, означавший усиление эксплоатации иногородних и

---

[1] „Терский округ“, стр. 97.

[2] Рклицкий „Глав. моменты в эконом. сев. Осетии“—жур. „Известия Осет. инстит. краев.“, в. II, стр. 186 и 188. Конечно, вытеснение кукурузой пшеницы связано и с большей приспособленностью ее к местным почвенным и климатическим условиям.

[3] „Терский округ“, г. I, стр. 87.

ухудшение положения горцев, которым труднее было арендовать землю. В периоды сбора урожаев на Тереке, особенно в казачьи отделы, устремлялся большой поток сельск.-хоз. рабочих с севера. Конечно, и на Тереке должен был появиться тип сел.-хоз. предпринимателя, приобретавшего землю в частную собственность. Он выростал, прежде всего, на казачьем дворянском землевладении, которое образовалось здесь в 70-х г.г., а в 1880 г.г. уже уплыло из дворянских рук в количестве 38,9% всей земли, отведенной им в частную собственность. Этот процент (38,140 д.) попал конечно в руки нарождавшейся здесь буржуазии, главным образом из известных уже нам „тавричан", которая представляла из себя уже социальный тип капиталистического землевладельца. Его деятельность углубляла классовое расслоение на селе и имела место, главным образом, в казачьих отделах, смежных со Ставропольем.

Но основным итогом процесса, усилившавшего классовую диференциацию сел.-хоз. населения, была массовая пролетаризация горского населения и нарождение упоминавшегося нами слоя сел.-хоз. буржуазии, процветавшей здесь.

„Над населением витал дух крупного скупщика-капиталиста. эксплоатировавшего все социальные группы сельского населения. Соц.-экономическая роль этого скупщика резко сказывалась в разнице цен. В отдельных местностях лучшая пшеница стоила 2 р. 50 к. за четверть, по этой цене крестьяне вынуждены были продавать свой хлеб скупщику-посреднику. Этот самый хлеб на станции ж. д. ценился до 8—10 руб. за четверть".[1]

Понятно, что две „фракции" этого количественно небольшого, но чрезвычайно цепкого слоя эксплоататоров — скупщик и земельный ростовщик — наиболее сильно „пили кровь" из горцев и иногородних.

Вот факты для иллюстрации. В Осетии из частного землевладения в 1915—17 г.г. отдельные лица владели 59% (из 47.052 д.), причем сами владельцы хозяйства не вели, а сдавали свои земли в аренду лицам, которые затем от себя переарендовывали ее мелкими участками, т.-е. играли роль посредников-спекулянтов. В Карачае „способ сдачи казенных земель в аренду отличается ненормальностью; так, казной сдаются земли не потребителям, а промышленникам, которые за более возвышенную цену передают ее от себя карачаевцам".[2]

Эта спекуляция отразилась и на насаждении здесь сел.-хоз. промышленности. „Предприятия по переработке сельско-хозяйственной продукции возникали здесь без всякой связи с земледелием. Заводы строились.. часто случайными людьми, преследовавшими только спекулятивную цель"...[3]

---

[1] Там же, стр. 92.
[2] „Труды", стр. 29.
[3] „Терский округ", ч. I, стр. 90.

Все это свидетельствует об одном: хотя капитализация Терека, развернув грозненскую нефтяную промышленность, приведя к зарождению фермерского типа хозяйств в северных казачьих отделах, конечно, усилила товарность сельского хозяйства и связала его с обще-русским и мировым рынком, но она не сопровождалась общим неуклонным подъемом производительных сил, так как и этот процесс получил здесь печать той хищнической эксплоатации, которая неизбежно вытекала из всей колониальной системы царизма, остававшегося до конца политической организацией двух социальных сил, находившихся в весьма давнем союзе: крупный земельный собственник-помещик и крупный купеческий капитал.

Эти силы эксплоатировали Северный Кавказ, взяв себе под руку горское дворянство и местную торговую и ростовщическую буржуазию. Нельзя сказать, чтобы горская буржуазия являлась совершенно послушным и безгласным дополнением к русским капиталистам и помещикам. Элементы оппозиционных настроений, окрашивавшихся националистическими чувствами, неизбежно выроставшими в условиях руссификаторской политики самодержавия и экономической конкуренции с „иностранцами-русскими", имелись и у горской буржуазии. Эти настроения, например, в Чечне, особенно должны были расти после 1905 г., когда в этой области определился значительный рост чеченского торгового капитала, сосредоточившего в своих руках значительную часть торговли в городе Грозном и начавшего даже пролезать в нефтяную промышленность; „нефтяная заявочная лихорадка 1911 г. охватила всю торговую буржуазию Чечни и тот или иной торговец, коряво делая подписи на векселях, все же отлично справлялся со сложными махинациями биржевых сделок и биржевой игры"...[1]

Эта молодая буржуазия вырастала на плечах туземного ростовщического капитала, имевшегося в той же Чечне еще в XIX веке и сращенного тогда с чеченским духовенством, крепко державшим в руках массы, путем цементирующего влияния мусульманской религии. Докладчик от духовной секции на пленуме Первого Горского съезда в мае 1917 г. Гасанов имел некоторое основание заявить с точки зрения политики туземной буржуазии и духовенства: „Оставаясь различными по языку, по темпераменту и характеру, горцы сливаются почти в одну нацию по бытовым воззрениям, традициям и обычаям, именно благодаря Исламу, который, таким образом, является для нас объединяющей и цементирующей наш союз силой".[2] Исламизм через Шариат держал массы под огромным идейным влиянием духовенства; шейхи и муллы занимались ростовщичеством и торговлей (например, шейх Шаптукаев был организатором общества „Старо-Юртовская нефть"; претендовавший на роль имама, приемника Шамиля, известный Нажмудин

---

[1] Ошаев „Очерк начала рев. движения в Чечне", стр. 9.

[2] Первый Горский съезд 1-го мая 1917 года (отчет). Составил Б. Долгат, стр. 88.

Гоцинский был крупным скотоводом), и горская буржуазия, будучи связана с духовенством, пыталась быть выразителем национально-освободительных стремлений горских племен по знаменем исламизма.

Эти националистические тенденции горская буржуазия связывала через Ислам с единоверной Турцией, которая противопоставлялась „гяурам"—русским. Во время мировой войны были случаи, когда некоторые чеченцы называли своих детей Германом, Австрием, Индарбеком (Энвер-Бей), что свидетельствовало об их турецкой ориентации. Но это туркофильство нельзя считать твердоустойчивым политическим настроением всех верхов горского общества. Даже в Чечне, где они были наиболее сильны, мы имеем значительные колебания в ориентации. В основном эта неопределенность объясняется экономической несамостоятельностью туземной буржуазии, не успевшей до революции вполне оформиться и в то же время стремившейся возглавить национально освободительное движение, которое ясно не могло итти под флагом союза с российской буржуазией. Очень ярко эта неопределенность демонстрировалась „Союзом горских народов", организованным после Февральской революции и поставившим в своей программе задачу тесной связи с „их родной Россией", о чем заявляли на 1-м горском съезде представители даже чеченской буржуазии, сменившей потом, когда российский пролетариат совершил Октябрьский переворот, эту ориентацию снова на мусульманскую Турцию и даже Англию. Словом, несмотря на все потуги возглавить национально-освободительное движение, горская буржуазия, даже в союзе с духовенством, не могла быть его гегемоном, ибо экономическая несамостоятельность и боязнь за потерю своих классовых позиций делала оппозицию верхов горского общества непоследовательной и в конце-концов „лойяльной" к буржуазно-помещичьей России. Моментом, еще больше усложнявшим переплет противоречий в бывшей Терской области, было внедрение сюда иностранного капитала, стремившегося подчинить себе все социальные силы, эксплоатировавшие горские массы. Как известно, он протягивал свою лапу и на Терек, участвуя в разработке Грозненских промыслов, серебро свинцовых предприятий и пр.[1]

Таков сложнейший переплет национальных, сословных и классовых противоречий в б. Терской области, перед войной и революцией, осложнявшийся еще здесь иноземными—турецким, английским—влияниями.

Из нашего самого беглого анализа соц.-экономических предпосылок революции на Тереке вытекает, что этот район является чрезвычайно интересным местом для конкретного изучения процесса соединения пролетарской революции с тем буржуазно-демократическим освободительным движением угнетенных народов,

[1] Этот процесс требует специального исследования под углом зрения изучения особенностей русского империализма и на Сев.-Кавказ. материале.

которое является колоссальной силы союзником и резервом социалистической революции в мировом масштабе.

Проблема смычки мирового города с мировой деревней была осуществлена в масштабе бывшей России Октябрьской революцией, и Терек явился одним из самых характерных районов, на территории которого этот союз воплотился в плоть и кровь.

Только учтя то обстоятельство, что революция на Тереке должна была уничтожить наиболее типичный участок господства „военно-феодального империализма“ России, должна была протекать в обстановке еще неизжитых родовых и феодальных отношений (вспомните власть Адата и Шариата!), в условиях большого разнообразия и между горскими племенами (отсталая Чечня с одной стороны, и наиболее развитая Осетия—с другой), что, наконец, она неизбежно сталкивалась здесь с перекрещивающимися влияниями Турции и Англии,—можно будет правильно понять сущность кровавого, пестрого и запутанного калейдоскопа событий 1917-18 г., в котором, по мнению идеологов белого движения, нельзя разобраться без привлечения старых песен о „мошеничестве“ и склонности к грабежу горцев.

Основным социальным содержанием этих событий было, конечно, буржуазно-демократическое освободительно-национальное движение горских трудящихся масс, которое в соединении с пролетарской революцией и под ее руководством должно было пройти ряд таких специфических „ступеней и переходов“, без которых пролетариат не мог здесь руководить национально-демократической революцией, сохраняя свою гегемонию.

ФЕВРАЛЬ НА ТЕРЕКЕ.

Февраль на Тереке. 111-й запасный полк. Спровоцированные иногородние. Первая ошибка грозненских рабочих. Февраль в горах. „Горские интересы“. Панисламизм. Горские съезды. Степные народы. Калмыки. Нагайцы. Кара-нагайцы. Туркмены. Юго-восточный союз народов.

Известие о Февральской революции во Владикавказе было получено 1-го марта, но умышленно задерживалось наказным атаманом, генералом Флейшером, и только 4-го марта общественность Владикавказа узнала о том, что произошел переворот.

5-го марта собрались представители различных организаций на совещание, где был создан Гражданский Комитет, к которому и перешло с этого времени управление городом. В Гражданском Комитете было представительство чиновничества, офицерства, буржуазии, духовенства и мещан, но не было, конечно, представителей рабочих и солдат. Словом, во Владикавказе, как и везде после свержения самодержавия, был создан „штатный“ Гражданский Комитет.

8-го марта организовался Владикавказский Совет Рабочих Депутатов из рабочих ж.-д. мастерских и Алагирского завода, окраинных крестьян, солдат и представителей политических партий соц.-рев., меньшевиков и большевиков. Председателем был избран эсер Гамалея, которому Е. Полякова дала такую характеристику в своем воспоминании: „хитрый, как лиса, он умел во-время ввернуть слово о земле и воле и был популярен среди солдат и мелких служащих. Рабочие же его не любили“.[1]

Гамалей скоро был заменен меньшевиком Скрипниковым, который проводил ту же политику. Соглашательская роль Совета может быть ясна из такого факта. В начале марта на нем обсуждался вопрос о 8-мичасовом рабочем дне и меньшевики с эсерами против большевиков провели такое постановление: „Не возражать в принципе, но на время войны считать преждевременным“.[2] Выделенная комиссия для проработки вопроса ничего не сделала. Фактом, характеризующим слабую организованность пролетариата после Февраля, является состояние профессионального движения. Самым устойчивым и мощным оказался Терский медицинский союз,

[1] Сборник „Владикавказ в Октябрьские дни“, издание Владикавказского Истпарта, стр. 30.

[2] Там же.

лицо которого видно из воззвания фельдшеров: „С нами Бог и лучшие представители народа, которые, не щадя своей жизни, готовы принести на алтарь светлого будущего все самое дорогое"; фельдшера постановляют послать своих представителей в „родной нам по труду" Совет Рабочих Депутатов.[1]

Эти-то слои служащих (медики, писаря, конторские служащие и пр.), оказавшиеся наиболее организованными, и были базой, на которой держались меньшевики в Совете. Большевики в это время только организовались, как фракция объединенной с.-д. организации, и хотя они начали вести самостоятельную работу среди рабочих, но, конечно, им еще совершенно не под силу было свергнуть Совет с меньшевистско-эсеровского пути.[2] Фактически ни Гражданский Комитет, ни Городская Дума, ни тем более Совет властью не были, а только играли в нее, представляя декоративные органы, за спиной которых орудовали верхи казачества. Созванный 18 мая Областной Съезд Гражданских Комитетов с представительством Совета Рабочих Депутатов декларировал, что верховной властью в области, вплоть до Учредительного Собрания, является Гражданский Комитет. Но от постановления до реального признания и осуществления—дистанция большого размера. Реально же признаваемой всеми власти в области не было. Единственным твердым органом было Временное Войсковое Правительство с Карауловым во главе, которое, стремясь выделить казачество, добивалось, на основе этого выделения, подчинения себе всей области. Пожалуй, именно на Тереке после Февраля мы имели наиболее открытую консервативную политику казачьих верхов; здесь еще ярче, чем в других областях Края, казачество выдвинулось фактическим хозяином, отодвинувшим на „галерку" мелкую буржуазию и в „амфитеатр" буржуазию.

Организация Терского казачества, так же, как и Донского и Кубанского, началась с созыва Войскового Круга, который открылся во Владикавказе 14-го марта. Из Москвы к этому моменту приехал член Государственной Думы от Терской области—октябрист Караулов в качестве представителя Временного Правительства. Казак Караулов быстро занял положение вождя и крепко взял власть в свои руки, будучи избранным Кругом атаманом Терской области. Временное Войсковое Правительство было в его руках. Началась политика принесения в жертву казачьим интересам двух третей всего населения области — горцев и иногородних.

Аграрный вопрос был основным вопросом на Тереке. От того или иного его разрешения в первую очередь зависело направление и ход классовой борьбы после Февраля. Своей политикой Караулов пытался объединить интересы казачьего дворянства, кулаче-

---

[1] В. Проскуров. Как строились Владикавказские профсоюзы. Сб. „Владикавказ в Октябрьские дни", стр. 43.

[2] В Грозном, где большевики были сильнее, и 1-м пред. Совета был избран большевик Анисимов, Совет на деле тоже все-таки находился в руках соглашателей.

ства, горских князей и буржуазии. Различные народы Терской области за все это время натравливаются друг на друга и тем отвлекаются от „чистой" работы Караулова. Втравливая мелкие национальности в войну друг с другом, реакционные силы пытались спасти свое положение, сохранить за собой все привиллегии и материальные блага, в виде поместий и т. д. и т. д. Казачьи верховоды и кулаки старались всячески доказать свое исключительное право на землю и, уж понятно, „историческое" право было на первом месте. Вот как позже формулировало казачество Пятигорского отдела это знаменитое „историческое" право:

> „...300 лет существует Терское войско, оно потом и кровью отвоевывало каждую пядь земли. Когда здесь были глухие дебри, непроходимые леса и безбрежные степи, не было охотников на землю. Когда жизнь стала жизнью, казаки воспользовались землей и земля стала плодородной, то и охотников на нее находится много..."[1]

Караулов за весь период своей работы на Тереке то и дело прибегал к провокациям, вооружал попеременно то одну народность, то другую и стравливал их между собой. Он справедливо заслужил глубочайшую ненависть всех народов Терской области и был убит солдатами Уфимской дружины на станции Прохладная 13 (26) декабря 1917 года, когда возвращался из Кисловодска.

Как и везде отголоски июльских дней на Тереке послужили толчком к решительному наступлению реакции. Мы уже указывали, что большевики с весны работали в объединенной с.-д. организации,[2] т.-к. были слишком малочисленны. Активность большевиков во Владикавказе стала возрастать с мая, когда их группа пополнилась такими крупными силами, как возвратившимся из эмиграции Ноем Буачидзе—будущим председателем Терского Совнаркома, Мамия Орахелашвили, Марией Орахелашвили и др. В своих воспоминаниях владикавказские большевики отмечают то огромное значение, которое сыграли эти товарищи в усилении большевистского влияния среди рабочих: „Мамия, Мария Платоновна и Ной среди рабочих пользовались необычайным доверием и любовью. К Ною Буачидзе, больному туберкулезом, рабочие относились особенно бережно и чутко. На одном собрании, как только появился на трибуне Буачидзе, рабочие быстро, как по команде, затушили папиросы и кто-то открыл окно. На собраниях рабочих проходили наши резолюции".[3]

Большевики начали активно выступать и в Совете. 21-го мая они внесли протест против ограничения свободы собраний, введенного Гражданским Комитетом, и добились протеста Совета РСД

[1] Резолюция казачьей фракции на Пятигорском съезде 28 февраля 1919 г. С.-К. Истпарт.

[2] После Февраля только в Кисловодске большевики были организованы самостоятельно Юрием Фигатнером—крупным работником будущей Терской Советской Республики. Затем раньше всех из объединенной организации ушли грозненские большевики.

[3] Там же, стр. 32.

против постановления Войскового Круга, проведенного Карауловым, о введении смертной казни в Терской области „бандитам“ и телеграммы Временному Правительству об отзыве Караулова за самоуправство. Временное Правительство вместо Караулова назначило комиссаром полковника Михайлова.

Такое усиление влияния большевиков не могло, конечно, не вызывать обратной активности реакционных слоев. И июльское выступление большевиков в центре было использовано на Тереке дворянством, духовенством и буржуазией для огромной травли большевиков. Повелась энергичная агитация среди казачества за вооружение и приведение всего его в боевой вид, т. к. Владикавказские большевики призывали, мол, грабить станицы и вооружать ингушей, среди которых в то же время пускались слухи, что большевики — шайтаны. Такой гнусный характер агитации толкнул даже меньшевиков выступить за июльские события. Вот что пишет об этом тогдашний активный владикавказский большевик:

> „...даже такие меньшевики, как Симон Такоев, Элердов и пр. представители более правого крыла, в июльские дни знали, что реакция Терской области идет не только против большевиков. Этим объясняются и выступления на митингах Георгия Мамулянца с защитой июльских событий и разъезд других с.-д с нами по области.
>
> Приходилось успокаивать темные массы горцев и буквально демонстрировать перед ними „живого“ большевика“...[1]

5-го августа снова собрался Терский Войсковой Круг. Его работа пошла под знаком недавних июльских событий в центре. Это определило и программу, и основную линию работ Круга. Он ввел в области военно-революционные суды, утвердил смертную казнь как на фронте, так и в тылу, и увеличил полномочия и права атамана Терской области, в части административного управления.

Это как-раз те мероприятия, которых все время добивались стоящие у власти казачье дворянство и буржуазия для разгрома сил нароставшей революции.

Как указывалось в начале данной главы, в Терской области было по существу только три города, где имелись промышленные предприятия, а следовательно и рабочий класс, — Пятигорск, Владикавказ и Грозный. Как Пятигорск, так и Владикавказ, имели небольшое количество рабочих и не представляли особой опасности для Войскового Правительства, зато Грозный, где на нефтяных промыслах работали десятки тысяч пролетариев, был таким центром, какого казачьи руководители боялись, как огня, и вопрос о том, как обессилить этот пролетарский центр, обезопасить себя от него, стал одной из наиболее жгучих проблем дворянско-буржуазной политики новой власти. В отношении рабочих Грозного в течение всего 1917 года Войсковым Правительством проводится одна провокация за другой.

[1] Там же, стр. 34.

Так как царское правительство гораздо больше боялось революционного движения внутри страны, чем даже поражения на фронте, то оно в пунктах, где сосредоточен был пролетариат, держало большие воинские гарнизоны. Обыкновенно в местах скопления рабочих стояли так называемые запасные воинские части. После Февраля оказалось, что это палка о двух концах, ибо как-раз в пролетарских районах солдатские части легче поддавались большевистской обработке. В Грозном стоял большой воинский гарнизон—21-й полк, 252-я Самарская дружина, 111-й запасный полк и др., назначение которых было формировать и посылать маршовые роты на пополнение фронтовых кавказских частей. После Февральского переворота солдаты грозненского гарнизона подверглись сильной обработке со стороны большевиков, так что в течение весны и лета 1917 года Грозный, как центр вооруженной революционной силы, представлял немалую угрозу для Терского правительства. Грозненский гарнизон был одним из первых крупных воинских гарнизонов, большевизированных на Кавказе вообще.[1] Для правительства Терской, области, в лице Караулова, Грозненский гарнизон стал постоянной занозой, мешавшей проводить необходимую политику стравливания народностей между собой, политику разрома грозненского пролетариата. Ведь это в Грозном еще до июльских дней большевики уже играли первую скрипку в Совете и уже в июне месяце была организована „дружина безопасности“— зачаток Красной гвардии. И вот, свою политику реакции после июльских дней Терская контр-революция применяет, прежде всего, по отношению к Грозному. 17 (4) августа отряд казаков под командой есаула Медянника разгоняет Исполнительный Комитет Совета и начинаются гонения на большевистскую организацию, рабочие большевики увольняются и сгоняются с квартир и т. д. Многие товарищи не выдержали и начали выходить из партии.[2] Среди рабочих пускаются слухи о начале национальной войны, о возможности взятия города горцами и резни русских. Одновременно открывается „поход“ на опасный гарнизон, внимание сосредоточивается на 21-м пехотном полку, который был в это время наиболее большевистски настроен. Полку было предложено отправиться на фронт и после его отказа ночью полк окружают казаки и разоружают. Полк расформировывается. В это же время в Грозный вводятся части дикой дивизии (одновременно они сосредоточиваются во Владикавказе и Пятигорске), которая после неудачи корниловской авантюры была направлена в Терскую область по просьбе горского национального комитета и о которой Краснов говорил: ...„Туземцам все равно, куда итти и кого резать“.[3] Части дикой дивизии заняли, главным образом, нефтяные

---

[1] Следует отметить, что внимание грозненских большевиков к работе в гарнизоне было настолько велико, что они из-за этого вели недостаточно интенсивную работу среди пролетариата, что потом сыграло свою отрицательную роль.

[2] Газета „Советский Юг“ 1923 года, № 571. Воспом. Конисиани.

[3] В. Владимир.—„Контр-революция в 1917 г.“, стр. 136.

промыслы и принялись за разоружение рабочих. Так был нанесен первый удар пролетарской цитадели—Терской области, который уже значительно обессилил грозненский центр, но, как увидим дальше, не уничтожил его революционного значения. Потребуются еще „повторные операции контр-революционеров, аналогичные описанной сейчас нами, но и они не уничтожат революционного очага.

Иногороднее крестьянское население Терской области также довольно часто попадалось на удочку „универсальных“ провокаций Казачьего Правительства. Иногородние вместе с казаками, участвуя в первое время в походах карательных экспедиций в горские аулы, вместе с ними уничтожали горское население. Зато, как только в недрах иногородних поднимался вопрос о наделении их землей, так сейчас же казачество превращалось из соратников во врага. О том, чтобы поступиться землей в пользу иногородних, казачество и слушать не хотело. Иногороднее население, особенно солдаты-фронтовики, казаками обезоруживалось. К осени 1917 г. иногородние начали понимать, что им не по дороге с казачеством, что им надо воевать не с горцами-бедняками, а с казачьей верхушкой: дворянами и кулаками, да с горской буржуазией. Солдаты-фронтовики, прижимаемые на местах казаками, начали бежать со своим оружием в ближайшие города, стали поступать в отряды Красной Гвардии, которая в течение времени все более и более втягивалась в борьбу с отрядами белого движения.

После февральской революции земельный вопрос стал определяющим моментом национальной политики любого правительства Терской области.

Власть фактически сосредоточилась в руках терского дворянства и горских богатеев. Горская буржуазия быстро нашла общий язык с казачьей контр-революцией и, конечно, интересы рядового горского населения своего разрешения не находили. На многочисленных съездах и чисто-горских,[1] и совместных с казаками, про-

---

[1] Апрель 1917 г. Съезд чеченцев в гор. Грозном (до 10 т. чел.), руковод. принадлежало буржуазии — Чермоев, Мутушев и др. Повестка: установление шариата, борьба с анархией, признание Врем. Правительства, выб. дел. на Съезд объед. горц. Выделен чеченский национальный Совет.

Май (1) 1917 г. Съезд Союза объединенных горцев Сев. Кавказа.

Повестка: Текущий момент, земельный вопрос, борьба с анархией и установление твердой власти, вопросы религии (большая ссора шейхов — Гайсумова и Гоцинского).

Июнь 1917 г. Съезд горцев у озера Эйзен-Аль (20 т. ч.) Крупная ссора за пост Муфтия у духовенства Дагестанского, во главе с Н. Гоцинским, с духовенством Чечни, во главе с Д. Арсановым, Гайсумовым и др.

Сентябрь (14) 1917 г. Съезд горцев во Владикавказе по вопросам о демократической Горской Республике, о прекращении анархии и пр. В силу военных обстоятельств съезд был прерван.

Декабрь 1917 г. Объединенный съезд казаков и чечен в ст. Червленной, по установлению мира.

Январь (15) 1918 г. Съезд чеченцев в селении Урус-Мартане; организован Меджилис (Совет) с пребыв. в селе Старые Ахтачи.

Позже Меджилис раскололся на две части: Атагинский Народный Совет — реакционная, Гойтинский Народный Совет — прогрессивная.

водившихся и в масштабе Терской области, и по отдельным округам, почти всегда поднимался земельный вопрос. Население ждало разрешения этого вопроса, но шло время, а положение оставалось по старому. Когда горские народы устали ожидать, когда они изверились в том, что получат землю, они начали думать о силе оружия и здесь-то они снова легко ловились на провокацию казачьих заправил и горской буржуазии, действовавших заодно. Особенно следует отметить три провакационных акта, за которые горские народы заплатили большими жертвами:

Первый — убийство казаками шейха Дени Арсанова 27 декабря 1918 года.

Второй — „война на Сунже" в январе 1918 года.

И третий — наступление ингушей под командой Гойгова на Владикавказ.

Горские народы, жившие в своей значительной части еще в тисках родового уклада, опутанные шариатом и адатами, находились в руках княжеских и прочих знатных родов, духовенства и горской буржуазии. Чечню с февральской революции в свои руки забрали торговцы и муллы. Кабардинский народ попал в руки князей и дворян, которые под флагом самоопределения натравливали его на соседние национальности. Во главе кабардинской знати стояли: Коцев, Чижоков, Наурузов, Атажукин и др. богачи. В Карачае с Февральской революцией начал функционировать национальный мусульманский комитет Карачая, под главенством эфенди Ханзат-Хаджи Урусова. В Осетии к власти потянулись бадилята (князья) Мистулов, Кибиров, Хабаев и др. В Ингушетии у власти стали генералы и офицеры во главе с Джабагиевым. Вот какой букет из князей и генералов стал во главе „освобождения" горцев.

Это и естественно, так как у горских народностей еще сильны были остатки родового строя, а во главе родов стояли обыкновенно знатные фамилии князей и дворян. Сразу к власти простой трудовой народ притти после Февральской революции не мог. Нужна была новая революция, чтобы положение изменилось, а пока... князья и торговая буржуазия проводили узкую политику своего классового самоохранения за счет интересов своих народов.

После Февраля два наиболее крупные горские съезды прошли в мае и сентябре.

Первый съезд горских народов собрался во Владикавказе 1-го мая 1917 года.

Уже на нем горская буржуазия успела показать весь свой „ассортимент" методов одурачивания своих народов, в основе которых лежала игра на религиозных предрассудках. Нужно отвлечь внимание трудящихся горцев сразу же от вопросов социального порядка и тогда господство над массами обеспечено. Эта линия ярко демонстрировалась в речи представителя закавказских мусульман, доктора Агаева:

...„Братья мусульмане, наконец то заговорил властно и тот могучий сфинкс, которому имя — Ислам. Этот многим казавшийся загадочным мир Ислама,

призванный высказаться по вопросам текущих событий, с честью выполнил громадную задачу национально-политических идеалов и Киргизии, и Крыма и Кавказа. Горячо призываю Вас к интенсивной и плодотворной работе на пользу той массы 33-миллионного мусульманства, которая до сих пор в списке других народностей России либо вовсе не называлась своими собственными именами, а в лучшем же случае назывались в слове „и прочая и прочая"...

Как видим, руководители горцев пытаются съезд провести под флагом панисламизма, сбить его на рельсы религиозно-национального движения. На этом съезде ставится вопрос о необходимости организации Союза Горских народностей и князь Капланов, первый ратовавший за этот „Союз", так формулировал в своей речи цель и задачи организации его:

..."Мы не ограничились только Терской областью. Мы стали искать союзников вне ее, и это легко было сделать. Наши соседи-дагестанцы отделяются от нас только формальной границей, разделяющей одну область от другой. Ясно, что это деление чисто условное. Дальше. Мы отправились в Баку. Здесь нетрудно было установить, что мусульмане Закавказья живут одними с нами идеалами. Так окончательно окрепла мысль о нашем союзе. Какие же основные цели нашего союза. Мы говорим: кто задевает одного из нас, тот задевает всех нас".

Таким образом, горская буржуазия хочет укрыть свои привиллегии и материальные богатства в виде земель, огромных стад скота, имений и проч. за ширмой интересов „всех" горских народов... „кто задевает одного из нас, тот задевает всех нас...".

Бывший на съезде тогдашний меньшевик Симон Такоев дает следующую картину атмосферы, царившей на нем:

...„Зал был полон представителями, среди которых очень много было духовных лиц. В Президиуме сидели Коцев, Капланов, Чермоев, Мутушев и др.

Из Осетии на этом съезде я видел определенных контр-революционеров и шовинистов-интеллигентов. Когда начали оглашать конституцию „Союза Горцев" и разбирать ее по пунктам, то после одного пункта, который гласил, что „Союз горцев" входит в „Закавказский Мусульманский Союз", я попросил слово. Я сказал, что раз создается политический Союз, то объединение по религиозному признаку недопустимо.

Председательствующий сорвал мою речь. Не знаю, как он перевел, но после перевода поднялся невообразимый шум, делегаты вскочили со своих мест. Я слышал и понял только слово „шайтан". Ко мне подошел Гулунов и сказал, что меня могут убить и предложил немедленно уйти со съезда. Он же мне передал, что духовные лица кричали: „Шайтан вскочил в нашу среду и перепутал нас..." [1]

Разжигание религиозного фанатизма — вот путь, идя по которому верхи гор. народов думали достичь своих целей. Против этого пути не возражала казачья контр-революция, стремившаяся за ширмой религиозной агитации делать свое дело.

Величайшим лицемерием дышала речь атамана Терской области Караулова на этом съезде.

---

[1] Симон Такоев. „К истории револ. движения на Тереке". Известия Осет. Науч.-Исслед. Инстит. Краевед., в. 2, 1926, стр. 350.

..."Мы, казаки, уже приступили к устройству своих дел и выразили искреннюю готовность к братскому с вами единению. Настала пора когда вы, горцы, имеете возможность устроить свою жизнь так, как вы сами этого хотите. Казаки уже не будут вмешиваться в ваши дела. Они решили теперь только устраивать свою судьбу, и я надеюсь, что в Учредительное Собрание, мы, казаки, пойдем вместе с вами, горцами. Просматривая программу вашего съезда, я видел, что она мне не чужда. Вы намечаете земельный вопрос, старый наболевший вопрос. Земли ваши, леса ваши, объявленные казенными, теперь, конечно, должны принадлежать вам, как исконным собственникам. [1] Духовный вопрос, объявленный в программе съезда, небезызвестен мне, он затрагивался мною в Государственной Думе..."

Казачье дворянство и буржуазия, захватившие огромные пространства долинных земель, ранее принадлежавших обнищавшим теперь горцам, приступили к устройству своих дел и выразили „истинную готовность“ к братскому единению с голыми, нищими, ею ограбленными горцами. Устраивайте свою жизнь так, как сами хотите, т. к. мы мешать не будем.

Буржуазия не прочь была пойти вместе с горцами в Учредительное Собрание, полагая, что этот путь будет мирным путем, что горцы забудут все, ничего не вспомнят, обижаться не будут и все решится к обоюдному удовольствию. Очень дружественно со стороны атамана Терской области! —„Вы“, говорит, „намечаете земельный вопрос? Старый, наболевший вопрос“... „Земля ваша, леса ваши, объявленные казенными, теперь, конечно, они должны стать вашими“... Еще бы не наболевший, когда лучшие земли отняли для дворянства и казачества, а земли немного похуже отняли и сделали казенными. Так вот, сейчас, когда наступил момент расплаты за все содеянное в отношении горцев, казачья верхушка не прочь была откупиться, вернув казенные земли горцам. Фальшь этой уступчивости понимала горская буржуазия, но она, как и Караулов, как и казачье дворянство, была прежде всего заинтересована в том, чтобы не дать развернуться революции и поэтому блок с казачеством она заключала именно для борьбы с движением низов горских народностей.

По земельному вопросу Горский съезд вынес постановление, основные положения которого таковы:

..."Чтобы все земли и леса, занимаемые горским населением: нагайцами, карачаевцами и туркменами Терской, Кубанской и Дагестанской областей, Ставропольской и Черноморской губерний теперь же, не дожидаясь Учредительного Собрания, были признаны собственностью перечисленных племен. Чтобы земли, леса и воды, отнятые казной у горцев и проч. народностей, входящих в состав Союза объединенных горцев, были немедленно возвращены сим народам.

Чтобы все свободные земли крестьянского поземельного банка, в пределах территории горского населения и смежных с ней, поступили немедленно для обеспечения землею беззмельных и малоземельных горцев..."

Таким образом, по земельному вопросу, в основном, прошли пожелания казачьего дворянства и выразителя его воли Караулова,

---

[1] Не вспоминает ли здесь читатель известное место из обращения к горским народам Воронцова в 1846 г., приведенное нами выше?

высказанные им в речи на этом съезде и поддержанные целиком горской буржуазией, князьями и духовенством. Земли, отнятые у горцев казной, должны быть возвращены горцам; земли, находящиеся в распоряжении поземельных банков, должны быть переданы безземельным горцам, вступившим в „Союз“, а огромные равнинные земли, находящиеся в распоряжении горской буржуазии и казачьего дворянства, должны остаться так же, как и были. Трудящимся горцами можно было дать для замазывания глаз „казенные земли“... И на это горская буржуазия пошла. Так начала она предавать интересы трудовых горских народов с первых же шагов революции в Крае.

На этом съезде был организован Союз горцев, задачей которого являлось объединение верхов всех горских племен Кавказа и степных народов.

Этот союз в свою очередь должен был входить в Кавказский мусульманский союз, который организовывался в ближайшем будущем. Съезд, наконец, ввел шариатские суды, учредил должность муфтия Северного Кавказа [1] и, избрав Центральный Исполнительный Комитет Союза Горских Народов, закрылся.

Главным руководителем избраннсго Комитета явился кумыкский князь Рашид-Хан-Капланов и чеченец миллионер-нефтепромышленник Чермоев.

Итак, у горских народов хозяином положения стали местные богачи и духовные лица — шейхи, как-то: Нажмудин, Гоцинский, шейх Али Хаджи Акушинский и др. Эти вожди горских народов, находясь т. ск. в официальной дружбе с Карауловым, на деле на протяжении всей революции не имели твердой ориентации и проводили линию тех, кто дороже платил. Хорошо заплатят турки, значит панисламизм и пантюркизм должны главенствовать в настроениях горцев, больше дадут англичане — идет неприкрытая агитация в пользу „самой культурной“ нации и т. д. Через свору духовных владык турки старались проводить свою политику отторжения Северного Кавказа, и вообще Кавказа, под высокую руку халифа мусульманского мира — турецкого императора. Узуму-Хаджи в 1919 г. даже удалось организовать картонную „шариатскую монархию под протекторатом халифа мусульманского мира — турецкого императора Бахидина VI-го“.

Особенно сильно было влияние горского духовенства среди чеченской народности, являвшейся наиболее отсталой экономически и культурно. Чрезвычайно ярким фактом, характеризовавшим всю силу того идейного плена, в котором держали горские массы муллы и шейхи, был знаменитый 20-титысячный съезд представителей всех племен и народностей у озера Эйзен-Ам, на границе Чечни и Дагестана. Прежде всего, интересны обстоятельства, вызвавшие созыв такого громадного съезда. Нажмудин Гоцинский, потерпев

---

[1] На съезде произошла крупная ссора между Нажмудином, Гоцинским и Гайсумовым из-за поста муфтия, в результате которой муфтием не был выбран никто.

неудачу с „престолом“ муфтия на майском съезде, не успокоился и с группой дагестанского духовенства решил добиться своего путем воздействия на религиозный фанатизм. В июне в Чечню от него приехал Узум Хаджи и распустил слухи, что Гоцинский самим богом призван быть имамом, что Кавказ скоро перейдет к туркам, что нужно всем запасаться оружием; все население призывалось прибыть к озеру Эйзен-Ам, где Гоцинский, в доказательство своего имамства, будет молиться богу на бурке, расстеленной посредине озера. Религиозный фанатизм был разожжен настолько, что народ поверил, стал лихорадочно вооружаться и громадные партии потекли к озеру посмотреть на чудо. Такого многолюдного съезда не было в прошлом гор. народов. На него прибыли не только горцы, но и представители войсковых частей, Советов и даже комиссары Временного Правительства. Как и следовало ожидать, съезд снова сопровождался борьбой конкурировавших друг с другом партий духовенства, последователей Гоцинского и сторонников Дени Арсанова, Гайсумова и Али-Митаева, и, конечно, кончился тем же, что и майский — Гоцинский имамом не был признан. Съезд, не объединив всех, только способствовал обострению межнациональной борьбы, дал толчок к беспорядочному вооружению всех, и еще больше развязал стихию грабежей и нападений чеченцев на русских—и наоборот. Так, в конце июня чеченцы сожгли хутор Сорохтиновский и обстреляли пассажирский поезд. В ответ в Грозном начались самосуды над чеченцами, которые массами стали выезжать из города в аулы. Движение национальной борьбы разросталось, стимулируемое темной работой мулл и шейхов. Как эпизодический случай, отмечается выступление в сентябре горцев с. Гойты против частновладельческих хозяйств — там началась рубка частновладельческих лесов. Посланные солдаты для усмирения отказались громить чеченцев, устроив там совместный митинг. Но этот факт перевода борьбы на классовые рельсы в Чечне тонул среди разливавшегося потока религиозно-национального фанатизма, разжигавшегося верхами и казачества и горцев. [1] Та же картина была и в Ингушетии, где чрезвычайно большим влиянием в 1917 г. пользовался Вассан Гирей Джабашев. Горское Правительство считало Ингушетию „своей цитаделью“. Обстоятельством, помогавшим правительству держать ингушей под своим влиянием, было нелепое избиение солдатами стрелковых полков, подстрекаемых офицерством, ингушей в июне на улицах Владикавказа.

---

[1] Любопытно отметить, что, напр., чеченская буржуазия умела анализировать с точки зрения своих классовых интересов положение. Это видно из такого факта: по поводу своего союза с карауловщиной чеченские купцы заявляли: „Для нас, конечно, черная свинья и белая свинья — обе равны, но все же с белой свиньей нам придется жить по соседству всегда, а черная свинья уйдет в Россию“. Несмотря на религ. национальный антогонизм, буржуазия отдавала отчет, что для нее „черная и белая свинья“ не одно и то же — свинья черная, это русские крестьяне и рабочие (Х. Ошаев. Очерк начала револ. движения в Чечне. Изд. Чеч. ОДН, стр. 17).

1-го сентября 1917 г. состоялся 2-й съезд Союза Горских Народов. Основным вопросом на этом съезде был вопрос об устройстве горских народностей в свою демократическую республику. Этот съезд не был закончен в силу военных обстоятельств, но контр-революционные вожди горских народов пели старые песни о демократической республике, об Исламе и пр.

Нам еще остается осветить положение степных народов после Февраля, чтобы закончить развертывание картины того предательства своих народностей, которое осуществили после Февраля наравне с горскими феодальные верхи и степняков. [1]

На огромных степях и песках Сальского округа, в южной части Астраханской и северной части Ставропольской губернии кочевало довольно многочисленное племя калмыков.

После февральского переворота 7 (25) апреля собрался съезд калмыков в Астрахани, с участием ламы с его духовной свитой. Широкие трудовые массы племени, по темноте, не имели никакого представления о происходящих событиях. Жизнью кочевников целиком управляли богачи-феодалы, от которых, главным образом, и было представительство на этом съезде. Съезд прошел по программе казачьего дворянства и городской буржуазии. Принятая по текущему моменту резолюция довольно невнятно лепетала о демократии и самоопределении. Вот ее основные пункты:

...„Установить в России демократическую Республику при единой палате.

Просить Временное Правительство иметь от Калмыцкого народа представителя в Учредительное Собрание.

Признать, что всякая нация имеет право на политическое и национально-культурное самоопределение...“

Понятно, что никакой самостоятельной роли в жизни Края калмыцкая феодальная буржуазиия не играла и играть не могла. Она по всем вопросам плелась за казачьим дворянством и буржуазией, тем более никакой роли не могло играть рядовое население калмыков. Темное, забитое, эксплоатируемое разорившими его калмыцкими феодалами, оно было целиком в руках своих степных богатеев. Только этим, пожалуй, объясняется величайшая драма, какую пришлось пережить калмыцкому народу в начале 20-го года, когда Донская и Астраханская контр-революция, отступив к берегам Черного моря и погрузившись на английские и французские пароходы, бежала за границу, прихватив с собой, конечно, буржуазию калмыцкую, а рядовые калмыки, покинувшие свои степи, все остались на берегу моря и, напуганные „слухами“, в страхе перед подходящими красными, бросали в море своих детей, убивали себя,

---

[1] О калмыках мы упоминали в главе „Донская ССР“. На них и других степняках мы решили остановиться и здесь, что даст более цельную картину положения среди угнетенных национальностей после февраля на Северном Кавказе.

топились и т. д. Из похода к Черному морю мало вернулось калмыков в свои Сальские степи. [1]

Расположенные в районе Ставропольской губернии и в северной части Терской области, ведущие оседлую жизнь, туркмены также слабо себе представляли происходящие события. Местная туземная буржуазия, экономически маломощная, не игравшая никакой политической роли, посылала своих представителей на различные съезды. Эти представители отчитывались только перед той группой, от которой они ездили, в целом же туркменский народ не был информирован о происходящих событиях. В развернувшихся позже гигантских классовых битвах на Северном Кавказе туркмены приняли горячее участие. Они дали 1-й Советский туркменский полк, под командой учителя Абдурахманова.

Расположенные в районе Кубанской и Терской областей и Ставропольской губернии, живущие уже исключительно оседлой жизнью, нагайцы представляли из себя раздробленную народность, мало связанную какими бы то ни было общими едиными интересами. Отдельные аулы нагайцев были в большой мере связаны с окружающими их народами, черкесами и др. горцами, в окружении которых они жили, чем с единоплеменниками.

Хотя на русских они смотрели, как на пришельцев, но они покорились русским в большей мере, чем горцы, и отношения к ним у нагайцев были менее неприязненные. Представительство на различных съездах в февральский период от нагайцев было случайное,

---

[1] Краткий перечень событий в калмыцкой степи за время 1917 — 1920 г.г. сводится к следующему:

7 апреля 1917 г.— 1-й съезд делегатов калмыцкого народа в Астрахани. Повестка: а) организация самоуправления, б) выборы Комитетов по управлению калмыцким народом.

14 июля 1917 г. — Постан. Временного Правительства о введении земства в Калмыцкой степи.

4 августа 1917 г. — Состоялся съезд духовенства и мирян калмыцкого народа от степи Астраханской, Терской и Енотаевской. Съезд постановил — увеличить количество духовенства.

6 августа 1917 г.— 2-й съезд представителей калмыцкого народа — Астраханских, Донских, Терских и Ставропольских калмыков.

16 (3) октября 1917 г.— Выборы в Учр. Собрание и принятие Астраханским казачьим Кругом калмыков в казаки.

5 января 1918 г. — Выборы Калмыцкого — Казачьего Правительства. Власть переходит в руки оланов - князей и духовенства.

25 января 1918 г. — Выставлены части калмыков совместно с казаками против Сов. Астрахани.

20 февраля 1918 г.— Организ. при Астраханском Губисполкоме Калмыцкая секция.

1 июля 1918 г.— 1-й Съезд Советов делегатов Калмыцкой степи. Избран Исполком 8 человек.

22 июля 1919 г.— Воззвание Совнаркома к калмыцкому народу.

24 июля 1919 г.— Декрет Совнаркома о земельном быте калмыков.

1 июня 1920 г. — Всекалмыцкий съезд Советов с представительством Астрахани, Ставрополья, Терека декрет ВЦИК'а о создании Калмыцкой Автономной области.

Эти данные взяты из статьи Борисова „Революция в Калмыцкой степи“ в журнале „Пролетарская Революция“ № 2 (49) 1926 г., стр. 114—124.

чаще всего какой-нибудь горской буржуазной группе нужна была декорация представительства „от народностей“ и в этом случае прихватили с собой и нагайцев. Только после Октября нагайцы пытались обособить свои требования на Баталпашинских съездах Советов, но беспрерывная вооруженная борьба с белыми в этом районе не дала оформиться этим требованиям.

Еще меньше, чем нагайцев, количественно осталось каранагайцев. Каранагайцы также живут оседлой жизнью. Очень малочисленное племя, расположенное в районе, главным образом, северной части Терской области в Кизлярском округе, забитое и темное, оно мало выявило себя в развернувшейся борьбе. После гражданской войны голод, неурожаи еще больше добили эту народность. Сейчас она живет небольшой горсточкой, распыленной между другими народностями.

Степные народы, когда-то многочисленные и богатые, в наибольшей степени были разорены, ограблены и физически уничтожены политикой царской России. Водка и сифилис, принесенные русскими колонизаторами в обмен за скот и шерсть этих народов, убили их в течение нескольких десятков лет. Сейчас, несмотря на огромные средства и исключительные меры по спасению этих народов, они вымирают.

С началом Февральской революции казачья буржуазия подняла вопрос об организации Юго-Восточного Союза казачьих областей, горских и степных народов, о котором у нас упоминалось в главах по Дону и Кубани.

Союз был организован. Первый съезд делегатов по этому поводу состоялся в Ростове 21-го мая. Это было организационное совещание. Второй съезд был во Владикавказе 4 июля. Тут были утверждены „проекты договоров“. 3-й съезд состоялся в Екатеринодаре в сентябре, тут было избрано Правительство, составленное так: Караулов и Вертепов — от Терского войска, Семенов, Харламов и Араканцев — от Донского, Макаренко — от Кубанского, Скворцов и Колокольцев — от Астраханского и от степных народов, князь Тундутов, Долгат Баев и Коцев — от Союза Горцев Кавказа. Председателем Правительства Юго-Восточного Союза был избран кадет Харламов.

Это правительство не могло развернуть широкой деятельности, но попытка казачьей и горской буржуазии укрыться под ширмой этого союза очень знаменательна. Буржуазия и помещики хотели проводить политику натравливания народностей друг на друга и в то же время, объединяя себя в правую организацию, отколом от России ускользнуть из-под удара революции. Маневр этот ей не удался, но путаницу в голову населения Союз вносил большую. Именем Юго-Восточного Союза контр-революционеры действовали и после 1918 г. уже за границей. Союз ставил себе следующие цели:

...„Достижение скорейшего учреждения Российской Демократической Федеративной Республики с признанием членов Союза отдельными ее штатами.

Всемерную поддержку других народов и областей, стремящихся к устройству государства Российского на федеративных началах и установления с ними связи и соглашений.

Стремление к образованию твердой и авторитетной демократической государственной власти, опирающейся на все живые силы национальности и территории страны и свободной от давления безответственных организаций.

Содействие центральной государственной власти в борьбе с внешним врагом и заключение достойного мира на основах самоопределения народов и установления в стране правопорядка и в борьбе с анархией и контр-революцией.

Гарантию полной самостоятельности и независимости членов Союза в отношении к внутренней жизни.

Содействие членам Союзов в подготовке к реорганизации внутренней жизни их, как штатов будущей Российской Федерации.

Защита прав членов Союза: политических, земельных, культурно-экономических и национальных, а также урегулирование земельных отношений между членами Союзов.

Согласование и объединение мер к обеспечению порядка и спокойствия на территории Союза и т. д...“

Как видим, тут и демократия, и отделение, и федерация, и война до победного конца, и борбьа с безответственными организациями и анархией, и помощь Центральному Правительству.. Позже, когда Деникин начал усиливаться, члены „Союза“ первые пришли и радостно припали к сапогу вождя монархической „единой неделимой“... Нароставший на Северном Кавказе Октябрь первые свои залпы дал именно по этим контр-революционным союзам, политическим гнездам краевой буржуазии.

ОКТЯБРЬ НА ТЕРЕКЕ.

Обстановка в области в Октябре 1917 г. Выход большевиков из объединенной с.-д. Владикавказский Совет об октябрьском перевороте в центре. Разоружение рабочих Грозного. Разгром Владикавказского Совета. Первый акт провокации национальных войн. Убийство Караулова. Разгром станиц Сунженской линии. Вторая ошибка Грозненских рабочих. Партия Кермен. 1-й съезд народов Терской области в Моздоке 25 января 1918 г. 2-я сессия народов Терека в Пятигорске 28 февраля 1918 г Новое строительство. Октябрь в Пятигорье. Нижевясовщина.

Ко времени октябрьских боев на Тереке сложилась следующая обстановка. Горская буржуазия, в лице ее различных организаций, вела работу по стравливанию разных национальностей между собой. Власть в лице Караулова натравляла казачество против горских народов. Главным объектом для той и другой стороны были наиболее обездоленные и ограбленные русским царизмом племена — чеченское и ингушское.

Казачество готовилось к войне с горцами и вооружалось. В это же время вооружались чеченцы и ингуши. В июне 1917 г. рабочими железнодорожниками гор. Грозного в нескольких вагонах были открыты гробы с оружием. Вагоны были запечатаны и шли как „с убитыми на войне“. Но когда гробы были вскрыты, оказалось, что они были наполнены винтовками и пулеметами и шли в адрес горской буржуазии для вооружения горских народов.

Помимо подготовки резни горских народов с русскими, буржуазия вела подготовку резни горских народностей друг с другом; так, кабардинцы натравливались на осетин, последние—на ингушей, осетины искали союза у казачества против ингушей, кабардинцы обращались к казакам против осетин. Эта политика удалась. Ингуши напали на осетинский аул Батакаюрт и разгромили его. В ответ на батакаюртский погром осетины напали на ингушские аулы Далаково и Кантышево и разрушили их.

В самой Осетии христиане были натравлены на магометан. Первые в союзе с казаками готовились громить аулы вторых, а вторые, в союзе с магометанами, ингушами, готовились к резне осетин - христиан.

Нет сомнения в том, что национальный вопрос в Терском крае при Временном Правительстве и его органах на местах был бы разрешен так, что огромные массы мелких народов Терской области были бы между собой стравлены и в этой борьбе совершенно обессилены.

Так как национальные отношения на Тереке к дням октябрьских боев были в высокой степени напряжены, то большевикам, на плечи которых пало основное руководство ими, пришлось проводить чрезвычайно гибкую национальную политику с рядом уступок таким настроениям, которые совсем не носили черт пролетарской революционности. Именно, национальный вопрос дал основную окраску всему процессу развертывания революции на Тереке в конце 1917 и 1918 г.г., и если на Дону и Кубани основное русло борьбы на этой стадии завершения буржуазно-демократической революции определялось борьбой между казачеством и иногородними, то на Тереке эта борьба в основном вылилась в столкновения между казачеством и горцами. И на Тереке аграрный вопрос был экономической основой борьбы, но здесь эта основа еще страшно осложнялась моментом национальной ненависти, которая была разожжена провокаторской политикой до чудовищных размеров. Насколько это осложнило и запутало карты социально-классовой борьбы, видно из того, что казачьим и Терским верхам, как мы увидим дальше, удалось после Октябрьского переворота в центре, правда временно, но не без осязательных успехов направить горевших национальной ненавистью горцев против пролетарских центров и дезорганизовать их специально-организованной национальной резней. Как видим, контр-революция начала проводить очень жестко тактику отвода от себя удара низов горских народов и направления его на своего основного врага. Именно условиями таких национальных отношений и объясняется, прежде всего, очень долгое сожительство большевиков с меньшевиками в объединенной с.-д. и большое запоздание четкого отделения и оформления пролетарских элементов от мелко-буржуазных на Тереке. Если последняя конференция объединенной с.-д. происходила в Пятигорске в августе, то окончательный разрыв с меньшевиками владикавказские большевики провели только в ноябре в связи с выборами в Учредительное Собрание, на которых они выступили с самостоятельным списком. Е. Полякова в своем воспоминании описывает это так:

...„По вопросу о выборах в Учредительное Собрание мы разошлись окончательно с меньшевиками в ноябре 1917 г На партсобрании был поставлен, хотя несколько примитивно, но зато прямо, вопрос: кто считает себя большевиками? И несмотря на обструкцию, устроенную меньшевиками во главе с Симоном Такоевым, на стороне большевиков были все рабочие, за малым исключением. У меньшевиков осталось несколько рабочих и группа активных подпольщиков в количестве 20 — 25 человек. Большевиков же оказалось при перерегистрации около 500 человек“..[1]

Эти результаты раскола подтверждает и сам Симон Такоев в своем воспоминании:

...„После раскола оставшиеся в объединенной организации созвали общее собрание для проверки своих сил. Подсчет дал самые курьезные результаты.

[1] Е. Полякова.—„Партработа в 1917 г. во Владикавказе“, сб. „Октябрь во Владикавказе“, стр. 35.

На собрание явилось не больше 10 человек, из коих 8 было интеллигентов, в том числе я, а остальные рабочие. С этого момента приходилось считать областную с.-д. организацию умершей"...[1]

Об октябрьском перевороте в Питере Владикавказский Совет узнал на экстренном заседании 25 октября из уст зав. телеграфом с.-р. Попова, который свое сообщение закончил призывом бороться против „разъедающих революцию элементов". В результате страстных прений, продолжавшихся все утро и вечер, была вынесена большевистская резолюция:

...„Заслушав тревожные известия о восстании в Петрограде по завоеванию власти революционной демократией и обсудив на основании этих коротких односторонних сообщений положение, в которое может стать Россия при развитии решительной борьбы за власть, политическое заседание всех революционных политических и профессиональных организаций гор. Владикавказа считает, что вся политика Временного Правительства была направлена до сих пор во вред интересам народно-хозяйственной жизни народа, отчаявшегося. не имеющего уверенности даже в созыве Учредительного Собрания, против которого контр-революционная буржуазия ведет явный поход.

В виду этого, собрание считает, что восстание пролетарских, солдатских и крестьянских масс назрело и зреет как ответ организовавшейся контр-революции и, поэтому, не имея точной картины происходящего в Петрограде, собрание шлет свой привет поднявшим знамя восстания за попираемые права революционной России.

С вами сочувствие Владикавказской революционной демократии, которая должна принять немедленные действительные меры против возможных контрреволюционных выступлений на местах".[2]

Несмотря на то, что этой резолюцией было высказано только сочувствие Питеру и не был поставлен вопрос о переходе власти в руки Владикавказского Совета, с.-р. вышли из него. Через два дня они снова вернулись, так как не революция, а контр-революция в это время перешла в наступление на Тереке.

Снова, как и после июльских дней, Караулов и К° переходят к подготовке решительных действий в ответ на все усиливавшееся влияние большевиков. Заседавшим под председательством Караулова 22—12 ноября Войсковым Кругом было вынесено постановление о непризнании большевиков, введении военного положения в области и применении смертной казни в тылу и на фронте. Даже „демократия" была обеспокоена введением в Крае военного положения и вручением Кругом исключительных полномочий Войсковому атаману „без согласия на то демократических городских самоуправлений и иногороднего крестьянства" (из постановления Пятигорской Думы от 18 ноября). Но свирепевшей реакции было в это время не до демократических побрякушек, она прекрасно учитывала рост большевизма и понимала, что борьба подходит к решительным схваткам. Результаты выборов в Учредительное Собрание еще больше усиливали агрессивность карауловщины.

---

[1] С. Такоев. — „К истории революционного движения на Тереке". Изв. Осет. Инстит. Краев., в. 2, стр. 341.

[2] Газета „Терский Вестник", № 145, от 29 октября 1917 г.

В главнейших городах большевики явно победили, рабочие и солдаты гарнизонов отдали свои голоса им.

...„На выборах в Учредительное Собрание список большевиков по всей области (в городах и в Осетии) собрал неожиданно большое количество голосов, даже в Дигории, где моя популярность считалась вне всякого сомнения, большевистский список собрал почти столько же голосов, сколько и список с-д. (объединенный). В Дигории настроение населения с каждым днем становилось явно большевистским. Население неоднократно мне предлагало перейти в большевистскую организацию“...[1]

Такое свидетельство дает старый меньшевик Осетии.

И снова контр-революция первый свой взор бросает на страшный для нее пролетарский Грозный. Только там, из всех терских городов, уже в октябрские дни при перевыборах Совета большевики получили большинство. В Грозном был сильный солдатский гарнизон, наиболее ярко выявлявший свои большевистские настроения, уже был поставлен вопрос о переходе власти в руки Советов и ему-то и должен был быть нанесен первый удар в кампании по разоружению революции. Для успеха этого дела в самом городе ведется бешеная националистическая агитация, натравливающая рабочих на чеченцев и наоборот. И когда Совет выносит постановление о переходе власти в его руки, выявляются плоды этой работы — происходят провокационные избиения чеченцев и они покидают город вместе с частями дикой дивизии.

Войсковое Правительство стягивает силы для окружения Грозного. 23 ноября Грозненскому Совету предъявляется ультиматум о выводе воинских частей и разоружении рабочих, причем устраивается так, что этот ультиматум поддерживает будто бы вся Чечня.

Грозный сначала решил защищаться, рабочие начали рыть окопы. Но, наконец, для предотвращения кровопролития, которое должно было принять характер и национальной резни, Совет принял ультиматум и Грозный был отдан в руки контр-революции. 111-й полк и 252-я Самарская дружина уехали из Грозного, выбыло много партийных товарищей и за ними потянулись рабочие, терроризированные вернувшейся дикой дивизией и боявшиеся резни со стороны чеченцев. Были зажжены Ново-Грозненские промыслы. Таким образом, эта провокация удалась и пролетарский центр был обессилен. Около 2 тыс. рабочих семейств выехали из него. Оставшиеся партийцы перешли на нелегальное положение и только тогда поняли, что была совершена ошибка „добровольного разоружения“, которая в конце-концов все равно не спасла Грозного от разгрома, но обессилила в самом начале борьбы главную цитадель революции на Тереке. Ни Владикавказ, ни Пятигорск, не имея такой базы, не могли выставить таких пролетарских кадров, которые вели бы за собой все движение. Контр-революция же из этой операции выиграла многое: во-первых, разгром Грозного под флагом спасения рабочих от национальной резни только способствовал спло-

[1] Такоев. Там же, стр. 341 — 342.

чению казачества в единое целое против горцев, во-вторых, настраивая и иногородних против горцев по этим же мотивам, бросал их, хотя и временно, в объятия казачества и в-третьих, и это самое главное, лишал на ближайшие месяцы пролетариат союзника в лице горской бедноты и иногородних, без которых он, конечно, победить не мог.

Теперь нужно было прикончить и с Владикавказом, где в декабре б-ки усиливались с каждым днем. В это время большую революционную работу в Осетии проводила партия „Кермен“,[1] имевшая революционно-демократическую программу и ведшая за собой осетинское крестьянство. Эта партия начала организовываться по инициативе с.-д.: Гибизова, Кисаева, Цаголова и др. в середине 1917 г. и окончательно оформилась в Октябре. Так как в Осетии не было в то время партийных организаций, то в „Кермен“ стали записываться одиночки с.-д. и она скоро стала самой влиятельной партией в Дигорских селениях и аулах. Характер ее программы может быть виден из следующего отрывка одной резолюции:

— „... Партия всеми мерами будет искоренять всякое посягательство на народную свободу, какими бы красивыми фразами они не прикрывались. Путь трудящихся всего мира один—к любви и правде на земле через победу над эксплоатацией, насилием и рабством. На этот путь вступаем и мы со знаменем: „Свободный труд, свободная земля, свободный человек“ [2].

Эта партия стала союзником б-ков и сыграла большую роль. Она, покрыв сетью своих организаций Осетию, к концу 1917 г. создала ряд боевых отрядов из керменистской молодежи, которые мужественно дрались с контр-революцией на протяжении всего 1918 года.

К концу декабря во Владикавказе установилось безвластие, т. к. Думу слушать никто не хотел. Совет еще не взял власть в свои руки, а темные офицерские элементы, вооруженные до зубов, никого не признавали и творили анархию.

Моментом, обострившим общее положение, явилось возвращение из Закавказья солдатских частей, демобилизованных из Кавказской армии в начале декабря, вследствие перемирия с Турцией.

Горское и казачье правительства пустили слухи, что идущие из Закавказья солдаты намерены учинить разгром горцев и что поэтому нужно вооружаться, чтобы разоружать идущие солдатские части.

„Вся эта полоса обезоруживания проходила по общему плану закавказских, горских и казачьих контр-революционеров... Под влиянием провокации горского правительства все горское население было встревожено перед возможностью разгрома своих сел и оно потеряло равновесие. В Чечне и Ингушетии начали разрушать жел. дороги... Солдатским эшелонам ничего не оставалось, как пробивать себе дорогу силой оружия. Сильно пострадало спровоцированное население Чечни...“ [3]

[1] Так названа по имени одного легендарного героя из Дигории, восставшего против привилегированного сословия.
[2] Газ. „Красное Знамя“, № 66, 1917 г.
[3] С. Такоев. Там же, стр. 338.

1917 г. заканчивается разгромом Владикавказского Совета, находившегося в руках большевиков, офицерством 31-го декабря.

30-го декабря Владикавказский Совет Рабочих Депутатов постановил: „Признать Советскую власть и подчиняться распоряжениям Совета Народных Комиссаров". Сейчас же офицерами было инсценировано наступление осетин на город. Совет Рабочих Депутатов был разогнан и разгромлен. Работники его, во главе с Буачидзе и Орахелашвили, были арестованы. Большевики осетины, при помощи отряда керменистов, в ту-же ночь освободили арестованных и этим спасли их от смерти, но они вынуждены были тайно выехать из Владикавказа. Таким образом, контр-революция все больше развивала свое наступление. Горское правительство, состоявшее из князя Капланова, нефтепромышленника Чермоева, Коцева, Джабашева и др., поручив военные операции своему военному министру — царскому генералу Голощапову, целиком увязало свою деятельность по борьбе с революцией с работой Терского атамана Караулова и казачье-дворянской контр-революцией.

26-го декабря 1917 г. в станицу Червленную казачьим окружным съездом был вызван для намечения путей разрешения спорных вопросов между казаками и горцами представитель горских народов шейх Дени Арсанов. При проезде Арсанова после съезда в станицу Грозненскую он с тремя десятками человек конвоя был убит специально засевшей казачьей засадой. Вероломное убийство „почетного вождя" Дени Арсанова с тремя десятками, ничего не подозревавших людей о предательском нападении, вызвало громаднейшее негодование горского населения. Горцы стали собираться в отряды, чтобы отомстить казакам за подлое убийство. Собравшиеся повели наступление на казачью станицу Кохановскую, взяли ее и сожгли.

Ответом на это был поход казаков ряда станиц Сунженской линии 3-го января 1918 г. при помощи шедших с фронта спровоцированных уссурийцев и грозненских мещан на с. Старый Юрт, аулы Старо-Сунженский и Новый Юрт. Так осуществилась провокация национальных войн на Тереке, проделанная руками богатого казачества, с ведома Терского правительства и горской буржуазии.

Караулов за свою политику стравливания народов стал глубоко ненавистен всем слоям трудящихся народов Терека. Его в одинаковой мере ненавидели иногородние, безземельная чеченская беднота, ингуши — пастухи и земледельцы — осетины. 9-го декабря 1917 г. он возвращался из Кисловодска, куда ездил с агитационными целями. На станции Прохладная соратники Караулова (его брат-полковник и два сопровождающих офицера), в пьяном виде, начали грубить солдатам. Солдаты Уфимской дружины, стоявшие тут, решили арестовать их, но офицеры ответили стрельбой из револьверов. Тогда солдаты окружили вагон Караулова и открыли винтовочную стрельбу по нем, Караулов и его соратники были убиты. Контр-революция на Тереке лишилась своего вождя.

А между тем открытые столкновения горцев с казаками вспыхнули с середины декабря с новой силой. Горцы напали на станицы Ново-Осетиновскую и Павлодольскую и сожгли их, почти в это же время ингуши напали на Владикавказ, пограбили и отступили Среди казачества ходят волнующие слухи, подогреваются настроения необходимости борьбы с горскими народами, которые-де не хотят никак жить мирно с соседями. Обе стороны, горцы и казачество, усиленно готовятся к войне.

„Наступили жуткие дни, партия ушла в подполье, офицеры лихо гарцевали по городу, за предложение большевистстой фракции в Думе протестовать против разгрома Советов поднялись только руки б-ков. Так начался 1918 г.“ — пишет Полякова. Контр-революция торжествовала победу. В городе Владикавказе шли грабежи. В области фактически единой власти не было — она распалась на ряд районов и народностей. Все воевали друг с другом — атмосфера национальных антогонизмов была раскалена до красна.

— „ ... Во всей Терской области в первых числах января создалась кошмарная обстановка. По Сунженской линии был сплошной фронт: станицы и аулы грабили, убивали и жгли друг друга. Владикавказ и Грозный переживали то же самое. Артиллерийская, бомбометная и пулеметная стрельба была повседневна. Соседние осетинские и ингушские села точно также сидели в окопах, направив винтовки друг против друга...“[1]

1918 г. начался на Тереке в огне гражданской и национальной войны и безвластия. Горское правительство фактически распалось. Интересно отметить попытку грузинских меньшевиков вмешаться в этот момент в дела Терской области и ликвидировать хаос путем установления власти аналогичной их закавказскому образцу.

На заседании осетинского и ингушского Советов с представителями казачьих станиц председатель грузинского национального Совета заявил:

— „ ... У вас здесь три Правительства и ни одного нет налицо... Я предлагаю комиссии, из представителей национальных Советов и Войскового Правительства, дать полномочия на организацию Временной Власти...“ [2]

Из этой попытки ничего не вышло.

Только пролетарские элементы в лице б-ков могли в этот период начать работу, которая постепенно вывела бы Терек из огненного круга братоубийственной и нелепой бойни. И действительно, по инициативе б-ков, в городах Терека начинают создаваться Военно-Революционные Комитеты, которые должны были захватить в свои руки руководство движением, стремясь направить его на классовые рельсы. Но нужно сказать, что разожженная национальная ненависть не была быстро сглажена В.-Р. Комитетами.

---

[1] С. Такоев. Там же, стр. 345.
[2] Газ. „Возрождение“, № 21, 21 января 1918 г., мат. С.-К. Истпарта.

Наоборот, на первых порах даже они поддавались всеобщему „гипнозу“. Примером этого может служить Грозненский В.-Р. К., созданный 31-го декабря, после убийства шейха Арсанова.

Он располагал довольно крупными вооруженными силами в лице Красной Гвардии. Она была составлена из рабочих нефтепромыслов, в большом количестве вступавших в его ряды, из демобилизованных солдат и иногородних, выходцев из соседних станиц.

После разгрома станиц Ново-Осетинской и Павлодольской, обстановка настолько накалилась, что на борьбу против горцев выступили не только казачьи станицы, но и Военно-Революционный Совет Грозного. По его постановлению Красная Гвардия была направлена в качестве карательного отряда на горцев совместно с казаками. Таким образом пожинались плоды политики казачьей и горской буржуазии. Удалось восстановить против горских народов „русских“ в целом, а горцам показать, что русские „все“ против них, т.-е. казаки и иногородние. крестьяне и рабочие, богатые и бедные. Этот поход грозненских рабочих на горские аулы дорого стоил потом трудящимся Северного Кавказа, ибо трудно было убедить рядового горца в том, что рабочий, бедняк, крестьянин и казак бедняку-горцу не враги, он видел этих бедняков с оружием в руках, разорявших его родные горские аулы. Это выступление рабочих с казаками против горцев было второй громадной ошибкой грозненского рабочего класса.

В угаре усиленно нароставших тревожных настроений в области и все больше и больше разворачивавшихся боевых действий горцев и казаков сторонники Советской власти должны были искать выхода из этого тяжелого положения.

В Моздокском Военно-Революционном Комитете, где работало много казачьих офицеров, готовившихся к основательной резне горских народов, но боявшихся большевистских горнизонов, кликнули клич о необходимости созыва Областного Съезда делегатов населения. Офицеры полагали, что на этом съезде удастся объединить все Терское казачество и иногородних против горских народов и даже ряд племен горцев против чеченцев и ингушей и, разбив в первую очередь эти племена, дальше бить по другим. Но здесь необходимо указать на появление внутри казачества новой струи настроений, связанной с прибытием в станицы фронтовиков. Как и во всех областях Сев.-Кавк. Края, фронтовики и на Тереке внесли разлад внутри казачества. Приехав домой большевистски настроенными в своей значительной части, они повели линию на прекращение межнациональной бойни. „Нам надоело жить в окопах“—так формулировали свое настроение на Моздокском съезде молодые казаки. Между молодежью и стариками на этой почве были в некоторых станицах даже открытые столкновения. В организации Моздокского В.-Р. К. фронтовики сыграли большую роль, но присоединившиеся к ним офицерские элементы попытались овладеть движением фронтовиков и направить его в сторону подавления чеченцев и ингушей.

Воззвание Моздокского В.-Р. К. с приглашением на съезд было разослано по всем селам, станицам и аулам, исключая ингушей и чеченцев, которые в воззвании причислялись к анти-государственным элементам.[1]

На 25-е января 1918 г. был назначен этот съезд.

К этому числу в Моздок прибыло 257 делегатов. На съезд приехали представители почти всех национальностей, населяющих Терскую область, не было только делегатов от чеченцев и ингушей.

Казачье дворянство и офицерство сначала чувствовали себя хозяевами. Военный угар и черносотенно-монархические лозунги были атмосферой, в которой должен был начать работу съезд. Видя это, социалистические партии и, прежде всего, большевики, решили заключить между собой объединение. Тут же был организован „социалистический блок", куда вошли социалисты-революционеры, меньшевики и большевики:

„Инициаторами этого блока были: Ной Буачидзе, Киров. Фигатнер и др. Условия объединения были следующие: м-ки и с.-р. отказываются от агитации в пользу разогнанного Учредительного Собрания и создания каких-либо группировок на этой почве. Б-ки же отказываются от агитации в пользу немедленного установления на Тереке Советской власти в том виде. в котором она существовала в России. Были и противники блока, особенно среди большевиков (Мамсуров)".[2]

Вокруг социалистического блока организовалась беднота горская, иногороднего населения и, частично, казачья. Блок стал играть руководящую роль на съезде с первого же вопроса.

После открытия съезда с внеочередным заявлением выступили члены Моздокского В.-Р. К., полковник Лымарь и Пятирублев, сообщившие, что Комитетом отдана директива об общем наступлении на чеченцев и ингушей, и если съезд не присоединится к этому приказу, то события пойдут мимо него. После перерыва социалистический блок внес предложение отменить приказ В.-Р. К. и, хотя незначительным большинством, но предложение блока принимается съездом. Это была первая победа. После нее блок поставил на обсуждение земельный вопрос, являвшийся наиболее больным и острым на Тереке. Но представители кулачества и офицерства приняли все меры к тому, чтобы этот вопрос сорвать. Хотя им

---

[1] М. Ш. в статье „Моздокский съезд" в сб. „Октябрь во Владикавказе" указывает. что Моздокский В. Р. К. созывал Съезд по указу Терско-Дагестанского Правительства, которое хотело через съезд добиться введения горско-казачьей национальной бойни в рамки „всеобщей, организованной войны" (стр 48). Но. едва ли это верно. Б. Калмыков указывает, что „контр-революционная власть рассылала из Нальчика по аулам грозные приказы не посылать делегатов". („Рев. движение в Кабарде". Нальчик, 1921 г., стр. 4).

[2] М. Ш. „Моздокский съезд", в сб. „Октябрь во Влад."

С. Такоев в своих воспоминаниях указывает, что „блок" образовался еще до съезда во Владикавказе по инициативе большевиков (стр. 345), но никаких документов, подтверждающих это, не приводит.

это и удалось (за обсуждение голосовало 155, против 173), но снятие земельного вопроса прошло незначительным большинством, что уже тоже означало несомненный успех блока.

Очень интересным моментом, характеризующим развитие настроений среди масс о переводе борьбы на классовые рельсы, явилось обсуждение на съезде вопроса о признании власти Совета Народных Комиссаров.

Внесенное в первый раз предложение о признании было снято под давлением большинства съезда. На другой день оно снова было внесено беспартийными делегатами, причем в президиум было подано заявление 132 делегатов за рассмотрение этого вопроса. М. Ш. в своем очерке Моздокского съезда отмечает, что это заявление явилось результатом агитации левых б-ков, не желавших вступать в блок с мелко-буржуазными партиями. Но снова поднялась такая буря со стороны кулачества и офицерства, что вопрос был снят, причем С. Такоев так освещает обстановку снятия: „так как принятие этого предложения равносильно было распаду „социал. блока“ и нарушило бы всю дальнейшую планомерную работу по ликвидации межнациональной резни, то пришлось представителям большевистской фракции выступить и выяснить преждевременность такого шага, т. к. при данной обстановке постановление это будет только бумажное, а вред оно может принести большой, распылив, при полной оторванности от revol. России и так мизерные наши силы“.

Несмотря на снятие вопроса о власти, по политическому положению области, была внесена следующая резолюция, фактически признававшая Советскую власть, как „народную власть“:

„Обсудив вопрос в заседании 28-го января по текущему политическому моменту в Терской области, съезд демократии находит, что создавшееся в Терской области положение определенным образом угрожает революции и является весьма благоприятным для сосредоточения контр-революционных сил, которые не упустят возможности начавшейся гражданской войны, сделать все к тому, чтобы углубить ее и расширить. Поэтому перед революционной демократией Терской области стоит чрезвычайная задача организации всех революционных сил, могущих противостоять надвигающейся опасности и, главным образом, в организацию сельского населения без различия национальностей. Вместе с тем, безотлагательно необходимо, чтобы революционные органы, действующие в пределах Края, сошлись на мысли о том, что переживаемый революционный момент категорически диктует необходимость выявления на деле своего революционного поведения, объединения всех элементов страны, борющихся за республику рабочих, солдат, крестьян, казаков и горцев, ибо только в борьбе за эту республику можно успешно побеждать контр-революцию, выступающую со всех сторон.

В ряде практических задач, диктуемых моментом революционной демократии, необходимо прежде всего создать орган власти, способный объединить демократию Терской области и явиться авторитетным в низах масс населения без различия сословий и национальностей. Такая власть может быть создана только на общеобластном демократическом съезде рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов, а также представителей народностей, населяющих Терский Край“. [1]

---

[1] Там же, стр. 50.

Выделенный Народный Совет разослал по области телеграмму, в которой, сообщая о съезде, заявлял:

— „Для ликвидации начавшейся гражданской войны и спасения края от разростающейся анархии, съезд постановил создать объединяющий все трудовые слои населения, без различия национальностей—областной орган народной власти, Терский Народный Совет...“

В состав Совета вошли на пропорциональных началах представители всех национальностей. Чеченцам и ингушам, с которыми происходили кровавые столкновения, в Народном Совете предоставлено было соответствующее количество мест. Войсковое Правительство Терского Казачьего Войска сложило свои полномочия.

Съездом был намечен ряд необходимых вопросов, которые следовало разрешить ближайшему съезду Народных Депутатов. Это были вопросы: земельный, национальный и рабочий. Окончательное создание областной власти было отложено, потому что Моздокский съезд не представлял еще всех народов и б-ки решили, что нужно провести еще дополнительную работу среди масс, которые быстро, на своем опыте убедятся к следующему съезду в необходимости открытого признания Советской власти.

Моздокский съезд имеет большое значение, т. к. он впервые, после кошмарного января 1918 г. выделил орган власти, который призывал к прекращению горско-казачьей войны. Хотя он и не имел реальных вооруженных сил в своих руках, но его работа имела большое моральное значение. Моздокский съезд—это первый реальный шаг к созданию Советской власти на Тереке.

Народный Совет, оставшийся в Моздоке, с большим трудом проводил порученные ему съездом работы. Воинствующее офицерство, подготовлявшее поход против чеченцев и ингушей, было не прочь временами расправиться и с самим Народным Советом. Вот почему члены его спешили с организацией 2-го съезда народов Терека.

2-й съезд, по решению членов Народного Совета, необходимо было созвать в гор. Пятигорске, ибо там в это время власть была в руках Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Члены Народного Совета переехали в Пятигорск, объявив по Терской области о созыве съезда народов Терека в Пятигорске на 28 февраля 1918 г.

— За Терек и Сунжу казаков!
— За заветы Шамиля!
— В Турцию азиатов!.
— За славу Терского казачества!

Вот лозунги, которые выбрасывали шовинисты обоих лагерей, готовясь ехать на Пятигорский съезд народов Терека. И те и другие, вели широкую агитацию за необходимость ехать на съезд и там захватить инициативу в свои руки. До этого же они вели широкую провокационную агитацию среди групп, решивших ехать в Пятигорск, о том, что большевики на съезде хотят просто обезглавить Терские народы,—созвать лучших людей в Пятигорск,

арестовать их и растрелять. Несмотря на эту провокацию, делегаты всех народов области стали ехать в Пятигорск. Вынуждены были ехать и вожди казачьей и горской контр-революции.

В этой атмосфере начал работы съезд.

Повестка дня была следующая:

1) Текущий момент.
2) Земельный вопрос.
3) Национальный вопрос.
4) Конституция Терской области.
5) Выборы Народного Совета.

Расскажем о съезде словами его участника бывшего пред. Совнаркома Терской Народной Республики т. Булле[1]:

— „ ... Пятигорский Народный дом едва вмещает съехавшихся депутатов Горцы представляют: балкарцы, карачаевцы, кабардинцы, осетины, два нагайца и один каранагаец. С надеждой и нетерпением ждут еще прибытия ингушей и чеченцев, о каком же мире без них разговоры вести?

Казаки явились со всех округов и станиц. Характерно, что как горцы, так и казаки послали от каждой станицы, от каждого аула представителей. своих верхов, вместе с представителями самой обездоленной бедноты.

Горские батраки. в большинстве впервые попавшие в „русский казачий город", чувствуют себя опасливо, неловко. Зато малейшее, оказанное им внимание со стороны городских рабочих и крестьян, изумляет и приводит в восторг.

Трудовые казаки тоже неуверенно озираются по сторонам: интересно. говорят „социалисты и большевики", но верх берет детская боязнь перед есаулами и казаками.

Образовываются фракции каждой национальности и иногородних. Для согласования общей линии работы образовывается „социалистический блок" из коммунистов, левых эсеров, меньшевиков, националистов и пр.

Основным пунктом программы съезда была разработка новой конституции Терской области, потом земельный вопрос с проведением социализации земли.

Уже при выборах президиума съезда и предварительных прений по организации секции для разработки вопросов порядка дня стало ясно, что руководящая роль принадлежит большевикам. Странно, однако, было наблюдать следующее: личные предложения в духе большевиков неизбежно проваливались голосами казаков и частью горцев, зато при всяком заявлении, что данное предложение вносится от имени Бюро Коммунистов, как казачьи есаулы. так и горские муллы и богачи голосовали единогласно.

Мы насторожились. Эсеры, имевшие кое-какие корни в казачьем кулачестве, заволновались. Они активно работали по созыву съезда и вдруг оказались—„как собаке пятая нога".

Меньшевики вертелись между рабочими и иногородними крестьянами и что то сюсюкали о кооперации, мелиорации и муниципализации.

Несмотря на довольно организованный порядок, работа съезда все же не клеилась: ждали прибытия ингушей и чеченцев. Казачья фракция уже предлагает считать ингушей и чеченцев отмежевавшимися от других народов и потому враждебных как Российской власти, так и народам Терека.

Они, мол, против всякой власти и свободы, особенно против большевиков. Поэтому, давайте, дескать, заключим все союз мира, чтобы „оборониться" от ингушей и чеченцев.

---

[1] Восп. отпечатано в сб. „Октябрь во Владикавказе", стр. 52—55. Мы здесь приводим длинный отрывок потому, что он очень ярко и колоритно передает обстановку работы съезда.

Вдруг приезжают ингуши. Их около двух десятков — стройные, суровые, „дикие". Вооружены „до зубов". При входе их в зал заседания съезда поднимается торжественная овация, даже есаулы из приличия встают и аплодируют: все понимают, с какой опасностью для жизни им пришлось пробираться через кабардинские и казачьи территории.

На первом же приветственном выступлении ингушские депутаты заявляют, что приехали искать своих человеческих прав и требуют возврата их отцовских земель, захваченных царскими казаками.

Поднимается неистовый шум. Некоторые есаулы хватаются за кинжалы и демонстративно пытаются увести казачью фракцию со съезда.

— Нет мира, не будет мира, пока живы ингуши. Война. Война... Усилиями иногородних вся масса передовых казаков и фронтовиков, все же удерживается на съезде. Остаются и казачьи верхи. Съезд постановляет, что земельные претензии как горцев, так и казаков, должны быть заслушаны до выработки инструкции Края. Открывается бесконечная серия жалоб горцев и казаков на захваты полей, убийства, поджоги, грабежи, угон скота и людей в горы.

Настроение заметно улучшается. Но, для руководителей казачества становится очевидным, что вся масса горцев за большевиков и большевики выступают в пользу горцев, как наиболее обездоленных.

Часть казачьих верхов разъезжается по округам приготовить наступление в станицах, другая часть остается „для защиты прав свободолюбивого казачества".

Еще ждут приезда чеченцев. Но Чечня явиться на съезд в казачий Пятигорск не решается. Еще не остыли разгромленные и преданные пламени сакли около Гудермеса и железной дороги, полнеба к северу пылает вулканами подожженных Грозненских нефтяных промыслов — ехать опасно и голоса Эльдархановых, призывающих на съезд, глухо теряются среди лязга оружия и воинственных причитаний Узум-Хаджи, Нажмуддина, Али-Митаева[1] и нефтяного плутократа Чермоева.

Казаки пускают провокационный слух, что чеченцы поднялись на войну. Будто бы несметные массы чеченцев хлынули с гор, вывезли орудия из горной крепости Ведено и казачьи станицы всей Сунженской линии в пожаре.

Вдруг, во время тревоги, поднятой этой провокацией, на съезд прибывает первый делегат Чечни — Асланбек Шерипов.

После тяжких мытарств и разных приключений он пробрался сюда с мандатами чеченской бедноты разных аулов. В громовой речи, сильной и убедительной, этот природный трибун заявляет: „Чеченский народ требует земли и равноправия для всех трудящихся. Чечня знает, что для этого нужно отнять земельные богатства, права и привилегии как у казачьих атаманов, так и чеченских и прочих мулл и ханжей. Это способна осуществить только Советская власть. Да здравствует Советская власть и партия большевиков!"

Шерипов заверяет казаков, что слухи о нападении на Сунжу являются провокационными и предлагает себя в заложники казакам в подтверждение своих слов.

Казаки успокаиваются, но требуют перерыва для экстренного совещания.

Совещание казачьей фракции длилось недолго. Вожаки заранее составили резолюцию, в которой выставляли казачество постоянным защитником свобод вообще и целиком стоящим на платформе коммунизма теперь. Вот декларация казачьей фракции:

— „Испокон веков мы, терские казаки, боролись за культуру и свободу, имели свою казачью вольницу и бывали в опале у царей. Горцам мы всегда предлагали жить в братстве с нами, или же, как магометанам, переселиться из ущелий гор в Азию или Турцию, для самоопределения среди своих мусульман. На съезде мы все время голосовали за большевиков. Мы всей фракцией объявляем себя большевиками и стоящими за большевистскую программу. Если горцы будут еще теперь против нас, казаков, они выступают, как враги

[1] Шейхи Чечни и Дагестана.

большевиков и всех российских народностей, признающих власть большевиков, и должны быть укрощены обще-государственными мерами... Мы требуем объявления на Тереке Советской власти"...

... Встревоженные заявлением казаков горцы тоже начинают целыми фракциями заявлять о своем большевизме.

Фракция коммунистов же, поблагодарив за выраженные ее принципам симпатии, все же посоветовала сперва хорошенько во всем разобраться и провести в жизнь лозунг большевиков—„мир и братство народа". Зачем заранее наклеивать ярлык большевиков.

Вместе с декларацией казаков на съезде и в подтверждение ей, тут же со всех сторон посылались конные и пешие делегации из станиц. Все они заявлялись „большевиками", предъявляли приговоры станиц о провозглашении ими Советской власти и просили оружия и снарядов.

— Горцы обижают, житья не дают. Надо их нехристей образумить. Вместе с тем, горские делегации на съезде заявляют, что они требуют полного разоружения, как станиц, так и аулов и сдачи всего вооружения Народному Совету...

Это окончательное разочаровывает казаков и в дальнейшем они ведут свою провокационную работу в полной согласованности с эсерами и под их политическими директивами. (По позднейшим сведениям, уже на Пятигорском съезде между руководителями эсеров—Мамуловым, Орловым и проч. и атаманом казачьих линий был разработан план общего восстания казаков с эсеровскими „русскими массами", для изгнания из области большевиков и горцев, опираясь на Бичерахова)"...

Из этого воспоминания видно, какой сложный переплет сил и настроений был представлен на съезде, как четко и в то же время гибко должно было проводиться руководство им со стороны „тех самых большевиков", которым клялись все.

Приведем здесь основные резолюции и постановления съезда, из которых будет видно, какую тактическую линию заняли и проводили организованные большевики на съезде.

Заслушав доклад по текущему моменту, съезд принял следующую резолюцию:

— „2-я сессия Терского Народного съезда, заслушав доклад о текущем моменте в Терской области, находит: чрезвычайная угроза революции, исходящая от империалистического запада не замедлит отразиться и на жизни Терской области, революция в России вообще, и в Терской области в частности, находится в опасности и отсюда встают чрезвычайные задачи перед Терской демократией, объединенной на съезде. Задачи эти усугубляются особенно тем, что Терская область не перестает пребывать в состоянии анархии, общей разрухи и гражданской войны. Единственным выходом из создавшегося у нас, в Терской области положения, является путь, указанный на Моздокском съезде, т.-е. объединение всей революционной демократии без различия национальностей вокруг лозунгов борьбы за распублику рабочих, солдат, крестьян, трудовых казаков и горцев.

Это положение должно быть руководящим при дальнейших шагах революционной демократии, как-то: при организации местной власти и при создании ответственных органов в области"...

Обсудив земельный вопрос, съезд принял соответствующее постановление 2-го Всероссийского Съезда Советов РСФСР. Вполне понятно, что таким разрешением земельного вопроса казачья буржуазия и кулачество остались недовольны. Внеся заявление, что земельный вопрос правильно может разрешить только хозяин земли русской—Учредительное Собрание, богатое казачество оставляет съезд и разъезжается по станицам.

По национальному вопросу съезд постановил:

„Терская область является составной частью Российской Федерации и является союзом народов и племен, политическое участие которых в управлении областью выражается в пропорциональном представительстве. в составе единого органа областной власти“...

Таким образом, расчеты крупной казачьей и горской буржуазии на отделение области от Советской России не оправдались. Горцы постановили—считать себя неотделимой частью большевистской России.

На съезде была утверждена конституция, в основном сводившаяся к следующему:

„В состав Терского края входят территории и население Пятигорского, Моздокского, Сунженского, Кизлярского отделов, Нальчинского, Назрановского, Грозненского, Хасав-Юртовского, Веденовского, Владикавказского округов.

Терский край есть составная часть Российской Федеративной Советской Республики, утвержденная на основе свободного союза, свободных наций.

Терский край управляет народной властью, избранной населением края на основании тех законов, кои будут установлены.

В пределах, предоставленных основными законами Российской Федеративной Советской Республики, Терский край имеет всю полноту власти на своей территории.

Народная власть Терского края имеет целью охранять революционные права, право поддерживать спокойствие и гражданский порядок края и защищать свободу и права трудовых масс и содействовать дальнейшему освобождению трудящихся от гнета классовых эксплоататоров.

Терская народная власть имеет на своей территории всю полноту карательной, административной и судебной власти, при условии, чтобы акты власти, во-первых, не содержали ничего противоречащего конституции Российской Федеративной Республики, во-вторых. не нарушали основных прав гражданства, предоставленных конституцией общероссийской, в третьих, могли быть отменены, если захочет того население Терского края. Структура власти должна быть таковой:

... Верховная власть в Терском крае, поскольку такая представлена Всероссийской конституцией на территории Терского края, осуществляет Терский Народный Совет.

Терский Народный Совет составляется из депутатов, избранных на основе тех избирательных систем, кои установлены на местах.

Правом голоса при выборах и в голосовании без различия пола. вероисповедания. национальности, может пользоваться всякий гражданин, которому исполнилось 18 лет.

В составе Терского Совета Народных Комиссаров имеются следующие ведомства: местного самоуправления, суда, торговли, промышленности, финансов, труда, военное, народного просвещения, земледелия, продовольствия“...

В положении о национальном самоуправлении было сказано:

— „Органами общественного хозяйства и управления являются окружные или отдельские трудовые народные съезды, трудовые народные Советы и Исполнительные Комитеты“...

Если проанализировать все приведенные нами резолюции и постановления, то прежде всего необходимо будет констатировать наличие в них ряда таких пунктов (напр., о выборной системе и пр.), которые свидетельствуют основное—съезд верно отразил в своей

работе то самое соединение революции с национально-освободительным движением, о котором так много писал Ленин. Мы в этих резолюциях найдем такие ноты, которые не могут быть признаны подлинно-пролетарскими, но именно это и свидетельствует о том, что развертывающаяся революция на Сев. Кавказе неизбежно должна была в этот этап иметь такие специфические черты, которые только подтверждали правильность известного тезиса Ленина о перерастании буржуазно-демократической революции в пролетарскую в странах и районах с угнетенными национальностями. Если Моздокский съезд был только первым шагом к тому, чтобы развернуть на Тереке борьбу за Советы, то Пятигорский съезд означал уже победу Советов, но еще не как органов подлинной, пролетарской диктатуры, а скорее органов рев.-демократической диктатуры под руководством большевиков.

Необходимо отметить, что при рассмотрении вопроса о власти, когда съездом было постановлено „признать власть Совнаркома“,— социалистический блок, организованный на 1-м Моздокском съезде, развалился. Меньшевики, после принятия предложения о признании Советской власти, внесли в президиум съезда внеочередное заявление, сводящееся к следующему:

„ ... Фракция социал-демократов, включающих представителей гор. Грозного, Старо-грозненских промыслов, Владикавказа, Георгиевска, Пятигорска, Кисловодска, колонии Карась ,станицы Ново-Осетинской, выявляет, что в списке кандидатов в Народный Совет от иногородних нет ответственных представителей РСДРП, в чем фракция усматривает нарушение Моздокского соглашения, согласно которого для создания единого революционного фронта, в Народном Совете должны быть представители всех социалистических партий, от народных социалистов, до большевиков включительно. Невключение ответственных представителей фракции в список кандидатов от иногородних, насильственно лишает голоса целое течение в среде организованного пролетариата. Отдельные социал-демократы, которые включены в список кандидатов от иногородних в Народный Совет, вошли туда индивидуально, поэтому фракция с.-д. слагает с себя ответственность за деятельность, о чем доводят до сведения как областного съезда, так и Центрального Комитета Партии“...[1]

Войдя в социалистический блок еще в Моздоке, меньшевики видели, что линия, которую берет в работах Терский народный Совет, это не их линия, они не могли итти дорогою, какую указывал Терский Народный Совет, где было большинство с большевиками, но они открыто еще не могли пойти и по путям, которые намечала дворянская казачья контр-революция.

История так ставила вопрос, что было только два пути: или за Октябрь, значит за советы, или против Октября с дворянско-буржуазными классами, за реставрацию капитализма. Придравшись к резолюции по текущему моменту, принятой Пятигорским народным съездом, меньшевики ушли, заявив тем трудящимся массам, что в борьбе за Советы они на меньшевиков рассчитывать не должны.

---

[1] Все резолюции и материалы по 2-му съезду взяты из „Второй сессии Терского Областного Народного съезда в гор. Пятигорске“ (стен. отчет.)

Во время работы Пятигорского съезда во Владикавказе сидело Терско-Дагестанское Правительство, составившееся перед этим от слияния Войскового правительства, избранного Казачьим Кругом, и Пр-ва горской Республики, обитавшего до этого в Порт-Петровске. Узнав, что в Пятигорске собирается съезд народов области, Правительство прислало полдюжины телеграмм с приказанием „немедленно разъехаться“.

Съезд под конец своих работ, заслушав сообщение делегатов Владикавказского Совета, приглашавших съезд переехать в административный центр области, ибо Терско-Дагестанское Правительство совершенно беспомощно и не может справиться с анархией, которая царствует в городе все время, постановил — немедленно переехать во Владикавказ.

Тут же был подан поезд. Ночью съезд прибыл в центр области. Терско-Дагестанское Правительство, узнавши о переезде съезда из Пятигорска во Владикавказ, захватило денежные средства, некоторые городские и областные ценности и скрылось, предоставив город в распоряжение пьяных бандитствующих шаек казаков и горцев, наемников буржуазии, встретивших съезд винтовочными беспорядочными залпами.

Утром представители съезда пошли по учреждениям бывшего Терско-Дагестанского Правительства с тем, чтобы принять от него власть в городе. Кроме „неопохмелившихся офицеров“ из Правительства никого не нашли.

Офицеры были очень удивлены появлением нового хозяина и, не протестуя, власть передали представителям съезда.

Город был очищен от бандитствующего элемента.

Избрав Терский Народный Совет и выделив из него Совет Народных Комиссаров, съезд разъехался.

2-я сессия народов Терека постановила Терскую область впредь именовать Терской Народной Советской Социалистической Республикой.

С первых чисел марта 1918 г. Терский Народный Совет и его рабочий аппарат — Совет народных комиссаров,[1] пытается работать в качестве единственной верховной власти Терской области.

Совет Народных Комиссаров принимается в первую очередь за осуществление пожеланий, высказанных съездом по основным вопросам: земельному, национальному и рабочему. Все это время работа молодой Советской власти сопровождается провокациями национальных войн, выступлениями казачества против горцев, против Советов, то в одном, то в другом месте. Внутреннее положение Республики было тяжелым. Терек был оторван от Советской России, более или менее внушительных военных сил Республика не имела, контр-революция центр тяжести своих работ перенесла из города на периферию, в станицы, в аулы, используя темноту сель-

[1] В Совнарком вошли: Буачидзе, Фигатнер, Бутырин, Элердов, Пашковский, Иванченко, Борукеев, Дагуров, Калмыков, Левандовский и др.

ского населения против Советов. Это требовало от Совнаркома определенного кадра работников, которых надо было бросить в станицы, а их не было. Финансовое положение Республики было угрожающе, против бон, выпускаемых Совнаркомом, первое время у населения было большое предубеждение.

Внешнее положение молодой Республики то и дело осложнялось наскоками Правительства меньшевистско-дашнако-муссаватского Закавказья.

За короткий период времени, со 2-го по 3-й съезд народов Терека, исторические события в Крае следовали одно за другим с калейдоскопической быстротой и неожиданностями.

До 1918 г. на группе Кавказских Минеральных Вод было тихо. Буржуазия, напуганная октябрьским переворотом, укрывалась в Пятигорске, в Кисловодске, и здесь „пережидала". Минеральные Воды были битком набиты бежавшими буржуазией и военщиной. В Пятигорске и Кисловодске были десятки заговоров против рабочей революции, благо в Горсовете меньшевики во главе с Левиным, а эсеры с Орловым, шли против Октября.

Уже осенью 1917 г. в Городском Совете большинство шло за большевиками. Когда эсеры и меньшевики, в ответ на октябрьский переворот в центре, попытались организовать Комитет Общественной Безопасности, Горсовет заявил: „Обсудив вопрос об организации Городской Думой Комитета Общественной Безопасности, С. Р. К. С. Д. заявляет, что Городская Дума, состоящая из большинства врагов рабочей и крестьянской революции, кадетов и идущих за ними мелко-буржуазных партий, народных социалистов и правых социалистов-революционеров, решила создать Комитет для борьбы с большевизмом, т.-е. рабоче-крестьянской революцией. Протестуя против создания такого Комитета, Совет заявляет, что он не допустит Комитета, как начала гражданской войны со стороны контр-революции..." Большевики (т. т. Малыгин, Анджиевский и др.) имели в своих руках гарнизон Пятигорска—113-й запасный полк. В первых числах декабря 113-й полк был распущен по домам. Несмотря на уход по домам большинства солдат 113-го полка, группе большевиков в конце января 1918 г. удалось использовать революционные настроения гарнизона и населения в связи с 1-м съездом народов Терека в Моздоке и организовать рев. штаб, куда вошел весь большевистский актив (Анджиевский, Нижевясов и др.). Созданный для ведения военных дел рев. штаб скоро сделался фактической властью в городе, и в марте большевики взяли власть в свои руки, получив на выборах в Горсовет большинство.

В первых числах мая в Пятигорске разыгралось восстание местного начальника гарнизона Нижевясова против Советской власти. Нижевясов, кустарь-сапожник, деморализованный, разложившийся, управлял разлагающейся группой солдат, оставшихся от частей Пятигорского гарнизона времен империалистической войны. Постоянные кутежи, игра в карты, выпивки и т. д., окончательно

разложили эти части, начавшие временами без стеснения безобразничать. Дабы избавить город от этого „гарнизона“, Городской Совет постановил—управление горнизона подчинить Военному Комиссариату. Против этого восстал Нижевясов. Имея в руках вооруженную силу, он решил арестовать Совет и партию. Но последние, узнав об этом, ушли в подполье, сообщив в Терский Совнарком и Кубанский ЦИК о случившемся.

Через несколько дней приехавшими в Пятигорск председателем Совнаркома Буачидзе и главкомом Северо-Кавказских войск Автономовым нижевясовщина была ликвидирована и ее главный герой расстрелян.

ТЕРСКАЯ—НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА.

3-я сессия народов Терека в гор. Грозном 22-го мая 1918 г. Убийство Буачидзе. Терек в огне. 4-я сессия народов Терской области 23 июля 1918 г. во Владикавказе. Бичераховщина. Вторая драма на Тереке. Освобождение Владикавказа ингушами. Город в осаде. Взаимонепонимание Владикавказа и Пятигорска. 5-я сессия народов Терека 28 ноября 1918 г. во Владикавказе. Общая характеристика революции на Тереке в 1918 г. Падение Республики.

Общую обстановку, сложившуюся к концу весны на Тереке, один из тогдашних работников характеризует так:

„Казачество почти все находилось под влиянием своего офицерства и интеллигенции Часть осетин была на нашей стороне. Ингуши поддерживали нас довольно активно. Чечня, благодаря Эльдерханову и Асланбеку Шерипову, в значительной своей части стала на нашу сторону.

Кабарда в общем была пассивна, но ее беднота, под руководством Бетана Калмыкова и Назира Катханова, была за нами. Балкарцы были за нами. Казачьи станицы и многие осетинские села открыто выражали свое недовольство нами“.[1]

На 20 мая 1918 г. Терский Народный Совет решил созвать 3-ю сессию народов Терека в гор. Грозном.

Народный Совет полагал, что работы сессии в Грозном, где имеются большие кадры пролетариата, будут не только защищены от возможных трюков контр-революционеров, но, что самое важное, станут достоянием грозненского пролетариата, а это будет большой политической школой для него.

Во время созыва этого съезда, казачество, руководимое моздокской контр-революцией, готовилось к окончательной борьбе с большевизмом и с горцами. Понятно, что основную силу большевизма казаки видели в грозненских рабочих и в организациях, стоявших во главе его. Столкновения казаков с городом ожидались со дня на день. Подготовка крупных масс пролетариата к борьбе с развивающейся казачьей контр-революцией имела большое значение. Эту подготовку должен был проделать съезд. В повестке дня его стояло целых 9 вопросов.[2] Народный Совет и Совет Народных

---

[1] Симон Такоев. Там же, стр. 357.

[2] Доклад председателя Народного Совета, доклад Совета Народных Комиссаров, доклад Комиссара Земледелия. доклад Военного Комиссара, доклад с мест. политический момент в России и в Терской Народной С. С. Р., внешнее положение Терской Народной С. С. Р. и взаимоотношения с независимым Закавказьем, объединение всех областей Северного Кавказа в Северо-Кавказскую С. С. Р. и о мире внутри Терской Народной С. С. Р.

Комиссаров предполагали проработать на нем основные вопросы советского строительства так, чтобы можно было приступить к организационной работе в области и поднять ее на новую ступень. Но этот план осуществить не удалось. Съезд успел только поставить основной,— земельный вопрос.

То внутреннее положение в области, которое сложилось к этому времени, нашло, конечно, свое отражение и на съезде. После 2-го съезда, учредившего Терскую Республику, были налицо явления, которые шли по линии размежевания сил развертывавшейся революции и контр-революции, причем из-за национального вопроса, который заполнял собой все, начинали вырисовываться контуры диференциации социальных сил по классовому признаку. Выражением этих сдвигов было состояние т. н. социалистического блока. Создание его на Моздокском съезде отражало собой ту стадию „народной" революции, когда пролетарская и мелко-буржуазная линии не были еще четко размежеваны. Поведение правой части блока — меньшевиков и эсеров, уже на Пятигорском съезде проявивших сдвиг вправо, и должно было явиться показателем степени и глубины размежевания сил. За кем они пойдут—за правой казачье-офицерской частью съезда, или за большевиками? И на съезде, и именно по земельному вопросу, вскрылась происшедшая передвижка сил.

Совнарком, в лице комиссариата земледелия, не смог, понятно, разработать земельную реформу, т. к. слишком сложны и запутаны были аграрные отношения на Тереке; он приступил лишь к выяснению земельного фонда, уничтожил арендную плату, предполагал провести в жизнь переселение селений и т. д.

На местах уже к съезду началась борьба за землю; так, в Осетии и Кабарде крестьяне приступили к разделу помещечьей и кулацкой земли; в Ингушетии аграрный вопрос упирался в казачество, в Чечне еще сильно было влияние мулл и шейхов, поэтому у этих народов борьба за землю находилась в несколько иной стадии.[1] Но везде, именно вокруг аграрного вопроса, разгоралась борьба. На съезде аграрный вопрос был поставлен в плоскость реализации на Тереке соответствующих решений 2-го Всероссийского съезда Советов, только формально принятых на Пятигорском съезде. Эта реализация означала значительное поправение и так „правого" казачества, перевод борьбы именно на классовые рельсы. М—ки и эсеры превратились в оппозицию по этому вопросу, что означало окончательный развал социалистического блока и коалицию их с казачьей делегацией. В результате горячих споров на съезде земельный вопрос разрешен не был, но факт постановки его в такую плоскость, несомненно, знаменовал углубление революции.

---

[1] В Чеченском Национальном Совете наметилось два течения,— одно настаивало на участии в 3-м Грозненском съезде, на союзе с большевиками; оно, возглавляемое Эльдерханом, переехало в с. Гойты и, созвав там съезд, провозгласило Советскую власть в Чечне и связалось с Терским Народным Советом; другое — реакционное, находившееся в с. Алды, настаивало на союзе с казаками против безбожников - большевиков.

На съезде была сконструирована казачье-крестьянская фракция. Образование ее означало попытку казачества повести за собой иногородних (к ним присоединилась только часть делегатов от иногородних) под старым знаменем национальной борьбы и подготовку к созданию будущего Моздокского „Казаче-Крестьянского Правительства.

Таким образом у б-ков справа остался только один политический союзник — это революционная крестьянская партия „Кермен“, за которой шла беднота и часть левых эсеров. Если проводить аналогию с центром, то следует отметить следующее. Терский социалист. блок означал осуществление на практике того, что было достигнуто в Питере в результате знаменитых переговоров с „Викжелем“; там большевики не пошли на уступки соглашательским партиям, на Тереке же, в обстановке национальной горско-казачьей войны, уступили, и когда в центральной России уже назревал разрыв б-ков с левыми эсерами, которые вошли в союз, тогда, после Октября, терские большевики только окончательно рвали с м-ками и эсерами и переходили к блоку с местными, более левыми социалистическими группировками — керменистами и левыми эсерами. В этой разнице чередования во времени „блоков“ в центре и на Тереке отразилось большое отставание от пролетарских районов процесса углубления революции здесь.

Кроме бурных прений по земельному вопросу и охарактеризованных нами результатов их, 3-й съезд ничего сделать не мог, т. к. должен был, наскоро избрав Народный Совет, прекратить свою работу из-за начала новых столкновений казаков с рабочими. Внушительные силы бело-казаков начали окружать город.

В условиях беспрерывных войн на территории Республики, мероприятия съезда, углублявшие, регулировавшие советское строительство, в жизнь почти не проводились. Такие большие вопросы, как национальный и аграрный, разрешались в этот период в огне вооруженной борьбы.

5-го июня 1918 г. на станицы Тарскую, Аки-Юртовскую, Сунженскую и Фельдмаршальскую напали ингуши, не дождавшиеся мирного разрешения земельного вопроса. Станицы подверглись разграблению, частично сожжению, было уведено в горы много скота, увезено много скарба. Ингуши, громя станицы Сунженской линии, полагали, что этим актом можно будет выжить казачество и захватить себе земли, которые занимались юртами этих станиц. В ответ на это, вожаки казачества приготовили огромные отряды и с ними двинулись в наступление на горские аулы. Большой ингушский аул Бардебос был разорен и сожжен до тла. Длительная работа верхов казачества и горской буржуазии увенчались успехом и на этот раз. Война развивалась в жесточайших формах. Терскому Народному Совету надо было спешно найти пути ликвидации этой бойни и примирения спровоцированных на взаимоистребление народов.

18-го июня без согласия Народного Совета, после разгрома местного Совета Р. Д., в Моздоке собрался съезд казаков

и крестьян этого округа. Руководство принадлежало полковнику А: оеву. Съезд вынес постановление:

„...Советской власти не признавать, избрать Исполнительный Комитет, отвечающий интересам казачества и крестьян“...

Вместо Моздокского Исполнительного Комитета, было избрано казачье-крестьянское правительство Терской области, во главе с эсером, инженером Георгием Бичераховым. Это правительство потребовало от Терского Совнаркома ареста и присылки в его распоряжение трех комиссаров, ненавистных казачьим верхам,[1] а также немедленного предоставления трех мест для представительства в Терском Народном Совете от Моздокского Правительства. В это время Моздок занимали части Агоева. Возле Кисловодска, Ессентуков, вертелись отряды Шкуро. Лазарь Бичерахов (брат председателя Моздокского Правительства) занимал восточную часть Терской области. В Кабарде свирепствовал Серебряков. Под Владикавказом, осаждая его, стояли отряды офицеров Соколова и Беликова. Контр-революция бешено мобилизовала свои силы и организовывалась. Среди казацких масс происходил процесс все большего обострения отношений, и не только с горцами, но и с иногородними. Борьба вокруг земельного вопроса на 3-м съезде стимулировала обострение его на периферии. Ген. Слащев, организовавший вместе с Шкуро летом 1918 г. белогвардейские части в северной части Терека (Пятигорский район), констатирует это обострение в своем воспоминании так:

„...За июнь месяц отношения зажиточных казаков с иногородними обострились еще больше. Выше я указывал, что мне не удалось организовать раньше ни одного восстания, и кроме нескольких офицеров я ничего собрать не мог. Теперь же происходила совершенно обратная картина — совершенно почти не приходилось агитировать, казаки являлись сами. Приходилось, наоборот, сдерживать отдельные станицы от сепаратных восстаний“...[2]

Казачья фракция Областного Народного Совета была тесно связана с контр-революционной работой. „В Осетии офицерство чувствовало себя хозяином положения. Интеллигенты, называвшие себя социалистами, жили в содружестве с офицерами“ — пишет С. Такоев. На съезд социалистов в с. Христианском (Дигория) кроме б-ков и керминистов никто не явился. Меньшевики и эсеры уже перешли в лагерь контр-революции.

Терек представлял собой бурлящий котел национальной войны, только начинавшей перерастать в гражданскую борьбу. Понятно, что работы Народного Совета и Совнаркома в таких условиях встречали колоссальное противодействие.

21-го июня председателю Совнаркома Буачидзе сообщили, что на площади собралась огромная толпа, идет противосоветская агитация, толпа волнуется и требует представителей власти. Буачидзе,

---

[1] Ими были — Буачидзе.

[2] Рукопись. С.-К. Крайистпарт, стр. 10—11.

захватив некоторых из своих товарищей, сейчас же отправился туда, и в тот момент, когда он пытался произнести речь, по нем было сделано несколько выстрелов. Одним из них Буачидзе был смертельно ранен, и тут же умер. Этот акт лишил Терскую С. С. Р. одного из лучших руководителей, умевшего быстро и правильно разрешать самые сложные вопросы жизни многонациональной Республики.

В данный период во Владикавказе находился краевой комитет РКП(б) (Махарадзе и др.), который приехал сюда из Тифлиса. С его участием Народным Советом была созвана во Владикавказе 4-я сессия народов Терека.

23-го июля, когда пожар национальной и гражданской борьбы полыхал по всей области, а около Владикавказа шли бои, собрался 4-й съезд Терской Народной С. С. Р. Делегатов прибыло свыше 600 человек. В повестке дня стояли вопросы:

Текущий момент.
Доклад Комиссаров.
Доклад Чрезвычайного Комиссара Юга России Орджоникидзе.
Доклад Комиссара Шляпникова о продовольствии.

Заменивший убитого Буачидзе, пред. Совнаркома тов. Пашковский, открывая съезд, так характеризовал обстановку:

„Все трудовое население крестьян и рабочих находится в опасности. Всему населению области грозит анархия. Опасность грозит не только извне, но и внутри. Совет Народных Комиссаров призывает вас — избранников народа, к объединению всех ваших сил, для творческой работы по укреплению революционных завоеваний и защиты самой революции. От вас всех потребуется усиленная, вдумчивая и созидательная работа по тем явлениям, которые переживает Терская область. Быть может придется отказаться от многого и пожертвовать кое-чем каждому“...

Пашковский был прав - рабочие и крестьяне действительно находились в опасности. Бичераховское правительство уже мобилизовало все казачество Моздокского отдела и перешло к активным действиям по направлению к Пятигорску, Владикавказу и Кизляру. Отряды керминистов, представлявшие боевую силу революции, уже были почти отрезаны от Владикавказа и бились с окружившими их в с. Христиановском белогвардейскими силами. Съезд в этой обстановке должен был проявить железную твердость и единство в организации борьбы, но этого не случилось, ибо состав его был разнокалиберным и имел в своих рядах не только меньшивиков и эсеров, активно сочувствовавших Моздокскому Правительству, но и открытых контр-революционеров, за которыми шла казачья делегация.

Борьба на съезде началась с обсуждения первого же вопроса о текущем моменте. Прежде всего м-ки и эсеры хотели сорвать рассмотрение этого вопроса, доходя здесь до предложения о приглашении представителей Моздокского Правительства, с тем, чтобы выслушать сначала их объяснения,—а то, мол, обсуждение будет односторонним.

Приведем выдержки из речей их представителей и ответных выступлений б-ков, из которых видно, что уже начало съезда предвещало тяжелый конец его.

Вот перед нами Полюхов (с.-р.):

„...От имени рабоче-крестьянской демократической фракции я заявляю, что порядок дня съезда должен быть построен так, как это было предрешено на частном совещании, т. е. должен быть выделен вопрос о принятии мер к ликвидации междоусобной бойни, для чего должна быть избрана комиссия и послана на места; пока же там будет работать комиссия, в это время можно будет заслушать отдельных комиссаров, другая же часть докладов, по нашему, должна быть заслушана при полном съезде, ибо как мы будем решать вопрос о войне и мире, когда главной части представительства на съезде нет".

Звягин (с-р.). „Представители казачье-крестьянской фракции не находят возможным при настоящем кворуме рассматривать вопрос о ликвидации гражданской войны..."

Фигатнер (б-к). — „Я вполне присоединяюсь к этому предложению. Но для того, чтобы знать, как прекратить гражданскую войну, нам нужно знать причины ее возникновения, а для этого необходимо выслушать доклад по текущему моменту, где будет все сказано".

И. Семенов (с.-р.) „Убеждения Фигатнера не могут быть вески, ибо этого вопроса мы не можем разрешить без той группы, которая является потерпевшей и может быть даже здесь судима (слова: „может быть Бичерахова привести?"). Да, надо Бичерахова и всех тех, кто является виновным в пролитии трудовой крови. Поэтому, на повестке дня должен быть вопрос о посылке мирной делегации".

Фальчиков (казак). „Я хотел указать на то, что такой чрезвычайной важности вопрос, как ликвидация войны, невозможно рассматривать в то время, когда нет полного освещения его с двух сторон, комиссар же внутренних дел предлагает вопрос этот решать в одностороннем освещении. Я считаю это ошибочным и недопустимым. И пока здесь будут обсуждаться доклады, братоубийственная война будет продолжаться и будет попрежнему литься кровь. Для обсуждения текущего момента должны быть все делегаты, и я приглашаю вас, уважаемые граждане, принять меры, чтобы прекратить гром пушек, убийства, и дать возможность съехаться делегатам, и только тогда возможно будет полное единение и мир, о чем также говорит и представитель Центральной власти..."

Пашковский. „20-го июля нами был издан приказ о приостановлении наступательных действий и с того времени наши войска не предпринимают никаких активных действий и держатся только в оборонительной дистанции (с места: „Но только обстреливают станицы"). Совет Народных Комиссаров считает своей обязанностью предпринять все шаги, чтобы съезд был представлен полностью. О прекращении военных действий, как я уже говорил, отдан приказ, и уже в течение трех дней мы не предпринимаем никаких военных действий и таковые начинаются только с той стороны, — мы же защищаемся..."

Эта пикировка с ядовитыми репликами с мест не предвещала не только монолитности съезда, но грозила большим. Доклад по текущему моменту все-таки был заслушан и по нему съезд принял резолюцию, в которой казакам предлагалось прислать представителей для участия в работе съезда:

— „4-й съезд народов Терской области, в целях скорейшего прекращения кровопролитной братоубийственной бойни, возникшей между трудовым казачеством, вовлеченным в эту бойню преступными элементами, постановил: предложить казачеству немедленно очистить линию железной дороги и передать ее в ведение как центральной, так и областной власти.

Предложить казачеству 25-го июля выслать своих делегатов от Кизлярского, Моздокского и Пятигорского отдела на 4-й Съезд народов, для разрешения всех вопросов, стоящих на повестке дня съезда

Съезд, совместно с представителем центральной власти тов. Шляпниковым и чрезвычайным комиссаром Юга России тов. Орджоникидзе, а также Терским областным Совнаркомом, гарантирует казачеству, что ни одна часть, ни один бронированный поезд войск Терской республики не будет двинут вперед, также ни одна казачья станица, не проявляющая враждебных действий, не будет разоружена. Съезд вместе с тем заявляет, что отказ от этого предложения съезда, всю тяжесть вины за продолжение бойни возлагает на тех, кто отказывается от исполнения этого предписания съезда..." [1]

Для переговоров с казаками была выделена делегация и с ними было заключено перемирие. Таким образом, съезд сделал все возможное, чтобы предотвратить продолжение борьбы с трудовыми массами казачества и вырвать их из-под руководства Бичераховского Правительства. Но контр-революция не желала, конечно, никаких переговоров, ее задача заключалась в разгроме Советов и большевизма. Борьба внутри съезда продолжалась и после принятия резолюции по текущему моменту. Правая часть его упорно шла к конечной цели — взрыву съезда изнутри и созданию благоприятной обстановки для разгрома его. Очень показательно было поведение части делегатов при заслушании доклада представителя Центра тов. Шляпникова. Докладчик, указав на то, что контр-революция перебросила центр тяжести своей работы на окраины, предупреждал трудящихся не поддаваться на провокацию борьбы с Центральным Правительством, сообщив об авантюре левых эсеров, как акте, характеризующем консолидацию контр-революционных сил, объединяющихся с западно-европейским империализмом для борьбы с Советской властью. Тов. Шляпников заканчивал свою речь так:

„...Я послан сюда Центральной властью Совета Народных Комиссаров, чтобы урегулировать хлебный транспорт, но здесь была пущена провокация всех мастей, будто бы я буду вооруженной силой отбирать у трудового народа как продукты, так и хлеб, и эта провокация была пущена противными партиями правых эсеров и меньшевиков (шум с мест, крики: ложь, у нас хлеба нет, сами едим кукурузу); я приехал вовсе не для этого, а для обмена хозяйственных орудий и мануфактуры на хлеб (с мест: „Нет у нас хлеба"). И кто нам будет в этом мешать, вы скажите: „прочь руки", ибо железная дорога не принадлежит ни чеченцам, ни казакам, а всей России (оратора перебивают аплодисменты и заигравшая музыка). Я хочу также вам указать, что богатый угольный район отошел от нас, и те работы. которые производились благодаря наличию угля, не производятся.

К вам, чеченцы, я обращаюсь, чтобы вы, трудовой народ, постарались восстановить ту линию, которая проходит на Петровск, чтобы вы восстановили промысла и потушили пожар.

Все это сделаете вы, а не капиталисты. Вы читали, вероятно, в „Терском Казаке" статьи осведомительных сотрудников о разрухе и развале нашей промышленности (с мест: „верно. правильно"). Народное хозяйство, которое нами было получено от старого правительства, было в очень скверном состоянии. Вся промышленность была приспособлена для производства на нужды войны и все это нам приходилось пересоздать. От этого пока слаба про-

[1] Газ. „Правда" 1918 г., № 248.

мышленность, а вовсе не оттого, что рабочие будто не хотят работать у этой власти (с мест: „ее нет, этой власти“). Есть власть, этому пример ваш покорный слуга (с мест: „у Николая ваша власть“). Рабочие и крестьяне в в центральной России не только производят все работы, но и, вместе с тем, борятся против контр-революционных выступлений...“ [1]

Стоит только вдуматься в реплики с мест, чтобы картина стала совершенно ясна. Казачья делегация и шедшие с нею меньшевики и эсеры, стремясь сорвать решение съезда о выполнении директив Центра по продовольственному вопросу, являлись по существу агентами Моздокского Правительства. Съезд был ареной открытой, пока словесной, фракционной борьбы, которая должна была перерасти в более грозные формы. Так и случилось. Казачество, вместо перемирия, перешло в наступление на Владикавказ и в ночь с 4-го на 5-е августа банда, состоящая из казаков и осетин, под руководством Беликова и Соколова захватили пригородные слободки Владимирскую и Осетинскую. Съезд рассыпался. Его правая часть, в том числе меньшевики и эсеры, перешли на сторону контр-революционеров. Остальные разбились на группы — одни с оружием в руках примкнули к боровшимся с бандой Владикавказским рабочим и отрядам керменистов, другие выехали по Военно-Грузинской дороге, третьи (Орджоникидзе, Фигатнер и др.) ушли в Ингушетию. После упорных уличных боев Владикавказ на несколько дней был очищен от красных и началась вакханалия расстрелов и грабежей. В город приехал сам вождь Казачье-Крестьянского Правительства с.-р. Бичерахов. Был организован Временный Исполком Терской Республики, с членом только что разогнанного съезда эсером Семеновым во главе. Таким образом, этот „социалист“ не случайно призывал в начале съезда позвать Бичерахова для переговоров. Бичерахов прибыл для того, чтобы вместе с Семеновым закрепить свой союз с контр-революцией кровью расстрелянных большевиков, членов Совнаркома, в том числе председателя т. Пашковского, Комиссара Путей Сообщения Долобко и др., убитых на станции Змейской, вместе с 64 делегатами съезда.

Но недолго пришлось новому Областному Исполкому „править“ Тереком. Маленький ингушский народ стал на защиту Советской власти. Он в это время захватывал землю Сунженского казачества (ст. Сунженская, Воронцово-Дашкова и Тарская), которая могла быть закреплена за ним только в случае победы большевиков. Узнав, что Владикавказ пал, ингуши повели наступление на него и после упорного боя 17-го августа белые были выгнаны. Семеновский Исполком бежал в Моздок. Помесь казачьей контр-революции с эсеровской демократической „учредиловщиной“, что представлял из себя Семеновский Исполком, была разгромлена усилиями маленького народа, ставшего за большевиков.

„Я помню момент перед концом 4-го съезда, когда мы висели на волоске, это был момент... когда за нами не шли... на нас робко

---

[1] Протокол заседания 4-го съезда народов Т. обл. — С.-К. Ист.

оглядывались... только ингушский народ пошел за нами, не оглядываясь“—вспоминал т. Орджоникидзе этот момент борьбы ингушей за советы в декабре 1918 г. на 5-й сессии трудовых народов Терека.

По очищении Владикавказа, 4-й съезд снова собрался, но уже далеко не в полном составе. Избрав Народный Совет и утвердив выделенный им Совнарком, под председательством т. Булле, 4-я сессия свои работы закончила.

Вновь избранный народный Совет прежде всего занялся организацией вооруженных сил Республики. Началось формирование Красной армии, способной ликвидировать казачью контр-революцию и беспрерывные вооруженные выступления враждебных отрядов.

Отряды Красной армии, дисциплинированные, вполне способные справиться с задачей защиты Совета от нападения всяких контрреволюционных банд, дали городские рабочие организации и городские окраины из местной бедноты. Второй задачей Народного Совета было освободить города, сидевшие в белом качачьем кольце Грозный и Кизляр. Решение второй задачи, означавшей переход в наступление против Терской контр-революции, продвигалось вперед гораздо медленнее. После освобождения Владикавказа от белых, Моздокское Правительство не ликвидировалось, а продолжало организовывать контр-революцию, связавшись через Лазаря Бичерахова, находившегося в Дагестане под покровительством английского империализма, снабжавшего казачество деньгами и оружием. Были даже случаи прилета английских аэропланов в станицы, где летчики вели агитационную работу, обещая материальную помощь восставшим. О связи с Добровольческой армией Моздокского Правительства свидетельствует сам генерал Деникин в своих „Очерках“ упоминанием о посылке на аэроплане в начале сентября денег, для формирования на Тереке офицерских частей.[1] В июле же советскому Тереку пришлось воевать и с меньшевистской Грузией, которая наступала против революционных осетинских отрядов, помогавших восставшим грузинским крестьянам. Но этот участок был еще до захвата Владикавказа Соколовым ликвидирован заключением договора с Грузией, о прекращении борьбы друг с другом.

Главной задачей являлось, конечно, освобождение Грозного и Кизляра от белой осады; только в ноябре месяце эта задача была решена. Рабочие и части 11-й и 12-й армии, сидевшие в осаде в Грозном около 100 дней и в Кизляре 70 дней, разбив белое кольцо, прогнали контр-революционные части и начали успешную борьбу по очищению территории Терской Народной Республики от белых гнезд и отрядов. Наконец, 16-го ноября было взято гнездо казачьей контр-революции — Моздок. Нужно сказать, что в ликвидации моздокского центра очень большую роль играли горские отряды (осетины, кабардинцы). Так называемая Шариатская колонна, под командой Мироненко, в которой имелись муллы и эфенди, наступала на Прохладную — Моздок с северо-запада по заданию

[1] Т. 4. Берлин, 1925 г., стр. 103.

Р. В. С. 11 армии. Это было показателем того, что горская беднота большинства народов стала в это время в массе своей на сторону красных, и именно с ее участием было ликвидировано „Казачье-крестьянское“ Правительство, просуществовавшее более 3-х месяцев. Его вожди бежали в Закавказье. Разгромленное в разных местах, контр-революционное казачество (Владикавказ, Моздок, Грозный, Кизляр) все же не сдавалось, а усиленно готовилось к новым выступлениям на помощь Деникину, сумевшему отодвинуть 11-ю армию с Кубани к Тереку. В это время огромную агитацию развило Горское Правительство миллионера Чермоева. Среди горцев начались вновь религиозно-националистические движения.

В жизни и работах Терской Народной Советской Социалистической Республики необходимо указать на своеобразную роль группы Минеральных Вод и в особенности Пятигорска. Партийная организация этого города, бывшая более мощной, чем Владикавказская, возглавлявшаяся молодыми коммунистами, во главе с Анджиевским, за весь период существования Терской Республики не шла целиком в ногу с Владикавказом, с Терским Совнаркомом. Левый коммунист Анджиевский считал, что политика, которую проводит Терский Совнарком, это политика не большевистская, правая политика, которая не даст победу пролетариату. На эти обвинения „правые“, во главе с Буачидзе, отвечали тем, что пятигорцы не отдают себе правильного отчета в том своеобразии, которое имеется на Тереке, где „национальная рознь требует от коммунистов некоторых компромиссов“. Анджиевский, работавший в районе, где наименее чуствовались национальные антагонизмы, несомненно, недоучитывал всей сложности обстановки и переносил условия России на Кавказ. Необходимую гибкость и линию на соединение национально-освободительной войны с пролетарской революцией более правильно проводил Буачидзе и Совнарком. В июле 1918 г., после больших споров Пятигорья с Владикавказом по „принципиальным вопросам“, Анджиевский выехал в Москву с личным докладом к Ленину, чтобы там окончательно убедиться, кто прав, чья из двух линий на Тереке верна. Вернувшись из Москвы, он на обще-городском партийном собрании докладывал, что линия Терского Совнаркома была правильной. Недоразумения Пятигорска и Владикавказа между собой нервировали обе организации и отрицательно отражались на их работе. Но особенно больших осложнений они на Тереке не внесли.

28 ноября 1918 г. собралась 5-я сессия народов Терской Республики в обстановке окончания борьбы с контр-революцией, питавшейся до сего времени, главным образом, местными силами. Повестка съезда была следующая:

Доклад председателя Совнаркома.
Текущий момент.
Земельный вопрос.
Организация власти в Центре и на местах.
Борьба с грабежами и разбоем.

На съезде участвовали Мдивани, Орджоникидзе и др. Сильная группа партийных работников-большевиков вела съезд за собой и он не носил той пестроты и некоторого сумбура, которые были характерны для предыдущих съездов. Борьба шла теперь уже с левыми эсерами, как увидим ниже, по земельному вопросу. Этот последний съезд в истории Терской Советской Республики знаменовал собой основное достижение Терской Советской власти за 1918 г. — разгром внутренней контр-революции, при помощи горской бедноты; он смог поставить во всю широту вопросы, которые означали попытку перевода революции здесь на пролетарские рельсы. Но он только наметил эти задачи. Разрешены же они были уже после 1920 г., после ликвидации деникинщины. Еще одна черта характерна для этого съезда — он больше предыдущих занимался вопросами обще-русского масштаба, он больше ощущал связь с российским пролетариатом, как бы знаменуя этим выход терских трудящихся масс в одну шеренгу борьбы против, уже переросташей во всероссийскую, краевой контр-революции, вместе с Северо-Кавказским пролетариатом, крестьянством и беднейшим казачеством.

Получив радостную весть о германской революции, съезд прежде всего послал телеграмму через Совнарком К. Либкнехту, через которого горец Кавказа перекликался с германским пролетарием. В приветствии Ленину, избранному почетным председателем, съезд правильно указывал, „что Терская Республика, населенная мелкими народами, бессильными самостоятельно отразить меч империализма и монархизма, угрожавшаго им с востока и с запада, видит спасение и избавление лишь в неразрывном, органическом единении с Рабоче-Крестьянской Россией“. Этот же мотив осознания необходимости крепкой связи с российским пролетариатом и обусловленности победы горских народов успехами социалистической революции звучал основным и в резолюции по текущему моменту:

„Терские трудовые народы пришли к непоколебимому и твердому решению, что судьба и участь их, как маленьких народностей, их свобода и мирная трудовая жизнь, зависят от окончательной победы российского и международного пролетариата, что вне социалистической революции и Советской Рабоче-Крестьянской власти спасения малым народностям, умерщвляемым мировыми хищниками-капиталистами, нет...

5-й съезд Терских народов считает важнейшей своей задачей создание мощной Красной армии, которая, совместно с Великой Красной Армии Советской России, облегчила бы задачу борьбы с белогвардейцами как отечественной, так и иностранной марки“...

В этой же резолюции, далее, внимание масс сосредоточивалось на необходимости борьбы с горским правительством во главе с „авантюристами“ Чермоевым, Джабашевым и Коцевым, засевшими в Дагестане и под благословением предателей грузинского крестьянства ковавшим новые мечи против революции.

Это Правительство выдвинуло лозунг объединения народов Северного Кавказа под протекторатом Турции и имело значительную опору в Чечне. Председатель Совнаркома т. Булле в своем

докладе по текущему моменту констатировал, что если беднота Осетии и Ингушетии на нашей стороне, то в Чечне более сильно влияние горского правительства. Съезд, правильно указывая опасность со стороны юга и востока, к сожалению проявил ту же ошибку, что и Советская Кубань, которая, сосредоточив все внимание на немцах и внутренней контр-революции, своевременно недооценила будущей роли добровольческой армии Деникина. Терские большевики, концентрируя все внимание на горской контр-революции, тоже забыли о Деникине, а он-то скоро и нанес главный удар Красному Северному Кавказу.

Но основным вопросом работы съезда, как и следовало ожидать, снова явилось разрешение аграрной проблемы. Уже при обсуждении доклада по текущему моменту, при отмечении роли Чечни, как силы, которая в значительной своей части поддерживала бичераховщину, молодой вождь Советской Чечни, Асланбек Шерипов, заявил:

„...Если в России революция выразилась в освобождении от от насилия помещиков и фабрикантов, то в Чечне она выражается в движении сельского населения за землю. Наша революция в экономическом отношении может основываться только на земельном вопросе, а в политическом — на борьбе с институтом шейхов и мулл. Необходимо дать землю и уничтожить связь ее с шейхами и муллами, ибо тогда можно умирать за революцию, когда знаешь, что дала тебе революция. Если в данный момент чеченцы не знали, за что надо умирать, то потому, что они не получили ни клочка земли“.[1]

Шерипов правильно указывал, что основное экономическое содержание развертывавшейся революции в Чечне (и, конечно, во всех горских районах) заключается в земельном вопросе, что только радикальная постановка аграрной проблемы ликвидирует политическое влияние горского духовенства, князей и буржуазии. Здесь коротко было сформулировано основное содержание революции на Тереке, как демократической национально-освободитель-борьбы. Мы видим, что даже к концу 1918 г. в таких областях, как Чечня, эта революция не только не была доделана, но и как следует еще не развернулась. И съезд, в уже цитированной нами резолюции по текущемт моменту, в ее практической части дал директиву будущему Совнаркому в центре внимания поставить земельный вопрос: „Съезд, одобряя политику Совнаркома, находит необходимым, чтобы переизбранный С. Н. К. продолжал в срочном порядке дальнейшее практическое проведение надела безземельных горцев и малоземельных казаков и крестьян землей и вообще закона о социализации земли“. Но, кроме этого общего указания, земельный вопрос подвергся специальному обсуждению по особому пункту повестки дня. Здесь-то и вскрылись разногласия между большевиками и левыми эсерами, по вопросу о ликвидации чересполосицы,

[1]) Янчевский.—„Гражданская борьба на Северном Кавказе“. Ч. 2, стр. 41.

путем переселения горцев на места, на которых в то время сидели казаки. Пункт, вызвавший расхождение, был в предложенной большевиками резолюции сформулирован так: „5-й съезд трудовых народов Терской Республики находит безотлагательным и крайне спешным приступить к уничтожению чересполосицы и установлению границ между отдельными племенами, путем переселения, согласно закона о социализации земли“.

Левые эсеры внесли особую резолюцию, в которой указывалась „принципиальная“ незакономерность полного уничтожения чересполосицы. Вот она:

„В целях равномерного, правильного и справедливого распределения земли между трудовым крестьянством, казачеством и горским населением, необходим правильный учет всех земельных угодий, размежеванных, свободных и годных для обработки.

Фракция левых эсеров принципиально признает незакономерным полное уничтожение чересполосицы и связанное с этим выселение казачье-крестьянского трудового элемента из давно насиженных мест.

Признавая крайнюю нужду трудового горского населения в земле и неравномерное распределение таковой для горских народов, населяющих Терскую область, фракция левых эсеров признает неотложно необходимым наделение всего малоземельного, безземельного трудового населения Терской области землей.

Коренной мерой, могущей восстановить законнное право трудового горского народа на землю, на основе трудовой потребительской нормы, является расселение всего трудового населения Терской области на свободные земли“...

Левые эсеры, увиливая от решительной постановки вопроса, требовали такого разрешения, которое бы не затронуло казачество — „коренной мерой... является расселение всего трудового населения Терской области на свободные земли“ — и этим они выявили свое непонимание своеобразных условий на Тереке. По существу и здесь сказалась еще раз та свойственная им „принципиальная революционность“, во имя которой они ранее вели бешеную борьбу против Брестского мира, обнаружив и тогда совершеную неспособность понять весь смысл ленинской гибкой тактики, учитывающей необходимость компромиссов там, где они обусловливаются данной конкретной обстановкой, именно для сохранения основных завоеваний революции.

Съезд принял резолюцию большевиков, в которой, кроме отмеченного пункта о переселении, подробно развивался план очередных мероприятий по земельному вопросу. Приведем ее целиком, в виду особой важности этого вопроса:

„Создание в кратчайший срок органов по разрешению аграрного вопроса на местах.

Открыть в спешном порядке комиссариаты земледелия, широкий кредит как на содержание земельных органов, так равно и операционные расходы по подготовке и проведению в жизнь социализации земли. В целях срочного и планомерного разрешения аграрного вопроса, признать настоятельно необходимым образование специально землеустроительного органа при Областном Земельном Отделе, для разработки законопроектов и составления планов землеустроительных работ.

Для распределения области на хозяйственные полосы, согласно закона о социализации земли, и для установления потребительно-трудовых норм, необходимо произвести статистическое обследование области и почвенное обследование.

Параллельно с разрешением земельной проблемы необходимо немедленно же приступить к организации ряда мелиоративно-агро-культурных мероприятий, опытных полей, племенных рассадников и других научных учреждений по поднятию производительности сельско-хозяйственного промысла и полной утилизации свободного фонда земель до окончательного его распределения.

Открыть особый кредит по ведомству земледелия, для субсидирования вновь организуемых трудовых хозяйств и их ассоциаций, коммун, товариществ, артелей, кооперативов и т. д. на основании п. д. II закона о социализации земли.

Немедленно приступить к страхованию трудовых хозяйств от всяких стихийных бедствий (согласно ст. 16 основания закона о социализации земли).

Проведение в ближайшее время в жизнь страхования трудовых земледельцев — ст. 14 закона о социализации земли.

Принять все меры к обязательной и фактической отмене аренды земель, имеющей место в Терской Республике до настоящего момента.

Принимая во внимание, что сельско-хозяйственный инвентарь у земледельческого населения области совершенно износился и пришел в полную негодность, а также не имея возможности получить таковой в ближайшее время извне, необходимо приступить в спешном порядке к созданию во всех округах и отделах сети слесарно-ремонтных мастерских для ремонта сельско-хозяйственных машин, орудий и проч. инвентаря, необходимого в трудовом хозяйстве.

Принять все меры к расширению деятельности завода „Дарьял“, для производства и починки сел.-хоз. машин, орудий и их отдельных частей.

Подтверждая более всех предыдущих съездов, 5-й съезд трудовых народов Терской Республики находит безотлагательным и крайне спешным приступить к уничтожению черезполосицы и установлению границ между отдельными племенами, путем переселения, согласно закона о социализации земли.

5-й съезд трудовых народов Терской Республики, считая самым важным и жгучим вопросом в Терской Республике и подтверждая волю предыдущих, съезд считает также проведение земельной реформы первой и основной задачей Областного Народного Совета и Совета Народных Комиссаров Терской Республики“.

И общий тон резолюции, и подробное перечисление задач, вплоть до „расширения деятельности завода „Дарьял“, и страхование хозяйств от стихийных бедствий свидетельствуют о том, что съезд пытался поставить вопрос во всю его практическую широту. Конечно, Добровольческая армия не дала даже приступить к проведению в жизнь большинства намеченных мероприятий, они остались на бумаге, вплоть до разгрома деникинщины и окончательного установления Советской власти на Кавказе в 1920 г. Только в 1921-23 гг. было осуществлено то переселение, о котором постановлял съезд. С одной стороны, ряд казачьих станиц был переведен ближе к „старой линии“ и освободившиеся плоскостные земли были переданы горцам, с другой — ряд аулов, сидевших в Кавказских скалах, был переселен на равнинные земли Предтеречья и Затеречья. То, что намечалось в 1918 г., смогло быть осуществлено только через 3 — 5 лет после того, как контр-революционная часть казачества была окончательно разбита вместе с Деникиным. Но мы должны здесь констатировать, что все же основное было сказано в 1918 г. Большевики развернули перед

населением свой план. Большевики уже на 5 съезде пытались взять линию на творческую работу по переустройству хозяйства.

Это стремление ввести в норму работу и организовать ее по „общерусскому образцу“ отразилось в резолюции по текущему моменту:

...„Весьма важной задачей съезд полагает организацию твердой Советской власти в области, в полном согласии с основными конституционными законами Российской ССФР“...

Ранее принятая конституция Терской Республики была изменена в тех местах, где она расходилась с конституцией РСФСР. Но и здесь сказались особые условия: в дополнение к конституции было вынесено постановление о даче прав участия в выборах в Советы тем муллам, „которые активно боролись с контр-революцией“. (Вспомните Шариатскую колонну, наступавшую на Моздок).

На местах было предложено организовать Революционные Комитеты, т. к. в большинстве случаев старые органы за время борьбы с контр-революцией распались, или же нуждались в обновлении.[1]

Подводя итоги работы 5-го съезда и проводя параллель между ним и предыдущими съездами, мы должны констатировать, что это был самый „мирный“ съезд, не только потому, что на нем не было такой острой фракционной борьбы, как ранее и он никем не разгонялся, но и по характеру его работы. Это был первый и последний в 1918 г. съезд, который намечал и прорабатывал задачи мирного строительства, который пытался догнать „Россию“ и направить Терек в обще-российское русло советского строительства. Но и здесь, как видим, сказались все те особенности местных национальных и социальных условий, которые наложили такую специфическую печать на развитие революции на Тереке. Если в России, уже летом, социалистическая революция развернулась в деревне и в июле месяце большевики лишились левых эсеров, как своих союзников, в результате их „бунта“ против Брест-Литовского мира и политики классового расслоения деревни, то на Тереке в конце 1918 г. задачи социалистической революции в таком виде еще не ставились. Терская деревня и аул только подходили к этой полосе, но так и не подошли к ней, вплоть до разгрома Советов Деникиным. Мулла, имевший право голоса в Совете, в награду за его борьбу с Моздокским Правительством,— вот знаменательный штрих, в котором, как в капле воды, отразился демократический характер того потока национально-освободительной борьбы, который пытались терские большевики, как представители местного и общероссийского пролетариата, сомкнуть с рабочей революцией. Итоги борьбы за весь 1918 г. показывали, что это смыкание удалось, что благодаря ему была придавлена местная контр-революция, но она не была раздавлена, и при поддержке и помощи извне, с юга и севера, она снова встряхнулась.

[1] В Осетии эту задачу организации власти съезд поручил партии „Кермен“, которая к этому времени была переименована в коммунистическую организацию.

Здесь же следует отметить одну черту деятельности Советской „народной“ власти на Тереке, которая может показаться парадоксальной в связи с тем чрезвычайным ожесточением борьбы между революционными и контр-революционными силами, которую мы описывали выше. Эта черта — чрезмерная мягкость по отношению к белогвардейским и контр-революционным элементам со стороны органов Советской власти, в то время, как Терек был районом, куда стекались все элементы с разных сторон.

Терская ЧК при Совнаркоме была создана только после захвата Моздокского контр-революционного гнезда. Но эта кажущаяся парадоксальность может быть понята нами при правильном анализе сущности того этапа борьбы, через который проходил Терек в 1918 г., и того состояния большевистских организаций, которое мы имели. Подлинной пролетарской революции Терек в 1918 г. не пережил еще, он к ней только начинал приступать после 5-го съезда (национализация банков, нефтепромыслов и пр.). Ведь сколько времени продолжал здесь существовать „социалистический блок“, в то время, как в центре разговор о нем в таком виде не пошел дальше Викжелевских переговоров в начале 1917 года. Несомненно, органы власти на местах не являлись органами пролетарской диктатуры — слишком еще слаба была сеть большевистской организации по Тереку. Весь 1918 г. был периодом, когда процесс выделения и отделения пролетарских элементов от мелко-буржуазных неуклонно развивался, когда происходила перегруппировка сил внутри горских народов в огне беспрерывной национальной войны, только к концу переходившей на рельсы гражданской борьбы. Вспомните, что даже пролетарский центр — Грозный — и тот не сразу стал на путь классовой борьбы, а сначала, в лице значительной части рабочих нефтепромыслов, участвовал и в межнациональной борьбе с чеченцами.

Эти, почти непрерывно катившиеся одна за другою, волны открытой борьбы, составляя единый диалектический процесс, с одной стороны, способствовали размежеванию сил, с другой иногда спутывали карты и, наконец, с третьей, не давая возможности большевикам приступить к реализации их линии в аграрном и национальном вопросе, в то же время задерживали окончательную перегруппировку сил, ибо только разрешение аграрного вопроса могло окончательно присоединить горскую трудящуюся массу к пролетарской революции, как правильно указывал Шерипов на 5-м съезде: „тогда можно умирать за революцию, когда знаешь, что дала тебе революция“.

После съезда, вновь избранный Народный Совет и Совнарком начали приступать к реализации решений по углублению революции через мероприятия „мирного“ порядка. Так, был издан декрет о переходе в руки Народного Совета всех предприятий общества „Алагир“ и Грозненских нефтепромыслов, о национализации всех отделений частных банков и аннулировании государственных займов; приняты были меры к смягчению финансового кризиса, путем

выпуска денежных знаков и т. д. Частная торговля продолжала существовать—свободу ее в условиях горской действительности решили не трогать, кроме Грозного, где пытались взять распределение продуктов в руки Продовольственного Комитета. Словом, Терек, отставая, все же пытался догонять Советскую Россию. Но недолго пришлось Народному Совету после 5-го Съезда развертывать творческую работу по советизации Терека. Скоро появились признаки надвигавшейся внешней контр-революции, как-раз с той стороны, откуда, к сожалению, советский Терек меньше всего ее ожидал. Если его взоры были прикованы к югу, к Дагестану и пр., то действительность заставила революцию перевести свой взгляд на север и вспомнить декларативный пункт из резолюции по текущему моменту 5-го съезда, в котором говорилось, что судьба Терских народностей тесно связана и зависит от успехов борьбы в краевом и Всероссийском масштабе.

Классовая диференциация в среде горских народов достигла особо резкого состояния.

Группы горской промышленной, финансовой и компрадорской буржуазии открыто тянулись к иностранному (английскому) капиталу, агентом которого они являлись и раньше (Бичерахов, Чермоев).

Горская военная знать и духовные феодалы (ген. Алиев, имам Гоцинский), верные слуги русской монархии, развивали огромную агитацию за мир с Деникиным и в деле предательства горских народов имели значительные успехи.

Горское кулачество, среднее духовенство и мелкая буржуазия стояли за „самостоятельное“ государственное объединение с ориентацией на покровительство „мусульманской Турции“. Значительность этой классовой прослойки вскоре выдвинула на историческую арену и вождя этих групп — эмира Узун-Хаджи-хана, с его „Шариатской монархией“.

Внушительные кадры горского батрачества, бедняков и рабочих стояли в рядах красных, героически умирая за Советы, и позже уже при Деникине составляли красные отряды Шерипова-Гикало, Даргинских повстанцев и т. д. Они были постольку внушительной силой, что на протяжении всего периода деникинщины существовали, как красные Советские отряды, боролись, численно росли, являясь крупной угрозой горской и деникинской контр-революции. Ясно, что только наличие мощной базы, питающей это движение, могло дать возможность существованию его.

Октябрьская революция в кровавом зеркале классовых боев отразила всю ложь сказки о „родовом строе и родовом равенстве“ горских народов, а служба разных классовых групп горцев различным знаменам была лучшим показателем „патриархального равенства“ у горцев. Давно уже капитализм разложил, разгромил патриархально-родовые формы жизни горских народов и заставил горца жить по его, капитализма, железным законам. Полуголодный каменщик Военно-Грузинской дороги Абдрашит Гоцинский, тартальщик

Грозненских нефтепромыслов Гази Гоцинский,— в чем они были равны с феодалом шейхом Нажмудином Гоцинским, имевшим тысячи десятин земли, десятки тысяч баранты, гурты скота и табуны лошадей? А ведь они из одного рода.

Ясно, что эти представители „одного рода“ в классовых боях Октября должны были стать на разные позиции — и они стали. Абдрашит Гоцинский, борясь с контр-революцией, брал на прицел зеленое знамя имама, а красный штык Гази искал жирное брюхо Нажмудина.

Если осенью внутреняя Терская контр-революцию была придушена, то Северско-Кавказская[1] именно к осени начала крепнуть во всех своих звеньях.

Поместно-казачья, особенно кубанская, контр-революция окрепла организационно и развилась шире, мобилизовав казачество и сбив из него внушительные, хорошо вооруженные отряды. Помещичье-буржуазная контр-революция Деникина не только выросла численно и организационно, но и подчинила себе силы казачества, стремилась подчинить горскую буржуазию и духовенство и начала превращаться в один из центров Всероссийской контр-революции. Стать хозяином положения на Северном Кавказе Деникину помогли сначала германский империализм, а затем державы Антанты, начав снабжение его армии деньгами, вооружением, снаряжением и проч. При контр-революционных армиях начинают работать их представительства, не жалеющие средств на борьбу с революцией.

Октябрь на Северном Кавказе терпит поражения. Под ударами отрядов императорской Германии падает Донская ССР, под напором деникинских армий рушится ядро Северо-Кавказской ССР — Кубань и Черноморье. Очередь наступила за Терской Народной ССР, ибо павшая осенью Красная Кубань открыла дорогу деникинским отрядам на Терек. К январю банды Шкуро подошли к Пятигорску — вернулись в тот район, где они начали формироваться. 11-я Советская армия, особенно ставшая разлагаться в результате предательства Сорокина, обессилевшая от эпидемии сыпного тифа, не в состоянии была остановить продвижения белых; она катилась по Кизлярскому направлению, заполняя города Терека, и в особенности Владикавказ, тифозно-больными красноармейцами. Вслед за красноармейскими частями тянулись беспорядочные группы беженцев, наводнивших южный тыл и создавших панику. Внутренняя контр-революция оживилась. Офицерские банды начали активно действовать и напр. в Алагире они вызвали резню между осетинами и грузинами. 19 января белые заняли Пятигорск, за ним пал Георгиевск. В это же, примерно, время казаки заняли Ардон и начали здесь концентрироваться.

Терская Советская власть попыталась организовать сопротивление, бросив клич мобилизации, и создав для этого Республиканскую мобилизационную комиссию с филиалами на местах. Но не

---

[1] Понимаемая под этим территория современного Северо-Кавказского Края.

под силу было уже Тереку сформировать новые боевые силы и остановить белогвардейский поток с севера, ликвидировав воспрянувшую местную контр-революцию. Мобилизация срывалась.

...„Срочно Орджоникидзе устроил совещание представителей Осетии и Ингушетии и заявил, что если мы создадим отряд из 2 тысяч всадников, то белая опасность будет предотвращена. Казалось нам, что в виду предстоящей опасности создание такого отряда никаких трудностей не составит. Клич Совнаркома был брошен в Осетию и Ингушетию, но с каждым днем становилось очевиднее, что из нашей затеи ничего не выйдет. Даже те отряды, которые ранее существовали в Ингушетии и поглощали у нас уйму денег, не торопились выступить на фронт. Под разными предлогами они так и не выступили. Двинулся из Владикавказа только небольшой отряд керменистов под командой Сосланбека Тавасиева; отряд этот состоял исключительно из дигорцев. Мобилизация прошла только в Дигории, в остальной Осетии и Ингушетии были только обещания, и делали вид, что мобилизуются“.[1]

В результате белые, наступая, не могли встретить достаточных сил, которые смогли бы их остановить и удержать областной центр за собой.

В конце января отряды Шкуро подошли к Владикавказу, заняв ряд окружавших сел. Командующим войсками по обороне Владикавказского района был назначен тов. Гикало. Было мобилизовано все, но, как указывалось, не все горские трудящиеся массы в этот момент решительно выступили против белых. Главной опорой, на которую можно было опереться, оставались Владикавказские рабочие и отряды керменистов из Дигории. Они-то и выдержали отчаянный, но неравный бой. Утром 1 февраля Шкуро, подкрепленный казаками и осетинами Владикавказского округа, окончательно обложил город от Немецкой Колонки до Лысой Горы и только 11-го февраля пал гор. Владикавказ после неравной, но отчаянной борьбы. Для характеристики этой защиты мы приведем только один штрих: ...„для стрельбы из пулеметов были собраны фабричные патроны, для стрельбы из винтовок пользовались только пулями собственного изготовления, что, естественно, портило винтовки“— пишет один из участников тогдашних событий тов. М. Кольбус.[2]

Героическим эпизодом борьбы с белыми в этот момент была защита с. Христианского керменистами, без захвата которого белым трудно было занять Владикавказ. Лучшие волчьи сотни Шкуро, окружив село, брали его штурмом около 4-х дней. Со стороны дигорцев „дрались и женщины“. Кровники, которые по обычаю не должны встречаться, в этих боях сидели рядом, в окопах... В боях принимало участие все население, за исключением кулаков. С. Такоев указывает в своих воспоминаниях следующий факт: „Не забуду одного 80-летнего старика, Келемета Цалаева, который пришел

---

[1] С. Такоев, там же, стр. 366.
[2] Сборник „Октябрь во Владикавказе“, стр. 23.

ко мне ночью и настаивал дать ему боевую задачу (уже после падения Христианского.—Б.); я ему посоветывал итти спать; тогда он, обиженный, уходя сказал: „ну, так я пойду, и буду со скалы бросать камни“...

Кучка героев-защитников, конечно, не могла удержать белой волны. Занятие Владикавказа и Грозного означало падение Терской Советской Республики. Победители отметили свое торжество сожжением и грабежом горских селений—ингушских и чеченских. Из остатков красных, отступивших в Чечню, был создан отряд Гикало, который держался в горах весь период господства белых, а в Осетии существовали до мая 1919 г. партизанские отряды керменистов.

За время гражданской борьбы за Советскую власть отдельные народности — ингуши, осетины и др. — проявляли выдающийся героизм. Грозненский пролетариат был все время цитаделью революции на Тереке.

С безумной храбростью умирали и отдельные части Красной армии — авиационная рота, Ленинский полк; жестоко бились керменисты,— железной стеной сидели в окопах селения Христиановского бедняки дигорцы.

Как будто не совсем понятно, почему именно дигорское село Христиановское стало вдруг камнем преткновения на дороге белых к Владикавказу. Дигорцы позже других народов Кавказа освободились от крепостного рабства своих князей (баделят). Именно дигорцев баделята, отпуская, обобрали землей больше всего. Миролюбие и покорность их была причиной презрительного к ним отношения со стороны других горских народов. Дигорцев соседи называли „Черное ухо“, указывая этим на их длительное рабское положение. И вот, когда к Дигории подходил глава и вождь свирепых русских помещиков — Деникин, бедняки ее решили дорого продать свою свободу. Никто пожалуй не дрался так отчаянно с белыми, как маленькая Дигория — на много дней задержала она победный марш белых к Владикавказу.

Многие районы Чечни, Ингушетии, Южной Осетии не стали на колени перед грозным окриком царского сатрапа Деникина; истекая кровью, они не пускали белых хозяйничать в свои аулы.

Слова вождя новой Советской Чечни Асланбека Шерипова: „Мы вам докажем, как надо умирать за свободу. В нас вы не найдете мюридов газавата, но вы увидите мюридов революции“—оправдались.

Мюриды Октября дрались с неменьшей энергией и верой в свое дело, чем в свое время дрались мюриды Шамиля, за интересы своих, уничтожаемых российским самодержавием, кавказских народов.

Непреклонная решимость горской бедноты бороться с белыми связала ее с судьбой российского пролетариата и дала после поражений победу.

СОВЕТСКОЕ СТАВРОПОЛЬЕ

ГРУППА РАБОТНИКОВ СОВЕТСКОГО СТАВРОПОЛЬЯ.

1. Пономарев, 2. Евдокимов, 3. Харченко, 4. Прима, 5. Сараев, 6. Есютин, 7. Жиманов, 8. Глазков, 9. Медведев, 10. Бакунин, 11. Клименко, 12. Росченский, 13. Федченко, 14. Хаблов, 15. Гамаюнов.


5
3
4
6
7
1
2
8
9
10
11
15
12
13
14

ОКТЯБРЬ В СТАВРОПОЛЬЕ.

Социально-экономическая характеристика губернии. Февраль в Ставрополье. Крестьянский губернский съезд. Общегубернское Народное Собрание Крестьянство об Учредительном Собрании и эсерах. Провозглашение власти Советов. Социально-политические группы, пришедшие к власти. Соввласть и городская общественность. Органическая связь политических групп, стоящих у власти, с основными крестьянскими массами. Новое строительство. Классовая борьба на селе. Борьба большевиков и эсеров за власть на селе и в губцентре. Красная Гвардия.

Если, отмечая большую сложность социально-экономических предпосылок революции на Дону и Кубани, мы дожны были подчеркнуть незначительность промышленной базы там, как основной факт обусловивший слабость пролетарского руководства аграрно-крестьянской революцией и медленность развертывания социалистической революции, то в отношении Ставрополья это обстоятельство должно быть особо подчеркнуто. Не было другого района на Северном Кавказе, где мизерность пролетарской базы так бросалась бы в глаза, как в Ставрополье.

Крестьянско-мещанская губерния, географическая окраина Сев.-Кав. Края, находившаяся несколько в стороне от основных путей и маршрутов колонизации его, Ставрополье и в 1917 г. долгое время было тихой пристанью для беженцев от революции, „покидавших центр Советской России для того, чтобы на степной окраине найти хлеб и мирное житье".

Крепкий хозяйственный крестьянин на селе, и мещанин, и чиновник в городе — вот основные фигуры, которые определяли социальный облик губернии.

Из 1.329 тысяч населения по данным на 1914 г. на сельское падало 1.247 и на городское 82 тысячи.[1]

Рабочих по всей губернии в 1914 году насчитывалось 7.450 ч., разбросанных по 2.628 предприятиям. Из этого количества заведений больше всего было мельниц, паровых и водяных — 563, ветряных — 832, затем кирпичных заводов — 324, предприятий по выделке овчин — 313 и маслобойных 191.[2] Эти данные свидетельствуют об отсутствии в губернии крупной индустрии и фабрично-заводского пролетариата. Два города, Ставрополь и Святой Крест, с мелкими промышленными заведениями, только дополняли общий крестьянский и мещанский характер губернии. Правда, с начала

---

[1] Стат. справочник Ю. В. Выпуск 2-й, стр. 8.
[2] „1917 г. в Ставропольской губернии". Ставрополь, 1927 г.

империалистической войны в Ставрополе был построен консервный завод, где работало до тысячи рабочих, кожевенный завод и ряд других предприятий, но эти, вызванные военными потребностями, заводы не могли сконцентрировать кадров квалифицированных, вышколенных рабочих, которые являлись бы твердой пролетарской базой. Недаром белый публицист из „Донской волны" в 1919 г., несколько преувеличивая, с удовлетворением констатировал, что „в богатой хлеборобной губернии нет ни пресловутого беднейшего крестьянства, ни „сознательного пролетариата", на которых всегда опирались малые и большие Ленины". Не лишена колоритности и такая характеристика белым публицистом губернского центра — „Ставрополь был очевидно той благоприятной средой, в которой как бактерии, особенно густо размножался, всегда цвел и цветет мещанин... Жизнь здесь замирала в 8 часов вечера, газетки выходили два раза в неделю, в „общественном" клубе какие-то старые развалины резались до часу ночи в рамс. Два было таких города в России Так и говорили: Симбирск и Ставрополь. Пара пятак, в базарный день — три копейки. Симбирск — дворянское гнездо, Ставрополь — мещанское".[1] Конечно, такой город мог быть прежде всего только административным центром, экономически же он не командовал губернией, а был только приложением к богатому, хлеборобному краю, жившему своей особой деревенской жизнью, которой Маркс дал такое меткое, всем теперь известное, определение.

А хлебороб Ставрополя действительно был крепким хозяином, в целом, являвшимся даже более богатым, чем кубанское, терское и донское казачество.[2] Это можно видеть хотя бы из таких сравнительных цифр: 1) Средний земельный пай был в 1914 г.

у Донского казачества	10 дес.
„ Кубанского „	11 „
„ Терского „	12 „
„ Ставропольского крестьянства	14 „

2) На 100 душ населения приходилось голов скота в том же году:

	Лошади	Крупн. рог. скот	Мелкий скот
Донская область	22	58	66
Кубанская область	31	44	81
Ставрополье	36	58	166[3]

[1] „Донская волна", № 3, 1919 г., стр. 2.

[2] Для кавказской сельско-хозяйственной выставки 1889 г. были собраны цифры, по которым Терская обл. производила хлеба на душу обоего пола 17,7 п., Кубанская—30,3, Ставропольская губ.—47,1. (Ах. Цаликов „Кавказ и Поволжье". Москва, 1913 г., стр. 49). Об экономической мощи Ставропольской губернии свидетельствует между прочим такой мелкий штрих. Самодур становой Благодарненского уезда приказал всем почтарям его стана, имевшим до сего времени почтовые тачанки и лошадей, приобрести автомобили и никто из почтарей не отказался, а наоборот начали приобретать. Наступившая война разрушила это начинание.

[3] Цифры взяты из стат. спр. Ю. В. Р., вып. 2-й, 1923 г.

Как видно из этих суммарных данных, Ставропольское крестьянство шло впереди „по всем статьям“, только в отношении крупного рогатого скота оно не обогнало Кубани. Как исторически сложилось такое мощное крестьянство в разбираемой нами губернии, имевшей богатые природные условия для земледелия и скотоводства? Ставрополье, как и все области Северного Кавказа, заселялось русскими, путем военной и „вольной“ колонизации. Основным „коренным“ населением в результате этого процесса сначала явилось казачество—Кавказское линейное войско (гор. Ставрополь вырос из военного укрепления), которое было лишено казачьего звания в 1871 г. за ненадобностью использования его здесь, как особой военно-полицейской силы. Рядом с этим „историческим“ казачеством, на Ставрополье оседали в конце XVIII и особенно в XIX веке массы пришлого иногороднего населения—„мужики“. Эти два процесса заселения губернии явственно выступают в сводной работе одного инспектора народных училищ, издавшего в 1897 г. книгу, в которой даны исторические справки об образовании большинства сел Ставропольской губернии [1]

Основным потоком заселившим Ставропольскую губ. (и в этом ее отличие от казачьих обл.), мы все же должны считать „вольную“ колонизацию, ибо основная роль Ставрополья заключалась в снабжении армии, действовавшей на Кавказе, продовольствием и др. жизненными припасами. Поэтому, контингенты заселявших губернию элементов составлялись из государственных крестьян, однодворцев, раскольников, ссыльных, а также, частью и помещиков со своими крестьянами. Так, селения Владимирское и Стародубское образовались не месте быв. владения помещика Реброва. Примерно в 70-х г. г. появились, так называемые, тавричане (выходцы из Таврической губ.), которые сыграли здесь роль передовых представителей развивавшегося аграрного капитализма, они, например, создали скотоводческие хозяйства капиталистического типа.

Нужно еще указать, что колонизация Ставрополья столкнула здесь русских со степными народами-калмыками, туркменами и ногайцами, которые были оттеснены к берегам Каспийского моря. Но некоторая часть их осталась в пределах губернии и, будучи сконцентрирована в особых районах (калмыки в Больше-Дербетовском Улусе, ногайцы—в Ачикулакском приставстве и туркмены—в Туркменском приставстве), была объектом особо-хищнической колониальной эксплоатации.

Акт лишения в конце XIX века Ставропольского казачества этого звания стер юридическую разницу между ним и иногородними, но вплоть до революции 1917 г. сохранилась некоторая обособленность и вражда между „старым казачеством“ и мужиками. Конечно, такого антагонизма, который мы наблюдали в соседних областях, здесь не было, ибо экономически разница между этими

[1] С.-К. А. Твалчрелидзе „Ставроп. губ. в стат. географ. историч. и сел.-хоз. отношении“, Ставроп., 1897 г.

двумя группами почти отсутствовала, указанная же „обособленность“ являлась главным образом психологическим пережитком, быстро стершимся в революционном потоке гражданской войны 1917—18 г.г.

Основная линия борьбы по Ставрополью вытекала из противоречия между всем крестьянством и богатыми землевладельцами-тавричанами, имевшими большие участки земли от 200 до 3.000 десятин и из классового расслоения крестьянства, борьба внутри которого здесь почти не осложнялась сословными моментами. Эти тавричане являлись не помещиками, владевшими оставшейся у них после реформы 1861 г. землей, а были представителями подлинной сельско-хозяйственной буржуазии, выросшей из кулацких фермерских хозяйств. Вообще, капитализация сельского хозяйства в Ставрополье проходила пожалуй еще более бурно, чем в Кубанской области. Основной причиной этого было почти полное отсутствие здесь помещичьего землевладения, основанного на полу-крепостнической эксплоатации. Именно Ставрополье представляет собой очень яркий пример развития у нас аграрного капитализма на основе фермерского типа хозяйства. Благодарную задачу для исследователя составляет изучение конкретной картины „американского пути“ развития капитализма в сельском хозяйстве и тех аграрных отношений, которые складывались на этой основе в Ставрополье, что дало бы несомненно прекрасную иллюстрацию к известному Ленинскому тезису о двух путях аграрной эволюции России.

Между прочим, следует упомянуть существование в Ставрополье особой специфической группы земельных дельцов, так наз. „барышников“, которые брали в аренду большие площади и наживались, сдавая уже от себя крестьянам в аренду их по мелким участкам земли и, конечно, на кабальных, „кожедерских“ условиях. Имеется конкретное описание этого типа „ростовщиков“ у корреспондентов статистического отдела губ. земства:[1]

> „У нас арендуют землю более у калмыков. Если бы не эта земля, нам никак нельзя было бы жить: земля эта подручная и близка, но ею пользуются через барышников. У нас есть один „кожедер“, который с нас кожу дерет и, который, захватив у калмыков в свои руки земли более 2.000 десятин по 2 руб. за десятину, нам сдает в аренду по 10 руб. Если бы не было таких арендаторов, то нам жилось бы куда лучше... Наше село, вообще, арендует туркменскую землю, но ее возьмут 5 или 6 богатых торговцев, или же таких барышников, уплатят туркменам деньги вперед за 3—6 лет за 2—4 тысячи десятин, и тогда они и дерут с нашего брата сколько хотят“...

Наличие этой группы сельской буржуазии должно быть учтено нами, как факт, свидетельствующий о развитии в Ставрополье процесса социальной диференциации в деревне на основе ярко выраженной колониальной эксплоатации.

Мы не можем по Ставрополью привести исчерпывающих статистических данных о классовом расслоении деревни накануне войны,

---

[1] Сел.-хоз. обзор Ставропольской губернии, вып. II.

так же, как по Дону и Кубани. Имеются частичные показатели, свидетельствующие о наличии в губернии значительного слоя безземельных и малоземельных среди иногороднего и коренного крестьянства. В обзорах губернатора, перед войной указывалось, что 37.000 иногородних посажены на свободные участки земли, а 100.000 еще остаются неустроенными. По сельско-хозяйственной переписи 1917 г. среди коренного крестьянства было 40.689 дворов без посева (или, 23,2% к общему количеству 174.698 крестьянских дворов) 16,76% хозяйств имело посева до 5 десятин на двор, одна треть хозяйств не имела рабочего скота. Общественные земли накануне революции были в фактическом пользовании кулаков.

Не крестьянская земля составляла фонд в 425 т. дес., (сюда не входит общественная земля), которая распределялась так:

Частно-владельческая . . .	. 214.259,67	д.
Казенная	. . 85.029,97	„
Церковная и монастырская . .	12.908,36	„
Крестьянских банков . .	. 112.802	„

В соединении с общественными землями этот фонд и составлял основной объект аграрной революции крестьянства, которая должна была перераспределить земельную собственность и наделить всех землей. И недаром, в отчете статистического комитета мы встречаем такое упоминание о „беспокойном“ элементе:

„Иногородние не имеют возможности заниматься земледелием; фабрично-заводская промышленность отсутствует; это выработало из них крайне неустойчивый и беспокойный элемент, уже давно обративший на себя внимание ставропольской администрации“.[1]

Вот этот то „беспокойный элемент“, насчитывавшийся до 100 тысяч, и был основной опорой революции на селе. Разбросанный по селам губернии этот элемент или батрачил, или занимался мелкой арендой земли, но в том и другом случае он попадал в кабалу к кулаку и землевладельцу-тавричанину, которые и были его основными, весьма осязательными классовыми врагами. Царский чиновник-бюрократ, хорошо помнивший бурное аграрное движение в деревне в 1906—1907 г.г., богатый землевладелец, зажиточный кулак и духовенство,—вот тот единый лагерь, противо-революционный фронт, которому противостоял сел.-хоз. батрак, малоземельное крестьянство и полуремесленный рабочий. Между ними пролегала основная масса населения—многочисленное, жившее в достатке середняцкое крестьянство, из коренных и иногородних, которое было недовольно царским чиновничеством, готово было итти на экспроприацию крупного землевладения, следовательно могло заключить крепкий блок с беднотой при проведении аграрной революции, если бы последняя имела твердое пролетарское руководство из города.

[1] Эта цитата, а также вышеприведенные цифры о земельной собственности, о проценте маломощных хозяйств и пр. приведены из работы: „1917 г. в Ставропольской губ.“, стр. 34, 39 и 40.

Но именно отсутствие этого и породило такой затяжной характер развития революции в Ставрополье и дало возможность долго вести за собой крестьянство мелко-буржуазной эсеровской интеллигенции, пытавшейся сомкнуть его с городским мещанством на основе борьбы за демократию, которую установит Учредительное Собрание. Только разгоревшаяся революция в центре и в других соседних областях, влияние большевистски настроенных фронтовиков и солдатских частей, довольно многочисленно представленных в городах Ставрополья в 1917 г. и, наконец, белогвардейские части, попытавшиеся укрыться в „тихой пристани“ взбудоражили хлебороба настолько, что Ставропольский крестьянин, пройдя путь больших колебаний, в массе своей стал в конце-концов на сторону Советской власти и сыграл большую роль в гражданской войне.

О февральской революции в центре Ставрополь узнал из воззвания и. д. губернатора от 16 (3) марта, в котором население призывалось помочь „создать порядок“ во „вверенной мне губернии“, и давался наказ — „каждый занимайтесь своим делом“. 19 (6) марта губернатор сдал должность председателю губернской земской управы. Одновременно, были созданы Комитеты общественной безопасности и Совет Рабочих Депутатов, выделивший 10 представителей в этот Комитет. Таким образом, в мещанском Ставрополе власть, в результате „тихого“ переворота, перешла в руки „третьего“ земского элемента, и он сопровождался такой бесцветной манифестацией, что лозунг „да здравствует республика“, выставленный на одном из знамен, вызвал протесты.[1]

Во главе власти стал комиссар Временного Правительства Старлычанов, оказавшийся, как позже выяснилось, провокатором.

Эсеры и меньшевики прибрали к рукам Совет с первых же дней организации, не допустив в него большевиков, под флагом такого аргумента—„среди них могут оказаться провокаторы“.[2] Большевики до самой осени были малочисленны и мало заметны. Эсеры, заполнив собой всю авансцену политической жизни, и не столько Ставрополя, сколько всей крестьянской губернии, приняли все меры к сохранению спокойствия и тишины до пресловутого Учредительного Собрания. И действительно, аграрное движение в губернии, вплоть до конца 1917 г., почти не развертывалось, причиной чего было и богатство крестьянства, характеристику которого мы давали выше. Под руководством эсеров прошел и первый губ. крестьянский съезд (13 мая) и кампания по организации Советов Крестьянских Депутатов по уездам и селам в мае, июне. Это руководство эсеров привело к тому, что в организованные на местах органы новой власти—Исполнительные Комитеты, попали представители земства, духовенства и проч., но не крестьяне. Только после Корниловщины, большевики, представлявшие небольшую группу местных интеллигентов, стали заметней выступать на политической

[1] Янчевский. Гражданская борьба на Сев. Кавказе, ч. I, стр. 110.
[2] Там же, стр. 114.

арене в гор. Ставрополе, но и в это время они еще не противопоставлялись резко левым элементам среди эсеров и меньшевиков, к которым в Октябре перешло руководство в Совете, хотя в это время на Армавирский съезд Советов от Ставрополя было делегировано два большевика и один меньшевик.

Проводившаяся осенью кампания по выборам в Учредительное Собрание дала шумную победу эсерам по всей губернии,[1] но по городу Ставрополю они должны были уступить пальму первенства большевикам. По всей губернии количество поданных голосов за списки, выставленных различными партиями, распределилось так:

Эсеры	89%
Большевики	5,9%
Кадеты	3,4%
Церковн. прихож.	0,9%
Хлеборобы	0,8%
Меньшевики	0,6%
Народн. социал.	0,2%

По Ставрополю же картина получилась иная:

Большевики	7.598	голосов
Эсеры	2.158	„
Кадеты	3.715	„
Церковн. прихож.	922	„
Меньшевики	1.194	„
Народн. социал.	165	„

В городе победили большевики, по всей губернии они заняли 2-е место, что в условиях Ставрополя являлось несомненным успехом, который объяснялся главным образом тем, что с осени села стали наводняться уходившими с позиций большевизированными фронтовиками, а в городе стоял сочувствующий большевикам воинский гарнизон (112 и 2-й Карский пехотный полки и др.), который вел большую агитационную работу среди городского населения.

Октябрьский переворот в Петрограде был встречен протестом Городской Думы и предложение большевиков о создании Революционного Комитета и передаче ему власти было отклонено на объединенном заседании Исполкома Совета с представителями социалистических партий и ротных комитетов (12—30 ноября).

На протяжении всего ноября и декабря большевики обсуждали вопрос о захвате власти, но не переходили к решительным действиям. Одной из причин этого являлась борьба внутри их двух течений: одно—решительное, за немедленный захват власти, другое—умеренное, высказывавшееся пока против, вследствие, мол, неподготовленности крестьянства, а на солдат одних опираться нельзя, как на пришлый элемент (такой аргумент выдвинула эта группа). Впоследствии, на протяжении почти всей первой половины 1918 г.

[1] В их списке в качестве кандидата в Учредительное Собрание стояло имя Онипко, имевшего в губернии шумную известность, как члена Государственной Думы.

мы будем видеть борьбу этих двух течений, которая сильно ослабляла и так небольшую местную, большевистскую группу, и лишний раз как бы подчеркивала отсутствие крепкой пролетарской базы в городе и интеллигентский состав организации.[1] Причем, вплоть до перехода власти в руки Советов и позже, большевики не теряли связи с остальными социалистическими партиями; так, (18) 5 ноября) Ставропольский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов вынес решение организовать „Комитет Общественного Спасения" для борьбы с контр-революцией, в составе представителей всех социалистических партий, (голосовало за—68, против—60 и 8 воздержалось). Этот Комитет на деле создан не был. Городская Дума, в ответ на это решила (20) 7 ноября создать „Добровольческую Дружину" для охраны города, что конечно, означало попытку приступить к организации белой гвардии, а 18 декабря она постановила послать делегатов в Екатеринодар для вступления Ставрополя в Юго-Восточный Союз. Большое значение для революционизирования города имел приход в начале декабря большевистски настроенного 111 запасного полка, высланного за это из Грозного Терским Войсковым Правительством и приезд с ним значительной части Грозненской городской партийной организации. Крестьянство также быстро начало отходить от эсеров, в чем большую роль сыграли все прибывавшие и прибывавшие целыми партиями фронтовики-солдаты.

(19) 2 декабря Ставропольский Совет отверг предложение большевиков о немедленном захвате власти и принял предложение Совета Крестьянских Депутатов о созыве Обще-Губернского Народного Собрания для разрешения вопроса о власти (за эту резолюцию голосовало 88, против—78). Таким образом, вопрос о власти должно было решить крестьянство, к которому эсеры хотели аппелировать, надеясь найти в нем опору против чрезвычайно усилившегося влияния большевиков в городе. Но, как увидим, эсеры ошиблись. Старая власть, представлявшая блок земских кадетских элементов с эсерами, зашла в тупик—и нужно было решение съезда, чтобы произошел бескровный переворот, который совершенно не был похож на ту кровавую эпопею, которая сопровождала захват власти большевиками в казачьих областях Края.

„Губернскому Народному Собранию" непосредственно предшествовал 4-й съезд Крестьянских Депутатов (открылся 29-го декабря), решивший провести перевыборы Советов и упразднить земства; этот съезд в своей резолюции приветствовал Всероссийский Исполнительный Комитет Советов, заявил, что в Учредительном Собрании не должно быть тех, кто идет против Советской власти и провозгласил: „Вся власть отныне в Ставропольской губернии

---

[1] В журнале „Донская волна", № 3. 1919 г., белогвардейцы дали такую злобную характеристику вождей этих течений: 1) „Первую скрипку в группе вождей играл Пономарев. Умный, настойчивый и злобный человек, довольно осторожный в проведении социальной революции". 2) „Против него вел кампанию местный Робеспьер из недоучек Морозов, юноша ослепленный большевизмом".

принадлежит народу в лице Советов Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов".

31-го декабря открылось Губернское Народное Собрание, в состав которого влился только что закрывшийся крестьянский съезд.[1] Комиссар Временного Правительства, Старлычанов, „вручил всю полноту власти Народному съезду", сложив с себя полномочие. Началось „парламентское" решение вопроса о власти.

В составе Народного Собрания было много фронтовиков, являвшихся наиболее активным ядром, которое и вело за собой всю остальную массу крестьянства.

Началась усиленная борьба большевиков и эсеров за массы. Вожаки середняцко-крестьянских групп повели организацию так называемой крестьянской „курии", которая поставила своей задачей не примыкать ни к одной политической партии, а „держать свою крестьянскую линию". Крестьянская курия на собрании насчитывала наибольшее количество голосов. К ней примкнули очень многие фронтовики, державшиеся в начале собрания особой группой. С первого же дня работ, большевики поставили перед собранием вопрос о власти. Губернское представительство рабочего класса на этом съезде было очень мало, так как пролетарская база, на которую могли бы опереться большевики самой губернии, как мы уже указывали, фактически отсутствовала. В течение двух суток крестьянская курия обсуждала этот вопрос. В результате горячих обсуждений внутри курии, на пленуме съезда, члены ее голосовали за организацию власти под руководством рабочего класса. Было бы не совсем понятным решение крестьянской курии вопроса о принятии Советской власти, если бы мы не обратились к тем наказам, с какими приехали делегаты с мест.

Социалисты-революционеры надеялись, что собрание пойдет за ними, ибо порукой как будто бы служили выборы в Учредительное Собрание, давшие им блестящие результаты.

Делегаты же прибывали на съезд с наказами, далеко не в эсеровском духе. В них говорилось определенно против Учредительного Собрания. Вот один из наказов из села Высоцкого:

— „Партия эсеров старается стать поперек дороги рабочему и крестьянскому движению...

... Она на деле является партией буржуазной".

Второй наказ из села Петровского:

— „Учредительное Собрание не может называться хозяином земли русской, оно должно отражать волю пославшего его народа, требуем приступить к работе совместно с Народными Комиссарами"...[2]

[1] Председателем и тов. председателя президиума Народного Собрания были выбраны большевики Анисимов и Пономарев.

[2] Головенченко и Емельянов. Гражданская борьба в Ставропольской губернии. Ставрополь. 1927 г.

Такие наказы свидетельствовали, что на местах руководство движением было в руках фронтовиков и собрание пошло за большевиками, а эсеры и меньшевики ушли с собрания с протестом, „против лишения свободы слова“. Заслушав доклад по текущему моменту 1-го января 1918 г., собрание приняло декрет, где было сказано:

„Вся власть губернии переходит в руки Советов Крестьянских,[1] Рабочих и Солдатских Депутатов.

Управление губернией должно итти рука об руку и под руководством Центрального Исполнительного Комитета Совета Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов.

Народ осуществляет свою волю как на местах, так и в губернском центре через соответствующие Советы.

Высшим законодательным органом для губернии является Общее Собрание Губернских Советов Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов.

Период между сессиями общих собраний функционирует особый, избранный всем составом Губернского Совета, — Исполнительный Комитет в 30 человек.

Для непосредственного управления губернией Исполнительный Комитет выделяет из своего состава Совет Комиссаров в числе 7—9 человек.

Исполнительному Комитету предоставляется право изменять состав комиссаров в случае неработоспособности.

Председателю Совета Комиссаров переходят функции губернского Комиссара, как главного руководителя и объединителя работ Совета Комиссаров...

Совет Комиссаров обязан не реже двух раз в месяц давать отчет Исполнительному Комитету Совета Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов.

Очередное собрание Губернского Совета Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов созывается Исполнительным Комитетом через каждые два месяца, первое же собрание должно созваться через месяц...

Число членов Совета: от Совета Крестьянских депутатов — 130 человек, от Совета Рабочих Депутатов — 20 человек, от Совета Солдатских Депутатов — 30 человек.

Отдельно существующие Советы Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов упраздняются и заменяются общим Губернским Советом. Общий Совет выделяет из своего состава Исполнительный Комитет, при котором должны быть секции крестьян, рабочих и солдат, занимающиеся разрешением вопросов, специально касающихся этих секций. Выработка конструкции власти в уездах поручается Исполнительному Комитету Совета Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов.

Для осведомления населения посылаются в уезды эмиссары. Эмиссары должны обратиться к полномоченным органам, пользующимся доверием народа, а где таковых нет, должны обратиться к населению для создания таковых органов, в целях избрания уездных эмиссаров“...[2]

Так произошел переход власти в руки Советов в Ставрополе.

Крестьянство сказало свое слово и переворот был бескровно произведен. Но если собрание пошло за большевиками, то это не значит, что на местах в этот период создалось вполне устойчивое положение. Середняки, избавившись от власти царских чиновников, а следовательно и от налогов, пошли на союз с рабочим классом,

[1] Слово „Крестьянских“ было впереди!

[2] В Совнарком вошли следующие товарищи: Пономарев (б), Анисимов (б), Ратнер (м), Мацкевич (м), Медведь (б), Гладков (б), Тесленко (б), Петров (б). В Президиум Губисполкома: Мирошников (макс.), Мещеряков (инт.), Селивановский (инт.).

для закрепления завоеваний. Довольно многочисленные тавричане губернии, имевшие большие земельные участки и много скота, были в этот период согнаны со своих хозяйств. Земли крестьянство делило между собой и все бесскотные получили скот. Кулачество, еще нетронутое революцией, блокировалось с середняком.

Из сил, которые претендовали на власть, нужно указать на мелкую буржуазию городов и, главным образом, столицы губернии — Ставрополя. Но ничего внушительного собою она не представляла и выразители ее, меньшевики с эсерами, отступили от власти при нажиме большевиков, поддержанных крестьянской курией и опиравшихся на солдат. Такова была расстановка классовых сил к моменту организации Советской власти в Ставрополье. По существу переход власти к Советам являлся прелюдией к развертыванию в губернии классовой борьбы на рельсах пролетарской революции.

У власти стали большевики и социалистические группы в лице левых эсеров и максималистов. Количество левых эсеров и максималистов было гораздо больше, чем большевиков. Левые эсеры, теперь делившие власть, органически выросли из старой Ставропольской эсеровщины.

Большевистские же организации губернии были все-таки слабо связаны с населением, не только по периферии, но и в самом губернском центре. Все это породило ряд явлений, специфических именно для этой губернии, в которой эсеры играли главную роль. Эта „специфичность" привела к грозным последствиям. Большевики в Ставрополе фактически были свергнуты эсерами в ночь на 28-е апреля 1918 г. без большого труда. Дальше начинался период, когда у власти очутились левые эсеры с „левыми большевиками", уже не игравшими первой скрипки; находясь под постоянным давлением революционных групп бедняцкого крестьянства эсеры вынуждены были драпироваться в Советские одежды и „держаться" у власти. В конечном результате, именно этим в значительной мере и объясняется передача города белым в июле без боя, организация „Советской власти без Красной Гвардии", „Советов без коммунистов", травля лучших большевиков и борьба с Советами, пытавшимися стать органами диктатуры пролетариата и т. д.

ОСНОВНОЙ ЭТАП В БОРЬБЕ ЗА СОВЕТЫ.

Организация власти на местах. Разлад между „левыми социалистами" и большевиками. Путь „левых" и падение Совнаркома. Чрезвычайный съезд Советов. Бессилие пролетарского руководства. Ставропольская беднота без руля и ветрил. Вооруженное давление „левых" копповцев. 2-й декрет о власти. Ликвидация Совнаркома. Эсеры в большевистском плаще. „Долой Красную армию, да здравствует Советская власть". Советы без коммунистов. Офицерское восстание. Отряды „левого" штаба. Деникинщина. Приход в Ставрополь Таманской армии. Окончательное падение Ставрополья

9-го января 1918 г. Старлычанов приказом Совнаркома устранялся от должности и объявлялось о вступлении на пост председателя губернского Совета Народных Комиссаров Пономарева. Губернская власть вскоре разослала своих эмиссаров, назначение которых было организовать Советскую власть в уездах.

Организация ее в уездных центрах и на местах проходит вслед за организацией в губернии. Так, в 20-х числах января она организуется в Александровском, Благодарненском и в Свято-Крестовском уездах. Позже всего, в феврале, она была создана в Медвежинском уезде.

По примеру губернского центра, в уездах также созывались Народные Уездные Собрания. Они избирали уездные Советы и Уездные Исполнительные Комитеты, которые из своей среды выделяли Совет Народных Комиссаров. Количество Комиссариатов в уездах было одинаково с количеством их в губернии, на местах точно также избирались сельские Советы, выделялись сельские Исполкомы, а также выделялись и комиссары.

Эсеры города Ставрополя не могли, конечно, спокойно сидеть после ухода, и немедленно подняли злобную травлю против большевиков. Используя еще существующую свободу печати, слова и собраний, они вели себя „подлинными демократами" и развивали гнуснейшую агитацию. Образчиком этой предательской работы могут служить такие цитаты из их газеты:

— „Стала власть из рук в руки переходить, стала расплываться. власть стала кургузой и бессердечной. и вот с этой-то властью остался последний захватчик, большевик Ленин ..

... Кровавыми слезами плачет родина мать. А над нею царит кроткий образ Христа, дышащий беспредельной скорбью, безысходной мукой. Костлявая смерть хохочет зияющим ртом, танцуя канкан с торжествующим хамом"...

В Горсовете, перед членами его — эсерами, вопрос поставили ребром: за кого они? За Советскую власть, или против? Эсеры

ответили, что они против Советской власти, и тогда Горсовет постановил:

— „Сообщить избирателям, что если они не будут отозваны, то в вопросах, касающихся главных основ Советской власти, с такими лицами не считаться, воздерживаясь от принятия их предложений“...

Общий тон резолюции довольно мягкий, из нее видно, что новая власть не взяла сразу твердого курса по отношению к соглашательским партиям, что слишком долго позволяла шуметь и кричать Ставропольской „образованной“ интеллигенции — по существу имевшей в тот момент в качестве массы только часть городской мелкой буржуазии. Эсеры ушли из Горсовета только в мае.

Профессиональные союзы в Ставрополе находились в руках эсеров и меньшевиков, и как только организовалась новая власть, в лице Совнаркома, она встретила непризнание и сопротивление в лице профсоюзов. Вот что мы встречаем в отношении Совнаркома, в одном из постановлений союза служащих от 14-го января 1918 года:

... „Совет Народных Комиссаров органом власти не признавать.
Распоряжения от него не исполнять.
С вмешательством бороться всеми средствами, вплоть до забастовки.
... Союз признает Учредительное Собрание“...

Союз работников просвещения о своем отношении к новой власти, в одной из своих резолюций, заявил:

„ ... Подчиняясь силе, Ставропольский школьный союз будет считаться с созданной новыми органами власти обстановкой, в пределах местной жизни оставляя за собой право критики и действий“...

Когда учительство узнало, что комиссаром просвещения избран рабочий Петренко, оно вынесло резолюцию:

„ ... Слагаем с себя ответственность за общее направление учебной жизни, подчиняемся силе, но оставляем за собой право протеста“... [1]

На этом же общем собрании средних учебных заведений, говоря о недопустимости назначения рабочего комиссаром просвещения, цитировали Грибоедова:

„ ... Фельдфебеля в Вольтеры дали“...

Как видим, местная интеллигенция очень дружно стала в оппозицию новой власти под руководством меньшевиков и эсеров.

---

[1] Вот еще какими вещами могли заниматься эсеры уже при большевистской власти: „ ... при Губкомитете соц.-революционеров работает Крестьянская комиссия с участием членов Учредительного Собрания, на которую возложена задача давать устно и письменно советы и указания на вопросы об организации народной власти, народного суда, земельной реформы“... Это объявление фигурировало в их газете „Гражд. война в Ставроп. губ.“, стр. 29.

Еще Общегубернское Народное Собрание, рассмотрев вопрос о земстве, постановило:

> ... „Земство упраздняется навсегда, с передачей всех функций и имущества в ведение Советов Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов Все земские служащие. все учреждения, как школы, библиотеки, больницы и т. п., переходят в распоряжение органов, уполномоченных Советами, впредь до переизбрания гласных в народные самоуправления. Перевыборы должны быть произведены на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права, открытым голосованием при устранении от выборов контр-революционных элементов. До принятия дел земств уполномоченными от Советов, все выборные лица и служащие должны оставаться на местах“...

Это постановление было реализовано только в марте, причем земские служащие в Ставрополе сначала отказались сдавать дела и подали в отставку.

Совнарком решил распустить Городскую Думу. Последняя отказалась подчиниться такому распоряжению, заявив, что Общегубернское Народное Собрание такого постановления не выносило. Но оставить Думу работать Совнарком не мог, так как она вела контр-революционную работу. Вот отрывок из одного постановления городской управы:

> „ .. Городская управа заявляет, что она будет работать с удвоенной энергией, пока ее работа не будет нарушена эксцессами со стороны новой власти... Если население по вине новой власти останется без топлива, керосина, мануфактуры и всего проч. — тогда населению придется обратиться к господам большевикам“...

21—28 февраля сессия Губернского Совета постановляет думу распустить и поручает Исполнительному Комитету организовать вместо нее Городской Совет.

4-го марта это и было сделано. В городе были организованы два Совета: Городской Совет и Мещанский Совет.

16-го марта от этих двух Советов была избрана комиссия, которая от думы должна была принять дела. В комиссию входили: Бордо, Хорошева М., Буречарский, Афанасьев и Крикунов. Но эта работа задержалась вследствие того, что Губисполком принял резолюцию, отличную от горсоветской. Только 27-го марта Губисполкомом было утверждено положение о „Временном Горсовете Народных Депутатов“. К 30 марту выборы в новый Совет закончились, и Дума, наконец, должна была прекратить свое существование. Но она не хотела сдаваться—на защиту ее и „всеобщего избирательного права“ выступило бюро профсоюзов 31 марта было созвано пятитысячное собрание, которое приняло резолюцию против роспуска Думы. От отдельных профсоюзов стали поступать в Губисполком протесты против политики Бюро профсоюзов и резолюции собрания „модных шляпок и каракулевых воротников“. Население окраин поддержало эти протесты. Так, Старо-Форштатский и Воробьевский районы вынесли постановление: „Приветствуем и одобряем действия Городского Совета по упразднению буржуазного самоуправления“. 4 апреля в помещении Думы были введены воинские караулы, так как от нее снова последовал отказ в сдаче

дел, на требование Совета Народных Комиссаров. Только 14 апреля началась работа нового Советского органа, созданного вместо Думы.

Эта эпопея борьбы с Думой весьма показательна: Ставропольская власть так долго тянула с такой „говорильней“ организацией, вместо того, чтобы провести решительные меры органами пролетарской диктатуры, потому что не было единства и в рядах большевиков, и между ними и союзниками — левыми эсерами. История с Думой дает нам образчик того пути, каким пролетарская диктатура водворялась в мещанском гнезде. Таким образом, в самом Ставрополе удаленные от власти правые социалистические партии вооруженно пока не выступали, но они вели большую анти-советскую агитационную работу и это, как мы видим, отрицательно отзывалось на работах Советских организаций. Так, служащие Ставропольских учреждений Советскую власть встретили забастовкой протеста. После двухдневной забастовки, большая часть служащих явилась на работу, но началась итальянская забастовка. Все это руководилось все тем же право-эсеровским центром, развившим в городе довольно большую работу.

На местах, скоро после организации Советской власти, тоже начала (с весны) развертываться борьба деревенской буржуазии с беднотой, разгоравшаяся в связи с начавшимся наделением землей бедноты за счет кулачества. В это же время в деревне стихийно начали организовываться отряды Революционной Крестьянской Гвардии, которые должны были охранять села от контр-революции. Конечно, вооружалась в первую очередь беднота, что несомненно делало ее более воинственной в наступлении на сельскую буржуазию. Чрезвычайно интересно воззвание Святокрестовского Совета Народных Комиссаров, в котором указывались факты этой борьбы:

„В селе Левокумском разыгралась кошмарная драма между населением. Трудовой народ восстал на зажиточный класс... не с целью грабежа и насилия, а борясь за свое существование. Под этот кошмарный день зажиточные сделали секретное заседание, председатель призывал всех богачей с оружием в руках отстаивать свои интересы. Все это дало толчок к братоубийственной войне, в результате чего получились жертвы“.

Последующие дни население села долго митинговало. На митинге ясно выступали классовые группировки со своими интересами. Митинг села вынес характерное для того времени постановление:

...„Подать друг другу руки и зажить при светлой заре. Всех тех, кто имеет что лишнее, обязать дать неимущему.

Да здравствует диктатура пролетариата.

Да здравствует Советская власть“.

Это постановление кончается обращением к демобилизованным солдатам, в котором говорилось:

...„Товарищи солдаты, вы создали военные секции, так стойко же поддерживайте их на местах, пресекайте вкорне зло, исходящее от буржуазного класса...“

На селе дело подходит к открытым формам вооруженной классовой борьбы, отразившейся в губерн. центре и в рядах советских партий в виде борьбы большевиков и „левых социалистов“. Левые „социалисты“ были рупором сельской буржуазии и носителем интересов кулацкого крестьянства губернии.

У большевиков и у левых эсеров и максималистов сразу же начались „недоразумения“.

Если ставропольское крестьянство 1-го января 1918 г. в Народном Собрании добровольно согласилось на диктатуру пролетариата, то это не значит, что у него не могли появиться колебания, когда новая власть начала проводить классовую политику пролетариата, ущемлявшую иногда и мелкого собственника-крестьянина. Эти колебания появились прежде всего в связи с продовольственной политикой, и были, конечно, использованы кулачеством. Продовольственные органы забирали хлеб для центра России, для пролетарских районов и должны были платить соответственно эквивалентными товарами, главным образом, мануфактурой, скобяными, железными и т. д. Однако, этих товаров далеко не хватало, что повело к первым недоразумениям с крестьянством и не преминуло сказаться на взаимоотношениях руководящих партийных группировок. Мы встречаем с течением времени все больше усиливающуюся борьбу большевиков и левых социалистов, которая кончилась фактическим свержением большевиков и переходом власти в руки левых социалистических крестьянских групп.

Надо сказать, что при „некоторой“ борьбе этих групп еще на съезде 1-го января 1918 г. получилось так, что из органов управления большевики имели в руках Совет Народных Комиссаров, а Исполнительный Комитет был в руках левых социалистов. Председателем Исполнительного Комитета был левый эсер—Мещеряков, а председателем Совнаркома был большевик—Пономарев. Между этими лицами в первую очередь и шли все недоразумения. Левые социалисты имели за собой количественное большинство, а это определяло трудность борьбы большевиков за свою линию в строительстве.

„Левые“ социалисты заявляли, что большевики в своей работе держат „правый“ курс, что необходим курс левее, на этой почве происходили мелкие, но довольно частые стычки. Обвиняя большевиков в правизне курса, левые, по существу, делали правый курс и это была не случайность. Когда Совет Народных Комиссаров постановил распустить буржуазную Городскую Думу, то левые этот вопрос не хотели проводить в жизнь.

„Левые“ группы лелеяли мысль—избавиться от большевиков. Внутри же самих большевиков также не было единства. Среди них продолжали бороться два течения, о которых мы упоминали, рассматривая период „безвластия“ (ноябрь—декабрь).

Позиции „левых“ социалистов были подкреплены приездом в Ставрополь из центральной губернии нескольких работников—максималистов, среди которых был А. Коппе, выдававший себя за

организатора частей Красной Армии. Ему и была поручена работа по Ставропольскому гарнизону.

Гарнизон, захваченный „левыми", все время держался вызывающе в отношении Совнаркома, и вполне понятно, что перед большевиками стоял вопрос—как же быть с этими отрядами, которые демобилизоваться не хотели, а держались непримиримо по отношению к власти, предъявляя одно требование за другим. Вскоре предстал случай доказать этим частям свою революционность. На Тереке, на Дону и на Кубани контр-революция вступила с оружием в руках. К ставропольцам посыпались просьбы со всех сторон. Терцы просили помощи в борьбе с горской контр-революцией, Дон просил помощь в борьбе с Калединым и т. д. В Ставрополе организуются наспех отряды и посылаются. Первый — численностью в 2 тыс. чел., хорошо вооруженный, с артиллерией ушел на Терек. Он там же распылился и уже в Ставрополь не вернулся. Второй отряд в 720 человек с батареей был послан в помощь донским советским войскам, боровшимся с Добровольческой армией под Ростовом. Своевременно на помощь подоспели ставропольцы и советские войска на Дону одержали победу. Вот что по этому поводу телеграфировал комиссар ставропольского отряда Анисимов:

...—„Товарищи! Борьба за Советскую власть приходит к концу. Дружными усилиями рабочих и солдат свергнуто правительство капиталистов и помещиков. Скажите вашим сыновьям и братьям, чтобы они все стали на защиту Советской власти. Таков момент. Наши сыновья не должны думать о своей хате. Помните, крестьяне, что власть должна быть только в наших руках. Мы должны во что бы то ни стало стереть контр-революционные силы, тем более в нашей среде нет места трусам и калединцам. Крестьяне и рабочие, Батайск занят нами. В Ростов уже проникли части наших войск. Сейчас идем занимать Заречную. Привет съезду и Рабоче-Крестьянскому Правительству. Заклеймите позором тех, кто убегает с революционного поста..."

Основным ядром отряда, двинувшегося из Ставрополя на Дон, был 112-й запасный полк, не демобилизовавшаяся часть старой армии. В Ростове, после первой победы над белогвардейцами, этот полк окончательно разложился. Он не только занялся грабежом и пьянством, но не выполнил боевой задачи, которая была ему дана, и тем подвел под удар весь фронт. Главком Автономов телеграфировал в Ставрополь:

„112-й запасный полк не выполнил боевого задания от 24—25 февраля, чем оказал существенную услугу корниловцам. Именем революции клеймим поведение 112-го полка. Весь командный состав предаю революционному суду юго-восточной армии.

Главком Автономов".

Полк, бросив позиции, вернулся в Ставрополь. Теперь Совнаркому с этим полком было разговаривать уже не трудно. Полк, чувствуя за собой вину, держался более „спокойно".

К этому времени относится начало организации в городе Ставрополе Рабочей Гвардии. Совнарком видел, что те красные части, которые находятся в настоящее время в Ставрополе, ненадежны. Эти части в большинстве случаев анархиствующие, разложившиеся.

Совнарком предвидел, что в конце-концов эти части или разбегутся в трудный момент, или откажутся защищать Советскую власть, почему и было обращено внимание на организацию рабочей гвардии, куда принимались испытанные, надежные рабочие. Опасение Совнаркома впоследствии целиком оправдалось. При первом набеге белых на Ставрополь части, за исключением рабочей Красной Гвардии, сдались белым без боя.

Немногим позже организации ставропольского губернского Совнаркома, в селе Благодарном сконструировался уездный Благодаренский Совнарком, который и провозгласил уезд Республикой.

В Ставрополье еще свежи были воспоминания о героической борьбе „Благодаренской республики в 1906 г.“ с губернатором генералом Литвиновым. [1] В целом экономически крепкое Благодаренское

---

[1] В виду исключительного интереса борьбы „Благодаренской Республики 1906 г.“ с губернатором Литвиновым, мы приведем несколько выдержек из воспоминаний Президента этой Республики т. Пучкова-Безродного:

...„Мы узнали, что Литвинов идет на нас с дивизионом осетин и взводом артиллерии. Наскоро собрали к-т и решили не ждать прихода Литвинова сюда, а встретить его на дороге и разбить. Быстро собрались тысячи крестьян, вооруженных дробовиками, вилами, косами и пр. Командование над этой армией принял на себя член К-та т. Найденов-Царь. Под утро окружили осетинский дивизион, расположившийся лагерем около с. Петровского на равнине. Наши воины быстро зажгли десятки вымазанных в нефть бочек и с высот пустили их на спящий лагерь осетин, не выставивших даже охраны. Очумелые осетины, испуганные, ничего не понимавшие сдались в плен без боя, сдав оружие и артиллерию. С трудом убежал Литвинов, ночевавший в селе.

..Чудесным инструментом была наша подпольная организация. В то время, как после разгрома губернатора Литвинова на ноги была поставлена не только полиция, охранка и жандармерия, но и армия и не только Ставрополья, но и соседних областей и губерний, я президент Благодаренской Республики жил в комфортабельной квартире губернатора, под охраной его стражи и полиции, пять-шесть раз на день встречался с ним за чаем, обедом, ужином и пр. Я жил в его доме, как личный и самый близкий друг его сына кадета П-го А-го к. к. Сын губернатора Николай помогал нашей организации вообще, а сейчас „спасал“ меня. Часто за обедом, когда обедали то полицмейстер, то жандармский полковник, Николай издевался, спрашивая их: „Ну когда же ваша банда дармоедов поймает, наконец, Безродного“.

— „Николай—укоризненно бросит губернатор и тут же добавит—да, да полковник. Ваши эти... денег много жрут казенных, а дела нет“...

— „Ваше Пр-во, все нити уже у нас в руках, все скоро будут пойманы,—врал полковник. И только шестнадцатилетняя хорошенькая Маруся, дочка губернатора, не интересуясь политикой, искренне веря, что я кадет, друг Николая, за столом бросала мне нежные улыбки, а я временами в ответ громко вздыхал и томно поглядывал на пионом горящее личико, делая вид, что политика скучноватое таки дело...

...По делу „Благодаренской Республики“ царское Пр-во привлекло к ответственности свыше 3.000 чел. крестьян—жителей Благодаренского уезда. Я жил под чужим именем в Кубанской обл., учительствуя в хуторе, как получил предложение партийного комитета добровольно явиться на суд. Пробравшись в залу суда и примостившись на подоконнике я слушал „обвинительный акт“ и когда читавший произнес мою фамилию президента и прочел—„скрылся“, я быстро стал на подоконник и крикнул: „ложь, я здесь, я буду отвечать за народное дело вместе с этими, вами арестованными неповинными людьми, мы не бунтовщики, а революционный трудящийся народ, решивший бороться всеми силами с произволом царского правительства“... Меня арестовали и посадили на скамью подсудимых. Необычайным восторгом встретило крестьянство этот шаг нашей партии...

крестьянство наиболее упорно боролось с царизмом за землю 1905—7 г.г. и теперь, при наличии падения всех остатков царизма, в память и честь громко павшей своей крестьянской республики двенадцать лет назад, крестьянство уезда с воодушевлением провозгласило „Благодаренскую республику“.

У власти стали большевики, левые эсеры, правые эсэры (в меньшинстве). Ничем особенным Правительство Республики себя не проявило, даже тогда, когда вокруг (Александровский, Свято-Крестовский уезды) полыхала эсеровская контр-революция с лозунгами „Долой Красную Армию“, „Да здравствуют советы без коммунистов“. Правда, внутри Совнаркома шла упорная борьба различных политических линий до тех пор, пока в жизнь Ставрополья не вмешался ЦИК Северо-Кавказской ССР, освеживший ставропольское руководство в целом.

В апреле месяце, в районе Ставропольской губернии, по соседству с Медвежинским уездом, появилась Добровольческая армия Деникина. Потерпев большое поражение под Екатеринодаром, добровольцы бежали на северо-восток, остановились на границе Донской области и Ставропольской губернии, и тут отдыхали, реорганизовались и собирали свои силы. Соседство Добороволии первое время не особенно беспокоило ставропольцев, и только после того, как добровольцы, передохнув, осмелели и начали занимать ставропольские села, крестьянство начало браться за оружие и вести борьбу с Добровольческой армией. За сравнительно короткое время, за 2—3 недели, в Медвежинском уезде образовался фронт, где со стороны ставропольского крестьянства выступало до 5 тыс. человек. Эти отряды состояли из ставропольских крестьян, демобилизованных солдат, взявших оружие в руки и соединившихся в отряды для того, чтобы прогнать добровольцев со своей территории. Стычки с добровольцами кончались всегда поражением крестьян. Крестьянство начало требовать от Совнаркома помощи. Губернская власть стала принимать самые решительные меры по организации отрядов, их вооружению, снабжению и посылки на Медвежинский фронт.

Первая же обследовательская военная комиссия, посланная на Медвежинский фронт Совнаркомом, нашла его в очень тяжелом положении: командования фронтом не имелось, никто не координировал выступлений в бой с белыми многочисленных мелких красных отрядов. Дисциплина слабая, днем стоят на позициях, ночью— „спать в хату“. Отряды уходили, когда хотели, куда хотели.

Нужно было организовать командование фронтом и к этой работе Совнарком и приступил, подтягивая всячески Военный Комиссариат, захваченный „левыми“ и работавший слабо. Едва Совнарком попытался взять в руки Военный Комиссариат, как левые, сидевшие тут, опираясь на однопартийцев в президиуме Губисполкома, отказались подчиниться Совнаркому, заявив, что „штаб“ Военного Комиссариата подчиняется Исполкому. Большевики нажали на Исполком, и когда Исполком потребовал решительных действий со стороны

„штаба“, то последний заявил, что он не признает Исполкома и подчиняется главному Всероссийскому штабу Красной Армии. В жестокой борьбе с „левыми“ в этот момент Совнаркому удалось смирить „штаб“ Военного Комиссариата, но реальной пользы делу строительства это не дало, ибо вскоре путчем „левых“ большевики были свергнуты.

В освещенной выше истории с роспуском Городской Думы вскрылось расхождение между большевиками и левыми социалистами, которое бесспорно сыграло большую роль в том, что так долго и тягуче продолжалось „барахтанье“ с этим буржуазным органом. Когда решение Совнаркома от 4-го марта о роспуске Думы пролежало больше недели в лево-эсеровском и максималистском Исполкоме, то Совнарком 13-го марта вынес такое постановление:

„Выразить сожаление, что Исполком затрудняет Совет Народных Комиссаров в деле выполнения срочного и политически ответственного поручения—роспуска буржуазного органа Ставропольского городского самоуправления“...

27-го марта происходило бурное пленарное заседание Исполкома. На этом заседании выяснилось, что трения между Совнаркомом и президиумом Исполнительного Комитета зашли так далеко, что главы этих учреждений, не встречаясь лично, бомбардировали друг друга письмами, в одном из которых Пономарев предложил председателю Исполкома Мещерякову взять эсерам власть в свои руки, если они могут.

Мещеряков об этом никому из своих соратников не сказал, письмо скрыл от всех, даже от президиума Исполкома. Такой акт Мещерякова пленум Исполкома, узнавший настоящее положение вещей из доклада большевиков, расценил, как недобросовестное отношение президиума Исполкома к работам и постановлением выразил ему недоверие. Мещеряков полномочия председателя Исполкома сложил, а вместе с ним ушли 5 человек максималистов. Исполнительный Комитет поставил в известность Горсовет о том, что посланные им его представители в Исполнительный Комитет свои полномочия сложили. Да и сами сложившие обратились в Городской Совет с этим же извещением.

Эсеры, меньшевики и все анти-советские группы подняли гвалт о „новом кризисе Советов“, „о подвигах большевиков“ и т. д., словом, пользуясь моментом, контр-революционные организации попытались произвести новый наскок на большевиков. Горсовет, заслушав информацию по этому поводу, постановил:

...—„Совет не усматривает в уходе 6 человек из Исполнительного Комитета признаков какого-либо кризиса власти и постановляет—произвести в следующем собрании выборы 6-ти членов в Исполком взамен ушедших“...

На очередном заседании Губисполкома председателем был избран левый эсер Вдовиченко, а Мещеряков, при поддержке большевиков, был проведен председателем Ставропольского Горсовета.

4-го апреля в Ставрополе начала выходить газета „Власть Труда“. Она считалась органом Исполнительного Комитета: в первом № о себе она заявила:

—...„Власть Труда“, согласно заданию Исполнительного Комитета, должна быть органом левосоциалистическим, но беспартийным, и притом органом крестьянским“...

Эта газета сразу же взяла ругательный тон в отношении большевиков и Совнаркома.

После того, как лидеры левых „социалистов“ ушли из Исполнительного Комитета, Военный Комиссариат, где сидели также левые эсеры, во главе с А. Коппе, перестал подчиняться Совету Народных Комиссаров. Штаб Военного Комиссариата, в составе которого были преступные элементы, вроде матроса Якшина с его „штабом“ при Военном Комиссариате, командой из бандитствовавших матросов, усиленно принялся за реквизиции, конфискации и обыски. Городское население взвыло от этих мероприятий Военного Комиссариата. Совнарком решил энергичными мерами покончить с такими безответственными, анархическими явлениями, и 27-го апреля в своем заседании постановил:

...„Арестовать ряд лиц, членов левых организаций за противосоветскую агитацию, за самочинные обыски и аресты“...

Такое постановление всполошило левых. Они в ночь на 28-е собираются на конспиративное собрание и постановляют—организовать В. Р. К. и арестовать Совнарком.

В ночь с 27-го на 28-е апреля Совнарком в лице председателя и нескольких комиссаров был арестован, и власть перешла в руки В. Р. К., т.-е. Мещерякова, Якшина, Вдовиченко и других „левых“.

29-го, днем был созван пленум Исполнительного Комитета, который постановил: „Немедленно освободить Народных Комиссаров и для ликвидации создавшегося положения созвать экстренный, чрезвычайный съезд Советов“.

В этот момент один из главных „левых“ героев—Коппе внес на заседании Исполкома следующую декларацию:

...—„Учитывая текущий момент в городе Ставрополе, мы, проживающие члены партии левых социал-революционеров находим, что в Ставрополе учреждена не демократическая, а буржуазная республика, виновником чего является председатель С. Н. К. Пономарев и его приспешники, и требуем немедленного их удаления, назначив следственную комиссию... Требуем проведения в жизнь всех декретов, изданных центральной властью. На все места требуем коллегиального управления и заявляем. что всеми средствами будем бороться против диктатуры одного лица“...

Как видно, попытка обвинить большевиком в строительстве „буржуазной республики“ должна была стать одним из сокрушающих ударов по ним.

Что же по существу произошло? Руководящая большевистская головка, вполне отдавая себе отчет в том, что работу Советской

власти приходится вести в сугубо крестьянской губернии, была в высокой степени осторожна в своей политике. Прошло уже много времени со дня организации Советской власти, но в губернском центре до сего времени не были ни национализированы банки, ни муниципализированы дома, ни другие строения, кроме принадлежавших бывшим общественным организациям и государству. В банке был поставлен контроль, и только. Надо сказать, что линия строительства, которую вели большевики Ставропольской губернии за истекший период времени, была линией большой осторожности, осторожность пожалуй была большей, чем того требовали условия. Эта чрезмерная осторожность не разделялась левым течением внутри большевиков, особенно сильно представленным в частях Красной Армии Ставропольского Гарнизона. Левые б-ки, критикуя руководящих товарищей, во главе с Пономаревым, таким образом, объективно становились союзниками левых эсеров и способствовали успеху их борьбы с „диктатурой" большевиков.

Мягкая политика умеренных большевиков и дала повод фронтовикам и тем социальным группам, чьи интересы они выражали, т.-е. крестьянской сельской бедноте, думать, что революция не доделана, что Советская власть не достроена, что буржуазия не разгромлена, не лишена тех материальных ресурсов, какими она в любое время может снова давить крестьянство. Переворот, произведенный с 27-го на 28-е апреля 1918 г., был переворотом, базировавшимся на недовольстве этих социальных групп, твердо выраженном многочисленными фронтовиками. Это целиком подтвердилось вскоре за переворотом на так называемом „Чрезвычайном съезде Советов".

Стремление „левых социалистов" избавиться от большевиков удалось.

Основными условиями, приведшими к победе „левых социалистов", была специфичность условий самой Ставропольской губернии. Большое историческое прошлое эсеровщины в этой крестьянской губернии должно было породить не только мощные кадры работников эсеров, но и дать определенное идеологическое воспитание крестьянству. В Октябрскую революцию мы с этим и встречаемся. Эсеровствующие крестьяне ведут все время борьбу с большевиками, носителями власти пролетариата. Вначале глухая, борьба с течением времени разгоралась все больше и больше, и кончилась переворотом, который произошел в ночь с 27-го на 28-е апреля.

Благодаря тому, что большевистская организация Ставрополья была небольшой и не имела своих филиалов на периферии, бедняцко-батрацкое движение в деревне к маю месяцу осталось без руководства, ибо небольшое ядро большевиков, работавших в самом городе Ставрополе и не имевшее в уездах, на местах своих организаций, не могло овладеть бедняцко-батрацким движением на селе и в армии. Отсутствие твердого большевистского руководства в частях Красной Гвардии и армии Ставрополья также не могло ни в какой степени помочь овладеть этим движением. В силу этого количественно мощное движение сельской бедноты должно было

стать жертвой случайного руководства, и мы видим, что батрацко-бедняцкое движение делается орудием анархо-бандитствующей стихии лже-моряков из отряда Якшина. Это, конечно, благоприятствовало качанию середняка-крестьянина в сторону кулачества и мы видим, как на Чрезвычайном съезде выступают представители зажиточного крестьянства с весьма резкими заявлениями против Красной Гвардии вообще. Здесь мы имеем очень яркий образчик того, как среднее крестьянство начинает итти за кулаком, когда пролетарское руководство ослабевает.

Представители бедняцко-батрацких групп видят в кулаках классовых врагов, но, находясь без руководства, без возможности дать организованный отпор, пытаются парировать выступления зажиточных элементов выходками и актами, далеко не внушающими к ним, представителям Красной Советской армии, ни доверия, ни уважения.[1] Таким образом, бедняцко-батрацкое движение в Ставрополе, благодаря тому, что коммунистические организации не овладели им, попало под идейное влияние и руководство анархо-бандитов, во главе с Якшиным и Коппе.

9-го мая 1918 г. собрался Чрезвычайный съезд Советов с повесткой:

1. Выборы комиссии.
2. Доклады членов Губисполкомов и наказы с мест.
3. Доклады следственной комиссии и Исполкома.
4. О кризисе власти.
5. Выборы.

Большинством 155 голосов было решено поставить первым пунктом вопрос о кризисе власти.

Заслушав информацию „левых“ и большевиков, съезд выделил комиссию, которой и поручил разобрать все материалы, относящиеся к борьбе между ними. Съезд, заслушав позже комиссию, осудил „левых“ и к власти снова были призваны большевики. При голосовании в новый Исполнительный Комитет председатель Совнаркома Пономарев получил большинство голосов. „Левые“ предпринимали всяческие меры к тому, чтобы ослабить успех большевиков, но когда они увидели, что главный их враг, большевик Пономарев, получил большинство голосов и снова будет у власти, они обратились к помощи „своей“ военной силы. Части, во главе с „матросами Якшина“, в полном боевом вооружении и с артиллерией двинулись к месту работ съезда. Представители „частей“ пришли на съезд и угрожающе потребовали исключения Пономарева и ряда большевиков из списка членов Исполнительного Комитета. Вот к чему сводились эти требования:

...„Соглашателям предлагаем немедленно покинуть съезд. В противном случае мы примем самые решительные меры в поддержке Советского большинства, вплоть до применения вооруженных сил.

[1] Рыльский—представитель батрацко-бедняцких групп Ставрополя на съезде, выхватив шашку на трибуне, замахнулся ею на оратора, крестьянина Медвежинского уезда, требовавшего подчинения Красной Гвардии велениям съезда.

Теперь же организовать комиссию по борьбе с контр-революцией и саботажем.

Исключить из списков членов съезда Пономарева и других.

Требуем немедленного разоружения всей местной буржуазии и городской самоохраны в виду существующих для этого отрядов Красной Армии"...

Вооруженные до зубов представители, взявши съезд в кольцо, напугали его и он принимает резолюцию большевиков следующего содержания:

...„ —Принимая во внимание, что вхождение Пономарева в Исполнительный Комитет грозит сильнейшими осложнениями, опасными для Советской власти, съезд находит невозможной работу Пономарева в Советских организациях Ставропольской губернии и постановляет исключить его из указанных организаций"...

Таким образом, „левые социалисты" одержали победу над правыми большевиками, но эта победа на деле означала ослабление руководящей роли вообще большевиков в центральных органах губернской власти. Хотя в Исполкоме, выбранном Чрезвычайным съездом большевиков, было и большинство, но в президиуме их оказалось два (Морозов и К. Петров) из пяти, причем председателем был беспартийный Дейнеко; в частях же Красной армии, предъявившей ультиматум Чрезвычайному съезду, выполнившему его, „левые" укрепились и они чувствовали себя еще более бесконтрольно и „свободно". Позже один из участников тогдашних событий Сараев в своих воспоминаниях признал ту отрицательную роль, которую сыграла борьба внутри большевиков.

„Пока мы грызлись с максималистами и с Пономаревым, бросали грязь друг в друга—мы расстроили ряды Красной армии, обострили ее против себя." [1]

Конечно, было бы неверно борьбу внутри большевиков сводить к личной борьбе из-за власти; и осторожность правых и запальчивость левых вытекали из одного источника—Ставрополь не имел твердой пролетарской базы, большевистская организация была почти исключительно интеллигентской по своему составу, ее внутреннее состояние отражало давление „мещанского" окружения и моря крестьянской мелко-буржуазной стихии.

После того, как у власти фактически остались левые социалисты, и большевики, участвовавшие в ней, уже не играли решающей роли. Эсеры стали смелее. Член Исполнительного Комитета нового состава Бочарников на одном из первых его заседаний выступил от имени целого ряда сел с требованием, которое сводилось к следующему:

... „Необходимо прекратить гражданскую войну вообще и заключить союз между трудовым казачеством и крестьянским населением"...

Таким образом, эсеры, еще не успев как следует стать у власти, уже протягивали руку мира российской контр-революции.

[1] Гражданская война в Ставропольской губернии, стр. 85.

В это время вернулась от ген. Алексеева делегация Медвежинских кулаков, [1] и привезла с собой офицера Карпова, поведшего агитацию за „гражданский мир“ и начавшего организовывать Медвежинскому Исполкому отряд Красной Гвардии.

Эсеровское положение — мир с белыми — еще на Чрезвычайном съезде старался провести Бочарников, выставив предложение: власть должна быть „не партийная, а обще-народная“.

Дружным нажимом большевиков и части беспартийных крестьянской курии, шедшей за большевиками, эта атака эсеров тогда же на съезде была отбита.

20-го мая Исполнительный комитет в пленарном заседании принимает декрет о власти. [2] Сводится он к следующему:

> 1. Высшим законодательным органом в губернии является губернский съезд Крестьянских, Рабочих и Красноармейских Депутатов.
> 2. В периоды между сессиями съездов высшей властью в губернии является губернский Исполнительный Комитет.
> 3. В своей работе Губернский Исполнительный Комитет неотступно руководствуется декретами Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и наказом, данным ему съездом Советов губернии.
> 4. Для непосредственного управления Исполнительный Комитет избирает президиум в составе: председателя, трех членов и секретаря, а также выделяет из своего состава Комиссариаты, отделы, коллегии, по которым распределяются все члены Исполкома. Управление Комиссариатом коллегиальное. Во главе комиссариата стоит комиссар, как председатель коллегии. Комиссары избираются коллегиями и утверждаются Исполнительным Комитетом“...[3]

Вместо Совнаркома были организованы следующие отделы: административный, продовольственный, земледелия, народного образования, путей сообщения, общественного призрения, юстиции, здравоохранения, финансов, труда, промышленности и военный.

Вполне понятно, что и в уездах и на местах началась перестройка аппарата власти.

К июню военное положение в губернии стало гораздо хуже. Количество Советских отрядов по губернии увеличилось, все они требовали на свое содержание средств, а губернская казна была совершенно пуста.

Перед Исполнительным Комитетом стал вопрос, где взять денег. Были посланы представители в центр с просьбой о помощи. Второй мерой была контрибуция на буржуазию в размере 2 мил. рублей, третьей мерой — был введен военный налог в размере 5 мил. рублей на население города Ставрополя. Для борьбы с белой

[1] В мае от „гр-н села Медвежьего“ (от кулаков) тайно от красного фронта отправилась делегация в Доброармию, с целью узнать, на каких условиях ген. Алексеев хочет помириться. Алексеев делегацию принял и предъявил следующие условия: разоружиться, доставлять хлеб, мясо и фураж Добров. армии, ликвидировать Советы и т. п.

Делегаты согласились, взяли у Алексеева нескольких офицеров-организаторов и явились в Медвежье.

[2] Реорганизация управления была поручена съездом Исполкому.

[3] Взято из сб. документов „Советы в октябре“, изд. Ком. акад. Москва 1928 г. стр. 329—330. Архив Н. К. В. Д. Дело „Наказы и инструкции“ за 1918 г. Л. 114.

армией Деникина, вторгшейся глубоко в губернию, Губернский Исполнительный Комитет объявил мобилизацию нескольких лет по всей губернии. Мобилизация сопровождалась такими эксцессами, которые ясно говорили, что среди широкого населения проделана большая анти-советская работа.

В разных местах губернии начались восстания мобилизованных против Советской власти.

Кулацко-эсеровские группы населения не имели никакого желания защищать Советы от Деникина. Они срывали мобилизацию, они решили свергнуть Советы и принялись за эту работу, выкинув на первое время лозунг: „Долой Красную Армию, да здравствует Советская власть“...

А немного позже, когда первые выступления увенчались успехом, был выкинут второй лозунг:

„Долой коммунистов, да здравствуют Советы без коммунистов“.

Следующий шаг, который делало позже кулачество уже в ногу с Деникиным, был

— Долой Советы...

Губисполком, начиная мобилизацию, обратился 3-го июня к населению с таким воззванием, которое кончалось следующим предложением уездным Военкомам:

...„Для получения необходимых указаний и объяснения действий.. уездным военным комиссарам прибыть в город Ставрополь 7-го июня сего года нового стиля“.

Уже на съезде комиссаров эсеры выявили вполне свое демократическое лицо. После жестоких дебатов о мобилизации, собрание приняло следующее постановление:

....„Учитывая, что призываемые для защиты родины сознательные народные массы... сами найдут силы и средства обезвредить попадающий в ее среду контр-революционный элемент, а потому... призыву подлежат все граждане, не изолируя... контр-революционный элемент“.

В числе распоряжений по военведу мы встречаемся со следующим:

„Отряды Красной Армии, ставшие на одинаковые положения с мобилизованными.. должны с проведением организации в первую очередь направиться на фронт...

В виду того, что все чины, кончая генеральским, упразднены, а потому призыву подлежат... бывшие офицеры, военные чиновники, юнкера и проч.“

После того, как в центре дело мобилизации стало так, на местах эсеры пошли дальше. Вот постановление села Безопасного в ответ на мобилизацию:

—„Советской власти мы подчиняемся, просим разъяснения, должны ли все свободы защищаться за деньги,—если нет... Красную Армию распустить.. Почему назначены годы 95-й и 96-й.,. а не прислано на усмотрение общества“...

Таким образом, в Медвежинском и Благодаренском уездах дело с мобилизацией начало решительно проваливаться, благодаря безбоязненному выступлению эсеровщины. Вслед за этими уездами

пошел Ставропольский. Вот разговоры кулацкого населения села Терновки на митинге:

—„ Представителю Губернской власти задавались вопросы: „с кем воевать“, „за что воевать“, „нужно выбить Губернскую власть, а затем посмотреть, нужно воевать, или нет“...

Другой оратор говорил:

„Генерал хочет Учредительное Собрание и нам с ним воевать не за что...“ [1]

Дальше всех пошли эсеры Александровского уезда. В селе Круглолесском на митинге было постановлено:

...„Председателя Уездного Исполнительного Комитета Войтика от должности удалить, и людей, подобных Войтику, не назначать и не назначать на должность партийных передовиков...“

...„большинством членов Благодаренскаго Уисполкома мое предложение об организаци обороны было провалено, было принято предложение эсэра Нестеренко — немедленно послать представителей в Ставрополь для переговоров со Шкуро“... [2]

От слов эсеры начали переходить к делу. Председатель Александровского Уисполкома Войтик был арестован и содержался в тюрьме, власть была захвачена эсерами, которых дружно поддерживали, призванные по мобилизации и руководимые кулачьем, отряды. Кулаками-эсерами был созван Чрезвычайный Александровский уездный народный съезд. На этот съезд от Губисполкома прибыл военный комиссар Петров, тут же эсеры и мобилизованные решили арестовать Петрова, и этот вопрос об аресте был вынесен на решение съезда. Съезд принял постановление: „Комиссара Петрова оставить в покое“. Съезд работал, а большевик, пред. УИК'а Войтик сидел в тюрьме. Когда Петров добился, чтобы ему на съезде дали слово, он информировал съезд о военном состоянии губернии. Узнав, в каком тяжелом положении находится Медвежинский уезд, подвергшийся нападению Деникина, съезд постановил:

...„От подачи помощи Медвежинцам воздержаться, а вопрос передать коллегии уездного штаба...“

Губернский Исполнительный Комитет вынужден был послать в Александровский район карательный отряд, во главе с командиром Питовым. Питов, явившись в Александровский район, потребовал немедленного освобождения председателя Исполкома Войтика и выполнения всех распоряжений Советской власти, но тут же начал подвергаться соответствующей обработке эсеров и на следующий день заявил, что он не настаивает на своих требованиях, что он прибыл сюда на отдых, как бывший на фронте 3 месяца... Позже днем, он заявил:

...„Если в Красную Армию не будут бросать грязью, то Красная Армия оружия требовать не будет и желает работать совместно с мобилизованными...“

[1] Воспоминания Сараева. Архив Ставр. Истпарта.

На этом собрании самому Сараеву был вынесен смертный приговор и только случайно он не был приведен в исполнение.

[2] Берлов.— Из истории гражданской войны на Северном Кавказе, Пролетарская Революция, № 6, июль, стр. 235.

Уже на следующий день было достигнуто „идилическое“ соглашение, которое записано так:

—„...Обе стороны дают подписку, в виду того, что со стороны мобилизованных документально доказано... что контр-революционеров против Советской власти нет...

...Не предъявлять требования о сдаче оружия. Полная неприкосновенность к личности с обеих сторон. Не требовать тех лиц, кои, по мнению Красной Армии, считаются контр-революционерами.

Товарища Войтика от должности устранить и выслать навсегда из пределов Александровского уезда, вручив ему аттестацию...

Командир отряда Красной Армии подчиняется Военной Коллегии... Отряду расположиться в селе Сергеевском, а в Александровское не вступать.

Считать, что мобилизованные и пришедшие отряды заключили товарищеский Союз... [1]

Губернский Исполком, конечно, не мог согласиться с таким разрешением вопроса. Советская власть без коммунистов, установившаяся в Александровском уезде, это свержение Советской власти и переход к кулацко-буржуазной демократии.

Самостоятельное военное управление, нежелание исполнять приказов губернской власти, оказывало существенную помощь белым. По частям генералы без серьезного сопротивления могли забирать один уезд за другим.

Движение в Александровске руководилось явными контр-революционерами, эсерами и даже кадетами (Борисов), оно представляло прямую угрозу для Советской власти в губернии. По приказу Губернского Исполкома, на „помощь“ Питову был двинут из села Благодарного находившийся там Святокрестовский отряд, дисциплинированный и хорошо вооруженный, под командой Чугуева.

10-го июля Чугуев прибыл в Александровск и приказал Питову влиться к нему. Отряды соединились и объединенным штабом уездному и волостным Советам Александровского уезда было послано циркулярное распоряжение:

...„Все постановления уездного и волостных Исполкомов, вынесенные за время захвата власти контр-революционерами, противоречащие декретам Советской власти и революционной совести, вынужденные давлением, отменяются...“

11-го июля объединенный отряд мирно вступил в село Александровское и Войтик занял свой пост председателя Исполкома.

Руководители контр-революционного движения скрылись. Отряд Чугуева, выполнив задание, был направлен назад, в Святокрестовский уезд, где еще хуже обстояло дело. На мобилизацию Святокрестовский уезд ответил восстанием. В селах Воронцово-Николаевском, Чернолесском и ряде других были частично перебиты активные работники Советской власти и ее сторонники вынуждены были бежать в Благодаренский уезд. Тут они сьорганизовались в отряды, которые впоследствии играли большую роль.

---

[1] Тут же был избран „общий“ штаб по управлению отрядами.

Контр-революционное офицерство и активные эсеры, поднявшие восстание в Святокрестовском уезде, также в свою очередь организовались в отряды. Эти отряды, после разгрома дела эсеров в Ставрополье, перешли на Терек и соединились с отрядами Терской контр-революции. За время мятежа в Святокрестовском уезде организовались Советы „без коммунистов", начиная от Уездного Исполкома. Таким образом, „Советская власть без коммунистов" была осуществлена на деле в Александровском и Святокрестовском уездах, и если в Александровском районе она держалась всего неделю, то в Святокрестовском она держалась около трех недель.

Союз большевиков и левых социалистов-революционеров, до переворота последних, был союзом двух партий, отражавшим первую стадию революции, когда в деревне мы еще имели единый общекрестьянский фронт. С течением времени, по мере развития классовой борьбы внутри деревни, левые эсеры стали тяготиться союзом, они подняли мятеж против большевиков, против Советов. То, что не удалось левым социалистам-революционерам в центре, в пролетарских районах, то им удалось в крестьянской Ставропольской губернии. Из переворота они вышли победителями, но эта победа прочного успеха дать им не могла: они не могли открыть своего лица, они не могли сказать, что они против Советов, что они будут проводить в новом строительстве политику буржуазии. Они были под контролем бедноты и соседних Советских республик. Многочисленное бедняцкое ставропольское крестьянство, а также контролирующее око Центрального Исполнительного Комитета Северо-Кавказской Советской Республики,[1] начали понимать, в чем дело и начали предпринимать меры к ликвидации создавшегося тяжелого положения в Советском Ставрополье. Прежде других это поняли некоторые толковые вожди белых. Вот что пишет в своем дневнике Эрдели по этому поводу:

> ...„Ставропольская губерния, которая была яро большевистской, теперь уже прогнала их от себя и там стала управлять эсэровская партия".[2]

В связи с успешным наступлением добороволии на Медвежинском фронте, все больше и больше шевелилась в губернии внутренняя белогвардейская контр-революция. По городу ходили самые невероятные слухи, распускаемые меньшевиками и эсерами. Стоявшие штабы матросов „обыскивали" и усиленно грабили население.

Политические слухи, военная угроза белым и операции уголовных бандитов создали тягчайшую атмосферу в городе. Никто не знал, что несет грядущий день, грядущий час. Яко бы в ответ на анархию, местные „воинские" части и в первую очередь „матросы" ввели террор.

---

[1] Советское Ставрополье вошло в состав Сев.-Кав. ССР., организовавшейся 18-го июня. Подробно о ней см. соответ. главу данной работы.

[2] Эрдели.—Дневник, стр. 16-я, С.-К. Истпарт.

12-го июня создавшееся положение заставило Губисполком ввести военное положение. В распоряжении, обильно расклеенном по городу, было сказано:

...„Будут сметены с лица земли все агенты контр-революции, провоцирующие выступление против Советов. Не будет пощады и тем кучкам, в которых под видом подчинения Советской власти на словах, на деле идет тайная работа подрыва Советов“.

В самом городе Ставрополе, где имелись довольно большие кадры различного чиновничества, где находился центр духовенства всего Северного Кавказа, во главе с архиереем, не могло не быть монархически настроенных групп; осколки дворянства, духовенства, „ограбленные“ революцией тавричане и помещики, все это был материал, где монархические настроения находили своих сторонников. В Ставрополе за все время существования Советской власти были монархические, мелкие организации, которые вели определенную работу, связавшись с Добрармией Деникина, и с недалеко оперирующими на Кубани и Тереке белоказачьими частями полковника Шкуро. Монархическими организациями был разработан план, по которому Ставрополь должны были захватить белые— внутренне восстание в Ставрополе приурочивалось к проходу белоказачьих частей полковника Шкуро на соединение с Доброволией генерала Деникина.

Сами белогвардейцы свидетельствуют о длительной подготовке вооруженного восстания против Советов:

...„Еще за несколько месяцев до кровавой недели (20—27 июня) среди Ставропольского офицерства зародилась мысль о свержении Советского ига путем вооруженного выступления. После февральского разоружения большевиками, прибывших в Ставрополя „контр-революционных“ частей Лысонского ударного батальона и Самурского полка, офицеры этих частей стали тайно создавать офицерскую боевую организацию для того, чтобы в нужный момент выступить с оружием в руках.

Организация создавалась по десяткам. Каждый вновь вступающий член вербовал 10 новых добровольцев, которые через него только имели связь со всей организацией.

Среди членов организации, кроме офицеров, было много учащейся молодежи, студентов и гимназистов...

В разных местах постепенно создавались склады оружия, один склад был в пещере архиерейского леса.

Установилась связь с казачьими станицами, которые с весны были настроены резко против Советской власти. Для осведомления организаций о том, что происходит в стане врагов, некоторые ее члены, с ведома организации, вступали в Красную Армию и в Советскую контр-разведку.

Для большей связи с населением в заговор были посвящены некоторые общественные деятели...

В конце мая в организации было все же около 300 человек.[1]

В ночь с 9 на 10 июля разразилось офицерское восстание. Началось оно с Варваринской площади, где был сборный пункт для офицеров. В ночь восстания на сборный пункт явилось всего 86 человек. Они пошли на „ура“ в банк. Восстание офицеров было

---

[1] „Донская Волна“ № 3 (31), 13-го января 1919 г., гор. Ростов н/Д., стр. 6.

подавлено. Нужно отметить, что это восстание произошло не без участия эсеров, которые именно здесь показали, куда ведет борьба против б-ков. В течение всей ночи, уже когда офицерский отряд был разгромлен, по городу продолжалась стрельба из окон. 10-го июля в городе был водворен порядок.

Из восстания видно, что монархический заговор в Ставрополе не имел глубоких корней. Последователей он имел очень немного, активных работников имел еще меньше, и выставил небольшую боевую силу.

В ответ на офицерское восстание и предательское поведение эсеров Красная армия свой террор обратила против них, в первую очередь расстреляв ряд видных городских эсеров. Террору были рады всякие бандитские элементы, делавшие под флагом его свои дела. Исполнительный Комитет, сняв военное положение, повел, борьбу с самоуправством в рядах Красной армии. Вот что мы находим в постановлениях Исполнительного Комитета от 14-го июля:

—„Губернский Исполнительный Комитет приказывает немедленно прекратить самочинные, без ведома власти, расстрелы, производящиеся без суда и следствия над арестованными гражданами. Губернский Исполнительный Комитет предупреждает, что будет беспощадно бороться со всяким самоуправством и бесчинством, откуда оно не исходило бы... все вещи и товары, имеющиеся у граждан по норме и отобранные во время обысков, подлежат возвращению по предъявлении квитанции. Отобранные у буржуазного класса товары подлежат распределению по районам для раздачи бедному населению...“

Ставропольским гарнизоном было недовольно все население. Бандитизмом выделялись матросы под командой нам уже известного матроса Якшина. Их отряд насчитывал до 200 человек. Это был очаг бандитизма. Исполком создал комиссию, которая должна была проверить состав матросского отряда. Комиссия вскоре доложила, что в отряде „имеется всего 18 матросов, все остальные не матросы, куда относится и Якшин, и даже больше—люди с подозрительным уголовным прошлым...“

К этому времени относится приход под Ставрополь контр-революционного казачьего отряда полковника Шкуро. Отряд Шкуро шел из района Минеральных Вод на соединение с Добровольческой армией. Офицерское восстание в городе приурочивалось как-раз к этому приходу Шкуро, но с ним повстанцы не сумели установить тесную, беспрерывную связь, и поэтому выступили изолированно.

К первому появлению Шкуро в районе Ставрополья относится трагическая смерть Военного Комиссара—большевика Петрова. В селе Кугульта местными кулаками был задержан Ставропольский Военный Комиссар Петров, направлявшийся в Александровский район для ликвидации одной из вспышек мобилизованных. Кулаки, зная, что завтра в их село должен войти Шкуро, задержали Петрова под предлогом, что они его не знают и что „вопрос надо выяснить“. Продержав Петрова до утра, они передали его в руки пришедшего отряда Шкуро. Петров тут же был повешен.

Организовавшиеся повсюду Красные отряды были господами положения в отношении мирного населения. Они брали от него все, что, по их мнению, нужно было для отряда. Они платили тогда, когда находили это нужным. Они были безнаказанны. Это приводило к тому, что через короткое время отряды распоясывались и населению приходилось от них терпеть много лишений. Население недружелюбно встречало свои Ставропольские отряды, когда они подходили к селу.

Все это случилось главным образом потому, что никакого большевистского руководства частями местной Красной гвардии не было, так как оно почти отсутствовало с мая и особенно с июня во всем революционном движении Ставрополья.

Продвижение деникинцев в глубь Ставропольской губернии, с одной стороны, приход Шкуро с другой стороны, заставили крестьянство организовываться в отряды. Большевики, работавшие в губернском исполкоме, совершенно не рассчитывали на разложившиеся части гарнизона. Новый военком, большевик Морозов, быстро организовал рабочую дружину. 15-го июня в газете „Власть Труда" появляется статья, в которой говорится:

> „Настал час, когда нам, пролетариату, необходимо напречь большие усилия... Сплотиться, подготовить себя к боевым операциям, дабы в каждую минуту притти организованно на подмогу Красной Армии... на днях у нас, в Ставрополе, рабочие должны созвать представителей от всех фабричнозаводских комитетов и разрешить крайне наболевший и насущный вопрос..."

На одном из собраний фабрично-заводских комитетов обсуждались текущий момент и военное положение в губернии. На обсуждение было вынесено постановление:

> „...Немедленно организовать рабочие отряды, выбрать военный Совет, избрать командиров отряда, взводных и отделенных командиров, требовать оружия для рабочих, которые твердо стоят за Советскую власть, войти в тесную связь с Красной армией и обучить рабочих по инструкции товарищеского устава... все рабочие и красноармейцы должны в каждый момент быть готовыми, должны быть спаянными в одно стальное ядро..."

Но это постановление не удалось осуществить.

В момент, когда грозила опасность всему Ставрополью от нашествия белых отрядов, Губернский Исполнительный Комитет обратился к профессиональным союзам города Ставрополя с просьбой дать рабочих в ряды Красной армии. Бюро профессиональных союзов отказало в этой просьбе, и когда большевики попытались через голову бюро агитировать рабочих, то эсеры развили колоссальную работу, благодаря чему из рядов рабочих города Ставрополя в ряды Красной армии поступили сравнительно немногие. В это время по Ставрополю идет усиленная агитация эсеров—не вступать в ряды Красной армии, не мешать приходу белых, несущих „право, порядок и законность". В ряды Красной армии из рабочих и из населения бедняцких окраин вступает сравнительно небольшое количество людей, все же остальные не прочь были ожидать прихода белых.

Когда уже определилось, что красные должны будут оставить город Ставрополь и уходя, будут забирать ценности, эсеры вызвали на улицу мещанство и рабочих, и потребовали от Исполкома не трогать ценности, „принадлежащие всему народу“. Исполком был бессилен взять ценности и они достались потом белым, как трофеи.

Белые все ближе продвигались к городу Ставрополю. Шкуро, став в селе Московском, потребовал от Ставропольских властей сдачи города без боя, „дабы не подвергать—писал он—город разгрому из тяжелой артиллерии“. Эсеры развили агитацию за сдачу города без боя и Исполнительный Комитет отдал распоряжение об оставлении города. 20-го июля 1918 г. началась эвакуация города. Часть войск, составлявших Красную армию Ставрополья, отступали на юг, на соединение с Северо-Кавказской Красной армией. Ряд частей „гарнизона“ остался в Ставрополе и сдался белым в плен. Городские ценности попали в руки белых. Среди отступающих частей Красной армии враги пускали одну провокацию за другой. Военный комиссар Морозов со своим помощником в Невинномысской, став жертвой провокации, были убиты матросами из отряда Якшина.

Исполнительный Комитет был терроризован и никакого влияния на части, отступавшие из Ставрополя, не имел. Оставляя город Ставрополь, Исполнительный Комитет выпустил следующее воззвание:

> ...—„Алексеев со своими бандами, вступая в села Медвежинского уезда, расстреливал всех, кто служил в Советах, убивал стариков и детей, насиловал женщин, казнил семьи борцов за Советскую власть... В занятых селах восстанавливал старшин и урядников, а также права собственности помещиков на земли... Жители от 18 до 40 лет мобилизовались и под угрозой смертной казни ставились в ряды контр-революционных банд. Некоторые рабочие и интернациональный отряд, поддавшись обещаниям Шкуро, не пожелали выступать из города со своими войсками... Получили от Шкуро губернатора, городовых, жандармов и других кровопийцев. Все граждане... кому удалось бежать из захваченных сел, с мольбой взывали о том, чтобы не верили в лживые обещания контр-революционных вождей. Рабочие города Ставрополя, увидя себя обманутыми и не желая итти в рядах Шкуровских банд сражаться против своих братьев, теперь перебегали в отряды Советских войск почти голые, босые и в настоящее время находятся на передовой линии“...

С этого времени Исполнительный Комитет Ставрополья начинает скитаться по территории его, отступая все дальше и дальше на восток. Долго резиденцией Исполкома было село Благодарное.

Исполком остался существовать и по прежнему в своем составе имел большую часть эсеров, неуклонно проводивших свою линию предательства Революции. Стараясь укрыть свою работу от глаз С.-К. ЦИК'а, держась всегда в стороне, Исполком часто на мелочах выдавал свою сущность с головой; так, в конце ноября 1918 г. некоторые большевики, работавшие в Губисполкоме, решили создать фракцию при ГИК'е, это тем более было необходимо, что никакой большевистской парторганизации у ставропольцев не было; но не тут-то было: против организации фракции восстала половина ответработников ГИК'а. Когда позже Крайком проверил

ставропольцев, оказалось, что и головка ГИК'а и многие его члены не большевики, а „левые“.

Нельзя не отметить отхода больших середняцких масс от деникинщины вскоре после занятия им Ставрополя. Жестокости Доброволии и казаков, прокрывших занятую территорию виселицами, произвол вернувшихся ущемленных землевладельцев—все это заставило крестьян браться за оружие. Снова возникают один за другим партизанские отряды, насчитывающие сотни и тысячи бойцов (Сараевский, Литвиновский, Семибратовский и др.).

После эвакуации Ставрополя, губерния разделилась на две части—Медвежинский уезд, часть Ставропольского и губернский центр были заняты белыми, вся остальная часть губернии находилась в руках красных. Образовался Ставропольский партизанский фронт, протяжением около 200 верст, шедший с севера на юг, который держался на организовавшихся крестьянских отрядах, не имевших общего твердого руководства и постоянно изменявших свой состав. Если количественно отряды красных партизан несомненно подавляли белых, то в отношении организованности, дисциплины и командования контр-революционеры были впереди бесспорно, и это, главным образом, дало им возможность удержать Ставрополь в своих руках, несмотря на ряд попыток партизан, вместе с Кубанским красным отрядом Балаханова, завладеть городом. И здесь снова сказалась неустойчивость крестьянской стихии, неспособной организоваться, не могущей пойти дальше партизанщины, без твердого пролетарского руководства. Воспоминания ген. Слащева, руководившего в то время белой обороной Ставрополя, хотя и написаны под углом зрения военного специалиста, но все же дают очень яркий материал, характеризующий мелко-буржуазную, неустойчивую стихию, как главную причину неудач наступления партизан. Вот эпизод из боев под Ставрополем, отмеченный им: [1] ...„как потом оказалось (рассказ жителей д. Татарки) красные войска, не получая два дня довольствия и узнав, что они обойдены, устроили митинг, перебили часть командного состава за „измену“ и хлынули на Невинномысскую. Балаханов с отрядом основных Кубанских иногородних занял высоты г. Недримонной—ст. Екатериновка, остальные же 3—4 тысячи Ставропольских мобилизованных рассеялись [2] в разные стороны и частью попали в плен“...

Подводя итог борьбы с партизанами за удержание Ставрополя в конце июля 1918 г., Слащев сделал вывод, в котором прямо заявил, что „главная заслуга“ в неудаче красных принадлежит „красному командованию“. Хотя он, как военспец, здесь несколько преувеличил „стратегические моменты“, но его характеристика содержит в себе долю правды и поэтому мы приведем из нее довольно большую цитату: [3]

---

[1] Восп. Слащева. Рукопись, стр. 7. С.-К. Истпарт.

[2] Кроме добровольцев, на партизанском фронте сражались и крестьяне, которые мобилизовались Советской властью на территории, не занятой белыми.

[3] Там же, стр. 9.

...—„Итак, Ставрополь был удержан, но в этом главная заслуга красного командования. Можно сказать, что в управлении красными войсками отсутствовало все положительное и выступало все отрицательное. Первое, что бросается в глаза, это упорное уклонение Башпагирского отряда от поддержки Балаханова,—он в полном смысле слова взял на себя роль зрителя, и таким образом в сущности вывел 3000 штыков из строя. Балаханов же, пополнившись Ставропольскими мобилизованными, растянул свои огромные силы в нитку, которая не могла маневрировать и безнадежно залегла перед окраиной города, потому что ожидала подхода отставшего и далеко вытянутого фронта у ст. Сенгелеевской. Позже, с появлением партизан у себя, в тылу, управление, видимо, совершенно выпало из рук Балаханова и дело закончилось расходом главной части его войск. Общего начальника над Бешпагирским и Невинномысским отрядами у красных, видимо, не было, во всяком случае, они ничем себя не проявили...“

Понятно, почему количественно слабые белые то и дело выигрывают операции одну за другой. Отсутствие общего командования, нежелание объединиться с соседними частями и подчиняться командирам соседних отрядов („сами справимся“), отсутствие дисциплины и военно-грамотного комсостава, авантюры,—все это есть „отрицательные“ слагаемые, которые в сумме сыграли огромную роль в деле поражения Советов на Северном Кавказе в 1918 г.

27 октября 1918 г. совершенно неожиданно для ставропольцев город был взят Таманской армией. Дисциплинированные полки армии одним ударом выбили белых. В ужасе буржуазия и интеллигенция бросали дома, убегая с белыми от страшных „таманцев“.

С занятием города Советская власть была восстановлена, точнее,—были созданы временные органы власти. 10 ноября был избран постоянный Гор. Исполком. Губ. Исполком в Ставрополь переходить не захотел, оставаясь в с. Сотниковском, но для связи с городом выделил трех человек. Белые, оставив Ставрополь, не переставали нажимать по всему фронту, стараясь окружить город, отрезать его от губернии. По всей губернии шли бои. В половине декабря части Таманской армии оставили город, начав общее отступление.

Приблизительно в половине декабря Ставропольские большевики в селе Сотниковском организовали у себя Губком РКП(б) и обратились в Крайком РКП(б) с просьбой утвердить его. Крайком, обследовав состояние организации, постановил утвердить ячейку РКП(б) (Сотниковская). Позже в эту организацию был командирован из Крайкома ряд работников во главе с т. Красниковым, организовавших Губком.

В конце 1918 г. С.-К. ЦИК стал получать сведения о том, что в Ставропольской губернии эсеры проявляют исключительную активность. По Ставропольским частям мобилизованных ведется агитация—„не воевать“, в Святом Кресте идут усиленные приготовления к провозглашению лево-эсеровской Ставропольской Народной

Демократической Республики". Во главе организаторов стоят левые эсеры Озеров и Бурбыга, бывшие члены С.-К. ЦИК'а, теперь работающие в армии, в районе Святого Креста.

Вскоре Озеров, Бурбыга и ряд эсеров были арестованы и доставлены в Пятигорск и Народная Республика не была провозглашена.

В первых числах января в Воронцово-Александровском собрался съезд Советов, но, не успев начать работ из-за осложнений на фронте. должен был ликвидироваться.

Ставропольское крестьянство прошло эсеровский путь до конца, Из тупика выхода не было. В борьбе за Советы оно проявляло постоянные колебания, организовав партизанские отряды и идя по мобилизации в Красную Армию, оно сдавалось полками и дивизиями к белым в плен. [1] В докладе ликвидационной Комиссии ВЦИК'у имеется:

> ...—„При отправлении мобилизованных на фронт они сдавались в плен, даже целыми полками, унося с собой винтовки, которых в то время и так было мало... Между станциями Маслов - Кут Ставропольской губернии и ст. Кума получился открытый фронт. Губисполком, вместо съезда, мобилизовал в спешном порядке всех членов и служащих такового и выступил на фронт для занятия прорыва..."

...Но шел Деникин и нес помещика, тавричанина, кого так дружно крестьянство свергало в декабре и январе 1917—18 г. Разгромленное идейным руководством эсеров, оно теперь обессиленное упало под сапог Деникина. Нужен был год деникинского хозяйничанья, чтобы Ставропольские крестьяне дружно восстали и ударили белых в спину.

В 1920 г. Ставропольское крестьянство, восстав против деникинщины, помогло победам Красной Армии, но за год господства белых оно дорого заплатило за свои колебания и эсеровское руководство.

---

[1] Сравнительно небольшая часть ставропольских партизан не осталась дома при белых, а ушла с отступающими Красными частями на восток и потом была боевым элементом в таких единицах, как 6-я Кавдивизия, 7-я Кубанская и друг. 1-й Конной армии.

СЕВЕРО-КАВКАЗСКАЯ ССР.

ГРУППА КОМСОСТАВА КРАСНОЙ ГВАРДИИ И КРАСНОЙ АРМИИ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК НА С. К. В 1918 Г.

1. „Юнкер" Яковлев, 2. Буденный, 3. Жлоба, 4. Подтелков, 5. Автономов. 6. Мокроусов, 7. Гуменный, 8. Кочергин, 9. Федько, 10. Шпак Ф. 11. Сорокин, 12. Бушко-Жук, 13. Ковтюх, 14. Левандовский, 15. Матвеев, 16. Марущенко, 17. Кочубей, 18. Беленкевич, 19. Батурин, 20. Гикало, 21. Балахонов, 22. Шерипов, 23. Хорошев, 24. Кривошлыков.

(См. на обороте).


И И МАТВЕЕВ

СЕВЕРО-КАВКАЗСКАЯ ССР.

Первый съезд Советов Северного Кавказа и вопрос перехода в новую фазу революции. Слабость массовой партийной работы и 1-й Краевой съезд партии. Основная задача — оборона Республики. Итоги социально-экономической политики Советов. Вопрос о внутренних силах революции, условиях победы и основных причинах поражения. Роль западно-европейского империализма и внутренняя контр-революция. Недооценка Добрармии и увлечение „немцами". Белая контр-разведка. Начало наступления Деникина и состояние армии и тыла на Кубани. Екатеринодарский пролетариат и влияние большевиков. Взаимоотношения советских и партийных органов. Мобилизация. Сорокин - главком. Падение Екатеринодара. Итоговая характеристика политического руководства.

Необходимость объединения Северо-Кавказских С.С. Республик вызывалась в первую очередь военной угрозой со стороны целого ряда вооруженных противников, угрожавших существованию Советской власти в Крае. Донская ССР, превращенная ген. Красновым, теперь атаманом войска, во „Всевеликое Войско Донское", попрежнему была занята немцами. К берегам Черноморья подходили грузины и турки. Из Сальских степей и Северного Ставрополья на Кубано-Черноморскую ССР шел Деникин. Терек полыхал в пламени сословно-национальных войн.

Задачу объединения всех советских сил в единый мощный кулак должен был проделать 1-й Съезд Советов Северного Кавказа, открывшийся в Краснодаре 5-го июля, с участием 365 делегатов от Кубано-Черноморской ССР, Ставрополья и Красной армии.[1]

На повестке дня стояли вопросы:

1) Текущий момент.
2) Образование Северо-Кавказской Республики.
3) Выборы Центрального Исполнительного Комитета.

Гвоздем съезда, основным вопросом, который занял у него больше всего времени и внимания, был не вопрос объединения, а текущий момент. Это и естественно, ибо общая обстановка, как для Советской России, так и для Северного Кавказа складывалась угрожающей.

„В тяжелый момент для русской революции собрались мы на этот съезд... нашу Республику осаждает отовсюду контр-революция... в центральной России голод, голодает революционный Питер"...— такими словами тов. Рубина, приветствовавшего съезд от коммунистов, началась его работа.

---

[1] От Терека делегатов не было. В президиум вошли 5 большевиков и 4 левых эсера.

Приветственной речью Балиса открылась борьба левых эсеров с большевиками, в атмосфере которой проходил весь съезд.

„Мы верим, что западно-европейские братья придут к нам на помощь, но мы должны давать знать им о себе не разговорами, а действиями... Я вас призываю к борьбе действием“... — так заявил Балис, как бы заранее бросая камешек в огород большевиков, которые будут по текущему моменту доказывать целесообразность заключения Брестского мира.[1]

Именно вокруг вопроса о войне и мире и разгорелись страстные споры по докладу т. Орджоникидзе о текущем моменте. Казалось бы, что этот вопрос уже давно был решен, что выдвинулись новые актуальные проблемы. Но на Кубани, где недавно был у Новороссийска потоплен Черноморский флот, а у Батайска имелся немецкий фронт, этот вопрос смог еще быть орудием борьбы мелко-буржуазных революционеров с большевиками, вокруг него „революционные фразы“ еще могли вести за собой массу, и левые эсеры, понимая это, ухватились за вопрос о мире.

Товарищу Орджоникидзе, еще раз развернувшему в своем докладе всю ленинскую аргументацию за мир, был, конечно, выдвинут содокладчик. В этой роли выступил тот же Балис, стремившийся изобразить партию левых эсеров более революционной, чем коммунистическая. Начав с того, что большевики „позаимствовали у левых эсеров земельную программу“, оратор далее старался доказать, что заключение мира с немцами свидетельствует о „соглашательской политике“ большевиков и свел свой доклад к предложению „не санкционировать Брестский договор“. Конечно, он не преминул вспомнить и о потоплении Черноморского флота, как об „ужасной трагедии“, в которой виноваты коммунисты.[2]

Вся сущность революционности левых эсеров была вскрыта содокладчиком в заключительном аккорде его речи: „если мы не будем бороться, то погибнем гаденькой смертью, но при борьбе есть возможность поднять наших западно-европейских братьев, хотя у нас и нет достаточной армии“.

Развернувшиеся прения показали, что съезд не пойдет за левыми эсерами. Один за другим выступали представители армии против их позиций, разбивая ее справками о настроениях масс и красноармейских частей. Интересно привести заявление т. Скрябина, представителя фронта: „Большевики уже давно борются на

---

[1] Характерный штришок: по предложению Балиса съезд избрал почетными председателями Спиридонову, Камкова, Ленина, Троцкого, Либкнехта и Адлера. Левые эсеры пытались сразу повести съезд за собой.

[2] Тогдашнее настроение этих революционеров „чувства“ ясно выступает в воспоминаниях Е. Лехно „Три эпизода“, где он воспроизводит свои настроения при посещении Новороссийска в июле 18 г.: „Стало жалко, зачем мы их потопили: не пришла бы тогда в Новороссийск немецко-Вильгельмовская эскадра, наши революционеры моряки могли бы превратить в угрозу могучих гигантов, теперь беспомощно лежащих на дне моря, из которого на ночном фоне неба только, как напоминание, торчали мачты потопленных наших броненосцев. Было обидно...“ („Путь Коммунизма“, кн. 3-я. Буревестник, Краснодар, 1922 г., стр. 114).

фронте, а левых эсеров там нет. Кричать из-за чужой спины легко, а организовать дело—вот это трудно. Наши маленькие отряды работают, а где же большие повстанческие отряды левых эсеров?“ Также был дан отпор демагогии и о Черноморском флоте, тоже делегатом революционных войск Ростово-Азовского фронта, тов. Красниковым: „левые эсеры указывают на бессмысленность потопления Черноморского флота, но что значит флот перед гибелью всей русской революции? Ведь Германия выставляла нам ультиматум — или флот, или война!..“

И несмотря на заявление Лехно, что „призыв левых эсеров не к войне, а к всеобщему восстанию, ибо у народа много силы“ и повторный призыв Балиса в заключительном слове „обратиться во Всероссийский Совнарком, чтобы ликвидировать Брестский мир и начать борьбу с Германией“,— большинством в 230 голосов против 131 и при 4 воздержавшихся, по текущему моменту принимается резолюция большевиков.[1] В ней по вопросу о мире имелся следующий пункт:

„...2. Брестский договор, при всей его непрочности и тяжести для нас, дал все же возможность использовать передышку для самой энергичной работы в области организации производства и контроля, создания боеспособной армии и укрепления дисциплины в рядах пролетариата и беднейшего крестьянства, казачества и горцев.

1-й Северо-Кавказский съезд Советов Народных Депутатов в вопросах войны и мира признает единственно правильной политику Совета Народных Комиссаров Российской Социалистической Федеративной Советской Республики...“

Когда просматриваешь отчеты о работе съезда,[2] то по ним сразу бросается в глаза то непомерно большое внимание, которое „по милости“ левых эсеров съезд уделил межпартийной борьбе по вопросу о мире (четыре пятых отчета посвящены), в то время, как задача борьбы с внутренней контр-революцией и организации дисциплинированной Красной армии была бесспорно актуальнее и стояла перед вновь создающейся С.-К. Республикой более грозной опасностью. Несмотря на то, что тов. Орджоникидзе и в своем докладе и в заключительном слове именно выпячивал проблему организации борьбы с внутренним врагом —„главная задача Республики—объединить трудовое казачество, крестьян и горцев для борьбы с внутренней контр-революцией“,— съезд был стянут с этих рельс на путь страстной полемики по отодвинутому жизнью на второй план вопросу и показал образчик того, сам этого не желая, куда идет реализация призыва левого эсера Балиса —„мы должны бороться не словами, а действиями“. Потратили массу энергии на слова, и мало обсудили то, как именно нужно в дальнейшем „действовать“, чтобы укреплять революцию в данный момент. Этот вывод приходится сделать из анализа хода прений на съезде, а не

[1] Как видим, левые эсеры все-таки имели 131 голос — это солидная цифра свидетельствующая о значительной силе влияния левых эсеров в массах.

[2] „Известия ЦИК‘а СКР“ № 90 и 91 от 28—30 апреля 1918 г.

из резолюции, которая в целом несомненно правильно ставила вопрос и соответствовала направлению, которое пытался дать съезду представитель центральной власти и с которого сбили его левые эсеры.

Эти основные задачи Советов на Северном Кавказе, в общем правильно учитывавшие сложившуюся обстановку, съезд формулировал так:

„...Внутренняя буржуазная контр-революция, возглавляемая монархическими генералами Дутовыми, Красновыми, Филимоновыми, Семеновыми, кадетами, правыми эсерами и меньшевиками, идущими рука об руку с германскими юнкерами и англо-французским капиталом, пользуясь усталостью масс от 3½ лет войны и года напряженной революционной работы, пользуясь голодом, уже несколько месяцев терзающим пролетарские районы Севера, подняла с небывалой силой свою голову.

Опираясь на чехо-словаков и хищнические аппетиты Японии в Сибири, контр-революционеры пытаются отрезать хлебную Сибирь и Волгу от севера А здесь то же самое делают Донские и Кубанские генералы — враги трудового народа.

Политическое положение Республики Северного Кавказа точно также весьма серьезно. Вражда между казачеством и крестьянством, с одной стороны, и безземельным и малоземельн. крестьянством, казачеством и горцами, с другой, на почве земельных отношений, способствуют росту противосоветского, контрреволюционного движения. В то же время, агитация предательских партий меньшевиков и правых эсеров, направленная к воссозданию эсеровского, кадетского Учредительного Собрания, ведет к торжеству буржуазной контрреволюции, к восстановлению монархического строя. Это доказывает опыт Украины, Финляндии и Дона...

...Исходя из указанной оценки политического момента, 1-й Северо-Кавказский Съезд Советов полагает, что задачей Советской власти переживаемого этапа революции является:

1. Создание боеспособной армии, сильной своей дисциплиной и революционным сознанием и способной оборонять Северный Кавказ от посягательства иноземного империализма.

Оборону Северного Кавказа от всех врагов Советской власти съезд считает самой главной задачей трудящихся масс Северного Кавказа.

2. Самая беспощадная борьба с контр-революцией и предательскими партиями меньшевиков и правых социалистов-революционеров.

3. Неустанная пропаганда по разъяснению рабоче-крестьянской бедноте лживых обещаний буржуазии и предательских партнй об Учредительном Собрании. Это единственный выход из создавшегося положения — разъяснение массам сущности Советской власти и той опасности, какая грозит им при ее падении.

4. Организация крестьянской, казачьей и горской бедноты для борьбы с кулацким элементом крестьянства и казачества.

5. Констатируя недостаточно активную деятельность Советской власти в городах и особенно в станицах, деревнях и аулах, съезд считает безусловно необходимым проведение последовательно социализации земли, национализации, контроля, борьбы со спекуляцией в области расширения жилищного вопроса и других социальных мероприятий. Съезд полагает, что необходимо прежде всего, и главным образом, сохранить устойчивое положение власти Съезд постановляет принять решительные меры для оказания помощи нашим товарищам на севере усиленной доставкой хлеба и охраной железных дорог ведущих в северную Россию“.[1]

Эта резолюция показывает прежде всего ясную и четкую линию большевиков на перевод революции на Северном Кавказе на рельсы

---

[1] Резолюция приведена из газ. „Известия ЦИК-а СКР“ № 92, 31 авг. 1918 г.

классовой борьбы между социальными слоями деревни и станицы. Съезд правильно подчеркнул, что политическое положение Северного Кавказа характеризуется „враждой между казачеством и крестьянством с одной стороны, и безземельным и малоземельным крестьянством, казачеством и горцами с другой, на почве земельных отношений“ и сделал отсюда правильный вывод, дав директиву (в п.п. 4 и 5) „организации крестьянской, казачьей и горской бедноты, для борьбы с кулацким элементом крестьянства и казачества,[1] последовательного проведения социализации земли и пр.

Съезд таким образом, несомненно, должен рассматриваться нами, как факт, знаменовавший „переход революции на Северном Кавказе в новую фазу: от мелко-буржуазной демократии (мы бы сказали — от революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства—И. Б.), бессословных и „паритетных Народных Советов“ — к диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства“.[2]

Конечно, не везде этот переход уже четко оформился. В Ставрополье, например, в это время был уже период разгула эсеровщины, на базе отхода кулачества от Советов и колебаний среднего крестьянства (как-раз 8-го июля Ставрополь был без боя сдан Деникину), на Тереке переход только намечался, но не начался. На Кубани и Черноморье, как мы уже отмечали ниже, кое где стихийно даже стали организовываться Комбеды, от которых отказался сам ЦИК, принимая во внимание условия еще не изжившей себя сословной борьбы. Но в целом по Северному Кавказу, именно в середине лета, революция стала подходить к переходу в новую фазу, что и было зафиксировано в резолюции съезда.

К сожалению, следует еще раз отметить чрезмерное увлечение съезда прениями по вопросу о мире, как факт, который несомненно характеризовал наличие ножниц между правильной линией, намечавшейся руководящей большевистской верхушкой и размахом мобилизации низов за ее осуществление. Найдем ли мы в прениях разбор и детальную трактовку сущности этих кардинальных пунктов резолюции? Нет. Резолюция была принята, но она не была достаточно проработана на съезде, она не вытекала из всего хода прений. В этом еще раз выявилась основная слабость революции на Северном Кавказе: мизерность промышленной базы, слабость пролетарского руководства аграрно-крестьянским движением и, как следствие отсюда,— слабость централизованной, крепкой, большевистской партийной организации, особенно на периферии. Съезд лишний раз подчеркивал это констатированием „недостаточно активной деятельности Советской власти в городах и, особенно,

[1] Подчеркнем, что о середняке, как особой фигуре, к которой должна применяться особая тактика (в действительности не только была борьба бедноты с кулачеством), не упоминается, о чем Северо-Кавказские большевики разделяли тогда общее мнение, характерное для большинства мест по всей стране. VII-й съезд партии был еще впереди!

[2] Янчевский. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Часть II, стр. 29.

в станицах, деревнях и аулах" и отсутствием в резолюции специальных пунктов, которые выделяли бы особые задачи авангарда революции — пролетариата. В резолюции говорится о рабоче-крестьянской бедноте, казачьей и горской бедноте, но нигде особо не отмечается о Северо-Кавказском пролетариате, как авангарде движения. Ведь, хотя небольшой, но он же был, а в резолюции рабочий класс как бы растворялся в „бедноте" тем фактом, что его особые задачи не упоминались.

Правильно выпячивая задачу беспощадной борьбы с предательскими партиями меньшевиков и правых соц.-рев., особенно актуальной в то время в Ставропольской губернии и на Тереке,[1] сосредоточивая внимание на генеральско-казачьей контр-революции, съезд призывал к „созданию армии, сильной своей дисциплиной и способной оборонять Северный Кавказ от посягательства иноземного империализма". Но, одновременно, упускалась угроза еще одного врага. Где Добровольческая армия? где предостережение о Деникине, от удара которого через полтора месяца падает место заседания 1-го съезда — Екатеринодар? О нем не упоминалось,[2] он как-то уплыл из поля зрения, как опасный противник. „Оборона Северного Кавказа от всех врагов Советской власти... главная задача трудящихся масс" — верно указывалась общая центральная задача, но в раскрытии скобок ее конкретного содержания, в переводе алгебры на язык арифметических чисел, не все было расшифровано. Из-за угрозы иноземного империализма и казачьей поместной контр-революции, из-за брюзжания и ехидства соглашательских партий, оставался мало заметным в то время уже окрепший враг, представитель русских помещиков и буржуазии, — Деникин. К вопросу о недооценке роли Доброармии мы еще вернемся. Здесь же отметим, что и работа 1-го съезда вскрывает эту недооценку. Наконец, вопрос борьбы с партизанщиной, сыгравший в конце-концов огромную роль в падении Советских Республик, тоже не был всесторонне учтен. Борьба с этой язвой, вылившаяся через три с половиной месяца в новую, наиболее крупную авантюру на Северном Кавкзе — в „сорокинщину", тоже не была выпячена. Здесь также алгебраическая формула — „создание сильной своей дисциплиной армии" — не получила конкретного раскрытия своих скобок. Все эти слабости, имевшие, конечно, свои, уже много раз указанные нами, объективные причины, мы должны подчеркнуть, анализируя работу того съезда, который, знаменуя новый этап углубления революции, еще раз демонстрирует перед нами особенности и слабости процесса развития Советов на Северном Кавказе.

[1] В Екатеринодаре, как известно, меньшевики и эсеры были исключены из Совета 1-го июня. Но хотя их работа на Кубани в этот момент была менее „яркой", чем в Ставрополье и на Тереке, но и здесь, как увидим из факта забастовки печатников, они имели еще довольно тесные связи с отдельными слоями рабочих.

[2] В резолюции об образовании С.-К. Республики, в числе прочих перечислялись и „Деникинские контр-революционеры".

После горячих прений по текущему моменту 2-й доклад тов. Орджоникидзе о создании единой Северо-Кавказской Республики возражений не встретил. Выступивший делегат Ставрополья заявил, что представляемая им губерния давно добивалась объединения; левые эсеры не возражали докладчику и после двух выступлений съезд принял, при 4-х воздержавшихся, следующую резолюцию:

…„Мощными усилиями пролетариата и всего трудового населения Красное знамя социалистической Советской власти воцарилось на всей территории Российской Республики.

Враги трудового народа,— помещики, капиталисты, всеми силами сопротивлялись его победе, призвав к себе на помощь иностранную буржуазию и добиваясь того, чтобы целые области Российской Советской Федеративной Республики оказались разобщенными друг от друга и оторванными от центра. Для достижения окончательной победы над буржуазией и окончательного укрепления завоеваний социалистической революции и Советской власти и для организации успешной совместной борьбы с надвигавшимися на Северный Кавказ бандами германских, турецких, грузинских, деникинских и других контр-революционеров, необходимо самое тесное объединение всех Советских Республик между собой и самая тесная связь их с центром.

1-й Северо-Кавказский съезд Народных Депутатов постановляет: Кубано-Черноморскую, Терскую и Ставропольскую Республики отныне объединить в единую Северо-Кавказскую Республику,— часть великой Российской Советской Социалистической Федеративной Республики. Съезд поручает Центральному Исполнительному Комитету Республики немедленно снестись с Терским Народным Советом о присылке им своих представителей в ЦИК. Съезд выражает уверенность, что в самом ближайшем будущем восставший трудовой народ Дона, Закавказья, свергнет иго своих поработителей и тогда Республики Северного Кавказа сольются со своими соседями в единую Южно-Русскую Социалистическую Республику“.[1]

Как видим, съезд рассматривал объединение трех республик в одну, как этап к более широкому объединению в Южно-Русскую Республику с участием Дона и Закавказья, но этого не случилось. Собравшийся в „грозный час“ существования Советской власти на Северном Кавказе и проходивший под знаком организации обороны революции от наступавших со всех сторон врагов в Крае, 1-й съезд работал накануне открытия новой страницы в истории Советской власти,— это новое начало разгрома красных на Северном Кавказе окрепшей при помощи иностранной интервенции Доброармией, шедшей во главе поместной контр-революции.

Прежде чем перейти к освещению положения деникинщины к этому моменту, борьба с которой составляет основной стержень внешней истории Северо-Кавказской Республики, остановимся на характеристике состояния партийных организаций большевиков по тем скудным материалам, которые остались от того времени.

---

[1] В избранный съезд ЦИК СКССР вошло 44 большевика, 29 левых эсеров и один представитель от фронтовиков. Состав ЦИК'а: президиум —Рубин, Крайний, Красников, Лехно, Кириллов, члены—Полуян, Швец, Монахов, Силичев, Волошин, Райчинский, Соркин, Кудрявцев, Керемечи, Балис, Козлов, Онипко, Вильямовский, Рыло, Корнилов, Дунаевский, Фарафонов, Мальцев, Турецкий, Рожанский, Усомин, Тарасенко, Старцев, Ачкосов, Бакулин. Чуваев, Холия, Выгриянов и др.

Мы уже указывали, что внимательный анализ работ 1-го съезда вскрывает слабость пролетарского руководства, выражением чего должно было являться прежде всего состояние коммунистических организаций.

Основной недостаток, бросающийся в глаза, заключался в небольшом количественном и, особенно, качественном составе организованных членов партии, которого было совершенно недостаточно, для охвата руководством того огромного массового движения, которое разливалось бурной волной. Мизерные цифры основного кадра партийцев ушли во всевозможные комиссариаты, отделы, комиссии и т. д., а на массовую работу никого не оставалось. В армии партийная прослойка была мала и организационно плохо оформлена, в станицах и деревнях она, кое-где количественно разбухнув (более 100 чел. по отдельным станицам), была рыхлой, сырой, и на деле в деревне в огромном большинстве действовали „стихийные“ большевики.[1]

Отмечая здесь интересное и вполне закономерное явление — организацию в первую очередь станичных ячеек, территориально близко лежащих к пролетарским центрам (напр. вокруг Тихорецкой), мы должны отметить слабость систематического воздействия этих центров на станичные ячейки, что обусловливалось слабостью и самих пролетарских центров. Партийные кадры, уходившие с головой в работу в своих учреждениях, отрывались от массовой партийной работы, отказывались от нее и получалось, что вести ее было некому. Недаром ЦК РКП (б) еще 18-го мая 1918 г. должен был принять следующее постановление, сигнализировавшее эту опасность для всей партии: „Все члены партии, независимо от рода их работы и выполняемых ими функций, обязаны принимать непосредственное участие в партийных организациях и не могут уклоняться от партийных поручений, даваемых соответствующими партийными центрами“.[2]

Эта директива в особенности характеризовала положение партийной организации на Северном Кавказе, где, конечно, молодые организации были гораздо слабее центральных и по революционным традициям, и по дисциплине и по социальному составу.

---

[1] Дадим справку о количестве членов партии по отдельным центрам и станицам по данным, собранным к 1-му Краевому партийному съезду: в Ставропольской организации имелось 288 чел; в Новороссийске — больше 200 чел.; в Туапсе — 100 чел.; в Сочи 70 - 80 чел.; в Майкопе — 85 чел.; в ст. Тимошевской — 200 чел.; в станице Каневской — 200 чел.; в ст. Отрадной до 300 чел.; в ст. Славянской — 70 чел.; в ст. Стародеревянковской — 77 чел.; в ст. Гиагинской до 170 чел. и т. д. Как видим, в ряде станиц количественно имелись крупные ячейки, но нужно иметь в виду, что эти организации были созданы в большинстве только в начале лета, принимались в них в большинстве без всяких формальностей и они, конечно, разбухли за счет случайного элемента, который по более поздней системе приема был бы в большей части или в группе сочувствующих, или около нее. Еще один важный момент - в станичных ячейках казачий элемент был представлен единицами (данные взяты из „Прикубанской Правды“ № 81, 1918 г.).

[2] Цитируем по „Прикубанской Правде“ № 62, от июня 1918 г.

В органе Екатеринодарского Комитета РКП в „Прикубанской Правде“ 26 июня была помещена статья „Вниманию членов партии“, которая дает нам яркую иллюстрацию слабости партийной работы в массах: „Мысли рабочих масс взбудоражены разрухой и продовольственным кризисом... нужна неустанная работа в массах и постоянная связь между центром и периферией. Между тем, все ли члены партии помнят свои партийные обязанности? Нет, не все, далеко не все“... Так, начав статью, автор указывает дальше, что—„лучшие партийные работники засели в Советах, судах, комиссариатах“ и совершенно не ведут никакой массовой работы; вырабатывается какое-то убийственное хладнокровие, профессиональный стоицизм. Забронированность этих товарищей от запросов и требований жизни воистину начинает становиться опасной... Недавно один товарищ рассказывал, что от их предприятия в Совет выбрано человек 10 лучших рабочих, которые около 6 месяцев не показывались на завод. Все некогда... Мы должны еще и до сих пор быть и агитаторами и партийными организаторами, и журналистами, и бойцами“... Эта сигнализировавшая отрыв партийцев от массовой работы статья несомненно отражает Ахиллесову пяту революции на Северном Кавказе. Если в Екатеринодаре, центре Северо-Кавказской Республики, мы имели такое состояние работы среди пролетариата, то, конечно, в большинстве других районов (мы уже не говорим о станицах) положение было совсем скверное. Партия не овладевала стихийным массовым движением, оно перерастало и кое-где захлестывало пролетарское руководство, порождая то засилие партизанщины, которое так характерно для всего развития Советских Республик в 1918 г. Именно это (основное, конечно, в соотношении социальных сил) давало возможность эсерам и меньшевикам, а также и левым эсерам быть на Северном Кавказе более активными, дееспособными, чем в других районах России.

В начале июля, накануне 1-го съезда Советов, в Екатеринодаре собрался 1-й Северо-Кавказский съезд Коммунистической партии, работа которого доказывает правильность той общей характеристики партийной массовой работы, которую мы только что дали. На нем к концу работы было 30 делегатов (не участвовал почти весь Терек) и было заслушано до 20 докладов с мест. Если произвести грубый подсчет, то можно сделать вывод, что съезд представлял около 3.000 организованных членов партии, так как норма представительства была от 100 партийцев один делегат.[1] На съезде участвовали Орджоникидзе и Мдивани от Кавказского Краевого Комитета.

Повестка дня: 1) Текущий момент.
2) Постановка партийной работы.
3) Доклады с мест.
4) Выборы Краевого Комитета.

---

[1] Конечно, это самый грубый подсчет.

Основной задачей съезда являлось объединение партийных организаций в Краевую и подготовка предстоящего 1-го съезда Советов. Но наиболее важными для нас сейчас моментами являлись — прения по текущему моменту, постановка партийной работы, доклады с мест. В прениях по текущему моменту (доклад Рубина и содоклад Ивницкого) было очень интересное, в основном политически верное, выступление представителя „левых“ ставропольских большевиков т. Морозова, который, заострив вопрос о трудностях и политических задачах большевиков на Северном Кавказе, указывал: „благодаря гражданской войне началась классовая диференциация и в деревне, но там пролетарский элемент очень слаб количественно, забит, неорганизован. Наша главная задача — организация деревенской бедноты. Не так страшны немцы, как страшна мелко-буржуазная идеология...“ [1] Основным тоном прений было сигнализирование слабой связи с массами и скверной работы среди них. Снова указывалось на уход партийцев в советскую работу и отрыв их от партийной работы. Было одно выступление о том, что необходимо сначала очистить ЦИК, а затем уже и ячейки, что левые эсеры примазались к большевикам и являются тормозом в творческой работе Советов — „нужно на них обратить особое внимание“. Докладчик т. Равикович, по вопросу о постановке партийной работы, „особо оттенил в своей речи падение партийной дисциплины, выражающееся в конфликтах между советскими фракциями и работниками Советов с одной стороны и партийными комитетами с другой“. Эти знаменитые „конфликты“ были настоящим бичем; именно это явление должно рассматриваться нами как отражение мелко-буржуазной стихии, которой были окружены пролетарские островки на Северном Кавказе. Примазавшийся элемент, на который указывал и докладчик, был в крае в гораздо большем количестве представлен, чем в центре — и он-то, конечно, тоже способствовал развитию авантюризма и пр. Доклады с мест дополняют эту общую характеристику и еще раз подчеркивают то основное противоречие, которое красной нитью проходит через историю большевизма на Северном Кавказе в 1918 г. — „с одной стороны громадное влияние партии в Советах, и в то же время падение партийной работы в настоящее время.[2] Огромный авторитет среди масс большевистских идей и лозунгов и слабый организационный охват, с отсутствием систематического партийного влияния и воздействия, — вот как можно переформулировать этот тезис, охватывающий основную черту тогдашнего состояния большевистских организаций. Краевой съезд был бесспорно большим шагом вперед, — он являлся первой попыткой координирования и

---

[1] „Прикубанская Правда“ № 69 от 4 июля 1918 г. Следует обратить внимание, что вопрос о середняке, который в Ставрополье имел особенно важное значение, т. Морозовым не упоминался, что подчеркивает одну из тех „недоглядок“ ставропольских большевиков, которые мы указывали в соответствующей главе.

[2] Цитаты о постановке партийной работы по докладам с мест взяты из отчета, помещенного в „Известиях“ № 88 от 26-го июля 1918 года.

выравнивания работы по краю. Отсутствие необходимого охвата революционного движения партруководством, отрыв от партийной жизни партруководства и проч.—это не только сев.-кавказское явление. На Сев. Кавказе оно только резче было заметно. Это явление повсеместное, недаром как-раз в это время ЦК партии забил тревогу, обращаясь с циркуляром „Ко всем членам партии“: „...Стройность и цельность партийного аппарата нарушены, нет прежнего единства действий; дисциплина, столь крепкая всегда в нашей партии, ослабела. Общий упадок партийной работы, распад всей организации безусловный“... Так довольно пессимистически рисует состояние нашей партии в это время ЦК: „... На ослабление и упадок партийных организаций оказал влияние массовый переход наиболее активных работников от партийных организаций к советским. Такой переход был неизбежен в период Октябрьской революции; в первые месяцы строительства партия, стоявшая во главе Советов, принуждена была своим положением руководящей партии выдвинуть туда широкие кадры активных работников из своей среды. Все указанные явления послужили главнейшими причинами дезорганизованности нашей партии. Необходимо положить этому предел“...

Так правильно констатировал ЦК причины общего упадка партийной жизни, намечая меры к скорейшему изжитию этого положения.

„В настоящее время, когда государственное устройство на советских началах можно считать в известной степени налаженным, мы можем передвинуть центр тяжести деятельности партийного строительства. Да и сама советская работа требует от нас создания крепко-сплоченного организма“—разъясняет циркуляр. Нет ничего удивительного в том, что перечисляемые в обращении ЦК болезни партии, на Северном Кавказе были особо заметны, особо ощутимы, ибо необычайная острота социально-классовых и национальных отношений в крае требовали от партии больших кадров работников. Партия отдавала все силы, всех работников на советскую работу и все же это была капля в море. Первый съезд партии Сев.-Кавказской организации также не нашел радикально исправляющих сущность положения мер. Был создан Краевой партийный Комитет из 9 товарищей, из которых 5 должны были постоянно находиться в Екатеринодаре для осуществления регулярного руководства работой мест.[1] Словами Орджоникидзе—„Советская власть в опасности, но Советская власть не погибнет“,—заканчивал съезд свою работу.

Так были созданы первые краевые органы партийного и Советского руководства на Северном Кавказе.

Им не удалось развернуть творческую работу по укреплению мирного строительства на основе установления окрепшей проле-

[1] Состав Комитета: 1) Рубин, 2) Меньшиков, 3) Крайний, 4) Равикович, 5) Крутов, 6) Морозов, 7) Худанин, 8) Акулов, 9) Баян-Мальцев. Кандидаты: 1) Вишнякова, 2) Слепов, 3) Кереметчи.

тарской диктатуры в крае. Враг наступал и все было подчинено задачам обороны. По существу, вплоть до падения Екатеринодара в середине августа и после этого, подлинного объединения Республик в одну не произошло. Создание краевых органов в условиях все усиливающейся гражданской войны не привело к действительной централизации сил, средств и руководства и после объединения Северного Кавказа ЦИК больше всего занимался вопросами Куб.-Черноморья. Да это и естественно, ибо после падения Дона основным районом, где должна была произойти генеральная битва Советов с контр-революцией, являлась Кубань, на полях которой решался вопрос, кто победит в гражданской войне на Северном Кавказе в 1918 году.

Вопрос мобилизации всего внимания на оборону от перешедшей скоро после образования краевых органов в наступление контр-революции был, несомненно, одной из основных причин того, что 1-й съезд, знаменовавший, как мы отметили, переход к новой фазе революции, не стал началом такой политики выделенных им органов и такого развития событий на местах, которые бы действительно подняли пролетарскую революцию, переплетавшуюся здесь больше, чем в центре, с демократической, на новую ступень.

Наиболее ярко мы можем проследить это на военном строительстве, аграрном вопросе и политике в области промышленности и торговли. Итоги достижений в организации Красной армии станут нам ясны из последующего анализа борьбы с контр-революцией. На аграрном же и промышленном вопросе мы остановимся сейчас.

Из резолюции 1-го С.-К. съезда мы знаем, что на места им давалась директива о необходимости безусловного проведения последовательной социализации земли. Но это требование оказалось таким же декларативным моментом, как ряд других указаний, ранее дававшихся еще Кубанским комиссариатом земледелия. „Недостаточно активная деятельность“ местных Советов, особенно в станицах и селах, подчеркнутая съездом, находит свою, весьма выпуклую иллюстрацию именно в разрешении земельного вопроса. Один исследователь, специально изучавший аграрные отношения на Кубани, но к сожалению бегло остановившийся на интересующем нас периоде, дает такую характеристику практической деятельности и положения на местах весной и летом 1918 г.: „Но инструкции, распоряжения и все законодательные мероприятия Кубанского Комиссариата Земледелия на местах проводились туго, или совершенно не проводились... На местах происходило расхищение инвентаря, неурегулированные, самочинные захваты земель. Земельная неурядица, нескончаемые земельные споры, тяжбы,— сопутствовали всем попыткам установить новые формы земельных отношений. Эти новые формы ударили не только по крупным земельных собственникам, но и по кулацким слоям казачества и иногородних. Всеми средствами они боролись против проведения их в жизнь. И не

безуспешно. Им большей частью удавалось сохранить старые земельные отношения. К лету рознь достигла наибольшей остроты.“[1]

За время деятельности С.-К. ЦИК'а, „последовательного проведения социализации“ тоже не получилось, ибо, с одной стороны, органы власти были поглощены военным вопросом и особой активности и организованности не смогли проявить по осуществлению твердого и систематического руководства этой областью работы, а с другой — попытки реализации этих решений еще до 1-го съезда, и тем паче после него, в обстановке наступавшей Доброволии, наталкивались на такое сопротивление соответствующих социальных слоев, которое, обостряя классовую борьбу в деревне, еще больше добивалось успеха в приостановке мероприятий со стороны Советов по аграрному преобразованию. Подробно на аграрной политике мы остановимся во второй части работы, сейчас же для нас вполне достаточно той общей характеристики, которая дана для того, чтобы констатировать непроведение в жизнь директивы съезда в большинстве мест, вплоть до падения Советской власти Кубани. Неосуществление здесь социализации и национализации земли, несмотря на попытки проведения ее — весьма важный факт, который должен быть учтен нами при определении соц.-экономического содержания той стадии революции, на которой она была прервана белыми.

Не менее интересен общии анализ политики в области промышленности и торговли и результаты ее. Основное здесь — степень осуществления национализации промышленности и отношение к рынку. Прежде всего, необходимо констатировать, что о каком нибудь регулировании торговли, исключая хлебной, речи не заходило. Голод, как непосредственная угроза, здесь не стоял. Но вывоз хлеба в голодающий центр проходил весьма интенсивно, пока не были заняты соответствующие пути сообщения противником. Заготовка хлеба проходила на основе хлебной монополии, которую ЦИК стремился проводить. Хотя она, конечно, на местах и прорывалась, но в этой области политика ЦИК'а на Кубани не отставала от центра, исключая Комбеды, которые не были организованы на всем Северном Кавказе, исключая Ставрополья конца 1918 года.

Что касается промышленности, то здесь мы тоже должны констатировать взятие курса (и ряд конкретных шагов по его реализации) на национализацию производства и организацию руководства им по типу центральной власти, еще до образования краевого центра. Но мы и в этой области имеем картину стихийности процесса, овладевание которым республиканскими органами власти наступило после предварительных конкретных мероприятий на местах. В ряде станиц рабочие и Советы самостоятельно национализировали местные промышленные предприятия, маслобойные, кирпичные и др. заводы. Соответствую-

[1] И. Гольдентул. „Земельные отношения на Кубани“. Буревестник, Краснодар 1924 г., стр. 53. Такую же характеристику дает и Ладоха в „Очерках гражданской борьбы на Кубани“, 1923 г., стр. 96.

щий факт мы находим в отчете о заседании Кубанского Совнархоза, опубликованном в местной газете[1] в середине июня, где зафиксирован запрос члена Исполкома ст. Абинской „о том, кто является распорядителем актива и пассива национализированных заводов бр. Воловодовых и бр. Кургузовых. Совет постановил: „признать, что означенные заводы должны находиться в ведении и распоряжении Совета Народных Депутатов ст. Абинской под отчетностью, контролем Совета Народного Хозяйства Куб.-Черном. Советской Республики, и что суммы, получаемые Абинским Советом, должны расходоваться исключительно на промышленные цели по соглашению Совета с Комитетом внутреннего распорядка означенных заводов". Этот факт говорит о наличии стихийной инициативы с мест, которая потом вводилась в организованные рамки республиканским центром. Совнархоз был создан на Кубани после 3-го съезда Советов (начало июля) и к моменту образования Сев. Кавказской Республики закончил национализацию того круга крупных предприятий, дальше которых обобществление не пошло.

Были национализированы почти весь водный транспорт Кубанского бассейна и цементная промышленность.[2]

Но здесь должно быть указано, что состояние промышленности, как национализированной, так и остававшейся в частных руках, непрерывно ухудшалось, так как национализированные предприятия управлялись неорганизованно, а частные владельцы, конечно, умышленно саботировали; например, кожевенная промышленность, несмотря на наличие сырья, перестала работать из-за саботажа хозяев. Ясно, что быстро развертывать хозяйственное строительство в организованном порядке, ввести дисциплину труда, сломить сопротивление предпринимателей в той общей обстановке, которая имелась, было почти не под силу власти. Поэтому Сев.-Кав. ЦИК дальнейшей работы по обобществлению не проводил. За мелкими исключениями промышленность в его период продолжала рушиться и приостанавливаться, безработица росла и мы можем сказать, что творческая созидательная работа на базе достигнутого уровня обобществления фактически отсутствовала. Были сделаны только первые шаги экспроприации частного крупного производства; такого размаха в этой области, как в Центральной России, не получилось, проведенную экспроприацию не успели закрепить, власть не овладела как следует руководством производства, вовлечение рабочих в управление предприятиями и использование спецов только начинало развертываться.

В газете „Известия" в самом конце июня мы встречаем интересную в данной связи статью на тему[3]—„Заводские Комитеты и национализированные предприятия", в которой ставился вопрос

---

[1] „Прикубанская Правда" № 57, от 19 июня.

[2] Совнархоз постановил национализировать водный транспорт на том же заседанни, где обсуждался вопрос об Абинских заводах. Приказ Совнаркома о национализации цементных заводов опубликован в „Известиях" от 16-го июня.

[3] „Известия" № 82 от 29-го июня 1918 года.

о роли рабочих в национализированных предприятиях и характере управления ими. „Администрация завода должна быть выборной, которая в своем составе должна иметь рабочих“ — указывалось там, с особым подчеркиванием дальше, что Заводские Комитеты обязаны бороться с тенденциями „удаления мастеров, директоров, часто очень ценных людей в предприятии“, которые нарочно разжигают элементы, стремящиеся доказать, что рабочие погубили предприятия, а посему необходимо поставить „во главе управления экономической жизни страны буржуазию“. К сожалению, статьи на подобные темы в тогдашней партийной и советской прессе были редким явлением и почти отсутствовали после образования С.-К. ЦИК'а, что является тоже показателем отвлечения внимания от этих вопросов краевых и местных органов в другие области работы.

Перед общей сводкой итогов политики в разобранных, решающих областях, которая явится характеристикой социально-экономического содержания революционного преобразования, проводившегося тогда, мы укажем еще на один очень любопытный факт. В уже цитированном нами отчете заседания Кубсовнархоза[1] встречается такой пункт: „Совет заслушал доклад т. Тихомирова о постройке жел.-дорожной линии Энем или Афипская — Горячий Ключ, на постройку названной дороги всего потребуется триста тысяч рублей... После оживленных прений по существу настоящего проекта Совет принял его и разрешил в положительном смысле все вытекавшие из него отдельные вопросы“. Что это? Не решение ли, принятое в период НЭП'а? — спросит читатель. Нет, этот интересный факт — попытка осуществления нового строительства на Кубани в 1918 г., которая начала конкретно осуществляться. ЦИК ходатайствовал перед центром об отпуске средств на постройку жел.-дор. линии Екатеринодар—Горячий Ключ, были даже заготовлены рельсы, шпалы и пр. Эта, конечно, неосуществленная, попытка очень характерна. Мы на ней подробнее остановимся во 2-й части работы, сейчас же обращаем внимание на данный факт, как интересный показатель тех творческих настроений, которыми были обуреваемы некоторые представители власти, в то время, когда только началась работа по обобществлению производства.

Сделаем общий вывод. Ни социализация и национализация земли, ни национализация промышленности, ни степень охвата руководством хозяйства Кубанской Республики (не говоря уже о Тереке, где к национализации крупного производства подошли только в конце осени, и Ставрополье, где в июле Советская власть оставалась только в восточной половине губернии), не вошли в такую фазу, когда можно было бы сказать, что необходимые экономические предпосылки (процесс обобществления) уже были созданы для социалистического строительства. Развернувшаяся гражданская война сорвала развертывание этого процесса у той черты,

---

[1] „Прикубанская Правда“ № 57 от 19 июня 1918 года.

только пройдя которую Сев.-Кав. Республика могла больше заниматься социалистическим преобразованием, чем доведением до конца буржуазно-демократических задач революции. Наш анализ заставляет придти к такому выводу: в социально-экономическом содержании политики и мероприятий Советских Республик на Сев. Кавказе было такое переплетение элементов пролетарского и демократического характера, в котором последние (демократические) еще далеко не были исчерпаны, особенно на периферии,— они вплоть до падения Республик составляли главное экономическое содержание революции, развертывавшейся под политическим руководством рабочего класса. Пролетарской революции на Северном Кавказе, благодаря всей сумме тех особенностей, которые мы отмечали в вводных разделах к каждой к главе настоящей работы, не удалось здесь так легко, „мимоходом", разрешить до конца задачи буржуазно-демократической революции, как это имело место в Центральной России, где были мощные пролетарские районы и пр. Здесь это перерастание, переплетение и доделывание „мимоходом" так затянулось, приняло такое своеобразное развитие, с рядом таких специфических вариаций и нюансов даже внутри отдельных Республик Сев. Кавказа, что до самого момента падения Советской власти в 1918 году мы не имели на Северном Кавказе завершения процесса и буржуазно-демократических преобразований и, главное, завершения социалистических мероприятий первой стадии революции, в том виде, в котором мы имели это в центре. Демократическая струя здесь оказалась гораздо сильнее, а пролетарская слабее — и это сочетание затянуло процесс. Так как, бесспорно, огромную, решающую роль в недоведении до конца этого процесса перехода революции в новый этап сыграли внешние контр-революционные силы, оседлавшие местное анти-советское движение, то к описанию борьбы с ними, которая заполняет собою всю историю Сев.-Кавказской Республики, мы сейчас и переходим.

Как мы уже указывали, начало работ Сев.-Кав. ЦИК'а было временем, когда деникинская армия, выбравшись из Сальских степей, направлялась на Кубань, забираясь вглубь казачьей области все больше и больше. Станицы волновались, восставали. По мере приближения белой армии Деникина восстания в казачьих станицах принимали характер более широкий. Белая агитация принимала резкие формы. Особенно большую агитацию белое движение развило на тех земельных отношениях, какие начали складываться на Кубани к данному периоду, на основе попыток проведения в жизнь декретов центра и постановлений местной Советской власти. Многочисленный казачий середняк страшно боялся за свою „паевую" землю, он не только прислушивался к белой агитации, но и верил ей. Именно в этот период казак-середняк в огромном большинстве отходит от Советской власти все больше и берет в руки оружие, выступая на стороне белых против „иногородней" революции. Снова момент сословной казачье-иногородней расприи выступает, как факт, уцепившись за который деникинская контр-революция потащила за собой казачество.

Для того, чтобы развеять угар белой агитации, Северо-Кавказский ЦИК создает специальные комиссии. Он подчиняет органы печати „исключительно себе". Агитационные комиссии развивают большую энергию. Усиливается выезд членов ЦИК'а на места. Это дало некоторые положительные результаты в деле мобилизации масс, но в целом область резко разделяется на две части,— масса иногороднего населения становится за Советскую власть, большинство казачества — против Советов.

Остановимся теперь подробнее на вопросе о деникинщине, сыгравшей роковую роль в деле разгрома красных в Крае. Некоторые высказывали взгляд, что внутренних сил для победы революции на Сев. Кавказе было недостаточно, т. к. нехватало здесь главного — твердого и мощного пролетарского костяка—и в то же время была богатая почва для местной локальной казачье-поместной контр-революции. Конечно, верно, что большую роль в установлении Советской власти во всех областях края сыграли солдатские большевизированные части старой армии, еще не демобилизовавшиеся к 1918 году, и фронтовики-солдаты и казаки, постепенно наводнявшие с осени 1917 г. села и станицы. Именно они оказались могучим союзником немногочисленного пролетариата, руководившегося большевиками в первый период установления Советской власти. Но все же нельзя приписывать главным образом им начало образования Советских Республик на Северном Кавказе. Если иметь в виду, что эти образования означали в первой половине 1918 года установление не диктатуры пролетариата, а по существу своеобразной, отличной от „двоевластия" 1917 г. демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, под руководством большевиков, находившихся в блоке с левыми эсерами, то нужно будет сказать, что внутренних сил для победы революции на этом переходном к пролетарской диктатуре этапе было безусловно достаточно. Вся история этого периода, разобранная нами выше по всем областям, подтверждает наш вывод. Да, это и естественно. Крестьянство —„иногородние"—в массе представляло из себя очень мощную силу. Казачество в лице бедноты и середняков в этот период не могло итти и не шло против „Народных Советов". Этот общекрестьянский фронт, вместе с большинством казачества, был в состоянии и смог, как показал опыт, оказаться той силой, которая под руководством большевиков, опиравшихся на рабочих и солдатские гарнизоны, одержала победу над внутренней контр-революцией. Раньше всего это произошло на Дону, в Черноморье и Ставрополье, позже — на Кубани, и с наибольшим запозданием, уже осенью 1918 г.— на Тереке. Но везде, и даже на Тереке, процесс борьбы с внутренней локальной контр-революцией, раньше или позже, но завершился победой Советской власти и именно на основе соотношения местных сил при определенной (но не она сыграла решающую роль) поддержке внешних советских сил. Даже в Ставрополье, где фактически отсутствовал пролетариат и где, после Дона, раньше всех остальных республик

в руки белых попал губернский центр, это падение окончательно определилось приходом добровольческих войск. Можно быть уверенным, что хотя и с большими осложнениями по сравнению с другими районами, но и Ставрополье, без прихода добровольцев, в конце-концов справилось бы с внутренней эсеровской контр-революцией, войдя в тесную связь с Кубано-Черноморской Республикой через Краевое Советское объединение. Конечно, нелепо ставить вопрос о том, могла ли установиться „Народная Советская власть“ того типа, как это получилось в начале и к лету 1918 года на Сев. Кавказе, если бы не было налицо победы пролетариата в центре страны? Само собой разумеется, что нет. Революция не могла начаться и одержать свою первую победу на юго-восточной окраине России, но стоило в центре победить—и советизация этой окраины смогла произойти, опираясь прежде всего и в основном на свои местные силы.

Теперь нужно поставить другой вопрос: а смогла бы эта „Народная Советская власть“ удержаться и перерасти в диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства на основе внутренних сил и без решающей поддержки пролетарских центров России? Не стал бы неизбежным отрицательный для нас исход борьбы с новой местной контр-революционной волной, которая бы поднялась на основе новой перегруппировки сил, вытекающей из расщепления общекрестьянского фронта, если бы не оказалось определяющей результаты борьбы внешней вооруженной поддержки пролетариата России?

И на этот вопрос мы бы дали положительный ответ, ибо несмотря на ту задержку на этом этапе в революционно-пролетарском преобразовании, которое мы отмечали выше, опыт борьбы за Советы на Северном Кавказе и во вторую половину 1918 года, когда здесь в целом происходила эта перегруппировка, все же, как увидим, показывает, что с внутренней контр-революцией и на этом этапе советские силы Северного Кавказа, конечно, с гораздо большим трудом и осложнениями, но справились бы. Основной силой, которая определила финал гражданской войны к концу 1918 г. и началу 1919 г., была, прежде всего, не поместная контр-революция, а поддерживавший ее в решительные моменты иностранный империализм и осколки всероссийской контр-революции в лице Доброволии, в свою очередь съумевшей окрепнуть только при помощи иностранной оккупации и интервенции. „Это переплетение иностранной интервенции с сословно-казачьей, кулацкой и буржуазно-националистической контр-революцией сыграло первостепенную роль в истории белого движения“ — правильно отмечает Кин в своей работе о деникинщине. [1]

[1] Д. Кин.—„Деникинщина“. Прибой. Ленинград, стр. 33. Но вопроса, поставленного нами здесь, Кин в своей работе в целом не затрагивает, так как центр тяжести его исследования лежит на 1919 г., когда деникинщина стала центром всероссийской контр-революции.

В самом деле — вот факты. Советы на Дону пали под ударами германского империализма. Без немецкой оккупации не было бы здесь той красновской атамановщины, которая представляла из себя победившую при помощи немцев казачью контр-революцию. Недаром Деникин называл Краснова „немецким ставленником“.

Но не только красновщины, а и деникинщины после разгрома Корнилова в апреле под Екатеринодаром не было бы в том виде, как она получилась к концу 1918 года, без германской оккупации, хотя Деникин и был формально и по существу против союза с немцами и за блок с Антантой. Логика борьбы сделала Деникина в 1918 году союзником срединных империй, как правильно указывает это в своем дневнике сподвижник будущего спасителя России—ген. Эрдели—еще 7 марта (старый стиль) до смерти Корнилова: ...„Силой обстоятельств мы придем к этому и сделаемся союзниками Германии, и это будет хорошо для России на первое время...“ [1]

Ведь после разгрома Корнилова под Екатеринодаром вожди Доброволии доходили до мыслей о расформировании армии. Именно немцы в Донской области явились той силой, которая потянула осколки армии на север. Эрдели 9-го апреля заносит в дневник: „Мы сейчас около Ставропольской губернии и стремимся спуститься к Терской области... Притупилась цель общая, т.-е. борьба с большевизмом... Смерть Корнилова подействовала угнетающе на всех. И теперь, если не разбегаются все, то потому, что в одиночку и вразброд легче удравшим погибнуть и просто шкурный вопрос — держаться всем вместе“... А 10-го апреля в Тихорецкой генерал уже записывает: „Знаю, что большинство офицерства, утомленное боями и невзгодами войны, уже и сейчас взирает на немецко-украинские войска, как на избавителей от ужасов гражданской войны, и сочувственную встречу я предвижу“...[2] Таким образом, этот документ является прямым доказательством того, что и субъективно головка Доброволии отдавала себе ясный отчет в том, что они спасены были от распыления именно немецким империализмом. ...„Не дай бог, если бы они отсюда ушли, все мы полетели бы кувырком, так как все, что у большевиков против немцев, обратилось бы против нас“...— такой вывод сделал этот генерал позже, когда добровольцы уже находились на стоянке у северной границы Ставропольской губернии.

Насколько представители этой армии, позже претендовавшие на восстановление „единой неделимой России“, были деморализованы и совершенно потеряли веру в победу, показывает такая филип-

---

[1] Копия с рукописи хранится в С.-К. Крайистпарте, стр. 26. Секр. фонд. Уч. кар. № 800 с. Так писал наиболее „демократический“ генерал из помощников Деникина, что видно из следующего наивного рассуждения в его дневнике: „Ярко выраженный империализм доживает свой век и должен смениться иными формами, более общественными и народными, как Англия, Америка, Франция, а не как Австрия и Германия“ (стр. 26).

[2] Стр. 37 и 40.

пика, занесенная Эрдели в свой дневник 3-го мая, после совещания, на котором генерал Алексеев докладывал о положении России и планах немцев на расчленение ее: ...„Теперь я вижу, что России действительно настал конец, нет ее, или жалкие куски великого целого остались. А Московское государство — жалкая насмешка... Какое безысходное горе, какое крушение лучших чувств гражданина и сына любимой родины. А, да чорт с ней, с этой родиной, дряблой и прогнившей...“ [1]

С такими настроениями, конечно, спасать Россию было не под силу. Да об этом в мае и не думали. „Не до жиру, быть бы живу“ — вот основной тон настроений Добровольческой армии в первые недели пребывания ее „на отдыхе“ у границы Ставрополья. Именно, приход немцев и долгое увлечение Красной Кубанской армии немецким фронтом дало возможность уцелеть кадру корниловцев в организованном виде и окрепнуть. Но германский империализм сыграл такую роль не только потому, что он сковывал силы красных под Батайском и отвлекал их от кучки „странствующих музыкантов“, как называл в то время добровольцев красновский генерал Денисов.[2] Деникинщина через Донского атамана получала от немцев вооружение; только помощь немцев дала начало подведению под нее той материально-технической базы, без которой Доброволия не могла бы переформироваться. Недаром тот же Краснов, враждовавший с Деникиным, заявил на августовской сессии Донского Круга в ответ на обвинения в сношениях с немцами: „Добровольческая армия чиста и непогрешима. Но ведь это я, Донской Атаман, своими грязным руками беру немецкие снаряды и патроны, омываю их в волнах Тихого Дона и чистенькими передаю Добровольческой армии. Весь позор этого дела лежит на мне“...[3]

Наконец, нужно указать на отряд Дроздовского, прибывшего на Дон вместе с немцами и сформированный при их непосредственной помощи. Он, влившись в войска Деникина, являлся в них одной из наиболее крепких белых частей. Хотя до конца 1918 г.

---

[1] Там же, стр. 88.

[2] Это было пущено в Новочеркасске, где во время кутежа в летнем Гарнизонном Собрании добровольцы пустили по адресу донцов — „всевеселое войско Донское“. Генерал Денисов в отместку за это при одном споре с добровольческими офицерами об отношении к немцам заявил: „Ну, что же войску делать? Немцы пришли на территорию его и заняли. Войску Донскому приходится считаться с совершившимся фактом — не может же оно, имея территорию и народ... уходить от них, как это делает Добровольческая армия. Войско Донское не странствующие музыканты, как Добровольческая армия“. Как известно, Деникин тоже не остался в долгу и по поводу более поздних сношений донцов с союзниками назвал их „проституткой, продающей себя тому, кто ей заплатит“. Кончилась эта словесная пикировка ответом Денисова, что „Добровольческая армия есть кот, пользующийся ее заработками и живущий у нее на содержании“. Вот вам чисто офицерский стиль судаченья, в котором чрезвычайно ярко отразился основной объективный факт — и поместно-казачья и добровольческая контр-революция крепко стали на ноги только при помощи западно-европейского империализма. (Архив русской револ. изд. Гессеном. т. V, изд. 2. Берлин, 1922 г., стр. 205).

[3] „Архив русской революции“, т. V. Берлин, 1922 г. П. Краснов „Всевеликое Войско Донское“, стр. 207.

Деникин и не получал непосредственной помощи от союзников, своего главного патрона, только при содействии которого Добро-волия смогла в 1919 г. перерасти из локального Северо-Кавказского движения во Всероссийский оплот и центр контр-революции, но и в 1918 году сначала моральную поддержку и обещания на будущее, а в конце года и реальную поддержку Деникин имел от Антанты. Так, посланный им в мае 1918 года в Москву генерал Б. Казанович для связи с буржуазией столицы и получения от нее финансовой поддержки, получил от французского посла обещание этой помощи.[1] А в ноябре в Новороссийске уже стояла англо-французская эскадра и прибыл транспорт со снаряжением для Добро-армии. Немецкая оккупация сменилась началом союзнической интервенции, открыто переплетавшейся с Российской белогвардейщиной в борьбе с большевиками. Следовательно, опираясь на эти факты, мы имеем полное право утверждать, что решающий удар Советским республикам на Северном Кавказе был нанесен не местной контр-революцией, она была бы раздавлена силами революции, имевшимися в пределах Края, а слившимся потоком местной и Добровольческой армий, смогшим оправиться от первых неудач только под эгидой и с помощью, прямой и косвенной, иностранного империализма.

Поэтому, учитывая стремление Деникина преувеличивать значение Добровольческой армии, все же необходимо согласиться с следующим его выводом: „...взятие Екатеринодара Добровольческой армией не разрешало еще окончательно ни в стратегическом, ни в политическом отношении ее задачи на Кубани. Борьба с большевиками оказалась попрежнему непосильной Кубанскому казачеству".[2] Мы только должны добавить к этому, что и добровольцам она оказалась бы непосильной без немецкой оккупации и помощи союзников.

В этом аспекте мы должны признать, что руководители Кубано-Черноморской, а позже Северо-Кавказской, Советской Республики правильно отдавали себе отчет в том, что их главный враг — западно-европейский империализм—и германский, и антантовский. Но они отсюда сделали не совсем правильный вывод, когда решили все свои вооруженные силы и свое внимание бросить на борьбу с оккупационными отрядами немцев. Они не смогли своевременно учесть, что у „Вильгельма" не хватит сил для занятия всех областей Северного Кавказа и что его, а также и союзников, главная ставка будет взята на оживление и оформление российской местной контр-революции, а поэтому нужно было не брать на себя непосильной задачи непосредственного отражения немецких войск, а бить прежде всего тех, через кого наиболее сильный враг хотел сбросить Советы. На Кубани это неверное направление

[1] Кин.—Деникинщина, стр. 13.
[2] Деникин. — „Очерки Русской смуты", т. 3, Берлин. Книгоизд. „Слово", стр. 212.

удара и иллюзию серьезной борьбы с немецкими войсками особенно поддерживали левые эсеры и старались тащить за собой и местных большевиков, которые, ведя с ними принципиальные споры о необходимости Брестского договора, на деле кое в чем сползали практически на позицию левых эсеров. Это не случайно, что Кубано-Черноморский ЦИК так долго решал вопрос о Черноморском флоте и даже было пошел из-за него на отделение от Советской России! Хотя, под воздействием представителей центра, ЦИК и быстро отменил это свое решение, но „немец" и после этого все время заслонял перед ним Добрармию и казачьего контрреволюционера. Кубанский большевик серьезно думал, что раз красные войска нанесли немцам поражение под Батайском, то при мобилизации всех сил с ними можно и нужно в первую очередь сражаться, несмотря на все попытки заключения перемирия с ними.[1] А Деникин, остатки отрядов Рады,— это ерунда, с ними после разделаемся, одним щелчком! Действительно, стоит просмотреть все приказы, воззвания, оставшиеся протоколы от советских органов за период после разгрома Корнилова под Екатеринодаром и вплоть до взятия Деникиным Тихорецкой 18 июля, чтобы убедиться в том, что он почти выскользнул из-под внимания большевиков.

Это беспечное и самонадеянное отношение чрезвычайно ярко отразил сам главком Куб.-Черноморских войск тов. Калнин, ушедший с этой должности только в начале августа. Когда в середине лета ему некоторые указывали на необходимость обращения большего внимания на деникинский фронт, он отвечал: „Вот справимся с немцами, а там и эту сволочь разобьем. Неужели с такими силами нельзя покончить с этой сволочью?" Этот главком смысла перемирия с немцами не понимал, считая, что можно и должно „прогнать".[2]

Так рассуждал Калнин, так думало большинство ответственных работников Кубано-Черноморья, что и отразилось на игнорировании Доброволии и в работах 1-го Сев.-Кавказского съезда Советов, как мы указывали выше.

Немецкий штык, повторяем, все время стоял перед глазами. Конечно, внимание к нему должно было иметь место. Мы только говорим, что оно было чрезмерно в том смысле, что только в нем видели серьезную вооруженную силу и недостаточно отдавали себе отчет — куда и кого нужно было прежде всего бить, чтобы в конечном счете успешно бороться со своим главным противником. Так, когда в июле немцы высадили в Тамани 58-й Берлинский полк, занявший 5 станиц, с целью выкачки хлеба, то больше думали об их воинской силе, чем о кулацко-казачьих восстаниях, разроставшихся от самого присутствия немецких частей. Чрезвычайно много внимания уделялось германскому флоту, который заходил в Новороссийск. Всем казалось,— вот откуда идет главная угроза, и „становилось жаль потопленного Черноморского флота"...

---

[1] Об этих переговорах с немцами см. статью С. Петренко „На Кубани в 1918 г." в журнале „Путь коммунизма", кн. 2-я. Краснодар, 1929 год, стр. 124 – 132.

[2] Там же, стр. 125.

Итак, к сожалению, больше царило настроение „обиды“ на немцев, занимавшихся выкачкой хлеба и других припасов, чем трезвый учет необходимости умелого использования передышки, ради которой был заключен „похабный“ Брест-Литовский мир. Никак местные большевики не могли на деле понять Ленинского тезиса о том, что „нужно на брюхе ползать в грязи“, если этого требуют интересы революции. Образцом неумелого (если не сказать больше) проведения этой тактики отступления может служить воззвание Новороссийского Горсовета, которым он встретил приход немцев:

„Немецкие банды, во главе с генералами, предателями трудового народа, надвигаются на социалистическую Кубано-Черноморскую Советскую Республику. Они идут сюда для того, чтобы все продовольственные продукты у нас забрать, как они делали в оккупированных местностях, а населению придется голодной смертью умереть. Они уничтожают все завоевания революции.. Товарищи, бодро и смело с революционным энтузиазмом готовьте отпор мировому бандиту“... и т. д.

Здесь мы имеем прямой призыв к революционной войне. А немцы, между тем, конечно, делали свое дело, выкачивая хлеб, скот, лес и пр., с одной стороны, и снабжая оружием и снаряжением контр-революционеров — с другой. Примеры этого хозяйничанья мы встречаем зафиксированными в протоколах Сев.-Кав. ЦИК'а. Так, 7-го августа политический комиссар гор. Новороссийска тов. Монахов докладывал ЦИК'у о взаимоотношениях с немцами по данным, которые он получил на заседании Совета, где присутствовали представители мирной делегации „Техо“:

„Представитель этой делегации просил начать поскорее мирное торговое плаванье. Мы указали, что германское командование определенно этому мешает, т. к. германские дозорные суда задерживают наших курьеров; был случай, когда, задержав наше судно, они указывали, что на нем находится, якобы, тов. Рубин и требовали его выдачи. Затем, в Кабардинке была задержана наша землечерпалка, которой приказали итти в Керчь, но последней удалось уйти в Новороссийск под тем предлогом, что им необходимо запастись в Новороссийске продуктами. Я отдал распоряжение землечерпалке в Керчь не ходить. Сторожевое германское судно.. прибыло в Новороссийский порт и требовало от правления землечерпалки в Керчь, но при личном объяснении со мной командующий судном отказался от своего требования и просил дать землечерпалку для работ в Керчи, в чем им было отказано.

При таких обстоятельствах, заявили мы, когда наши суда останавливаются, при чем многие из пассажиров увозятся и расстреливаются, мы не можем приступить к мирному торговому плаванию“. [1]

Из этого доклада видно, что немцы, конечно, не особенно стеснялись в действиях и были не совсем „лойяльны“, если не сказать больше, по отношению к Республике. Но ведь никто из большевиков и не считал, что Брестский мир прекрасен; партия, заключая мир, отдавала отчет себе в том, что немецкий империализм примет все меры к максимальному грабежу оккупированных районов. На это нужно было смотреть трезво и стиснув зубы

---

[1] Протокол № 32 Президиума Сев.-Кав. ЦИК'а от 7-го августа 1918 г.

„выдержать характер". На упомянутом заседании ЦИК'а появились трезвые речи, хотя и с опозданием. Например т. т. Акулов и Волошин заявили о необходимости уступок и установления экономических сношений с немцами. Но эти трезвые голоса так стали звучать только во второй половине лета, когда уже бесспорно главным вооруженным врагом были не немцы, а окрепшая внутренняя контр-революция. Только когда Деникин заявил о себе, весьма грозным наступлением на Кубань, местные большевики поняли о той ошибке, которую они сделали, своевременно не дооценив Добро-волии, как центра, вокруг которого может произойти новая консолидация сил контр-революции.

На деле как-раз именно так и вышло.

Деникин использовал в полной мере небрежное отношение к нему Советских организаций. Безнаказанно отдыхая, ибо он не имел против себя серьезной военной силы (Ставропольские партизанские отряды были неорганизованной, раздробленной массой), Деникин сумел реорганизовать свою армию и пополнить ее новыми, довольно крепкими отрядами, столковаться с войсками Краевой Рады, которая, как известно, была все это время в особенно дружественных отношениях с добровольцами, несмотря на нелады позже.[1] Когда в конце весны и в начале лета на Кубани происходила перегруппировка социальных сил и казачество в массе стало поворачиваться против Советов, то Деникин прекрасно использовал это и стал во главе слившегося потока местной казачье-кулацкой и помещичье-буржуазной контр-революции. Белая агитация широко развернулась через распущенных Добровольческих агентов по Ставрополью, Кубани и Тереку и способствовала оформлению и организации противосоветских настроений казачества. Поднимаются одни за другими восстания станиц на Таманском полуострове, вокруг Екатеринодара и т. д. Агенты Деникина ведут агитацию не только словом. Они пролазят в органы Советской власти и развертывают провокационную работу внутри их, сознательно извращая политику и прин-

---

[1] См. об этом в ст. П. Федоренко „Организ. контр-революции на Кубани и Кубанская Краевая Рада" в журнале „Путь коммунизма"; кн. 3, 1922 г. Федералистские тенденции Рады и великодержавные Деникина все время прорывались. После занятия Кубани уже 1919 г. на одном из официальных обедов во дворце у Кубанского атамана, над которым развивался Кубанский национальный флаг, Деникин произнес следующую речь:

„Вчера здесь в Екатеринодаре царили большевики. Над этим домом развевалась красная грязная тряпка, в городе творились безобразия. Проклятое вчера... Сегодня здесь происходит что-то странное—слышен звон бокалов... поются казачьи гимны, слышатся странные казачьи речи, над этим домом развевается Кубанский флаг... Странное сегодня...

Но я верю, что завтра над этим домом будет развеваться трехцветное, национальное русское знамя, здесь будут петь русский национальный гимн... Прекрасное „завтра"... Будем же пить за это счастливое, радостное „завтра"... (Архив русск. рев., т. V, „Разгром Кубан. Рады" Филимонова, стр. 324).

Как известно, многие из этих представителей „странного сегодня" потом заплатили своей головой за то, чтобы Деникин смог повесить над дворцом флаг единой неделимой.

ципы Советского строительства. Работа Деникинской контр-разведки ставится широко и смело. Ее агенты наводняют станицы, вливаются в ряды Красной армии и ведут там разлагающую работу, поднимая в удобный момент панику, агитируя за отступление „на Астрахань“ и настраивая части против боев с белыми.

На местах, в Советах, в Отдельских Исполнительных Комитетах и даже в самом Екатеринодаре в советских органах были контр-разведчики.

Это приводило к тому, что агенты контр-разведки снабжали штаб Деникина необходимыми Советскими документами. Штаб Деникина по этим документам посылал своих людей в Москву „за деньгами, обмундированием и оружием“. Такие командировки, возможно, удавались белым не один раз. Вот что мы находим в протоколах Куб.-Черн. ЦИК'а по этому вопросу еще в июне 1918 г.

„Официально подтвердить Всероссийскому Совнаркому, что мандаты, выданные не ЦИК'ом Кубано-Черноморской Советской Республики, недействительны и требования, представляемые по этим мандатам, не подлежат удовлетворению.

Дать радио в центр, что Кукс агент Филимонова...

Сообщить в центр, и копии во все отделы, что никакого вооружения, снаряжения, финансы и пр. не должны выдаваться никому из Кубано-Черноморской Республики, кроме лиц, снабженных соответственными мандатами от Центрального Исполнительного Комитета.

От имени ЦИК'а издать приказ по Республике, о том, чтобы никаких делегаций из отделов каких бы то ни было с поручениями в центр не посылалось“...[1]

Только совершенная неопытность органов власти, да необычайно сложная обстановка, в какой пришлось организовывать Советское строительство, могли создать столь благоприятные условия для работы контр-разведки белых. При всех этих данных, сил у красных к июлю было несомненно больше, чем у белых, если считать численность воинских частей тех и других. В начале июня, Деникинская армия, по свидетельству Эрдели, имела численность до 10000 человек, а к июлю до 20000, в то время, как силы Северо-Кавказской армии красных насчитывали по официальным данным, имевшимся в ЦИК'е, более 150 тыс. (включая и Ставропольские отряды). Но в то время, как деникинцы были хорошо организованы, имели бесспорно квалифицированный комсостав и являлись по существу только кадром, который организовывал вокруг себя казачьи массы, — Советская армия, чрезвычайно разбухшая, не имела хорошего комсостава и разъедалась изнутри партизанщиной. Большевистские организации Кубани и Ставрополья не смогли обеспечить твердое пролетарское руководство и создать в армии крепкий костяк, несмотря на принятие ряда мер, вплоть до создания в период автономовшины Чрезвычайного Штаба Обороны. На фронте военного строительства, поглощавшем главное внимание советских

---

[1] Протокол пленума ЦИК'а К.-Ч. С. Р. № 24 от 4 июня 1918 г., п. 1. „Доклад т. Швеца о поездке в Москву к Всерос. Советской власти“.

органов и партийных организаций, наиболее ярко выявилась та Ахиллесова пята революции на Северном Кавказе, о которой мы выше неоднократно упоминали,— слабость пролетарского руководства. И когда Северный Кавказ, в результате немецкой оккупации, очутился отрезанным от центра и местная контр-революция под руководством деникинщины перешла в наступление, печальную роль сыграла эта неорганизованность и партизанщина в красноармейских частях, которую не смогли побороть местные, организовавшие силы революции, большевики. Об этом свидетельствует не только итоговый факт борьбы — разгром армии красных, но и все воспоминания участников этих событий. Возьмите любую книжку и статью из этой серии — Ковтюха, Батурина, Ладоха и т. д., и вы там прежде всего столкнетесь с сылками на неорганизованность и анархичность военных частей, как на основной недостаток, с которым боролись, но не смогли побороть до конца большевики. Чрезвычайно ярко выступает момент слабости пролетарского влияния в следующем явлении, сообщаемом Самсоновым, участником организации Красных частей на Кубани, в своем воспоминании:

„... Скоро части не стали и вообще доверять Советам, считая, что таковые смотрят со своей колокольни, защищают интересы своих станиц, а не общие интересы революции, и что эти Советы не являются ячейками диктатуры трудящихся. Такое мнение скоро стало преобладающим во всех красноармейских отрядах“... [1]

При наличии подобных настроений, питавшихся бесспорной слабостью местных Советов, разные авантюристы и „стихийные“ революционеры легко могли играть и действительно играли большую, ведущую роль в армии.

Вот в какой обстановке и при каком соотношении сил началось оживление боевой деятельности Добровольческой арми и переход ее в наступление. Закрепившись в начале лета в северной части Ставропольской губернии, деникинцы в середине июля занимают Тихорецкую (18-го июля) и, таким образом, быстро становится силой, держащей в своих руках основной подступ к сердцу Кубани. Этой умелой операцией добровольцы отрезали от Сев.-Кав. Республики основную линию связи с центром, через Царицин, разрезали на части армию, заходя в тыл Батайскому фронту, где сосредоточена была сорокинская группа. Советские войска должны были спешно начать отступление с немецкого фронта, где они так долго сидели, думая, что борются на самом ответственном и важном участке.

Только теперь, когда „грянул гром“, ЦИК, военные власти и партийные организации поняли, какую они делали ошибку, своевременно не дооценивая Доброволии, как серьезного противника. Газета „Прикубанская Правда“, орган Екатеринодарского Комитета большевиков, до сего времени почти не останавливавшаяся на деникинщине, а вместо этого, вкупе с „Известиями“ — органом

---

[1] Рукопись. С.-К. Крайистпарт. Д. № 2. Уч. к. № 17, стр. 16.

ЦИК'а, мобилизовавшая внимание к немцам, теперь заговорила об опасности. 20-го июля она выходит с лозунгами через всю первую страницу — „контр-революция угрожает всем завоеваниям трудящихся масс! Советская власть в опасности!.. К организации, товарищи! К оружию!" — которые уже с разными вариациями почти не сходят с первой страницы, вплоть до сдачи Екатеринодара. Передовица от 23-го июля заявляет: „...на полях Тихорецкой решаются судьбы Кубани... Вся органическая работа по устройству Края должна отойти на второй план, ибо момент таков, что от исхода боя зависит, будем ли мы продолжать эту работу..." [1] После сдачи Тихорецкой белым, все прекрасно поняли всю „соль" положения — Республика отрезалась от основной базы, снабжавшей армию снарядами и вооружением, от Москвы, ждавшей с Северного Кавказа поезда с продовольствием. Создалась непосредственная угроза столице Северо-Кавказской Республики — Екатеринодару. Сорокинской группе отдается приказ: вместо Батайска обратить свои взоры на юг и во что бы то ни стало снова овладеть ключем к Кубани и Царицыну. Как-то сразу все поняли и, прежде всего, сам главком Калнин, недавно презрительно отзывавшийся о Доброволии, ненадежность внутреннего состояния армии, и, конечно, стали преувеличивать силы врагов.

Чрезвычайно интересным и ярким документом, характеризующим тогдашнее настроение верхов, является протокол № 15 заседания ЦИК'а, совместно с командованием армии, посвященного докладу Калнина о сложившейся обстановке на фронте, состоянии армии и выходе из положения.

Главком потерял равновесие и все рисовал самыми черными красками. Начав доклад с указания, что прелюдией к сдаче Тихорецкой был прорыв фронта в районе Торговой, причем „неудачи дивизии, бывшей под командой Федько, объясняются полным разложением войсковых частей, упадком дисциплины", Калнин далее заявлял, что „бой под Тихорецкой принял лишь правый фланг, левый — боя не принял, бежал, и таким образом наши позиции были взяты". Сообщая в заключение об отдаче приказа Сорокину оставить Ростово-Азовский фронт и итти на очистку Тихорецкого узла, он сделал такой общий вывод: „рассчитывать дальше на какие либо победы нельзя, т. к. боевые задания не выполняются". На вопрос после доклада, „каковы же дальнейшие планы и перспективы", главком отвечал — „одна надежда на Сорокина: если он овладеет Тихорецкой, то этим он поднимет дух нашей армии". В дополнение к этим выдержкам из доклада, дадим еще заявление Калнина, сделанное им во время прений: „общего фронта у нас нет. Имеются отдельные группы войск, живой связи между собой не имеющие. Ведется партизанская война. В таком же положении находятся и кадеты. Соприкосновения у нас с ними нет"... Из приведенных цитат видно, что во главе армии стоял человек, не обла-

---

[1] „Прикубанская Правда" № 76, от 23 июля.

давший необходимым присутствием духа и твердостью, терявшийся в решительный момент, что, конечно, в обстановке партизанствовавшей армии, численно превосходивший противника, давало лишний шанс старым военным зубрам из белогвардейцев. Выступавший затем нач. штаба главкома военспец Лазаревский еще больше сгущал краски: —„Средства, которыми мы располагаем, не надежны. На армию надеяться нельзя. Нет снаряжения, нет обмундирования; лишь 10% армии способно отстаивать Советскую власть“... И в качестве конкретного предложения вносил — „выход только один: необходимо попросить помощи Германского Правительства и действовать сообща против контр-революционеров. Если мы сдадим позиции здесь, на Кубани, то все дело России погибнет. Под Тихорецкой кадеты действовали при посредстве немецких пуль, снарядов и пр.“... В основном к этому предложению присоединился и Калнин —„необходимо войти с немцами в соглашение“...

Вот как оценивала положение верхушка армии: один, не знавший что делать, возлагал все надежды на Сорокина, другой подходил с узко-военной точки зрения и давал политически-неграмотные советы объединения с немцами против контр-революции; оба вместе были неспособны вести армию — она оказалась без головы.

Единственно правильный общий совет давал помглавкома Алехин — снять войска с побочных фронтов, сорганизовать одну армию и „двинуть на Тихорецкую, пробить путь к Царицыну“. Это по крайней мере был хотя и запоздалый, но членораздельный совет и по этому пути пошло большинство ЦИК‘а. Военспец Лазаревский продолжал все время „угрожать немцем“: „оставив сторожевое охранение, мы не гарантированы, что немцы могут двинуться в глубь страны. Необходима хотя моральная поддержка немцев. Если немцы не станут оказывать помощь кадетам, то этим самым дух их падет... Сил у нас имеется 100.000 чел. Но эти 100.000 чел. нельзя назвать армией, т. к. нет дисциплины, нет патронов и снаряжения. Можно ли с такой армией сделать прорыв и пробиться на Царицын?“. Это заявление „твердого“ начштаба лишний раз подчеркивало его полное непонимание и неспособность руководить операциями в тогдашних условиях гражданской войны.

Хотя положение действительно было тяжелое, финансы Республики находились в плачевном состоянии,—„финансовое положение таково: 1) контрибуция на буржуазию в размере 25 мил. руб., 2) 4 мил. будут привезены из Туапсе, 3) три с половиной миллиона от Шляпникова“ (сообщение на заседании т. Крайнего) — но если принять во внимание положение дел у противника, ведшего по существу тоже партизанскую войну, то все же можно было бы и не терять так присутствие духа, как это было у некоторых, во главе с Калниным. Как будто до захвата Тихорецкой финансовое положение было лучше, армия была менее партизански настроенной и пр. и пр. Оказалось достаточно одного серьезного удара деникинцев, как от презрительного отношения к ним настроение на 100% перевернулось в обратную сторону. Именно здесь вскры-

лась вся „предательская“ роль партизанщины, о которой говорили, но к борьбе с которой подходили все-таки слишком беспечно. По существу, в плену ее был и сам Калнин, ибо одной из характернейших черт партизанской психологии было презрительное отношение к врагу и указаниям центра и быстрая паника и сдача позиций без упорной борьбы. К сожалению, в разбираемом нами протоколе не зафиксировано решение ЦИК‘а по докладу Главкома,[1] но весь ход прений показывает, что ЦИК пришел к выводу, предложенному Алехиным. Протокол заканчивается выступлением Калнина с предложением: „Необходимо передать командование всеми войсками Кубани т. Сорокину“.[2] Этот финал — стремление самоустраниться в решительный момент и сдать армию в руки человека, двусмысленно ведшего себя еще во время автономовщины, в руки командира, которому все время партия и ЦИК не особенно доверяли — чрезвычайно знаменателен, он является показателем того, как в конце концов мало овладели большевики руководством армией, несмотря на ряд совершенно правильных шагов и решений, указанных нами еще в главе о Кубано-Черноморской Республике. Несмотря на то, что Советские Республики развивались в огне гражданской войны и вопросы военного строительства были все время в центре внимания, мы видим в этой области большое отставание всего края, а в данном случае Кубани от центра. В то время, как строительство регулярной армии началось в России с весны, здесь мы к августу еще не имели попыток организации политорганов в армии, высшие военные органы управления еще носили на себе весь колорит партизанщины, армия продолжала развиваться стихийно. Прежде чем перейти к совещанию дальнейших перепетий борьбы с деникинщиной, остановимся еще на одном моменте — характеристике настроений рабочих и степени овладения большевистским руководством ими в столице Республики. Если вспомним роль, которую сыграл Кубанский рабочий в апрельском разгроме Корнилова, под Екатеринодаром, то естественно теперь, после сдачи Тихорецкой, когда снова угроза белого нашествия повисла над городом, нам нужно посмотреть, как же готовился екатеринодарский пролетариат к новому отпору белым. Ведь 20 июля „Прикубанская Правда“ уже призывала „К организации, товарищи. К оружию!“ Протокол заседания, разобранного нами, вопросы организации рабочих совершенно не освещает, там о них не было сказано ни слова, все внимание сосредоточилось на уже имевшихся фронтовых частях и их состоянии. Правда, ЦИК в конце июля пытался проводить мобилизацию, о которой мы будем говорить ниже, но при обсуждении основных путей выхода из положения, по докладу Калнина, об организации рабочих ничего не упоминается. Когда вы просматриваете за июль екатеринодарские большевист-

---

[1] Очевидно оно и не было зафиксировано, а может быть и не было принято.

[2] Все цитаты взяты из протокола № 15 от 15-го июля заседания ЦИК‘а с командованием армии (дата указана неверно, заседание, очевидно, происходило 18—20 июля).

ские газеты, то почти не встречаете там материалов по вопросу, который нас сейчас интересует. Внешнее впечатление такое, как будто фабрично-заводских рабочих не осталось в городе, они все ушли в армию и, поэтому, разговор идет только о ней.

Но на самом деле кадры пролетариев, прекрасно дравшихся в апреле с корниловцами под стенами Екатеринодара, в городе оставались; среди них вели большую анти-большевистскую работу меньшевики и эсеры, к сожалению, не встречавшие теперь достаточно крепкого и своевременного отпора от большевиков. Мы уже выше указывали на слабость массовой партийной работы, приводя в доказательство материалы 1-го Краевого съезда, которые сигнализировали опасность отрыва от масс партийцев — ответственных работников.

Сейчас, подходя к концу июля, вспомним призыв товарища, написавшего статью „Вниманию членов партии". В номере „Известий" от 25 июля мы найдем передовицу под странным названием — „Продолжительный невольный отдых". В ней газета сообщает о фактах образования в начале июля Северо-Кавказской Республики, проведения 1-го Краевого съезда партии, об отступлении из-под Тихорецкой Красной армии и пр. — словом, подводит итоги событий последних трех недель, Почему же в час грозной опасности газета помещает официозную статью, которая по тону и стилю похожа на передовицу наших теперешних газет, посвященных концу календарного года или какому-нибудь итоговому юбилею? Оказывается, газета отмечает свой „продолжительный невольный отдых": „Да, граждане, нам пришлось отдохнуть, но не по своей вине, а по вине стачки печатников, положившей на наши уста печать молчания... И действительно, сегодня ровно три недели, как наш Советский орган терпел „неудачу", но вера в торжество правды над несправедливостью окрыляла нас и вот мы вновь предстали перед лицом свободных граждан"—так начинал эту „своеобразную" передовицу редактор газеты В. Тбилели. Так вот в чем дело! Три недели была стачка печатников и газета не выходила. Тов. Тбилели чувствует, что все же как-то неудобно в такой ответственный период жизни Сев.-Кав. Республики сообщать, что вдруг так долго из-за стачки не выходил печатный орган ЦИК'а, что сообщать о возобновлении выхода органа в условиях диктатуры пролетариата после трехнедельного перерыва нельзя, не оправдав такое продолжительное молчание серьезными причинами. И он считает своим долгом по этому поводу указать „...часто, очень часто приходилось слышать даже от „своих" друзей упреки по адресу Советской власти, что, дескать, она бессильна, не может сломить упорства печатников; но подобно распятому на кресте у нас был один ответ: Советская власть щедра, долготерпелива и многомилостива, она знает предел, гневается не до конца и не враждует с заблудшими". Думаю, что комментарии к этой „защите" почти излишни. Так оправдывалось и мотивировалось перед массами отношение к трехнедельной стачке печатников, организованной предателями меньше-

виками и эсерами, игравшими на струнах узко-цеховых настроений рабочих перед лицом отчаянной борьбы с контр-революцией. Мы так подробно остановились на этой передовице потому, что она очень ярко вскрывает факт слабого руководства большевиками пролетарскими массами Екатеринодара, факт мягкотелого отношения их к стачке, игравшей роль ножа, вонзенного в спину Республики в момент отчаянной борьбы с противником. Конечно известно, что меньшевистское влияние вообще было особенно сильно среди печатников, поэтому можно заключить, что поведение этого отряда рабочих нехарактерно для всего Екатеринодарского пролетариата и по этой стачке нельзя судить о степени влияния большевиков среди остальных частей Кубанского рабочего класса. Но в свете разобранных материалов 1-го Краевого съезда партии, общей слабости охвата большевистским руководством стихийного массового движения, и, наконец, при учете причин мягкого отношения Советской пласти к стачке, которую дали „Известия" в передовице перед лицом всего Кубанского пролетариата — „подобно распятому на кресте, у нас был один ответ: Советская власть щедра... гневается не до конца и не враждует с заблудшими" — станет ясно, что бесспорно местные большевики были „несколько" в этот период оторваны от масс и не проявили ту необходимую революционную твердость руководства, без которой пролетариат не может осуществлять свою диктатуру. 1-й Сев.-Кав. Съезд Советов, знаменовавший начало перехода к социалистической диктатуре, оказался только вехой на этом пути, поставленной на верху в резолюциях, на деле же дальнейшее развертывание революции на Кубани в 1918 г. (мы не говорим уже о Ставрополье и Тереке) не дало здесь окончательного перехода количества в качество. И стачка печатников — лишнее этому подтверждение.

В самом деле, вот краткая история этой злосчастной забастовки. Как нам известно, меньшевики и эсеры за время существования Советской власти на Кубани, вплоть до июля, вели открытую работу и имели свои печатные органы, окопавшись в союзе печатников. Когда еще в мае была закрыта их газета „Искра", за противосоветскую агитацию, то Правление союза осмелилось безнаказанно предлагать Исполкому освободить арестованного по этому делу печатника. 22-го мая была закрыта газета „Проблеск", продолжавшая более открыто линию „Искры", и снова, но уже на общем собрании печатников, 189 голосами против 32 и при 29 воздержавшихся была вынесена меньшевистская резолюция, протестовавшая против уничтожения „свободы слова и печати" и угрожавшая „объявить стачку и продолжать ее до тех пор, пока не будет отменен приказ о закрытии всех газет социалистических и демократических изданий... все газеты должны появляться в свет в явочном порядке".[1] И в ответ на эту резолюцию ЦИК разрешил выпуск „Проблеска",

[1] Резолюция общего собрания от 29 мая в сб. „За 25 лет", состав. Архангельский. Краснодар, 1925 г. стр. 150.

при условии цензурирования его самим союзом. Очевидно, высший орган решил считаться с наличием меньшевистко-эсеровского засилия в союзе! Ясно, что такой ответ только усиливал влияние этих соглашательских партий. 2-го июля ЦИК снова вынужден был закрыть „Проблеск“, за продолжение старой линии. И теперь-то он вынужден был столкнуться с забастовкой, о которой мы упоминали, в том союзе, который имел колоссальное значение в деле укрепления Советов, ибо вся печатная агитпропработа проходила через его руки, а также печатание местных денежных знаков, которые выпускались из-за потери связи с центром. Вот история возникновения забастовки, которая бесспорно свидетельствует не только о мягкотелости, но и о некоторой беспечности местной партийной организации, несмотря на „чувствительный“ вывод т. Тбилели и ссылку на ослабление группы большевиков-печатников из-за выбытия из их рядов авторитетного руководителя т. Лиманского (находившегося в заложниках у белых) и т. Мелещенко (лежавшей больной в лазарете). Насколько большевики потеряли в это время связь с массами печатников, свидетельствует тот факт, что на общем собрании, принявшем резолюцию забастовки, присутствовали и горячо выступали т. т. Рубин, Крайний, Лехно и М. Власов, — вся головка власти. „Социалист“, председатель Правления М. Шевченко, скрылся в начале стачки, но никаких репрессий не было предпринято ни к кому, в связи с забастовкой. В протоколах ЦИК'а имеются постановления по поводу забастовки от 18 и 20 июля:

18-го — Газеты „Голос труда“ и „Проблеск“ закрыты и под этим названием выйти в свет не могут, союзу печатников разрешается издавать другие газеты... в случае ликвидации забастовки, никто из бастовавших ответственности не понесет“.

20-го, уже после сдачи Тихорецкой: „вызвать из Ейска необходимый штат печатников. По отношению к бастующим печатникам в Екатеринодаре принять самые репрессивные меры.“ [1]

Только за 4 дня до окончания стачки ЦИК постановляет принять репрессивные меры и догадывается вызвать печатников из Ейска. Но этого сделать не пришлось. 24-го июля стачка была прекращена решением общего собрания союза. Как видим, под носом у ЦИК'а проводилась длительная политическая забастовка, явно сорганизованная меньшевиками, а он занимался декламацией, и только под конец решил показать, что такое „диктатура“.

Мы так подробно остановились на этом „поединке“ власти с меньшевиками только потому, что считаем этот факт яркой иллюстрацией слабости работы среди пролетариата вообще. Прорвалось именно у печатников, потому что здесь было слабое звено и имелось гнездо соглашательских партий, но тот факт, что это гнездо смогло прорвать фронт именно в описанной обстановке, и именно так, как произошло, только показывает, что при той работе, кото-

---

[1] Протокол № 16 Президиума С.-К. ЦИК'а от 18 июля 1918 г., п. 2. Протокол № 18 Президиума от 20 июля, п. 4.

рую вели местные власти, могло быть хуже. Стихийные настроения масс, бесспорно, были за Советы, и они во многом спасали положение. Но они же могли перерасти рамки слабого руководства и стать отрицательной величиной, чем и была армейская партизанщина и самостийная власть местных Советов.

Итак, мы можем сделать вывод, который подтверждается последующим ходом событий — екатеринодарский пролетариат, сыгравший большую роль в деле защиты города от Корнилова, не был достаточно организован и подготовлен к повторной защите столицы Республики. Когда ему стало угражать второе нашествие белых, он не сыграл роли организованного авангарда в защите Советов от деникинщины, прежде всего потому, что не имел твердого руководства большевиков, не охвативших его достаточно своим влиянием. Конечно, здесь дело заключалось не только в субъективных ошибках местных большевиков: такое их поведение и малочисленность партийной организации в свою очередь отражали основной объективный факт — недостаточность пролетарской базы на Кубани, при одновременной мощности крестьянской стихии. Очень показательным моментом в этой связи является вопрос внутренней работы ЦИК'а и взаимоотношения его с периферией, и вопрос проведения мобилизации, объявленной в связи с наступлением Деникина. Также очень интересным моментом является взаимоотношение партийных Комитетов с Исполкомами и степень их руководства деятельностью советских органов. Мы не имеем документов, которые дали бы возможность этот вопрос тщательно разработать. Но ясно одно, что, начиная от ЦИК'а, взаимоотношения были таковы, что не партийные, а советские органы в большинстве являлись первой скрипкой и даже после создания Краевого Комитета партии. Последняя как бы вся поглощалась Советами — произошло своеобразное сращивание, в результате которого, конечно, партработа страшно страдала. Мелким, но характерным в этом отношении штришком является такое постановление ЦИК'а, от 24 июля: „Предложить партиям коммунистов-большевиков и левых эсеров, местному и отдельскому Совдепам и обще-армейскому Комитету незамедлительно прислать знающих людей, для установления контроля над телефоном и телеграфом".[1] Не партийный Комитет, а ЦИК был центром, вокруг которого „все вертелось". Но и вокруг него „вертелось" все недостаточно стройно, если не сказать больше. Даже Екатеринодарский Совет в этом отношении давал очень много образчиков этой „стройности". В качестве примера мы должны будем привести здесь полностью, в виду большого интереса этого документа, заключение редакции органа Сев.-Кав. Краевого и Екатеринодарского партийных Комитетов „Прикубанской Правды" по поводу отмены национализации домов в Екатеринодаре:[2]

---

[1] Протокол № 20 Президиума ЦИК'а СКР от 24 июня, п. 11.
[2] „Прикубанская Правда", № 88, от 6 августа 1918 г.

„Вчера утром нам был доставлен пакет с номером „Известий" от 26 июля и с сопроводительным письмом от Совета Народного Хозяйства Сев.-Кав. Советской Республики, в котором нас просят опубликовать в нашей газете напечатанное уже в „Известиях" объявление об отмене национализации домов гор. Екатеринодара Мы получили в свое время это объявление и сочли невозможным его напечатать. Мы и сейчас печатать его не будем. Мы полагаем, что отмена национализации, разработанной и произведенной местным Советом, есть подавление самодеятельности и творческой инициативы Советов на местах и в корне противоречит основному принципу Советской власти—„вся полнота власти на местах принадлежит Советам".

Мы считаем постановление Совета Народного Хозяйства неправильным и отказываемся его признать.

К дальнейшему вопросу о взаимоотношениях между местной и областной Советскими властями мы еще вернемся".

Не входя здесь в рассмотрение вопроса по существу,[1] мы все-же должны констатировать на основании приведенного заявления редакции органа Крайкома такой тон, который бесспорно свидетельствует о развязывании больших децентралистских тенденций, которыми и так были чрезвычайно заражены местные органы — даже редакция в публичном высказывании считала вопрос о взаимоотношениях областных и местных властей „наболевшим" и нашла необходимым вспомнить по этому поводу „основной принцип" Советской власти —„вся полнота власти на местах принадлежит Советам". И этот принципиальный вопрос официально поднимался партийным органом в тот момент, когда он сам каждый номер начинал с лозунга —„к оружию". Мы видим здесь такой переплет отношений между ЦИК'ом и Екатеринодарским Советом с одной стороны, и ЦИК'ом и, очевидно, Крайкомом партии—с другой, который был очень запутан и, во всяком случае, мало давал единства, стройности и четкости в работе.

В дополнение к этому следует отметить ту же „нестройность" внутренней работы самого ЦИК'а. Просмотр протоколов Президиума его показывают, что на нем часто ставился один и тот же вопрос о посещаемости заседаний членами Президиума, причем неоднократно выносились решения о мерах взыскания с уклоняющихся, вплоть до исключения,[2] пока, наконец, 9 августа пленум ЦИК'а не постановил упразднить расширенный Президиум из 13 человек, „избранный в момент опасности", и заменить его новым из 8 человек: Рубин, Акулов, Тимченко, Швец и Фарафонов от большевиков и Лехно, Штегман и Онипко от левых эсеров (из Президиума вышли в числе других тт. Крайний и Дунаевский).[3]

В волне самочинных обысков и арестов, которая прошла по Екатеринодару в конце июля и с которой не особенно успешно боролся ЦИК, участвовали даже и некоторые члены самого Исполкома; так, в протоколе от 30 августа мы читаем по вопросу об обысках: „а) Отобрать мандаты у тех, кто ими злоупотребляет; б) вынести

---

[1] Это мы разберем во второй части работы.
[2] Протокол № 19, от 22 июля, п. 1, протокол № 31, от 6 августа, п. 16.
[3] „Прикубанская Правда", № 92, от 10 августа.

порицание тов. Чуваеву, члену ЦИК'а, за недостойные обыски; в) окончательный разбор дела о Чуваеве отложить до решения такового в Комитете партии".[1]

Все это, в обстановке общей неуверенности и усиления влияния контр-революции в станицах, мало помогло основному мероприятию, которое должны были провести Советские органы, реализуя основной лозунг момента — „к оружию". Мы имеем в виду ту мобилизацию, к которой с конца июля было приступлено в Екатеринодаре, а на местах еще ранее. Она скверно проходила в станицах, доказательством чего может служить, напр., приказ командующего войсками Таманского фронта т. Колышко еще от 3 июля, в котором указывалось, что „многие станицы вверенного мне района уклоняются от мобилизации" и предупреждалось — „всеми, самыми беспощадными мерами заставлю малодушных исполнить долг гражданина и не остановлюсь ни перед чем".[2]

В Екатеринодаре с мобилизацией тоже получилось „нестройно", несмотря на то, что после захвата Тихорецкой Деникиным ею ЦИК занимался очень много. Прежде всего, сразу не было дано четкой, классовой установки и не было четкой системы организации ее. В результате вопрос о мобилизации запутался, „приказы, опубликованные уже целым рядом организаций, не имевших притом даже формального права такого рода приказы издавать, весьма и весьма противоречат как основным принципам нашей социалистической революции, так и здравому смыслу",[3] т. к. мобилизовались все без исключения граждане с 20 лет. 30 июля Президиум ЦИК'а приказ о мобилизации приостановил и предложил военному комиссару дать свое заключение „с указанием, что Президиум ЦИК'а стоит на той точке зрения, что под ружье призвать нужно только трудовые массы, буржуазию же мобилизовать для исполнения черных работ". Только 5 августа был издан приказ ЦИК'а, которым призывались все трудовые граждане от 20 до 43 лет для пополнения фронтовых частей, а лица буржуазного класса берутся на учет на общих основаниях и привлекаются к общественным, тыловым работам по рытью окопов, уборке трупов и т. д. и никаким содержанием от государства не пользуются. „Вопрос о мобилизации, целую неделю висевший в воздухе и приобретавший порой самые уродливые формы, получил, наконец, свое разрешение",[4] — писала „Прикубанская Правда", наивно указывая дальше, что теперь можно будет приказ, правильный с точки зрения классового подхода, провести организованно, т. к. непосредственная опасность городу устранена, — это за полторы-то недели до сдачи Екатеринодара! Ясно, что из этой запоздалой мобилизации ничего не получилось, — она не оказала влияния на исход борьбы, который решался результатом сражений Сорокинской армии с Доброволией.

---

[1] Протокол № 26, от 30 июля Президиума ЦИК'а, п. 15.
[2] „Известия", № 88, от 26 июля.
[3] „Прикубанская Правда", № 88, от 6 августа. Передовица.
[4] Там же.

Вернемся на фронт и посмотрим, как там развивались события после сдачи Тихорецкой. Сорокинская группа, получившая приказ взять обратно Тихорецкий узел, при отходе на юг встретилась с наступавшими частями Деникина на север со стороны Сосыки и в беспорядке отступила в район Тимошевки, где и была наскоро приведена в порядок для перехода к встречному наступлению. Проявленная неустойчивость сорокинских войск определялась тем же, что и дивизии Федько под Тихорецкой, к тому же под Ростовом она была сформирована из двух частей, друг к другу относившихся не особенно дружественно — остатков украинских отрядов, отступивших сюда под натиском немцев и собственно сорокинской группы, сформированной им на Кубани,—что еще больше способствовало развитию в ней партизанских настроений.

Из-под Тимошевской армия двинулась двумя колоннами на Выселки и Кореновку, отрезала и разбила Екатеринодарскую группу противника, захватив, таким образом, инициативу в свои руки. Этот быстрый и удачный удар красных войск, совсем недавно бежавших от деникинцев в районе Сосыки, чрезвычайно показателен для условий тогдашней фронтовой войны. Снова выявлялась в условиях гражданской войны возможность головокружительных переходов от поражений к победам и наоборот. Победа Сорокина под Кореновкой лишний раз подтверждает нашу характеристику поведения Калнина и Лазаревского на знаменитом заседании ЦИК'а и наше мнение о том, что объективно красные части Сев.-Кав. Республики имели шансы и при тогдашнем положении успешно бороться с белыми, если бы имелось лучшее руководство как по военной, так и по политической линии. Этот вывод подтверждается и следующей характеристикой „умелых“ оперативных действий Добрармии, со стороны ген. Слащева, участвовавшего тогда в операциях белых в районе Ставрополя:

„Приходится поражаться тому стремлению к невероятной разброске сил и обширности почти невыполнимых задач, к которым стремился Деникин. Все время дело Добрармии висело на волоске, не было ни одной хорошо обдуманной и правильно проведенной в жизнь операции — все стремились к грандиозным проектам и строили все надежды на успех, на полной военной безграмотности красных начальников и на взаимных внутренних раздорах Совнаркомов, Совдепов и Комсостава. Стоило бы только красным помириться между собой и повести правильную политику, а в красных войсках появиться во главе их талантливому и военно-образованному человеку, чтобы все планы белой ставки рухнули, как карточный домик и дело восстановления России через Добрармию потерпело бы немедленную неудачу“.[1]

Это признание бывшего белого генерала показывает, что Деникин в этот период именно „халтурил“ в намечении своих стратегических планов в расчете на партизанщину у красных.

[1] Воспоминания Слащева. Период с 23 июля по 23 августа 1918 г., стр. 25. Сев.-Кав. Крайистпарт. Д. № 7, уч. карт. № 48.

Весть о победе под Кореновской сразу подняла настроение в Екатеринодаре на 80% и именно под ее влиянием „Прикубанская Правда“ проявила отмеченнный нами наивный оптимизм о снятии угрозы Екатеринодару в передовице о мобилизации.

Партизанщина и здесь сказалась. Сорокин, афишируя и преждевременно раздувая свою победу, послал 30 июля следующую телеграмму: —„Кореновская взята. Кадетские войска разбиты и бегут в разные стороны. Нажимайте из Екатеринодара. Взята громадная добыча, подсчет которой произвести еще нет времени“. А уже 2 августа в „Прикубанской Правде“ печатали крупными буквами: „Под Кореновской кадетам нанесено колоссальное поражение. Площадь в станице завалена трупами. Число убитых кадетов достигает трех тысяч. В числе убитых командир Добровольческой армии генерал Деникин. Начальник штаба застрелился“.[1]

Итак, быстро прояснилось небо, Деникин убит, угроза Екатеринодару миновала, Сорокин решил почить на лаврах и его призыв „нажимайте из Екатеринодара“ реализовался теперь организованно и в более медленном порядке.

В такой смене настроений и реагирования на первую победу, после унылого пессимизма, мы имеем поразительно ясную иллюстрацию того явления, о котором мы сейчас в данной работе упоминаем на каждой странице. Итак, прогноз Калнина был посрамлен и Сорокин становился в центре внимания, как единственный военный человек, который может твердой рукой вести армию к победам.

Вместо Калнина ЦИК СКР назначает главкомом Сорокина и 4-го опубликовывает об этом в следующем приказе:

„В целях объединения оперативных действий для успешной ликвидации контр-революционного движения на Северном Кавказе, ЦИК Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики в заседании своем от 3 августа с. г. постановил:

1. Главнокомандующим всеми революционными войсками Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики назначить бывшего командующего Доно-Кубанским фронтом тов. Сорокина.

2. Оперативный отдел при военном комиссариате Северо-Кавказской Республике упразднить, передать функции его главнокомандующему тов. Сорокину.

3. Всем революционным войскам, действующим на территории Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики, командирам отдельных фронтов и частей, войсковым Комитетам. Центральный Исполнительный Комитет Республики предписывает беспрекословно подчиняться и выполнять все приказы главнокомандующего войсками Республики тов. Сорокина“...[2]

Почти одновременно выпускается воззвание к армии, в котором сообщается о назначении нового Главкома:

„Геройскими усилиями нашей революционной армии подлый враг, подступивший к самому городу Екатеринодару, к столице Сев.-Кав. ССР, побит и отогнан назад“...

[1] Телеграмма от 30 июля приведена по „Известиям“ № 93, от 1 августа, а сообщение о гибели Деникина „Прикубанская Правда“ № 85, от 2 августа.

[2] „Известия“, № 97, от 6 августа.

Главнокомандующим всеми революционными войсками Сев.-Кав. ССР назначен опытный вождь революционных войск тов. Сорокин. Ему предоставлены широкие полномочия в деле организации и руководства армией.

Все армейские части должны оказывать ему безусловное подчинение и полное доверие.

Только, товарищи, при взаимном доверии всех учреждений Советской власти, командного состава и революционной армии, только при соблюдении революционного порядка и дисциплины возможна победа революции".[1]

Это назначение нового главкома, с предоставлением ему широких полномочий, конечно, шло в разрез с той линией, которую взяли еще Кубано-Черноморские власти при автономовщине, линией на усиление партийного руководства и политического влияния в армии через соответствующую систему управлени ею, чтобы предупредить повторение авантюр, которых и так было слишком много, начиная с первых дней образования здесь Советской власти.[2] Как видим, Сев.-Кав. Республика никак не могла выйти из того порочного круга засилия партизанщины, который все время местные большевики хотели разорвать одной рукой, а другой только ему способствовали в силу сложившейся обстановки. Новая фигура на посту главковерха импонировала и массам и властям больше предыдущих, ибо Сорокин действительно был способным в военном отношении, вообще крепким и решительным человеком, по заявлениям многих, кто с ним сталкивался в тот период. Его выделяли из круга красных командиров как человека, „не без дарований" и противники в лице белых генералов (в том числе и Деникин), давших в своих воспоминаниях ему лестную характеристику. Но все эти положительные качества могли легко обратиться в отрицательную величину по отношению к органам Советской власти, в случае разногласий Сорокина с ЦИК'ом. При таком обороте дела он становился еще опаснее своих предшественников, ибо, обладая решительностью и большим властолюбием, имея большую популярность в войсках и будучи в массах окружен ореолом победителя, он легко мог поднять авантюру еще большую по размеру, чем Автономов и др.

Мы уже знаем, что в прошлом Сорокин проявлял эти тенденции и именно поэтому Советское Правительство Северн. Кавказа долго не хотело назначить его главкомом. После Автономова, главкомом был известный нам Калнин, который, являясь в политическом отношении вполне надежной фигурой, был скверным военным руководителем. Сорокин, отдавая себе отчет о причинах недоверия

---

[1] „Известия", № 100, от 9 августа.

[2] Вспомните двусмысленную роль Сорокина в автономовщине. На объединенном заседании ЦИК'а Совнаркома и Чрезвычайного Штаба Обороны накануне 3-го Съезда Кубано-Черноморской Республики за резолюцию, отделявшую Сорокина от Автономова, голосовало 27 чел. против 4 и 25 воздержалось. (Ладоха, „Очерки", стр. 94).

ему со стороны ЦИК'а, все же неуклонно проводил линию на дискредитирование всех более или менее способных его сподвижников и, пользуясь действительно большим „безлюдием на таланты", создал себе рекламу на успешном проведении отдельных, коротких, но сильных операций. Мы не имеем прямых доказательств того, что Сорокин во всей операции, которая блестяще началась под Кореновской и плачевно кончилась сдачей Екатеринодара, проводил сознательную линию на то, чтобы, воспользовавшись паникой и разбродом, захватить всю власть в свои руки. Скорее, пожалуй, к будущей авантюре он подошел в значительной степени стихийно, не сумев развить успешно начавшуюся операцию, благодаря тому, что и он не смог овладеть твердым руководством слабо организованной армии. Но все же несколько странным обстоятельством, особенно для него, как умного и способного военноначальника, является факт такой „оплошности", как снятие одной дивизии с фронта, после занятия Кореновской и посылки ее в Екатеринодар, в то время, когда необходимо было сконцентрировать все силы для стремительного удара по решающему направлению. Но ясно одно, Сорокин, принимая пост главкома, стремился сразу поставить себя в самостоятельное положение по отношению к ЦИК'у, прекрасно сознавая, что на его назначение идут вследствие критического положения на фронте и отсутствия других подходящих фигур. Будучи политически малограмотным, но имея диктаторские замашки, он очевидно стремился на первое время сконцентрировать у себя всю военную власть, получив так сказать автономию от ЦИК'а Это подтверждает следующее сообщение тов. Лехно в своем воспоминании: „Сорокин давно был недоволен верхушкой нашей власти, в особенности несколькими ее работниками. Помню его категорическое заявление в момент назначения его, как командующего войсками, еще в Екатеринодаре. Ночью, прямо с фронта он приехал в Президиум ЦИК'а, вызванный для решения вопроса о дальнейшей нашей судьбе на Сев. Кавказе. Здесь остро стал вопрос о его назначении и он, когда ему предложили этот пост, диктаторски заметил, что его бойцам должна быть предоставлена полная свобода действий: „Они у меня анархисты". С этим президиум, конечно, не согласился, но одно это предложение было симптоматично".[1] Итак, способный в военном отношении, но неграмотный политически, властолюбивый, но мало внутренне дисциплинированный, Сорокин стал во главе армии в самый решительный момент.[2] Этот бывший казачий офицер (сотник) — воплощение необузданной мелко-буржуазной стихии с казацко-самостийным душком,

[1] Е. Лехно. Три эпизода. „Путь коммунизма", кн. 3-я, 1922 г., стр. 116.

[2] Между прочим, в воспоминании одного участника событий мы имеем такие строки по адресу Сорокина, которые, подтверждая факт недоверия к нему, свидетельствуют о сомнениях, имевших тогда место, и о его военных способностях: „Будучи делегатом 1-го Създа Советом Сев.-Кав. Республики в Екатеринодаре, я в кругу близких мне товарищей имел горячий спор о ходе борбы с восставшими казаками... Насколько мне помнится, никто из присутствующих (3 чел.), вы-

должен был спасти положение. Данный факт мы снова должны зафиксировать, как яркое выражение Ахиллесовой пяты революции на Сев. Кавказе. Не слабой Кубанской парторганизации и ее верхушке было обуздать и использовать военные таланты Сорокина, отбросив его дурные качества, и не Сорокину, при всех его способностях командира, было дано взять армию в ежовые рукавицы пролетарской дисциплины. Так, блестящий удар у Кореновской, передав армию в руки диктаторски настроенного „красного казака", но не большевика-пролетария, открывал новую страницу в жизни Сев.-Кавказской Республики, за которой следовали стихийно развивавшиеся события, приведшие к самой крупной и тяжелой партизанской авантюре — сорокинщине. Победа под Кореновской быстро сменилась прорывом фронта кавалерией Деникина и красные войска покатились за Екатеринодар, сдав его почти без боя 16 августа Доброволии. Недостаток снарядов и патронов только увеличивал панику отсупающих частей, которые уже не способны были драться у города, морально оправдывая себя тем, что без снарядов, мол, ничего не сделаешь. Пролетариат города был не готов к обороне, взоры всех сосредоточивались на армии. „Через город стали проходить войсковые части и обозы, но о сдаче города ничего определенного не было известно. Многие думали, что войска переходят на новые позиции и дадут последний бой под городом; в крайнем случае, отойдут от него и предпримут окружение, чтобы окончательно уничтожить противника".[1] Так описывают настроения масс очевидцы. Но действительность оказалась хуже. Новый главком Сорокин на Екатеринодарском мосту держал отступавшим войскам, над которыми он потерял руководство, речь: — „Красные солдаты! Я, ваш главком Сорокин,—плачу, остановитесь"... Но уже остановить эту лавину было невозможно. Столица Республики пала так неожиданно, что сам ЦИК еле-еле успел выбраться из Екатеринодара. Сорокинская армия отошла на левый берег Кубани. Теперь очередь была за Новороссийском. Но и здесь снова повторилась та же картина. „Падение Екатеринодара не внесло никакой тревоги в обыденную жизнь города: большинство населения было уверено, что это только временный эпизод и оправившиеся отряды красных отобьют его у белых... Спокойное состояние города продолжалось, можно сказать, до самого его занятия белыми бандами".[2] Ведь на Тамани еще оставалось на месте много красных войск. Правда, уход из Екатеринодара ставил их в тяжелое положение, ибо у таманцев достаточно было противника и в своем районе — на полу-

---

сказывая свое мнение о способах борьбы с восстающими, не одобрял действия командующего Сорокина за организацию частей без социального учета и замыкавшегося в рамки исключительно тактических действий — бесконечных цепей, легко прорываемых кавалерией, без учета других факторов гражданской войны". Восп. „Из прошлого, для характеристики отношений к Сорокину", М. Т. Давыдова. Рукопись Сев.-Кав. Крайистпарт Д. № 1, уч. кар. № 764.

[1] Сб. „За 25 лет" сост. Дмит. Архангельский. Краснодар, 1925 г., стр. 157.

[2] Там же, стр. 167.

острове восстало почти все казачество. Сорокин отдал им приказ отступить на Белореченскую через ст. Северскую, но армия на митинге в Тоннельной решила отступать через Новороссийск по Черноморскому побережью.[1] Внутреннее состояние этой армии было тоже не блестящим; она являлась в этот момент ярким примером „отрядного периода“ в строительстве Красной армии. Это была не единая армия, а объединение ряда отрядов, друг с другом мало связанных. Не будем подробно останавливаться на ее состоянии, т. к. оно достаточно ярко освещено в известных работах Батурина и Ковтюха, отметим только, что „Таманской армией“ этот сбор партизанских отрядов стал называться после оставления Новороссийска 27 августа в г. Геленджике, где на военном Совете был выбран и первый командарм, популярный боевик матрос Матвеев. Отход от Новороссийска таманцев был для города неожиданностью: „В семь часов вечера 26 августа гулкий стук копыт по опустевшим улицам возвестил вступление в город белой конницы. Эта быстрая сдача Новороссийска привела к расстрелу белыми почти всех черноморских ответработников“.[2]

Кубань, за исключением ее юго-восточной части, пала. Подходил к концу первый „Кубанский“ период существования Сев.-Кав. Республики. Итог этого периода дал первые победы Деникину на пути разгрома красных, результатом которого было окончательное падение Сев.-Кав. Республики к концу 1918 и началу 1919 года. Углубление революции, развиваясь неуклонно на протяжении лета 1918 г., было прервано победой добровольцев, сумевших использовать все печальные для красных прелести партизанщины, разъедавшей Советскую армию. Мы хотим, заканчивая освещение этого периода, еще раз вспомнить Советского публициста Кубани того времени тов. Тбилели, который написал накануне оставления Екатеринодара следующие строки в статье „Критический момент“:

[1] В количестве 16000 шт. и более 3000 сабель, при 30 орудиях после ухода из Новороссийска, по словам Батурина—„Красн. Там.“, стр. 10.

[2] В воспоминаниях одного из Новороссийских работников, т. Кузьменко, мы читаем:

...„В ночь 26 под 27 происходили аресты сторонников Советской власти и комиссаров Новороссийского Исполнительного Комитета. Из руководителей были арестованы: Лучин, Михаил Михайлович — ревельский работник, большевик, председатель Совета комиссаров Новороссийского округа, Губернский. Александр Александрович — комиссар путей сообщения и командующий по обороне Новороссийска, военный инженер, полковник, кавалер 3-х георгиев, большевик, 52 лет, Скобликов,— комиссар продовольствия, большевик, Пудан — комиссар труда, большевик, (ревельский рабочий). Болговтов — председатель Совета комиссаров г. Новороссийска (рабочий, эсер), Краут — комиссар финансов (ревельский рабочий), большевик, Матусов, — зам. комиссара финансов (кузнец жел.-дор. мастерских), большевик, Языков — комиссар юстиции (левый эсер), Серапинов — комиссар внутренних дел (ревельский рабочий), левый эсер, Добровольский — управляющий Госбанка (беспартийный), Отряблянко — комендант г. Новороссийск (беспартийный), Кадомцев - комиссар здравоохранения (большевик).

Кроме этого, были арестованы рабочие, матросы. китайцы, красногвардейцы, которых расстреливали на месте.

„Не только одна Кубанская область, но и весь Северный Кавказ в настоящее время представляет арену борьбы между двумя классами — бывшими господами при самодержавии и утратившими с прекращением монархической династии всякие привилегии, и бывшими рабами, свергшими эту династию и ставшими свободными гражданами...

...История отметит этот критический момент на золотых скрижалах, поэты будут восхвалять в своих поэмах доблесть революционных бойцов, и имя Кубанских республиканцев будет греметь по всему земному шару, где есть хоть горсточка рабочих и крестьян...

...Много мы испытали за это время и вполне оправдали слова великого мыслителя Тургенева: „Как мало прожито и как много пережито"...[1]

Не совсем политически грамотный редактор „Известий" органа ЦИК'а, очевидно сам не сознавая этого, действительно подвел черту под „имя Кубанских Республиканцев", мало проживших, но много переживших. История, отмечая этот критический момент, должна констатировать, что кубанским большевикам, руководившим революцией в казачье-иногородней области, не удалась до самого оставления столицы Республики окончательно перевести революцию на подлинно пролетарские рельсы. Захлестывавшиеся мелко-буржуазной стихией и крепко сидевшей в армии на этой базе партизанщиной, руководители и выразители классовых интересов Кубанского пролетариата очень часто, сидя у руля власти вместе с мелкобуржуазными революционерами - левыми эсерами, сами отражали эту стихию. И тов. Тбилели, вспоминавший в критический момент „великого мыслителя Тургенева", доказывает нам, что его устами говорила эта демократическая волна революции на Кубани. Пролетарское руководство, отставая от массового движения, иногда незаметно для некоторых его представителей шло на поводу у непролетарских элементов. Это то и облегчило победу контр-революции.

---

[1] „Известия" № 103, 13 августа. Вообще, когда просматриваешь газету „Известия" за все лето 1918 г., то бросается в глаза в статьях редактора и других политически бесформенный подход — цитированные нами статьи Тбилели не являются исключением. В этом отношении „Прикубанская Правда" была выдержаннее, в ней классово-пролетарская линия проводилась гораздо четче, но и там, как мы указывали, работа среди пролетариата находила очень малое освещение. Кстати укажем, что цитата „как мало прожито...", неправильно приписана Тургеневу, она принадлежит поэту унылых настроений русской интеллигенции Надсону.

ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП БОРЬБЫ.

Общая обстановка на Сев. Кавказе после оставления Екатеринодара и состояние Сорокинской армии. Пребывание ЦИК'а в Армавире. Значение прихода Таманской армии. Образование Реввоенсовета и его отношение с Сорокиным. Два оперативных плана. Борьба с партизанщиной и ошибка ЦИК'а и Р. В. С. Авантюра Сорокина. Большевистская фракция 2-го съезда и роль партийного середняка в ликвидации авантюры. Путь л. эсеров на Сев. Кавказе и вопрос о них на Чрезвычайном 2-м съезде. „Текущий момент“ на 2-й съезде и представители фронтовиков о сорокинщине. Итоговая характеристика причин и сущности сорокинщины и роль субъективных ошибок руководства. Личные мотивы Сорокина. Состояние армии по докладам с мест и линия съезда в борьбе с партизанщиной. Значение и место Чрезвычайного 2-го съезда Советов и Революционной армии в истории революции. Борьба за очищение Терека и роль его в истории Сев.-Кав. Республики. Образование Каспийско-Кавказского фронта. Результаты сорокинщины и таманцы. Положение на фронте к декабрю. Деятельность и роль С.-К. ЦИК'а. Организация ревкомов. Руководство Крайкома Р. К. П. (б) и Ставрополье в декабре Последний „мятеж“ л. эсеров 2-й Чрезвычайный Сев.-Кав. партсъезд. Последнее наступление 11-й армии и разгром ее. Астраханский путь. Роль 11-й армии в истории гражданской войны. Вопрос соотношения классовых сил на Сев. Кавказе и основная причина поражения Советов. Значение ошибок руководства в разгроме красных в 1918 году и роль партизанщины.

С уходом красных из Екатеринодара и Новороссийска большая часть Кубани переходила в руки белых и становилась центральным районом, опираясь на который, контр-революция продолжала наступление на юго-восток. Территория Республики все суживалась и к октябрю центром ее становится Минераловодский район Терской Республики. Конец августа и сентябрь были как бы переходной фазой от Кубанского к Кубано-Терскому периоду в жизни Северо-Кавказской Республики. На этом этапе и ЦИК, и Советская армия пытались, задержавшись в восточном углу Кубани и став твердой ногой в Ставрополье, превратить эту территорию в плацдарм для подготовки контр-наступления на деникинщину. Но положение, как увидим, все время складывалось так, что несмотря на ряд как будто обнадеживавших моментов в конце-концов победоносного контр-наступления не вышло. Деникин побеждал, Советы отступали.

Сорокинская армия отходила от Екатеринодара в деморализованном состоянии. Большинство частей утратило боеспособонсть и бежало, не давая отпора даже небольшому натиску белых. Красноармейцы ряда разложившихся частей текли по одиночке и группками в Терскую область и Святой Крест. Эти совершенно небоеспособные элементы вспомнили сейчас провокационные лозунги деникинских агентов об уходе с Сев. Кавказа „на Астрахань“ — белая

агитация стала давать плоды, указывая выход панически настроенным партизанам.

Армия быстро докатилась до Белореченской и Армавира. Сорокин утерял нити руководства красными войсками. В это время, по словам нач. штаба Петренко, было получено „первое письмо из Царицына, где советовалось нам бросить все и двигаться на север для соединения с северными войсками. Вскоре был получен и соответствующий приказ“.[1] Но при том разброде в армии, который имелся, думать об организованном выполнении этого приказа не приходилось. Деморализованные украинские части „сначала решили самостоятельно пробиться через Ставрополь на север, но затем выбрали более безопасный, удобный путь через Святой Крест — Дивное — Кресты и Ремонтную. Благодаря принятым мерам, часть украинцев была удержана в районе Невинномысской, а часть, под начальством Ширяева, двинулась дальше“.[2] Сорокину удалось установить связь со всеми частями, за исключением ставропольских, и ЦИК'ом, члены которого были уже в Армавире, только из Петропавловской (родной станицы главкома), где штаб задержался на несколько дней.

К концу лета положение было тяжелым не только в Сорокинской армии. Таманцы начали в это время свой знаменитый „железный поход“ к Армавиру, по побережью Черного моря через Туапсе и, следовательно, были отрезаны от Республики. В Ставрополье шла неорганизованная партизанская война, не руководившаяся единым центром.

На Тереке было несколько внутренних фронтов, в результате которых он разбился на ряд изолированных друг от друга районов— Грозненский, Владикавказский, Пятигорский, Кизлярский. Центром восстаний было знаменитое Моздокское Правительство. Тов. Шляпников, назначенный 31-го мая Центральным Совнаркомом „общим руководителем продовольственного дела на Юге России, облеченным чрезвычайными правами“ и все лето стремившийся выполнять эти функции на Сев. Кавказе, дает следующую общую характеристику обстановки, сложившейся на Кавказе к концу лета:

> „Горские народности в то время активно в борьбе с белогвардейцами не участвовали. Буржуазные элементы Чечни, Ингушетии, Осетии и Кабарды парализовали попытки беднейшей части этих народностей участвовать в борьбе за Советскую власть против казаков. Отдельные аулы продавали нам патроны и даже иногда спускались с гор против казаков, но вся их борьба в то время дальше грабежей не шла.
>
> В то время, когда чеченский народ района Гойты склонялся на сторону Советов, восточная часть Чечни и Кумыцкий район вели борьбу против наших войск, в Петровском направлении. В Грузии господствовали меньшевики и войска Антанты. Баку угрожали турки и англичане. Агенты турецкого правительства вели против Советской России усиленную агитацию, вооружали и организовали часть горцев. Таково было общее положение на Кавказе к концу лета 1918 года“...[3]

---

[1] „Путь коммунизма“ кн. I. 1922 г., стр. 116.

[2] М. Свечников „Борьба Красной армии на Северн. Кавказе“, сент. 1918 г., апр. 1919 г. Гиз.— 1926 г., стр. 22 — 23.

[3] Там же, стр. 188. Из письма Шляпникова Свечникову от 22 июня 1925 года.

'В этой характеристике имеется некоторая недооценка роли горской бедноты, которая к сентябрю выступила, хотя и не везде, активнее за Советы, чем это показалось т. Шляпникову, уехавшему в середине августа в Москву для доклада Совнаркому. Но в общем и целом, в ней дана правильная зарисовка того сложного и тяжелого для Советов переплета сил, который имелся к осени на Кавказе. Вот при каких условиях должна была начинаться работа Сев.-Кав. ЦИК'а в новом центре — Армавире, куда он прибыл в 20-х числах августа. Здесь в одном из пролетарских центров Кубани и важном железно-дорожном узле думал верховный орган, фактически не руководивший Терской Народной Республикой, сделать свою резиденцию. Но, как мы уже указывали, это не удалось. Армавир в сентябре и октябре был пунктом, вокруг которого все время шли ожесточенные бои, так как в этот район было стянуто большинство советских войск и именно сюда Деникин направил свой главный удар после захвата Екатеринодара. Три раза за этот период Армавир переходил из рук в руки и почти каждый раз это сопровождалось кровопролитными боями, причем армавирский пролетариат участвовал в них активнее екатеринодарского — даже местный союз печатников не в пример Екатеринодарскому, вписавшему разобранной выше стачкой позорную страницу в историю всего Сев.-Кав. пролетариата, был с красными и при последнем отступлении увез с собою части печатных машин. ЦИК подвергся в Армавире даже аресту со стороны деморализованных частей сорокинской армии. Однажды здание ЦИК'а было окружено каким-то красным отрядом и верховный орган в пленарном заседании был арестован. Когда стали разбираться, в чем дело, то выяснилось, что это была сбродная часть 3-й колонны, защищавшей Армавир, в составе которой были остатки украинских отрядов. Некоторые из ее частей, услышав, что у ЦИК'а есть деньги, решили их забрать себе. Командиры одного из отрядов, арестовав ЦИК, предъявили требование — немедленно выдать миллион рублей. На заявление о том, что это есть последние деньги, которые выданы быть не могут, т. к. они предназначены как для всей армии, так и для проведения работы вообще, командиры ответили распоряжением силой вскрыть кассу и деньги забрать. Проделав эту операцию, часть самовольно ушла из Армавира, а за нею стали сниматься и другие и в несколько дней почти вся колонна сосредоточилась около Невинномысской. Это были как-раз те украинские части, о которых мы упоминали выше, отмечая самовольный отход их на Святой Крест и далее. Армавир, фактически, некому было уже защищать. ЦИК же, после „операции“ над ним красных частей, перебрался в Пятигорск, выпустив следующее сообщение:

Военная, вне всякой очереди. Всем. Всем. Всем.

Центральный Исполнительный Комитет С. К. С. С. Р., после короткого пребывания в Армавире, переехал в Пятигорск.

Переезд вызван теми обстоятельствами, что планомерная органическая работа по созданию новых кадров Революционной армии, по снабжению ее всем необходимым, по управлению Краем невозможна на линии фронта, каковым

является в настоящий момент Армавир. Переезд не является следствием плохого состояния фронта, наоборот: положение фронта и, в частности, Армавира достаточно прочное. Центральный Исполнительный Комитет стоит на своем посту и будет продолжать борьбу с врагами народа до полной над ними победы“...[1]

С 10-го по 15-е сентября происходят бои у Невинномыской, закончившиеся захватом ее белыми. 16-го сентября сам Сорокин повел наступление на станицу, проявив здесь личную храбрость в атаке со своим конвоем на мост против пулеметной заставы. Невинномысская была отбита. Но расстроенные красные войска не могли уже продолжать наступление. Вместо этого они стали самовольно уходить в разные стороны. Именно к этому моменту относится уход отсюда, без всякого приказа, известного партизана Жлобы со своими частями в район Святого Креста, а затем, позже, и Царицына.[2] Затем, 18-го сентября, с фронта снимаются еще 5 полков и уходят из-под Невинномысской в сторону Минеральных Вод. Станица снова легко переходит в руки белых. В это же время падает, правда после геройской защиты небольшим матросским отрядом, и Армавир. Как видим, Сорокину не удалось свою армию быстро привести в порядок, и она, за небольшими исключениями, сражалась неустойчиво, если не сказать хуже, сдавая очень важные пункты почти без сопротивления. Создавалось впечатление, что армия рассыпается. Фактором, отсрочившим разгром Сорокинской армии, а при иных „менее партизанских условиях“ могшим не только восстановить положение, но и снова вернут инициативу в руки красных, и может быть стать исходным пунктом для успешного и длительного контр-наступления по очищению Кубани и Ставрополья от Доброволии, был приход Таманской армии из-под Туапсе и соединение ее с Сорокинской в районе Дундуковской—Курганной. Железный поход таманцев от Новороссийска через Туапсе к Белореченской и Дундуковской является одной из самых героических страниц в истории партизанского периода Красной армии. Так как он подробно освещен не только в уже указанных нами специальных работах руководителей Таманской армии, но и получил художественное описание в одном из лучших произведений нашей пролетарской литературы[3], мы здесь не будем подробно разбирать все перипетии этого доблестного и тяжелого пути. Укажем только, что 28-го августа отрядом Ковтюха был разбит десант добровольцев у Архипо-Осиповской (2000 шт. и батарея). Туапсе было занято после разгрома Грузинской дивизии у Михай-

---

[1] Из газ. „Известия Пятигор. Сов. Раб.. Кр.. Красн. и Гор. Деп.“, № 111 от 3 се́нт. 1918 г. С.-К. Истпарт. Д. № 7. Уч. к. № 375.

[2] Нужно сказать здесь, что „нет худа без добра“. Жлоба к Царицыну подошел во-время; его в это время осаждали казачьи части, по которым в тыл неожиданно ударил Жлоба и этим спас в тот момент Царицын. Но на фронте Сорокинской армии он, своим уходом подав плохой пример, конечно, ухудшил положение.

[3] Серафимович — Железный поток.

ловского перевала 1-го сентября (с трофеями — 16 орудий, 10 пулеметов и много снарядов), под Белореченской 19-го сентября колонной Ковтюха был разгромлен отряд Покровского (11000), в составе которого имелись „офицерские“ полки. После этой победы, таманцы впервые соединились с некоторыми отрядами сорокинских войск в Курганной. Нужно отметить, что части сорокинской армии должны были по плану командования таманцев соединиться с ними еще в районе Белореченской, но передовые отряды красных, стоявших у Белореченской, приняли таманцев за противника и, вступив в перестрелку с разъездами таманцев[1], отступили, взорвав в некоторых местах по дороге мосты. Штаб Сорокина имел так мало сведений и так слабо была поставлена разведка в его частях, что никто не знал о сохранении целой армии, идущей на соединение и бывшей уже близко. Между тем, в массах Сорокинской армии давно уже носились легендарные слухи о какой-то „черной армии“, которую еще называли „черная хмара“. Эта „хмара“ идет и бьет всех, — и белых, и красных.[2]

И вот, после соединения с деморализованными частями Сорокина, 1-я колонна этой „черной хмары“, под командой Ковтюха, повела наступление на Армавир, который после жестокого сопротивления — приходилось брать штурмом чуть-ли не каждый переулок города, — 21-го сентября был взят. Вновь прибывшая армия заняла линию Армавир — Михайловская — Дундуковская, имея общий состав около 32 т. шт. и 4 т. сабель. Она сразу поправила положение на фронте, прикрыв собой остальные войска, которые находились в это время „в состоянии разложения“. Укажем такой факт, иллюстрирующий тогдашнее состояние армии. Когда был дан приказ частям, занимавшим западный участок, сняться и отправиться для захвата Невинномысской, а их место должны были занять таманцы, то командиры частей отказались выполнить этот приказ. На этой почве произошли даже столкновения между вновь прибывшими частями и старыми в 5-ти верстах от передовой позиции. Только после агитации старые части выполнили приказ и Невинномысская была отбита у белых. Закрепление советских войск на линии, которую удалось занять, благодаря приходу таманцев, отразивших все попытки белых вернуть утраченный Армавир (30 сентября добровольцы силою более 10000 шт. почти окружили город и даже ворвались в него, но были отбиты таманцами), заставило противника перейти на этом участке к пассивным операциям. Создалось устойчивое положение и благоприятные условия для коренного изменения нашего положения на фронте. Перед командованием армией стал вопрос, что делать дальше? Какой выбрать план для последующих операций? Но прежде чем продолжать осве-

---

[1] Воспоминания В. С. Самсонова. Рукопись С.-К. Истпарт. № 2. Уч. кар. № 17, стр. 33.

[2] Батурин. „Красная Таманская армия“, изд. Славян. отд. Исполкома 1923 г., стр. 25.

щение последующего хода событий на фронте, мы должны будем вернуться к ЦИК'у и сорокинскому штабу, так как чрезвычайно большую, если не решающую, роль в развертывании дальнейшего хода вещей сыграли эти отношения, закончившиеся знаменитой авантюрой.

После ухода из Екатеринодара и короткого пребывания в Армавире с начала сентября ЦИК обосновался в Пятигорске. Фактически никакой, конечно, органической работы он не вел, сосредоточивая все внимание на армии. Вскоре Пятигорск стал „ставкой" и главкома. Высшая гражданская и военная власти впервые за все существование Сев.-Кав. Республики так близко находились друг к другу. И, конечно, первым вопросом, над которым должен был задуматься верховный орган Республики, являлась проблема приведения в порядок армии и обезопасивания ее от возможных „неожиданностей" Сорокина, который, конечно, и после назначения главкомом не мог вселить к себе полного доверия. Большинству ответственных работников стала ясна вся „предательская" роль партизанщины, без ликвидации которой трудно было надеяться на восстановление положения. И вот эра новогс строительства должна была открыться реорганизацией высших органов управления армией. Крайком партии и ЦИК решили взять твердую линию на „обуздание" армейской стихии. 4-го октября ЦИК'ом, с участием только что прибывших из Царицына товарищей членов ЦИК'а, было решено образовать революционный военный Совет из 5 человек, который должен был стать руководящим органом Сорокинской армии, сосредоточив в своих руках все отрасли управления и снабжения войск. Это совершенно правильное, но запоздалое мероприятие должно было перевести дело организации армии в русло регулярного строительства по образцу Красной армии всей Советской России. Как видим, только в начале октября на Сев. Кавказе приступили к реализации той линии партии в военном строительстве, которая в центре была взята еще весной 1918 года. В факте этого отставания и запоздания мы еще лишний раз видим выражение здешних особенностей развертывания революции. Партизанский период дольше всего затянулся на этой окраине России — это длительное существование пережившей себя партизанщины сыграло роковую роль.

В приказе ЦИК'а от 5-го октября за № 134 так возвещалось об изменении системы руководства армией:

„В целях наиболее успешной борьбы с контр-революцией, в целях согласования военных действий на Северном Кавказе с действиями всей остальной Российской Советской армии, Центральный Исполнительный Комитет Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики постановил: следуя примеру Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, избрать Революционный Военный Совет (Реввоенсовет) Северного Кавказа в составе члена Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета тов. Полуяна, товарища председателя ЦИК Северо-Кавказской Республики т. Крайнего, командующего войсками Северного Кавказа тов. Сорокина, командующего северо-восточным фронтом войск Северного Кавказа т. Гайченца и бывшего начальника штаба Главкома тов. Петренко.

Реввоенсовету принадлежит вся высшая военная власть на Северном Кавказе. Все его приказы и распоряжения должны исполняться точно и беспрекословно. Неисполнение приказов Реввоенсовета будет считаться неподчинением Советской власти и будет беспощадно караемо.[1]

Новый Реввоенсовет повел работу по приведению армии в порядок и внедрению в ней дисциплины.

„В первый раз удалось сделать учет личного состава армии, наладить более тесную связь с подчиненными органами. Началась политическая работа, которая после этого отступления (из-под Батайска—И. Б.) совсем заглохла. В деле снабжения удалось наладить некоторый порядок, отчетность, чего раньше не было. Авторитет Реввоенсовета был настолько значителен, что явилась возможность постепенно ввести дисциплину в войсках, подчиняя себе непокорный командный состав“—так рисует Свечников положительную роль Реввоенсовета с его первых шагов.[2] Следует заметить, что здесь дана слишком оптимистическая оценка результатов работы Р. В. С. в первые недели его существования; последующие события показали, и прежде всего сорокинщина, что взять армию в руки Р. В. С. сразу не удалось, ибо нельзя же последствия авантюры главкома взваливать исключительно на личность Сорокина. А почему Реввоенсовет, прекрасно знавший о его „доблестях“, не предупредил главкома, а в ряде мероприятий, как напр., в расстреле Матвеева, о котором мы будем говорить ниже, шел за ним? Очевидно, фетишизируя в этот момент борьбу за дисциплину, Р. В. С. пошел на расстрел Матвеева руками Сорокина, которому этим расстрелом он только давал козырь в руки. На этом факте мы видим, что не Р. В. С. подчинил себе Сорокина, а последний повел его за собой. Не было взято в руки главное звено, за которое нужно было уцепиться (Сорокин), чтобы действительно потянуть за собой всю цепь по ликвидации партизанщины. А если в мыслях и пытались за него ухватиться, то в действительности объективно помогали главкому.

Перейдем к описанию событий, которые непосредственно предшествовали предательскому выступлению Сорокина. Общую характеристику личности этого способного командира, обладавшего непомерным властолюбием и неустойчивым характером, мы уже давали. Нам известна обстановка, в которой состоялось назначение его главкомом. Непроведший ни одной успешной операции после падения Екатеринодара, если не считать отобрания у белых Невинномысской, начавший терять популярность в армии,— „его уже более не слушали и приказов больше не выполняли“— констатировал Ян Полуян, рисуя положение к октябрю — Сорокин, разлагаясь, с подозрительностью посматривал на ЦИК и на имевших популярность в армии командиров. Свою тревогу и боязнь потерять само-

---

[1] Тер. Окр. Архбюро. Книга листовок ч. I, инв. № 62. Копия хран. в С.-К. Истпарте. Д. № 2. Уч. к. № 723.

[2] Цит. ранее сочинение, стр. 25 — 26.

стоятельность и власть он заливал вином, утрачиваемый авторитет стремился восстановить парадами и смотрами, которые следовали один за другим, по переезде штаба главкома в Пятигорск. ЦИК и штаб — два органа, единство в линии и спайка в работе которых были весьма важным условием для обеспечения твердого и авторитетного руководства,—находились в скрытой, имевшей уже свою традицию, вражде и подозрительно относились друг к другу. Многие работники ЦИК'а понимали уже тогда, что это сожительство добром не кончится. Но ведь во-первых сам ЦИК вынужден был отдать военную власть с большими полномочиями в руки Сорокина в момент грозной опасности и во-вторых ЦИК после ухода из столицы Кубани был еще более беспомощным, чем накануне оставления Екатеринодара. Гражданской работы, мирного строительства, которыми он призван был руководить, фактически не было в условиях беспрерывных боев и все большего сужения советской территории, а в военном деле его ответственные представители, мало понимая, фактически были отстранены деятельностью главкома. Эта беспомощность ЦИК'а ярко выступает в воспоминании одного участника тогдашних событий, сообщающего следующий факт:[1]

„Сдача Екатеринодара и бегство наших частей к Армавиру меня начинало убеждать в том, что Сорокина необходимо контролировать. Я опасался, что он сделает попытку захватить всецело власть в свои руки, с тем, чтобы свести роль компартии в этой борьбе к нулю.

Мучимый этими подозрениями, я, состоя членом Лабинского Исполкома, по своей инициативе пошел в г. Армавире к т. Рубину, находившемуся в это время здесь со всем ЦИК'ом, чтобы высказать ему в товарищеской беседе свои опасения.

Рубина я нашел в реквизированном доме вместе с тов. Крайним, в присутствии которого у нас с ним произошел разговор на волнующую меня тему.

Полностью воспроизвести разговор не могу за давностью..., но хорошо помню фразу тов. Рубина, сказанную им в сильно возбужденном состоянии: ну, хорошо, но что же я могу поделать? — окончательно подорвавшую мою веру в Сорокина“...

Этот ответ председателя ЦИК'а вскрывает перед нами весь трагизм тогдашнего положения. Во время стоянки в Пятигорске, мысли о необходимости определенных шагов по вырывании армии из рук Сорокина бродили в умах работников ЦИК'а, но серьезной подготовки к этому не проводилось. Организация в начале октября Реввоенсовета была первым конкретным шагом по пути изоляции опасного главкома. Организовали его с опазданием, воспользовавшись приездом из Москвы через Царицын членов С.-К. ЦИК'а. Сорокин, конечно, не мог не сообразить, что значит создание Р. В. С. для реализации его диктаторских замашек. На заседании

---

[1] М. Давидов—„Из прошлого для характер. отношения к Сорокину“ (воспом.). Рукопись С.-К. Истпарт. Д. № 1. Уч. к. № 764.

ЦИК'а об организации Р. В. С. Сорокин держал себя вызывающе и упорно настаивал на том, чтобы составить Совет из преданных и слепо подчиняющихся ему людей"[1] и несогласие с ним ЦИК'а, конечно, только должно было форсировать с его стороны меры к устранению с дороги мешавших людей. И Реввоенсовет, создание которого преследовало цель подчинения армии партийному руководству вопреки стремлениям беспартийного вождя ее, с первых же шагов попал в плен Сорокинских „операций", наивно думая, что он этим внедряет строгую дисциплину в армию. Та линия, которую стал проводить Реввоенсовет и которая, бесспорно, сыграла большую роль в ускорении и временном успехе авантюры штаба, не снимает соответствующей доли вины с субъективного руководства Коллегии, руководившей тогда армией, за последующее развертывание печальных событий. Эта линия связана и с тем ошибочным отношением, в которое стал Реввоенсовет к Таманской армии и к ее вождю Матвееву, решив твердой рукой поднять авторитет нового органа и внедрить дисциплину в партизанских частях. Слишком, мы бы сказали, механический, с известной долей легкомысленности, подход обнаружили Реввоенсоветчики, решив сразу вытравить партизанщину. Здесь они роковым образом ошиблись, ибо, имея благую цель, попались на удочку проявившего неожиданную хитрость Сорокина. Шли в одну, а попали в другую дверь.

Как уже мы указали, приход Таманской армии спас положение под Армавиром. Неизвестно, в каком бы пункте произошло образование Реввоенсовета,— может быть юго-восточнее Пятигорска, если бы 21-го сентября таманцы не взяли Армавира, а 30-го не отстояли бы его геройской защитой от окружившего противника. Занятие устойчивой линии Армавир — Михайловская — Дундуковская красными войсками и переход добровольцев к пассивным операциям было делом Таманской армии, ибо состояние сорокинских войск к их приходу было таково, что они не могли выдерживать мало-мальски серьезного натиска белых. Партизанщина и самостийность были, конечно, крепки и у таманцев и у сорокинцев. Но в то время, как партизаны войск, бежавших из Екатеринодара, в течение последних полутора месяцев не выдержали ни одного серьезного боя и расползались в разные стороны, партизаны Тамани крепко спаялись за время „железного похода" в беспрерывных и успешных для них боях и имели сросшийся с частями комсостав. Спрашивается, чья „партизанщина" была опаснее? Конечно, сорокинцев, в руках которых было высшее управление армией. Здравый смысл подсказывал необходимость взятия курса на создание своей опоры в Таманской армии и линии на вышибание этим клином главного и наиболее опасного представителя партизанщины— Сорокина, с преданной ему дивизией „особого назначения", переведенной в Пятигорск для опоры против ЦИК'а и Р. В. С. Бросить силы в Таманскую армию, тесно связаться с нею, обработать ее

[1] Лехно—„Три эпизода", „Путь коммунизма", кн. 3-я, стр. 117.

комсостав для успешной изоляции Сорокинщины — вот что должен был сделать ЦИК и Р. В. С. Они поступили обратно, поплыв в хвосте Сорокина. Случилось это так. Переход белых к пассивным действиям позволял красным, сделав трезвую, нескоропалительную оценку положения, наметить новый оперативный план действий. Было выдвинуто два плана развертывания дальнейших операций. Один — наступательный, с занятием Кавказской и дальнейшим продвижением к Екатеринодару, или же в сторону соединения с войсками Царицынского направления — его выдвинуло командование Таманской армии. Другой — оборона по основной линии соприкосновения с Добpayволией (удерживать Армавир), с занятием Ставрополя и установлением от него связи с царицынскими войсками, и удар на юго-восток по направлению Прохладной — Моздок, дабы освободить путь на Владикавказ, — его предложил Сорокин.

Как видим, оба плана предусматривали необходимость соединения с Царицынскими войсками, но они расходились в основном — один предлагал держать курс на нанесение основного удара Доброволии по центральному направлению, воспользовавшись неудачами белых под Армавиром, другой намечал активные операции против Терской контр-революции и Ставрополя, оставляя в покое главное расположение Добровольческой армии, до поры-до времени. Трудно сейчас, когда на опыте проведенный план Сорокина потерпел фиаско, гадать и определенно утверждать что Матвеевский план был удачнее, а Сорокинский — стратегической ошибкой. Начало осуществления плана главкома было успешно — как увидим, был занят и Ставрополь и освобожден путь на Владикавказ. В дальнейшей катастрофе огромную роль сыграла авантюра Сорокина. Неизвестно, как развернулись бы операции, если бы армия все время имела беспрерывное руководство. Но во всяком случае, очень сильные доводы были и у Матвеева, заявлявшего: „если мы будем по необходимости отступать до Святого Креста, то нам придется поставить крест над армией, так как сзади Святого Креста калмыцкая степь и, будучи загнанными туда, мы должны будем погибнуть“.[1] Действительно, тыл армии, который должен был обеспечить снабжение ее, выглядел очень неприглядно — горы и за ними Грузия на юг и калмыцкая степь на восток. Надеяться на установление регулярной связи через степь с Царицыном было трудно. Маневренность оставалась основным принципом ведения операций в этих условиях (да и вообще, за все время гражданской войны). Стремление и умение нанести противнику решительный удар в основном направлении, использование той деникинской „халтуры“, которой он занимался в этот период по вышеприведенному свидетельству ген. Слащева — все это учитывалось планом Матвеева. Наконец, в наличии имелась сильная, крепкая, ударная группа, которая необходима для подобных операций,—Таманская армия, являвшаяся в тот момент несомненно подходящим войсковым соедине-

---

[1] Батурин.—„Таманская Красная армия“, стр. 28.

нием и по составу частей, и по их внутреннему состоянию для выполнения этой роли. План же Сорокина сдвигал эту самую боеспособную группу в сторону, ставя вместо нее в главном районе более неустойчивые части, на которые трудно было надеяться (в действительности так и получилось — после ухода таманцев под Ставрополь, белые выбили красных из Армавира). Но не будем углубляться в стратегический и тактический разбор этих двух планов. С точки зрения и военно-стратегической, и военно-политической, план командарма Таманской вовсе не был „партизанским“ и безрассудным — он имеет сильные аргументы за себя; сорокинский же, делая ставку на предварительное создание крепкой базы у армии закреплением восточной части Кубанской области, также был реален.

4 октября образовался Р. В. С., а 7-го Таманской армии был отдан от его имени приказ № 9 о начале проведения операций по плану главкома.[1] Несогласный с планом Сорокина, Федько все же подчинился приказу Р. В. С., матрос же Матвеев, только недавно дравшийся совершенно самостоятельно и впервые вошедший со своей армией в состав более крупных военных соединений, где они перестраивались на регулярных началах, поехал с докладом в Р. В. С. от имени совещания командного состава Таманской армии и 10-й колонны (Белореченское совещ.), которое было несогласно с планом Р. В. С., т. е. фактически Сорокина. В Пятигорске Матвеев был арестован и расстрелян за невыполнение боевого приказа. Мало разбиравшиеся в оперативных делах члены Реввоенсовета стали на сторону Сорокина и их именем был расстрелен Матвеев. „Реввоенсовету пришлось расстрелять командующего 2-й и 3-й колоннами Таманских войск Матвеева за отказ выполнить боевой приказ“ — так лаконически бросает замечание об этом факте Свечников в своей работе[2], иллюстрируя им завоевание авторитета в армии Р. В. С. и жесткий курс его на поднятие дисциплины. Но для нас этот факт имеет более важное значение, — он иллюстрирует и кое-что другое. Если бесспорно большинство членов Р. В. С. сделали это, полагая данным актом закрепить свой авторитет в армии, как органа, жестко проводящего намеченную линию и не допускающего митинговщины в выполнении боевых приказов, то Сорокин-то, сам третировавший ЦИК и Р. В. С. и бывший еще большим партизаном, чем Матвеев, понимал подлинную суть этого акта — с дороги должен быть убран популярный командир, который в лучшем случае для Сорокина мог помешать сохранению его самостоятельности, а в худшем — быть претендентом на его место. Этим актом на деле Сорокин только обезопасивал себя и восстанавливал наиболее боеспособные части против Р. В. С. Именно этот факт мы имели в виду, указывая выше, что Р. В. С., думая войти в одну дверь, попал в другую, подойдя механически и слишком прямолинейно

---

[1] Там же, стр. 28.
[2] Цит. соч., стр. 26.

к внедрению дисциплины. В данном конкретном случае он создавал более благоприятные условия для проведения авантюры главкома. „Впечатление, произведенное на Таманскую армию расстрелом тов. Матвеева, трудно описать. Армия в полном составе была глубоко возмущена... но дело было сделано. Наступил ужасный момент. Надо было спасать положение“...[1]—и комсоставу удалось сдержать разбушевавшиеся страсти. Армия подчинилась и этим только еще раз доказала, как неосмотрительно-печально поступили с ее вождем реввоенсоветчики, попав в сети доподлинной провокации Сорокина.[2] О том, что главком умышленно, с задними целями, добился расстрела Матвеева, в армии таманцев кричали открыто — этот акт его компрометировал. Дальше должна была наступить развязка отношений его с ЦИК'ом и Р. В. С., который стремился использовать успех нажима на Таманскую армию, все-таки выполнившую приказ, для закрепления своего влияния в армии. Так, 12 октября Р. В. С. издал следующий приказ по войскам № 6:

§ 1.

„Реввоенсовет за неисполнение боевого приказа командующим Белореченским фронтом т. Кочергиным отстраняет его от занимаемой должности и приказывает ему в недельный срок сдать отчетность финансовую и материальную в Реввоенсовет. Штаб Белореченского округа расформировывается.

§ 2.

Реввоенсовет потверждает назначение т. Зоенко начальником 10-й колонны революционных войск Сев. Кавказа.

. . . .

§ 4.

Начальник 3-й колонны революционных войск Сев. Кавказа Жлоба за неисполнение приказа высшей военной власти Республики, за преступление, самочинное, губительное для дела революции — оголение фронта, как предатель революции объявляется вне закона.

---

[1] Батурин—цит. соч., стр. 29.

[2] Вот как описывает В. Самсонов настроение в армии в связи с приказом о переброске Таманской армии в Невинномысскую: „Все рвались вперед (после первых побед таманцев. И.-Б.)... Всем хотелось возвратить потерянное. В эти дни в поражение, казалось, никто не верил. И вдруг в первой половине октября был получен приказ о том. что 10-ю колону и Таманскую армию перекидывают под Невинномысскую... Нужно сказать, что приказ произвел в частях, рвущихся вперед, угнетающее впечатление. Раздались возгласы, что нас продали белым и этого было достаточно для того, чтобы разложить части. Введенные к тому времени в частях военно-политические комиссары были бессильны бороться с настроением масс. Было очевидно, что между массами и высшим командованием постепенно росло противоречие. Штаб армии стали считать немогущим руководить операциями, предавшимся белым. Этим вскоре заразился и весь командный состав, вплоть до старшего. Комиссары также были заражены царившим общим настроением. Скрепя зубами, части медленно отошли на новые позиции“. Воспом. Рукопись. С.-К. Истпарт. Д. № 2 Уч. к. № 17, стр. 34 — 35.

Каждый честный гражданин Советской Республики при встрече с ним обязан его расстрелять без промедления.

. . . .

§ 6.

За непредставление отчетности Реввоенсовет приказывает быв. командующего внутренним фронтом Чистова арестовать и препроводить в распоряжение Революционного Военного Совета.

. . . .

§ 10.

С 11-го сего месяца по выздоровлении вступил в исполнение своих обязанностей командующий войсками Северного Кавказа т. Сорокин, о чем и объявляется по войскам.

Основание: Рапорт Комвойска т. Сорокина от 11 окт. с. г.

. . . .

§ 13.

Реввоенсовет объявляет всю бумагу, находящуюся в районе Минераловодских групп, собственностью Реввоенсовета и приказывает начальнику культ.-просвет. отдела в трехдневный срок свезти бумагу в г. Пятигорск.

§ 14.

С сего числа все денежные выдачи будут производиться только по представлении отчетности в израсходовании прежде полученных сумм. Без представления отчетности никаких денежных сумм выдаваться не будет.

Пред. Реввоенсовета Ян Полуян.

Член — Петренко.

Нач. штаба и зав. операт. отделом Одарюк.[1]

Этим приказом Реввоенсовет ударил по единомышленнику Матвеева, в отношении к оперативному плану Сорокина--Кочергину, по Жлобе, ушедшему к Царицыну. Но... и в этом приказе отражается тот трагический круг борьбы с партизанщиной, из которого Реввоенсовет не смог выбраться — с одной стороны совершенно правильная борьба с расхлябанностью, проявление жесткой и твердой руки, а с другой... заряд этот попадал как-раз в грудь. оппозиции к Сорокину среди высшего комсостава (Кочергин) и этим выстрел превращался не только в холостой, но похуже

---

[1] Тер. окр. арх. бюро. Книга листовок, ч. I. инв. № 47. Копия хран. в С.-К. Истпарте. Д. 2. Уч. к. № 723.

этого — он укреплял позицию главного препятствия на пути по выкорчевыванию партизанщины.

Как мы уже указывали, первые недели по реализации принятого оперативного плана дали успех. В конце октября таманцы овладели Ставрополем, в результате очень красивой ночной атаки белых частей, занимавших укрепления под городом. Так же успешно продвигалась „Шариатская колонна“ на Прохладную—Моздок. Но эта благоприятно складывавшаяся обстановка была взорвана изнутри событием, обезглавившим на время руководство и армией и всей советской системой Республики. Приближался взрыв так долго накапливавшегося горючего материала в процессе борьбы между ЦИК'ом и Сорокиным, в которой первый думал перейти к решительным действиям тогда, когда оказалось уже поздно. После Матвеева должна была наступить очередь и Реввоенсовета. Все таки приходится удивляться той беспечности, которую проявили в отношении Сорокина члены ЦИК'а и РВС., несмотря на то недоверие, которое они имели к нему уже давно. Ведь все-таки еще летом 1918 г. коммунисты сталкивались в штабе с такими напр. фактами: „Я сидел в штабе Сорокина“,— пишет в воспоминаниях т. Васильев, „тут никого не было, кроме Сорокина и нескольких делопроизводителей, сидевших за своими столами. Сюда вбежал адъютант Гриненко и выкрикнул: Чорт их знает, чего им надо, этим большевикам? Сорокин ему начал моргать, показывая глазами на меня. Незаметивший первое время меня, Гриненко осекся“... [1] Что и этот адъютант и все штабные представляли из себя авантюристический и большей частью эсеровски-настроенный элемент,—Рябов (брат лидера правых эсеров в Раде), Костяной, Кляшторный—об этом тоже все знали. Еще до образования РВС., с приходом в Пятигорск у Сорокина возникла мысль о триумвирате, о чем товарищу Б—ко сообщал в конце сентября приехавший с фронта в Баталпашинск член ЦИК'а и заместитель главкома Гайченец. Сорокин, в беседе с Гайченцом, заявлял, что только созданием триумвирата можно спасти революцию на Северном Кавказе. На сообщение т. Рубину об этом разговоре, последний ответил: „Нет, я в это не верю, Иван Лукич очень хороший товарищ, мы видимся с ним каждый день, мне думается, что Иван Иванович (Гайченец), выпив чего нибудь, напутал“. [2] Если даже пред. ЦИК'а дал такой ответ тогда из тактических соображений, то последующее показывает, что необходимых предупредительных мер не было предпринято.

А между тем Сорокин подготавливал и общественное мнение к последующим своим действиям. Он ведет антисемитскую агитацию,—„при каждом удобном и неудобном случае Сорокиным подчеркивалась еврейская национальность членов Реввоенсовета“. [3]

---

[1] Рукопись С.-К. Крайистпарт.
[2] Рукопись. С.-К. Истпарт.
[3] Батурин. Цит. соч., стр. 33.

В этом подходе к дискредитированию РВС сказалась мелко-буржуазная сущность казачьего офицера, являвшегося попутчиком революции. С середины октября обе стороны уже начали готовиться к изоляции друг друга, разница в этой подготовке заключалась только в том, что о своем конкретном решении Сорокин не пробалтывался, а члены РВС действовали очень неосмотрительно, больше занимаясь разговорами, чем приготовлениями. Участники событий сообщают такой факт. На состоявшемся в середине октября совещании командиров Красной армии в Пятигорске, созванном Реввоенсоветом, председатель Крайкома РКП и член РВС тов. Крайний написал записку во время выступления Сорокина одному из своих товарищей о том, что с главкомом необходимо покончить. Эта записка попала в руки нач. гарнизона Сорокина Черного и была, конечно, передана в руки самого командующего.[1] Последний, конечно, начал торопиться в свою очередь „кончить канитель“ с Реввоенсоветом. Моментом, форсировавшим выступление авантюриста, было предложение РВС слить штаб комвойска с реввоенсоветским и отказ в выдаче Сорокину денег.[2] 21-го октября, по приказу Сорокина, его адъютант Гриненко с вооруженным конвоем арестовал Рубина, Крайнего, Рожанского, Дунаевского и др. и, посадив в автомобиль, по дороге к Машуку расстрелял. В Пятигорске начался террор. Партийная организация должна была перейти в нелегальное положение.

22-го октября по городу, по войскам армии и по советской территории летели листовки:

Заговор против Советской власти в Пятигорске.

Воззвание:

К товарищам красноармейцам и гражданам Северо-Кавказской Социалистической Республики.

Обращаюсь к вам со следующим печальным фактом. 21-го октября раскрыт заговор против Советской власти, армии и трудового народа, устроенный членами Центрального Исполнительного Комитета: Рубиным, Крайним, Рожанским и Дунаевским, которые расстреляны мной, как предатели. Найденные у них при обыске документы при этом объявляю в копии, за исключением тех из них, которые по стратегическим соображениям не могут быть объявлены во всеобщее сведение, как, например, условные сигналы“...[3]

В этом же воззвании опубликовывались подложные документы, которыми Сорокин хотел оправдать перед массами совершенный им расстрел руководящей головки центральных органов изменой их

---

[1] Этот факт упоминает т. Гуменный в докладе, сделанном в Московск. землячестве Сев. Кавказа. Копия стеногр. хранится в С.-К. Крайистпарте, стр. 49. Д. № 1. Уч. к. № 274.

[2] Ладоха. „Очерки гражд. борьбы на Кубани“, 1923 г., стр. 115.

[3] Листовка, хранящаяся в С.-К. Истпарте.

революции, выразившейся в сношениях с кадетами. Воззвание заканчивалось призывом:

„Смерть всем предателям и врагам трудового народа, Советской власти и социалистической революции!

Да здравствуют наши вожди Ленин и Троцкий!

Командвойск. Сев. Кавк. и член РВС
Сорокин".

А на следующий день в газете „Известия" ЦИК'а С. К.[1] появляется статья под заголовком:

„Чудовищное преступление" (Заговор против Советской власти),

в которой публикуются показания, данные под дулом револьвера братом Крайнего и Минькова (расстрелянных Сорокиным), в которых приводятся факты сношений ЦИК'а с кадетами. Расчет Сорокина был очень прост. Он знал, что армейские массы отступление из Екатеринодара в Армавир считали результатом предательства, ибо знали, что численно Красная армия была многочисленнее противника и что при умелом и твердом руководстве дело могло повернуться совсем иначе. Налицо же было обратное. Как всегда в таких случаях, главную причину массы стараются искать в предательстве верхов. И вот, Сорокин считал, что таким освещением причин расстрела он уловит как-раз настроение масс и еще больше завоюет их на свою сторону, как раскрывший нити предательства и покаравший твердой рукой изменников. Здесь же весьма недвусмысленно он пытался играть на темных чувствах масс, подчеркивая еврейское происхождение Крайнего и др. Часть бойцов поверила этому, но Сорокин не мог провокацией восстановить свой авторитет у частей Таманской армии, в колоне Кочергина и др., которые были страшно восстановлены против него расстрелом Матвеева. Армия в огромном большинстве не пошла за ним, несмотря на то, что ЦИК в первое время очень растерялся и не знал, что ему делать. „К вечеру (21-го сентября) мы сидели на заседании. Было тоскливо. Всякий понимал, что это конец Советской власти на Северном Кавказе. Было жалко потраченной за год энергии и нервов... Лицемер Гайченец, пришедший на заседание, был пьян и нахален, заявлял, что, конечно, они сами виновны, но что он все-таки не ожидал такого конца..."[2] Но все же неразбежавшаяся часть ЦИК'а (Швец, Кереметчи, Лехно и др.) решила пока „не дразнить гусей"—она повела переговоры с Сорокиным о созыве съезда Советов. Но Сорокин, дав согласие на созыв съезда на ст. Минеральные Воды, полагал, что здесь он пройдет под его руководством и присмотром штаба и, таким образом, расстрел руководителей пройдет ему даром. На места полетела телеграмма ЦИК'а, № 200 „Военная":

[1] № 152 от 23 октября.
[2] Воспоминания Лехно. Цит. ранее, стр. 117.

„Армавир Невинномысская—Минеральные Воды—Кисловодск и всем Совдепам и всем частям, где нет телеграфа по почте нарочным. ЦИК Сев.-Кавк. Республики, принимая во внимание все тяжести переживаемого момента, на заседании своем от 22 октября, с. г. постановил: созвать 27 октября с. г. на ст. Минеральные Воды 2-й Чрезвычайный съезд Советов Революционной армии Сев.-Кавк. Края, представительство от Совета один представитель на 3.000 чел. избирателей, от армии один чел. на 1.000 красноармейцев, части, насчитывающие не менее 500 чел. один чел. с правом совещательного голоса. ЦИК. С.-К. С. Р.“ [1]

Члены ЦИК'а, сообразив в чем дело, тайно от Сорокина выехали в Невинномысскую, надеясь там, у фронта, собрать съезд, который смог бы работать не под дулом сорокинского револьвера. Так и произошло. На армейской периферии Армавир — Невинномысская отдельные работники уже вели агитацию против Сорокина, поняв сразу всю соль происшедшего переворота. Так, нач. штаба Таманской армии тов. Батурин 25-го октября получил следующую записку от политкома Аскурова:

„Тов. Батурин, убедительно Вас прошу сегодня, 25 октября 1918 г. в 4 часа вечера, во что бы то ни стало прибыть в Армавир на весьма важное совещание, где будут командующие, начальники колонн. Прошу не опаздывать, ибо совещание имеет решающее значение для нашей Красной армии и Республики. Я сегодня приехал из Минеральных Вод“. [2]

Как видим, ком. и политсостав армии решил принять быстрые меры, чтобы не дать Сорокину успешно развертывать авантюру. Что решило это совещание и состоялось ли оно, нам неизвестно, так как никаких документов о нем не имеется. Но призыв созыва экстренного съезда в Невинномысской был брошен отсюда прибывшими членами ЦИК'а.

Что ряд армейских частей был действительно введен в заблуждение воззванием Сорокина, показывает такой факт: когда в Невинномысской еще до приезда членов ЦИК'а некоторыми работниками была начата агитация в частях о том, что Сорокин предатель, то одного из них (т. Пузырева) красноармейцы, окружив, чуть не избили и хотели было, арестовав, направить в Пятигорск, в распоряжение штаба. Большинство комсостава армии не поддержало авантюры; в частности, кавалерийская группа Кочергина, находившегося в опале у Сорокина, за сочувствие матвеевскому плану, форсированным маршем прибыла в Невинномысскую для охраны созывавшегося съезда, по вызову членов ЦИК'а. Эта группа пришла в станицу раньше прибытия самого главкома, который опоздал приехать в центр лихорадочно развернувшейся работы против него. Эта оплошность Сорокина, очевидно не рассчитавшего степени своего „влияния“ в войсках, и потеря им темпа в доведении до конца

---

[1] Копия телеграммы Советам Святокрестовского уезда, в которой передавалась телеграмма ЦИК'а. С.-К. Истпарт. Д. № 6. Уч. к. № 95—Д.

[2] Батурин. „История Таманской армии“, стр. 34. (Батурин на совещание не поехал.)

первого акта начавшейся авантюры, решили его участь.[1] Чрезвычайный съезд успел собраться и открыться 28-го октября, но не под его охраной, а в окружении войск, настроенных против авантюриста. Сохранившаяся протокольная запись этого съезда,[2] составленная небрежно, наспех и поэтому, конечно, неполная, все же дает очень интересный материал для характеристики положения, создавшегося в армии в этот грозный момент, и показывает, что все же выступление Сорокина могло бы быть предупреждено, если бы имелось более твердое руководство ЦИК'а и РВС., слишком очевидно переоценившего популярность Сорокина в армии в этот период и не смогшего использовать имевшихся налицо условий для своевременного его отстранения.

27-го состоялось заседание большевистской фракции съезда, которая предварила его работу и решения по вопросу о Сорокине. Заседание было фактически открытое и поэтому на нем присутствовали и беспартийные делегаты, которые беспрерывно прибывали на съезд. Единственным вопросом, которым фракция долго занималась, было решение об отношении к Сорокину. Открытая под звуки похоронного марша в память расстрелянных руководителей ЦИК'а и Крайкома, фракция сразу заняла твердую позицию и решила послать телеграмму об аресте Сорокина и его штаба и доставлении их в распоряжение съезда.[3]

После заслушания речей и внеочередного оглашения телеграммы об убийстве сорокинской кликой пред. Чрезвыч. следственной комиссии т. Власова, был оглашен и санкционирован следующий приказ ЦИК'а № 181, разосланный 27-го же, в порядке военно-срочном:

---

[1] Лехно в цитированном уже нами воспоминании пишет: ... „Оказалось, что мы поступили правильно, так как Сорокин. узнав о созыве съезда, очевидно почувствовал, что его не похвалят за убийство наших т.т., послал за нами вдогонку своих сторонников, но не успел. Мы сагитировали войска и уже через день после нас приехавший в Невинку сорокинский председатель ЧК Маркарьянц, вместо убитого т. Власова, был нами арестован и сейчас же расстрелян" (стр. 118).

[2] Копия с прот. записи хран. в Сев.-Кавк. Испарте. Д. № 7. Уч. к. № 24 и 40 стр.

[3] Вот текст этой телеграммы:

„Военная срочная.

Из Невинки. Всем, всем Революционным войскам, Совдепам и гражданам.

Приказ.

2-й Чрезвычайный Съезд Советов Северного Кавказа и представителей революционной Красной армии бывшего главкома Сорокина и его штаб: Богданова, Гайченца, Черного. Гриненко, Рябово, Щербина, Троцевского. Масловича, Пихтерева и командира черкесского полка Котова объявляет вне закона и приказывает немедленно арестовать и доставить в Невинномысскую для гласного народного суда. Почте и телеграфу не выполнять никаких приказов Сорокина и лиц, здесь поименованных. Второй Чрезвычайный Съезд Советов Сев. Кавказа".

После этой телеграммы был издан и соответствующий приказ РВС., № 10, подписанный Одарюком, призывавший армию „исполнять приказания только Чрезвычайного съезда Советов". Копия хранится в С.-К. Истпарте. Д. № 2 Уч. к. № 723.

Приказ № 181.

„Всем Исполкомам, Совдепам, от Кисловодска до Армавира, Ессентуки, Железноводска, Георгиевска, Святого Креста, ставропольскому Губисполкому, штабу Революционных войск, комендантам, всем борцам рабоче-крестьянской Революционной Красной армии Северного Кавказа, всем, всем:

Съезд объявляет бывшего командующего Сорокина вне закона, как изменника и предателя Советской власти и революции, поэтому ЦИК предписывает все приказы и распоряжения Сорокина не исполнять и считать их недействительными, лица, не исполняющие этого приказа, будут считаться изменниками Советской власти и будут предаваться военно-революционному суду, вплоть до расстрела.

Съезд назначает на место Сорокина временно Главнокомандующим Революционными войсками Сев. Кавказа тов. Федько, которому предписывается ЦИК'ом немедленно вступить в свои обязанности сего 27 октября. Все приказы, издаваемые по революционным войскам от Реввоенсовета, исполнять, проводить в жизнь только за подписью следующих членов: Пред. Реввоенсовета тов. Полуяна и Главкома т. Федько. ЦИК в своем составе 26 октября выехал в станицу Невинномысскую на время проведения съезда Советов Северного Кавказа с представителями революционных войск, не нарушая правильного хода своих работ, и будет пребывать до окончания съезда".

Наметив состав Президиума, повестку дня и открытие съезда на 28 октября, фракция закрылась.

Для нас очень важно отметить не только самый факт созыва фракции в такой лихорадочной обстановке, но и характер ее работы, как момент, который показывает, что оставшиеся члены ЦИК'а и партийный середняк с периферии сумели в это время взять быстро инициативу в свои руки и отдать срочное распоряжение на места против Сорокина от имени съезда, еще не открывшегося. Действительно и телеграмма, и приказ ЦИК'а об отстранении и аресте Сорокина, санкционированные только большевистской фракцией, давали директиву „всем, всем" от имени съезда. Такая спешка, формальная подмена съезда и фактическое предопределение его решения о Сорокине, проделанные в тогдашней грозной обстановке, несомненно должны быть зачтены нами в актив коммунистической фракции съезда. Такой формально-диктаторский прием был первым прецедентом в работе съездов Советов на Сев. Кавказе, всегда проходивших в более или менее острой фракционной борьбе с меньшевиками, прав. эсерами (особенно на Тереке) и с левыми эсерами и, бесспорно, не только оправдывался сложившейся обстановкой, но был единственно правильным шагом. В противовес попытке установления единоличной военной диктатуры партия должна была быстро выдвинуть решительные и жесткие меры пролетарской диктатуры, осуществляемые ею, и предупредить возможные выступления на съезде за Сорокина или примиренческие к нему позиции, вроде тех, которые мы встречали на 4-м съезде народов Терека во Владикавказе, когда шла борьба с бичераховским правительством. Открывшийся при 400-х с лишним делегатах, съезд закрылся при 477, из которых было 280 коммунистов, 50 народников-коммунистов (отколовшаяся от своей партии группа бывших левых эсеров), 18 левых эсеров и 131 беспартийных. При наличии большинства коммунистов съезд все же имел более трети в своем составе беспартийных и, конечно, опасения за их поведение могли

быть, особенно если учесть, что на этом съезде огромную роль должны были сыграть представители армии, в которой, конечно, имелись сторонники Сорокина. При таких условиях решения фракции (к тому же не могшей 27-го иметь точное представление о лице собирающегося съезда) были революционно-целесообразны и необходимы для создания твердого пролетарского руководства съездом и своевременного предотвращения возможных попыток со стороны сорокинцев по воздействию на него. Факт остановки поезда главкома в Курсавке по пути движения его в Невинномысскую на съезд, при получении известий о решениях фракции, наличии кавгруппы Кочергина в станице и направлении Сорокина со своим штабом из Курсавки в Ставрополь, показывает все значение быстрых решений большевистской фракции.

Как же развернулась работа 2-го Чрезвычайного Съезда Советов и Революционной Армии, собравшегося наспех и открывшего свою работу 28-го октября в 13 часов дня? После выборов Президиума,[1] почтения памяти погибших от руки Сорокина вставанием и выборов почетного Президиума (куда были введены Ленин, Троцкий, Луначарский, К. Либкнехт, Фридрих Адлер и представители армий—т.т. Федько, Кочергин, Ковтюх и Полуян) полился поток приветствий с „проклятием" Сорокину от всех организаций и частей Красной армии (все-таки надо указать, что на этот раз было всего 12 приветствий, в то время, как раньше обычно насчитывалось до 30—40), из которых стоит отметить тон первых выступлений от армии и партии народников-коммунистов. Тов. Кислов приветствовал от окопников Армавирского фронта, которые „жаждали созыва этого съезда... С прискорбием вспоминаем теперь, что мы выполняли приказы предателя Сорокина и к чему это повело" — указывал он. Представитель от 1-го Петропавловского военно-революционного полка заявлял: „Мы надеемся, что со дня заседания съезда будут уничтожены все личные счеты, вздоры и распри" (о Сорокине не упоминал). Выступавший от вновь созданной партии народников-коммунистов т. Донченко заострял внимание на борьбе с международным империализмом: „Мы должны бороться не только с внутренним, но и с внешним империализмом" — как бы отдавая этим дань лево-эсеровским настроениям, все время выпячивавшим внешнюю опасность больше, чем российскую контр-революцию. В регламенте докладчикам было дано неограниченное время. Принимается повестка дня: 1) о левых эсерах, 2) текущий момент, 3) выборы ЦИК'а. В середине съезда, после текущего момента, был вставлен еще один вопрос по просьбе представителей армии: „Доклады с мест товарищей фронтовиков". Как увидим дальше, съезд фактически исключительно занимался армией,

[1] От б-ков—председатель съезда Борисенко, тов. председателя Гришин, Швец, Жиров, Подвойский (председатель Армейского Комитета) и Дятлов и от народников-коммунистов секретарь Лехно. В начале съезда из членов РВС никого не было, беспартийных в Президиум не ввели. Крайком РКП фактически распался и роли в созыве съезда не сыграл.

делегатов от которой было больше всего — это и естественно в тогдашней обстановке.

Читатель спросит, почему же первым вопросом был поставлен пункт „о левых эсерах"? Неужели это был самый актуальный вопрос?—Как будто, нет. Фракция большевиков даже не хотела ставить этого вопроса на обсуждение съезда, но он был вставлен „массой" при утверждении повестки дня на пленуме. Спрашивается, в какой же плоскости мог этот вопрос стоять на съезде, ведь еще в июле, после мятежа л. эсеров в Москве, эта партия перестала быть (по всей стране) советской? Оказывается, вопрос шел о том, считать или нет фракцию левых эсеров допустимой на съезде после решения 5-го Всероссийского съезда Советов о контр-революционности левых эсеров. И прения развернулись именно по этому вопросу между большевиками, не хотевшими теперь и ставить этого вопроса, и л. эсерами и частью беспартийных делегатов из армейцев, еще не понявших контр-революционной роли левых эсеров. Мы видим, что в самом начале съезда была попытка со стороны левых эсеров вернуть себе легальное положение советской партии, что еще раз подчеркивает перед нами одну из особенностей развития революции на Северном Кавказе — здесь дольше, чем где-нибудь, левые эсеры работали в качестве советской партии. Однако, прежде чем осветить ход прений и решение по этому вопросу, мы должны будем сделать небольшой экскурс в прошлое деятельности левых эсеров на Кубани и в Ставрополье, чтобы лучше понять происходившее на съезде.

Мы помним, что на 1-м Северо-Кавказском съезде Советов (начало июля) фракция левых эсеров была довольно сильно представлена,— больше трети состава съезда. Хотя она тогда подняла дискуссию по вопросу о Брестском мире и выступила, как партия советской опозиции, но в ЦИК все же была введена значительная группа левых эсеров (29 чел. из 74). Далее, в Ставрополе, как мы сообщали в соответствующей главе данной работы, после отстранения „правых" большевиков, у власти оказались левые эсеры в блоке с „левыми" большевиками, и именно они старались играть первую скрипку, что было одной из причин „мирной" сдачи Ставрополя добровольцам в июле.

Таким образом, и после образования Северо-Кавказской Республики левые эсеры остались в блоке с большевиками. Как это случилось? Ведь лево-эсеровский мятеж произошел в Москве как-раз в период работы 1-го Северо-Кавказского съезда и он там прервал работу 5-го Всероссийского съезда Советов. Неужели северокавказские большевики ничего не предприняли тогда против местных левых эсеров в связи с выступлением их партии в Москве? Нет, меры были предприняты. Большевистская фракция 1-го Северо-Кавказского съезда 8-го июля потребовала от левых эсеров отмежевания от политики их центральных органов и подчинения их всем решениям Всероссийского и Северо-Кавказского съездов. В тот же день, поздно вечером, на пленуме съезда, после очень

продолжительных ночных прений, большинство левых эсеров приняло требования большевиков и блок был сохранен. Но после съезда скоро часть левых эсеров во главе с Балисом ушла от работы, другая же, как, например, Лехно, Озеров, продолжала работать вплоть до переезда в Пятигорск, оставаясь левыми эсерами. Но процесс размежевания, начавшийся внутри левых эсеров еще после потопления Черноморского флота, продолжавшийся во время 1-го съезда, на котором левые эсеры еще стремились занять положение руководящей партии, пошел после съезда быстрее, хотя они и приняли на съезде требования большевиков. Отход определенной части их, во главе с лидером Балисом, от работы знаменовал фактически начало раскола. В основе его, конечно, лежала та перегруппировка в соотношении социальных сил, которая происходила летом и означала переход революции в новую фазу. Попутчики пролетарской революции, выразители той струи в демократической волне, которая пыталась остановить и стабилизировать революцию на первом этапе и занять позицию не союзника пролетариата, принимающего его руководство, а гегемона движения (как на время им удалось в Ставрополье), левые эсеры стали расщепляться, переходя или к контр-революции, или в позу нейтралитета, или к большевикам, но с зигзагами и с привнесением остатков своей мелко-буржуазной идеологии и природы в пролетарскую партию. Только в Пятигорске осенью, незадолго до авантюры Сорокина, левые эсеры окончательно раскололись и выделили из себя „нео-левых эсеров", под названием партии народников-коммунистов, которая, стремясь работать „в мире" и под руководством большевиков, все же никак не хотела порвать со своей особой, „отличной" от большевиков, ролью. „Народники-коммунисты" — это последняя переходная стадия на пути окончательного влития этой части левых эсеров в коммунистическую партию. Но тот факт, что даже и эта, наиболее революционная, часть левых эсеров с такими „особыми" путями и так долго отчаливала от своей партии, еще раз показывает нам большую почвенность левых эсеров на Северном Кавказе, по сравнению с другими районами, и наличие здесь гораздо более сильного, мелко-буржуазного влияния на большевиков, чем это было в центре. Данный факт должен быть, несомненно, еще раз учтен нами при анализе политики Советов, не всегда бывшей четко пролетарской.

После такого, самого краткого, обзора продолжим разбор работы съезда. Теперь нам ясно, почему обсуждение о левых эсерах смогло стать на первый пункт повестки дня Не вся масса, особенно в армии, уже уяснила себе новую контр-революционную роль левых эсеров,—слишком долго они здесь задержались у власти. И даже после выделения из них новой советской партии „народников-коммунистов" левые эсеры открыто пришли на съезд в конце октября в количестве 18 человек и требовали признания себя легальной фракцией. Это был последний бой их с большевиками за использование легальной возможности для ведения своей несоветской

работы. Но больших прений им вырвать не удалось, так как большевики выступили со своей линией твердо, хотя в протокольной записи мы встречаем несколько выступлений, примиренчески настроенных к левым эсерам и недоумевавших в чем дело (от солдатской массы). Несмотря на то, что тов. Дятлов в самом начале прений заявил —„фракция большевиков постановила, что ни один левый эсер не может войти в ЦИК, фракция левых эсеров на съезде не признается и давать им право участия в Президиуме мы не намерены“,— было выступление большевика Керемечи (члена ЦИК'а), в котором сообщалось —„я заявляю, что было постановление Краевого Комитета партии большевиков-коммунистов, т. е. тех товарищей, которых память мы чтим — т.т. Рубина, Крайнего, которые считали, что персонально отдельные левые эсеры могут быть допущены к советской работе. Отстраняется из Советов только партия левых эсеров в целом. Все остальные большевики выступали твердо, без „нюансов“. Слово для заявления от имени Краевого Комитета левых эсеров не было дано. Но мы имеем одно яркое выступление красноармейца т. Иванцова (левого эсера): „Я, как фронтовик 1-го Таганрогского революционного полка, стою только за то, чтобы в армии было объединение... Там, на фронте, мы почти отрезаны от всего. Нам не всегда бывает время тонко разбираться во всех политических происшествиях... Мы, как левые эсеры, работаем на фронте честно... Неужели же мы теперь должны отвечать за то, что произошло где-то там, в центре? Мы, передовая партия, работавшая с 70-х г.г... Теперь нам заявляют, что наша партия должна умереть... Значит ли это, что мы должны переменить маску? Но ведь не вывеска делает дело, а человек... Для меня это имя партии левых эсеров слишком дорого, и надевать маску... как другие — я не стану... Я обращаюсь теперь к вам, дорогие товарищи-фронтовики... чтобы этого не было, чтобы нас не заставляли отрекаться от своего имени“... На вопрос с места, признает ли он постановление центральной власти, Иванцов ответил:—„Где это постановление? Дайте мне его, тогда я отвечу на ваш вопрос“. Эта фигура очень колоритна в определенном смысле. Иванцов выступал типично для той части „стихийных“ революционеров, у которых партийность, дисциплина и пр. были не на первом месте. Личное сознание и уверенность в своей революционности покрывали все. Какое ему дело до центральных органов его партии? — он за них не отвечает.

Эта речь—классический случай, в котором вскрывалась вся суть индивидуалистической мелко-буржуазной революционности: зачем мне отказываться от звания „левый эсер“, когда я сам этого звания ничем не запятнал, хотя большинство партии и проделало то, с чем я не согласен.

Партия, никогда не отличавшаяся дисциплиной и организационной крепостью, рассыпалась и здесь, но с гораздо большей затяжкой, чем в центре. После речи Иванцова съезд постановил:

„Прения по вопросу о левых эсерах прекратить, вопрос о левых эсерах дальше не разбирать, так как Центральная власть считает несуществующей партию левых эсеров“.[1]

Таково финальное решение съезда по вопросу о сожительстве левых эсеров с большевиками, так долго затянувшемся на Северном Кавказе. Но левые эсеры еще не сошли после этого решения со сцены, как активная политическая сила. Мы еще встретимся с их попыткой организации в ноябре Советской власти без большевиков в Ставрополье.

По текущему моменту и как бы дополнением к нему, стихийно всплывавшему уже во время работы — докладам с мест фронтовиков—съезд обсуждал основной вопрос, ради которого он был созван в чрезвычайном порядке — вопрос о причинах и оценке сорокинщины и мероприятиях по ликвидаци последствий ее. Доклад по текущему моменту внимание съезда пытался сосредоточить на вопросах международного положения. Запись этого доклада свидетельствует, что он был очень типичным для знаменитых докладов по текущему моменту, которые бесконечное количество раз делались тогда по определенному трафарету и всегда с подъемом. Его делал тов. Гришин, кубанский крестьянин, ставший большевиком во время революции —„простите мне, серому мужику, что я беру слово, чтобы осветить перед вами текущий момент. Это мне поручено ЦИК‘ом“. Когда просматриваешь запись этого доклада,[2] то становится особенно ясна картина, создавшаяся наверху Республики в результате расстрела: политические руководители были в могиле или (из живых) разбежались и еще не прибыли на съезд, и ведущую роль на нем играл партийный середняк из Советов и армии. К чести его нужно сказать, что он не растерялся, а, как мы видели, взял твердую и правильную линию. Но вернемся к докладу. Он, конечно, начинался с империалистической войны и пытался дать очерк развертывания революции и роли в ней партии большевиков. Интересно привести из этой исторической экскурсии такие, весьма колоритные, приемы тогдашнего агитатора из середняков: „В марте приехал из-за границы тов. Ленин и первый ткнул пальцем в святая-святых буржуазии и сказал: „надо арестовать несколько буржуазных акул, надо национализировать банки“,—или при переходе к анализу коалиционного периода оратор бросил такой образ: „тогда взялся за дело Ленин и сказал, что в колесницу надо запрячь четырех лебедей... Это – крестьянин, пролетарий, солдат и казак. И когда они запряглись, то колесница помчалась полным ходом ко всем тем декретам, которые мы читали“. Что хотите, но от этих цитат веет тем громадным подъемом крестьянских масс в революции на Северном Кавказе, который смёл здесь старое, но, очутившись в бою, не только перед местной, а и всероссийской

---

[1] Копия прот. записи. стр. 11. Эту неудачную формулировку нужно понимать так: т. к. Центральная власть не признает легального существования партии левых эсеров

[2] Там же, стр. 12 — 15.

контр-революцией и западно-европейским империализмом, должен был отступить, захлебнувшись в своей собственной стихии, оказавшись без твердого и достаточно мощного пролетарского организующего костяка. Фигура „серого мужика“, ставшего большевиком и руководителем трудного продовольственного дела, делающего ответственный политический доклад „по простому“ перед хозяином Республики, так как его вождей убили авантюристы, поднявшиеся на той же волне революции,—это прекрасный символ той струи „мужицкой“ революции, которая пошла до конца за Советами, ибо, как говорил Гришин, заканчивая свой доклад,—„мы верим, что останемся победителями, потому что революция эта исходит не от отдельных личностей, а выдвигается самой жизнью“... По адресу Сорокина и его штаба докладчик заканчивает такой мыслью: „мы сумеем поймать их, и когда соберем материалы, они будут отвечать за свое предательство“,—здесь характерно выявилось стремление сохранить „отмщение предателям“ на высоте, как мы бы теперь сказали, революционной законности.

Конечно, по текущему моменту должен был обязательно выступить и представитель „нео-левых эсеров“—народников-коммунистов и модернизировать речи левых эсеров на предыдущих съездах. Еще не выветрившееся эсерство должно было сказаться сейчас не в воскресении старых споров о войне и мире, а в особом подходе к трактовке темы—итоги русской революции за год и мировая революция (съезд проходил накануне первой годовщины Октябрьской революции). „Насколько мы ниже по культуре, настолько ушли вперед по революционной борьбе. Вот что значит, что вынослив русский народ, о котором еще Бисмарк говорил, что русский народ долго запрягает, но быстро едет. Мы уехали очень далеко от тех, которые гнушались нами, считая себя покорителями мира“[1]—резал в агитационном пылу тов Донченко, незаметно съехав на националистический душок при противопоставлении свойств народов друг другу. Конечно, большевики, присутствовавшие на съезде, этого не заметили и речь „народника“ шла в ряде других речей, но сейчас, воспроизводя по сухим документам атмосферу и тон съезда, мы отмечаем: а все-таки не случайно Донченко, прежде чем стать большевиком, должен был пройти еще стадию „народников-коммунистов“. Трудно было левым эсерам быстро отрешиться от своей „революционной“ партии и сжечь старый партийный корабль! Но от этих речей „партийных ораторов в мировом масштабе“ представители фронта постарались перевести прения на краевой масштаб и затронуть вопросы, которые стояли актуальной задачей дня.

Первый оратор из фронтовиков т. Винников постарался напомнить о настроениях армии, еще не изжившей партизанщины. „В словах т.т. докладчиков я не услышал того, что я хотел знать. Мне вспоминается то время, 22-го июля, когда мы отходили от

---

[1] Там же, стр. 18.

Екатеринодара.[1] Тогда все время шли разговоры среди бойцов: куда мы идем, по чьему приказу? Мы им отвечали: это не может быть выяснено, это дело высшего командного состава. Теперь, когда мы услышали об авантюре Сорокина, то т.т. сказали: ага, теперь мы понимаем, кто был виновником всех наших поражений... Мы желали бы выслушать отчет о своей деятельности ЦИК'а, Реввоенсовета и главнокомандующего. Если этого не будет, вернувшись со съезда, я смогу сказать, что нас оповестили только о международном положении. Мы хотели бы, чтобы нам обрисовали, какие были ошибки в прошлом"...[2]

Как видим, от частей речь была с определенным запросом — „расскажите, как это случилось?"

Эта нота уже свидетельствует о таких настроениях среди армейских масс, которые говорили об их сомнении в отсутствии ошибок со стороны ЦИК'а и Р. В. С., допустивших Сорокина до такого „путча": „Сорокин делал свои дела так обширно, так ловко, что я поражаюсь, как будто над ним никого не было. Наше дело, т.т. фронтовики, все это усмотреть, а мы абсолютно ни о чем не осведомлены".

И еще интересен такой вывод, сделанный оратором, обуреваемым сомнениями по адресу расстрелянной верхушки ЦИК'а — „Я обращаюсь также к товарищам-бойцам и прошу: быть может, у вас есть какой-нибудь командир, который вам не нравится, действия которого возбуждают у вас сомнения, то скажите, и мы обсудим"...

Мы дали подробные цитаты из этой речи потому, что она задала тон последующим прениям и свела их, с одной стороны, к оправдывавшим ЦИК доводам, и с другой — к разбору тех болезней внутреннего состояния армии, которые теперь большинство представителей с мест пыталось объяснить предательством или слабой деятельностью руководящих органов. И, конечно, здесь должны были прорваться сохранившиеся партизанские настроения, с которыми Р. В. С. начал бороться руками Сорокина и этим привел эту борьбу к такому пока-что трагическому концу. Вопрос о том, предатель или нет Сорокин, вопрос уже никем не ставился,— он был ясен для всех. Внимание сосредоточивалось на причинах этой авантюры и тех итогов ее, которые должны были быть учтены на будущее. Мы, конечно, должны учесть стремление объяснить все поражения сознательной политикой Сорокина, как некоторое преувеличение, естественное для участников тогдашних событий, не изживших у себя партизанских настроений. И при учете этого все же нужно констатировать, что речи дают много материала, подтверждающего заключение, сделанное выше—ЦИК чрезмерно был мягок с Сорокиным, даже, как будто, боялся его, в то время, когда в армии могли быть использованы развивавшиеся против него настроения после сдачи Екатеринодара.

---

[1] Ошибка — от Екатеринодара отходили после 16-го августа.
[2] Там же, стр. 19.

Вот наиболее яркие цитаты из речей фронтовиков.

Тов. Минаков (представитель 1-й боевой колонны).

—„Со дня создания Кубано-Черноморской Республики я был членом ЦИК. Когда командующий был Калнин, контр-революция на Кубани мало проявлялась, она уже почти истекла. Но когда стали проводиться в жизнь приказы, исходящие из центра, то пошло брожение между казаками. А тут была еще та беда, что в штабе оказались люди противного ЦИК'у направления. И вот, когда возник вопрос с Автономовым, то линия поведения уже пошатнулась. Сорокин — приспешник Автономова, имел в виду свалить Калнина...

Турецкий и Озеров[1] усиленно работали, целый месяц делали укрепления Екатеринодара, но дальше Екатеринодара ничего не видели. После падения Екатеринодара ЦИК совершенно растерялся. До ст. Энем следовали в одиночном порядке, кто с корзиной, кто с коробкой. Там был штаб Сорокина. Вы знаете, сколько надо было усилий, чтобы пройти к Сорокину,— надо было пройти через 77 адъютантов. Сорокин ничего знать не хотел, музыка играла у него по целым дням, шло веселье, разгул.. Но ЦИК всецело доверился Сорокину. Когда кое-как прибыли на Белореченскую,— там решили избрать командующего. Избрали Кочергина командующим Белореченским округом.

Кадеты напирали на Майкоп со стороны Энема, на Белореченскую. Много потребовалось работы, чтобы привести части войск в порядок. Между тем, Сорокин перенес свой штаб в Петропавскую и отдал приказ об эвакуации Майкопского отдела. Это был тяжелый удар... Когда представители Майкопского отдела явились к Сорокину и просили распоряжений, что и как эвакуировать,—он погнал их в шею. Я был в ЦИК'е, спрашивал Рубина и Крайнего, что нам делать, и получил ответ: „раз приказано эвакуироваться,— исполняйте". И пошли каждый день отступления, своевременно не приходилось эвакуировать имущество,— все оставалось на произвол, благодаря нераспорядительности Сорокина, который отдавал приказы эвакуироваться в один день, чуть ли не в один час... Когда мы соединились и созвали съезд в Дундуковской (с Таманской армией—И. Б.) — мы требовали общеармейского съезда, чтобы открыть всю правду. Но Сорокин арестовал наших представителей, не допустил съезда и всех нас объявил вне закона...[2]

---

[1] Военные комиссары.

[2] Т. Кочергин в своем воспоминании подтверждает этот факт: ...„Военный комиссар Аскурава собрал совещание, на которое были приглашены команд. и политсостав Таманской армии"; на этом совещании был подвергнут критике план Сорокина, разобранный нами в тексте. Посланный к Сорокину для информации о совещании нач. штаба Белореченского округа т. Божев был арестован, а Кочергин „объявлен телеграммой вне закона". Поехавший для объяснений в штаб Сорокина Кочергин был посажен в подвал, но ночью освобожден предЧК Власовым Между прочим, Кочергиным приводится следующий эпизод из разговора его с тов. Крайним после освобождения: „Крайний... спросил, какого я мнения о Сорокине. Я ответил, что скажу ему, как члену партии, что Сорокин авантюрист и его не-

Когда мы послали к Сорокину делегатов просить обмундирование и снаряжение, то Сорокин делегатов арестовывал или гнал. Вот что представляла из себя 40-тысячная армия. А у него музыка и пьянство. Когда приехал к Сорокину весь командный состав Таманской армии 1-й колонны, нам отказали в приеме под предлогом, что Сорокин болен, но на следующий вечер он поехал в театр"...

Тов. Андреев.—„Я удивляюсь, как таким предателям доверяли. Он ничего для армии не сделал. Таманская армия совершала трагический переход, питаясь одной кукурузой, ее вывели т.т. Ковтюх и Матвеев. Мы с прискорбием отмечаем, что ЦИК сделал ошибку. Не надо было создавать Реввоенсовет. Товарищ Полуян — наш верный товарищ, но он там не имел влияния. Гайченец оказался предателем. Я видел опричников Сорокина,— я поразился, как они были одеты тогда, когда вся армия была голая и босая.

В будущем мы должны быть не так доверчивы. Тов. Власов давно говорил, что Сорокин что-то затевает. ЦИК был бессилен и дрожал перед ним. Дайте здесь же клятву, что этого больше не допустим! Этого нет на севере, где лучшие силы, где есть возможность посылать на фронт политических комиссаров, снабжать бойцов литературой". [1]

Послушаем ответ фронтовикам члена ЦИК'а т. Кереметчи, выступившего с длинной речью:

„Надо выяснить, почему все это произошло. На Сев. Кавказе есть люди властолюбивые, и вот возникает борьба Советов за благо народа и борьба авантюристов за собственное честолюбие. В то время Автономову и Сорокину не удалось занять тех постов, которых они желали. ЦИК, выбирая высший командный состав армии, думал, что надо выбирать самых лучших людей, и вот с этими-то лучшими людьми и боролись эти „Наполеоны". Так возникла автономовская история. Тов. Рубин тогда горой стоял против этих авантюристов. Тов. Рубин и другие собрали все сведения и стояли, как столбы, охраняя от них Советскую власть, но не удалось сразу все покончить: Автономов был отозван в Москву, а Сорокин остался там, пошел на фронт, а т. к. он очень умен, то понял, чем он может себя спасти. Он начал очень добросовестно работать на фронте и, видя его упорную работу, народ стал говорить о Сорокине, как о герое. ЦИК, прислушиваясь к голосу народа, оставил Сорокина, хотя мог его тогда же скрутить в бараний рог. Позднее, когда в связи с отступлением от Тихорецкой начались наши неудачи, на заседании ЦИК'а обсуждали, что же делать

обходимо смести, как можно скорее. Крайний быстро поднялся с места и заявил, что мое мнение ошибочно, но когда к моему мнению присоединился также и Власов, Крайний, опустившись с тяжелым вздохом на стул, долго молчал. Потом, выйдя из своего тяжелого раздумья, он сказал, что этот щекотливый вопрос необходимо поставить на обсуждение в партийных кругах". („Очерки гражданской войны на Сев. Кавказе". Воспоминания. Копия с рукописи С.-К. Истпарта, д. № 1, уч. карт. № 194, стр. 38—40).

[1] Там же, стр. 20—22.

дальше, так как армия потеряла веру в своих вождей, и пришли к заключению, что надо снова выдвинуть Сорокина.

Когда главнокомандующим был назначен Калнин, а Калнин — член партии большевиков, тогда начинается тонкая работа, начинается понемногу плестись целая паутина, чтобы как-нибудь свалить Калнина. Многие из вас говорили тогда, что Калнин изменник. Тогда ЦИК единственное спасение увидел в том, чтобы назначить главнокомандующим Сорокина. Сорокин говорил, что только при этом условии он берется спасти положение, так как пока он только командующий Доно-Кубанским фронтом, он мало может сделать. В ЦИК многие говорили, что Сорокин авантюрист, но другого выхода не было и решили назначить Сорокина главнокомандующим, поставив к нему хорошего политического комиссара. Зная честолюбие Сорокина, ЦИК думал, что это его честолюбие будет удовлетворено постом главнокомандующего и что теперь он все силы приложит для того, чтобы оправдать оказанное ему доверие. Потом, когда политические комиссары стали доказывать, что Сорокин делает, что хочет, не повинуется беспрекословно ЦИК'у, ясно стало, что Сорокин мог каждую минуту задушить ЦИК. Встал вопрос: надо, чтобы был верный полк в распоряжении ЦИК'а. Нам говорили—вот есть Дербентский полк, есть другие надежные полки, можно взять по 100 человек из этих полков в распоряжение ЦИК. Но ЦИК рассуждал, что хорошие бойцы и на фронте нужны.

Наконец, создался коммунистический отряд, тогда Сорокин заявил, что отряд этот нужен ему на фронте. К себе в штаб он подобрал верных ему людей на первые должности и в ЦИК дал охрану, яко-бы, из надежных солдат. Когда ЦИК увидел, что аппетиты Сорокина разыгрываются, когда был расстрелян Матвеев, когда расстрел грозил и другим, ЦИК принял твердое решение — создать Революционный Военный Совет [1] для того, чтобы во главе военного дела была власть не одного лица. И Сорокин увидел, что надо поскорей приводить в исполнение задуманный им план, иначе он погибнет. Он и поспешил...

Цель его была такова: иметь везде Черных, поставить шпионов в каждой части, чтобы быть хозяином положения и добиться единоличной власти. А кроме того он наслушался, что англичане могут притти, надо было к этому подготовиться. Сам Сорокин с помощью англичан хотел сделаться вторым Скоропадским. Вот ясная картина всего происшедшего"...

Если вдуматься в сообщенные факты об отношении Сорокина к армии и ее к нему и анализ того, „как это произошло", который сделал по горячим следам событий член ЦИК'а, то для нас станет ясна картина того, как ЦИК с назначением Сорокина терял инициативу в руководстве и влиянии над армией. Даже тогда, когда

[1] Р. В. С. был создан до расстрела Матвеева и принимал вместе с Сорокиным решение о расстреле командарма Таманской.

предпринимались шаги к овладению ею через создание Р. В. С., он не доводил этого до конца, сдавая позиции Сорокину (эта история с созданием надежных отрядов при себе), который в концеконцов и проделал, так легко начавшуюся для него, авантюру.

Сейчас удобнее всего будет подвести итоги нашим частичным заключениям, разбросанным выше, о причинах и сущности сорокинщины, которой съезд предъявил в принятой по текущему моменту резолюции обвинение в стремлении „создать свою единоличную диктатуру, вместо диктатуры пролетариата.“ [1] Несомненно, основная причина сорокинщины, как и автономовщины и других авантюр на Сев. Кавказе, была одна и та же. Организаторы их были выразителями той мелко-бурзуазной казачье-крестьянской стихии, которая во все время революции то там, то здесь стремилась прорывать пролетарское руководство, и прорывала его.

[1] Вот эта резолюция полностью:

„В то время, когда с таким нетерпением ожидаемая социальная революция в Западной Евпропе стала совершимся фактором, когда рабочие всего мира объявили беспощадную борьбу своим угнетателям и идут на помощь нашей пролетарской армии, когда дело создания крепкой могучей армии в России успешно продвигается вперед и мы от поражения перешли к победам, здесь, на Северном Кавказе, руками авантюриста, проходимца, прокравшегося в наши ряды, нанесен страшный удар в спину, расстреляны группой бандитов, во главе с бывшим главкомом Сорокиным народные представители, избранные в ЦИК 1-го Съезда советов и революционной армии Северного Кавказа т.т. Рубин, Крайний, Власов. Дунаевский и др.. члены Российской Коммунистической партии (большевиков). Расстреляны избранники городской и деревенской бедноты без всенародного суда и следствия бандитом, стремившимся на трупах наших лучших товарищей создать свою единоличную диктатуру вместо диктатуры пролетариата. Мы, представители пролетариата и беднейшего крестьянства Северного Кавказа, собравшиеся на 2-й Чрезвычайный съезд, заявляем:

1. Бывший главком Сорокин с его штабом объявляется вне закона, т.-е. каждый честный революционер должен доставить их живыми или мертвыми для всенародного, справедливого и открытого суда.

2. Тов. Кочергину, начальнику 1-го Кавалерийского дивизиона, съезд поручает доставить бежавшего бандита Сорокина со всей его сворой на 2-й Чрезвычайный съезд советов Сев. Кавказа.

3. Обвинение, брошенное бандитом Сорокиным нашим товарищам революционерам Сев. Кавказа съезд считает подлой ложью. провокацией обнаглевших наймитов буржуазии и глубоко сожалеет о безвременной кончине борцов за народное дело.

4. Съезд заявляет, что каждый покушающийся на жизнь члена трудящихся масс без всенародного суда считается изменником дела революции и сами трудящиеся массы на белый террор наймитов буржуазии ответят массовым красным террором; очередной акт белого террора буржуазии на Сев. Кавказе обнаруживает лишь слабость буржуазии, не находящей иных средств борьбы, как истребление отдельных пролетарских вождей. Съезд уверен, что убийство отдельных вождей пролетариата только теснее сплотит наши ряды и в этот решительный час борьбы на Сев. Кавказе из темных подвалов и чердаков и беднейших хижин явятся новые сотни тысяч борцов за дело трудящихся масс.

Итак, вперед. Теснее сомкнем ряды.

Да здравстует Советская власть и защитница ее — революционная Красная армия.

Прочь руки, негодяи и бандиты“. (Прот. запись, стр. 39—40).

Если вспомнить всю плеяду этих авантюристов,— Голубев (каз. донск. офицер), Автономов (каз. донск. офицер), Сорокин (каз. куб. офицер) и, наконец, Кочубей (куб. казак), то станет совершенно ясно, что это был тот „революционный“ элемент, который ярко отразил в себе демократическую мелко-буржуазную силу, сыгравшую большую роль в развертывании революции на Северном Кавказе. „Демократические“ казачье-крестьянские пласты населения, буйно поднявшиеся на поверхность революции, явились могучим союзником пролетариата в ту фазу революции, когда создавалась и оформлялась здесь „народная власть“. Именно в союзе с этими мощными социальными слоями пролетариат разбил на этом этапе местную поместно-казачью контр-революцию. Но в итоге этой победы во главе красноармейских частей очутились „военные специалисты“, выдвинутые именно этой стихией, по преимуществу из казачества, представители которого, как военно-полицейского сословия в прошлом, естественно, должны были оказаться на гребне волны, как военные руководители. В этот момент заполнившая армию местная мелко-буржуазная стихия получает „пополнение“ в виде анархиствовавших, разлагавшихся знаменитых украинских и крымских отрядов, беспорядочно отступавших сюда под натиском немецкой оккупационной армии, быстро занявшей Дон и согнавшей, таким образом, „главковерхов“ в один Кубано-Ставропольский котел, который и так бурлил, имея много горючего материала местного происхождения. Итак, небольшая пролетарская прослойка в армии еще уменьшилась в своем удельном весе от „химического“ соединения украинских отрядов с казачье-иногородними отрядами, „главковерхов“ с военными вождями из „вольного“ казачьего офицерства. Сорокинская группа на Ростово-Азовском фронте давала нам прекрасный пример этого слияния [1]. И когда „Народная советская власть“ стала перерастать в диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства и казачества, то на этой базе происходит перегруппировка социальных сил, раскалывавшая единый до сего времени демократический фронт. Когда в этих условиях казачий середняк стал переходить на ту сторону баррикады, а иногородний колебаться, тогда этот процесс должен был неизбежно получить свое отражение и в армии. Буйный индивидуализм партизанщины с большим трудом укладывался в рамки того пролетарского режима, который стали пытаться ввести в армию организующие элементы революции—партийные большевистские организации. Голубовщина на Дону раньше, автономовщина на Кубани позже были открытым протестом этого буйного индивидуализма от демократической революции против дальнейшего углубления революции и перевода ее на новые рельсы. Этот процесс

[1] Мы, конечно, далеки от мысли утверждать, что с Украины прибыли только совсем разложившиеся части, с анархиствовавшим комсоставом. Были исключения, как Матвеев, Кочергин, Федько, с их отрядами, сыгравшие большую организующую роль.

был раздавлен, но почва, питавшая его, оставалась. Весь путь сорокинщины от июня до ноября был дальнейшей эволюцией „борьбы Советов за благо народа и борьбы авантюристов за собственное честолюбие“, как упрощенно формулировал тов. Кереметчи в своей речи сущность этой эволюции. Окруженные мелко-буржуазной стихией, имея рядом с собой такого политического союзника, как левые эсеры, большевики Сев.-Кавказской республики в этой борьбе не все использовали для своевременной ликвидации наросташей преемственности автономовщины. Деятельность ЦИК'а за этот период и слабая роль Р. В. С., созданного накануне авантюры, — ясное доказательство правильности нашего замечания.

В изменившейся ситуации, в условиях наступавшей контр-революции, имевшей теперь оформленный организующий центр в лице Доброволии, наконец, в обстановке начавшей проводиться более решительной борьбы с партизанщиной, и иногда путем жестких мер (пример — расстрел Матвеева), Сорокин шел к старой цели, стремясь использовать для себя это дисциплинирование армии. Мы считаем, что последняя ошибка ЦИК'а и РВС заключалась именно в том, что он не смог понять своеобразия этого переплета и поэтому пытался вводить армию в рамки регулярной дисциплинированной силы руками Сорокина. На деле он оставлял в это же время самостоятельность основного пережитка прошлого. Правильная линия стала осуществляться не с того конца, первые удары по партизанщине после оставления Екатеринодара были нанесены не туда, куда они должны были быть направлены в первую очередь. Нам могут сказать, что в тогдашних условиях это было невозможно, так как не было еще в руках у ЦИК'а той силы, опираясь на которую он мог бы свалить Сорокина. Отвечаем,— это неверно, ибо линия по отношению к Таманской армии подтверждает обратное. ЦИК объективно взял ставку на отдельную, не пользующуюся в партии доверием, фигуру, вместо того, чтобы эту ставку поставить прежде всего на те места в армейской периферии, которые легче могли поддаться пролетарской партийной обработке. Еще могут сказать, что ЦИК вовсе и не брал ставки на Сорокина, он только пытался гибкой тактикой постепенно оттереть его от руководства. Возможно, что субъективно многие члены ЦИК'а и думали, что они проводят эту тактику, но объективно те факты, которые сопровождали весь период их отношений с главкомом, показывают, что в реальной действительности именно Сорокин проводил мероприятия по внедрению дисциплины и этим поворачивал их на свою мельницу. Именно этого многие руководящие товарищи бесспорно не понимали, иначе они отказались бы от их „гибкой“, превращавшей ЦИК временами в придаток при Сорокине, тактики и перешли бы к своевременному решительному удару по штабу главкома.

Фактом, показывающим, что благие стремления ЦИК'а по упорядочению армии приводили при Сорокине к обратным результа-

там, является следующее сообщение в речи партийца Подвойского, председателя Общеармейского Комитета, произнесенной по пункту „доклады с мест фронтовиков“:

„Когда наши части начали сосредоточиваться на линии Белореченского и Армавирского фронта, тогда был поднят вопрос о созыве фронтового съезда. Существовали Общеармейские Комитеты. Сорокин не раз высказывался, что эти Комитеты мешают ему... Комитеты подчинялись, но сказали, что необходим созыв общеармейского съезда. Сорокин же и тут протестовал. Он заявил, что никаким съездам теперь не время, время не для разговоров, а для дела... И когда все разразилось, приходится созывать съезд“.[1]

Данное сообщение является весьма важным документом для заключения по нашим рассуждениям. Общеармейский Комитет был создан после авантюры Автономова не по инициативе большевиков, а как результат стихийного реагирования красноармейских масс на авантюры. По идее, выдвигавшей его массы, он должен был быть ее оком, которое наблюдало бы за деятельностью командования и, таким образом, могло бы своевременно предупредить „предательство“. Таким образом, армейский комитет, являясь следствием партизанщины в армии, был призван предупреждать последствия ее (он был беспартийным органом, выбиравшимся на фронтовом съезде), в то время, как деятельность его, как выборного органа, только затягивала процесс переустройства армии. Ясно, что факт создания их (существовали комитеты и в частях), свидетельствовал о недостаточном партийном влиянии в армии. И вот ЦИК, если обсуждать абстрактно и принципиально вообще, был прав, конечно, когда соглашался с Сорокиным в отказе созыва фронтового съезда — „время не для разговоров, а для дела“, ибо в прошлом эти комитеты играли и отрицательную роль, вмешиваясь в административные и командные функции соответствующих органов. Но руководящие совпарторганы не могли и здесь понять своеобразия обстановки, всего диалектического переплета сил, влияния и проч., и пошли слишком прямолинейно, не учтя, что эти комитеты могут, став орудием в руках партии, что легче тогда было сделать, чем подчинить партийному влиянию главкома, сыграть роль мощного фактора по устранению его. Мы не будем целиком соглашаться с Подвойским, считавшим ошибкой отказ в созыве фронтового съезда (хотя, действительно, ведь этот съезд собрать-то пришлось в лице 2-го чрезвычайного!); может быть можно было выдвинуть и другие формы через армейские комитеты. Суть дела не в этом — основное в том, что этот рычаг, за который бесспорно можно было уцепиться, оставался неиспользованным на потребу не ЦИК'а и Ревоенсовета, а Сорокина. Руководящие органы Республики, думая, очевидно, „гибкой“ тактикой постепенно произвести обуздание Сорокина операциями на верху, просчитались,—

[1] Проток. запись, стр. 23.

без того или иного втягивания периферии оказалось легче проделать эту операцию в данном случае противнику. Наконец, самый ход ликвидации авантюры Сорокина после расстрела Рубина, Крайнего и др. (даже если учесть потерю темпа Сорокиным) показывает, что главкома можно было снять легче, чем это казалось. Ведь Сорокин, узнав о решении съезда, чрезвычайно легко был пойман 30-го октября в районе Ставрополя и расстрелян одним комполка Таманской армии в тюремной камере города Ставрополя.

Итак, основными причинами сорокинщины, как и предшествовавших ей авантюр, являлось то соотношение классовых сил, которое было на Кубани,—это совершенно ясно. Оправданием ошибок может служить только та колоссальная трудность и сложность обстановки, в которой пришлось руководить борьбой не только с внутренней и частью с всероссийской контр-революцией, но и иностранным империализмом, в то время, как пролетарская база была очень слаба, а партийные организации недостаточно действенны.

Но это —„уменьшающие вину обстоятельства".

Нам еще остается два слова сказать о тех личных мотивах Сорокина, движимый которыми он пошел на авантюру в такой форме. Основная подоплека этих мотивов нами уже указана. Здесь же следует отметить, что нет никаких данных к тому, чтобы считать Сорокина предателем, который, установив связь с белыми, все время проводил политику по разгрому красных. Конечно, если бы он смог после пятигорского выступления на более или менее продолжительный срок остаться у руля армии, то логикой борьбы он неизбежно должен был бы придти к союзу с белыми. Но тот факт, что Сорокин, узнав о решениях съезда, уехал не к белым, а в распоряжение Таманской армии, показывает, по правильному замечанию Батурина, что он не имел связи с белыми. Мы считаем, что наиболее приближаются к истине, при объяснении личных мотивов плана Сорокина, следующие слова, которые бросил его адъютант Гриненко на трибуне народу в своей последней показной речи в Пятигорске перед расстрелом (в то время имели место и такие факты!):

— Как велась подготовка к перевороту, ему, Гриненко, в точности не известно, но он знал, что мнение в штабе Сорокина было приблизительно такое: сейчас, когда идет борьба с оружием за будущее, когда еще трудно сказать, что будет, сейчас гражданская власть никакая не нужна. Все вопросы в условиях военного времени и положения должны быть подчинены военным интересам и должны разрешаться небольшим коллективом военных руководителей... Вся власть на время борьбы с белыми должна быть в руках военных организаций и лиц командного состава. Такие мнения господствовали в штабе Сорокина.[1]

---

[1] Воспроизведено одним участником этого митинга и соответствие этой записи речи Гриненко подтверждается председателем митинга, т. Лехно. Рукопись хранится в С.-К. Испарте.

Действительно, весь наш анализ сорокинщины заставляет думать, что Гриненко перед смертью не врал и сообщил то, что действительно он слышал в штабе.

Стремление установить единоличную военную диктатуру и сбросить пролетарское руководство партии большевиков для борьбы с белыми за „беспартийные интересы демократа-казака“, антисемита и индивидуалиста — вот наиболее вероятные личные мотивы мелко-буржуазного честолюбца Сорокина, в авантюризме которого было нечто савинковское, — недаром он был эсером в 1917 году.[1]

Однако, вернемся к последним заседаниям съезда и дадим общую характеристику его работы. Съезд недаром назывался чрезвычайным съездом советов и революционной армии. Ни на одном съезде на Северном Кавказе, ни раньше, ни позже (на Тереке), не было уделено столько внимания рассмотрению армейских вопросов, как на этом. По существу съезд, в связи с сорокинщиной, почти исключительно занимался армией, — он был в большей мере армейским съездом, чем сбором гражданских делегатов от местных советов. И выступали-то на нем только официальные партийные ораторы и представители фронта. Это бесспорно отражает тот факт, что, во-первых, вся жизнь Республики в этот период свелась к вооруженной борьбе с контр-революцией и, во-вторых, что съезд собрался в момент наиболее грозного проявления партизанщины, которая, чрезмерно затянувшись в сорокинщине, как бы замыкала круг своего „славного“ развития, пошедшего после съезда уже по нисходящей линии. Чрезвычайность в созыве съезда, импровизированность подавляющего количества выступлений на нем дают нам как бы моментальную фотографию того положения и настроений, которые были в Республике и особенно в армии в момент сорокинской авантюры. Протокольную запись, очевидно, вел недостаточно опытный протоколист в смысле умения сжато записать то, что размазывает ораторов в устной речи... Зато он бесспорно сохранил для нас много таких оборотов и фраз, которые действительно „загинались“, но канцелярист счел бы необходимым обработать их в „литературную форму“. А между тем записанные так, как говорились они, эти фразы дают нам возможность очень ярко ощутить „аромат эпохи“, колорит тогдашней жизни. Доклады с мест фронтовиков, вставленные в повестку по настоянию армейских делегатов, развертывают материал, из которого становится ясной картина все продолжавшей господствовать партизанщины в частях, порождавшей партизанщину наверху, от которой так страдали бойцы, не способные в массе понять правильные пути ликвидации ее.

---

[1] Наша характеристика Сорокина подтверждается таким документом, как листовка-приказ, выпущенный главкомом к трудящимся массам: „Я, Кубанский казак Сорокин, бывший офицер, бьюсь с вами, моими родичами и станичниками...“ и т. д. Копия. С.-К. Испарт.

Конечно, докладчики с мест объясняли теперь нехватку и обмундирования, и снаряжения, и вооружения (главные недостатки армии) слабой деятельностью ЦИК'а и руководящих органов и выдвигали лозунг созыва армейского съезда.—„Я сам учредитель общеармейского съезда“ — говорил представитель 1-го Черноморского полка,—„мы подняли знамя и сказали, что власть будет заботиться о нас. Нужно все силы напрячь, чтобы создать общеармейский съезд, необходимый для армии и народа“. „И здесь мы должны раз и навсегда сказать, что саботажникам и контр-революционерам в Красной армии не место и мы должны скорее назначить съезд общеармейский“— заявил представитель 1-го Таганрогского революционного полка. „Я скажу, немножко плохо смотрел наш ЦИК за всем этим (самовольные реквизициии и пр. И. Б.), он был слаб, там нужны люди с железной волей“ бросал упреки делегат Свято-Крестовского фронта, и т. д. Мы видим, что в качестве главного средства для ликвидации болезней, мучивших всех, фронтовики выдвигали партизанский метод — созыв общеармейского съезда.

И нужно констатировать к чести партийных середняков, руководивших съездом, что таким настроениям был дан отпор. Т.т. Швец и Гришин в своих выступлениях привели массу фактов разбазаривания обмундирования, вооружения и вообще самостийничания частей, как главную причину, благодаря которой теперь нехватало всего: „У нас в армии начальники скрывали, сколько штыков. Этого нельзя было добиться, говорили: „военная тайна“..., там, где 1500 человек, получили обмундирование на 5000 человек — вот главный недостаток, который нас погубил“,— рубил перед фронтовиками т. Швец. „Я выдал обуви на 8.640.000 рублей, больше 200 тыс. пар. И мы видим теперь, что в этой обуви ходят обыватели“— давал справку председатель продовольственной коллегии т. Гришин. Съезд отверг предложение внести в повестку дня вопрос об общеармейском комитете—„принимая во внимание конструкцию власти, выработанную на 5-м Всероссийском съезде Советов, которой общеармейские комитеты не предусматриваются“[1], и вынес следующую резолюцию, намечавшую основные задачи борьбы с партизанщиной в армии, по докладам с мест:

— „Задачи Красной армии на Северном Кавказе — задушить остатки кадетских банд, соединиться с царицынскими войсками и добыть себе обмундирование и снаряжение. 2-й Чрезвычайный съезд заявляет: Красная армия, как нераздельная часть всего трудового народа, не может отделиться от остальных трудящихся, никакое отделение на тыловиков и фронтовиков в пролетарской России, превращенной в военный лагерь и поставившей лозунгом дня — все для армии, недопустимо и никакого отдельного армейского управления, кроме военных органов Центрального Исполнительного Комитета, быть не должно.

Съезд поручает своему избранному органу донести Центральной власти о нуждах Красной армии, приложить все усилия к обмундированию и снаб-

[1] Протокольная запись, стр. 28.

жению армии, всех трудящихся; заявляет, что мы оборванные, терпя лишения, напрягаем остатки своих сил для уничтожения власти капитала на Северном Кавказе, для доставки хлеба северу, для общего торжества Советской власти.

Съезд поручает своему ЦИК'у обратить самое серьезное внимание на воспитание армии, послать туда самых лучших партийных работников, проводить борьбу с контр-революцией, бандитизмом, хулиганством в своих рядах.

Всем командующим колонами, начальникам дивизий и командирам полков Сев.-Кавказской социалистической Красной армии 2-й Чрезвычайный съезд предлагает:

1. Немедленно дать в Революционный Военный Совет и ЦИК точные сведения о численности артиллерии, пулеметов и винтовок в частях.

2. Предлагает ЦИК'у и Реввоенсовету, для успешной ликвидации кадетских банд, распределить главным образом артиллерию и пулеметы равномерно между всеми частями Красной армии Северного Кавказа. Всему же командному составу и т т. бойцам, во имя окончательной победы над бандитами, приказы и распоряжения на этот предмет Реввоенсовета исполнять и оказывать полное содействие.

3. 2-й Чрезвычайный съезд Советов предписывает кавалеристам революционной армии беречь их лошадей, как ближайшего своего друга, преданного слугу, не летать на лошадях зря, а только тогда, когда этого требует священный долг перед Социалистической революцией.

4. Съезд поручает ЦИК'у и Реввоенсовету издать по этим вопросам ряд соответствующих приказов, воззваний и разъяснений.

Съезд обязывает всю революционную армию прекратить самочинные, помимо Советов, реквизиции и конфискации, не убивать перебежчиков и не добивать раненых.

Вместе с тем, съезд заявляет, что всякая ложь, всякая провокация на избранников народа будет беспощадно вкорне преследоваться.

Да здравствует Центральный Исполнительный Комитет Северо-Кавказской Советской Республики.

Да здравствует Красная армия".[1]

На этой резолюции, которая была составлена наспех, во время прений, предварительно не прорабатывалась в комиссии, остался весь отпечаток условий работы съезда. Такие пункты, как „задачи Красной армии — соединиться с царицынскими войсками и добыть себе обмундирование и снаряжение", или „съезд предписывает кавалеристам революционной армии... не летать на лошадях зря"... и пр., весьма рельефно воспроизводят перед нами картину состояния армии.

К самому концу съезда на фракционное заседание, подготовлявшее список кандидатов в члены ЦИК'а, прибыл пред. Реввоенсовета тов. Полуян (вынужденный скрыться от Сорокина после ареста Рубина, Крайнего и др.), заключительной речью которого съезд заканчивал работу. „Не забывайте, что все силы мы должны отдать нашей Красной армии, теперь же после сорокинской авантюры нужно, чтобы в окопах ясно прозвучал ваш голос..."— вот общая директива, высказанная Полуяном, которая определяла основные задачи разъезжавшихся на места делегатов.

В новый ЦИК вошло 23 большевика и 2 народника-коммуниста, и на предстоящий Всероссийский съезд Советов было выбрано

---

[1] Прот. запись, стр. 28– 30.

3 большевика и 1 народник-коммунист.[1] В бронированном вагоне поезда быв. главкома, по пути из Невинномысской в Пятигорск, приступил новый ЦИК к работе, выделив Президиум и завотделами.

Начало работы ЦИК'а в поезде Сорокина, недавно расстрелявшего верхушку власти — вот мелкий факт, в котором сказался один из основных итогов развития Сев.-Кав. Республики за первые четыре месяца своего существования. Превращение Республики в вооруженный лагерь, все больше и больше территориально суживавшийся, стабилизация фронта по линии Белореченская — Армавир с успешным переходом во второй половине октября в наступление на правом фланге, закончившемся захватом Ставрополя таманцами, и даже близким подходом их к ст. Кавказской, первые попытки серьезного перехода к строительству армии по обще-русскому образцу, выразившиеся в образовании Реввоенсовета и в ряде мероприятий по внедрению дисциплины и, наконец, неудачно проведенная линия на „обуздание" главкома и его контр-линия на создание военной диктатуры, — вот основные вехи того пути, который в конце октября закончился кровавой авантюрой Сорокина, потрясшей только начавшую оправляться от поражений армию. Итоговым фактом этой авантюры было объявление Сорокина вне закона, самочинное убийство его командиром полка Таманской армии и решение Чрезвычайного съезда взять твердый курс на ликвидацию партизанщины в армии, через усиление политического влияния в ней организующей силы революции — большевиков.

Таким образом, 2-й съезд твердым отпором Сорокину как-бы закрывал последнюю страницу длинной эпопеи—борьбы с авантюрами, желавшей властвовать партизанщиной военных верхов, и одновременно открывал новую, за которой уже идут страницы, на которых мы хотя и не встретим фактов о подобных авантюрах, но все же прочтем последние главы и эпилог трагического разгрома Красной армии и Советов на Сев. Кавказе в 1918 году.

Слишком долго затянулся период борьбы с „главкомами". Армия была взята в руки поздно, — тогда, когда она уже надломилась от борьбы со все усиливавшейся контр-революцией и предательской партизанщиной, разъедавшей ее изнутри.

Мы уже указывали, что образование Сев.-Кав. Республики в начале июля не повело за собой действительного объединения всех советских образований Края. Кубано-Черноморье было основным ядром ее, вплоть до сорокинщины. Была более или менее тесная связь с советским Ставропольем, представлявшим из себя

---

[1] Вот именной список членов ЦИК'а от большевиков — 1) Полуян, 2) Федько, 3) Батурин, 4) Швец, 5) Гришин, 6) Петренко, 7) Борисенко, 8) Усагин, 9) Гладков, 10) Акулов, 11) Яковлев, 12) Ткаченко, 13) Войтик, 14) Волик, 15) Кереметчи, 16) Ивахненко, 17) Мамсуров, 18) Анджиевский, 19) Подвойский, 20) Юрков, 21) Старцев, 22) Чуваев, 23) Розенберг. От фракции народников-коммунистов — Лехно и Донченко. Кандидаты: 1) Атарбеков, 2) Онипко, 3) Ивницкий, 4) Ковалев, 5) Дятлов, 6) Бакулин, 7) Квиркелия, 8) Пузырев, 9) Михайлов.

Список делегатов на Всероссийский съезд Советов: Яковлев, Сугаков, Маркин и Блохин.

одну восточную половину губернии, Терек же продолжал фактически оставаться вне объединения, ибо он был разорван на части внутренней контр-революцией и до ноября центр его—Владикавказ—был фактически отрезан от центра Краевой Республики — Пятигорска. Выражением состояния связи и удельного веса в Сев.-Кав. Республике отдельных областей является состав ЦИК'а, выбранного 2-м съездом по представительному признаку—от быв. Кубано-Черноморской вошло 14 чел., от Ставрополья — 5 чел., от армии—4 и от Терека 2 (Мамсуров и Анджиевский—пятигорец). Мы видим, что Терек был меньше всего представлен и теперь, а между тем все значение этой области для укрепления быв. сорокинской армии вырисовывалось во весь свой рост, ибо она должна была теперь явиться основной базой, опираясь на которую армия могла успешно и наступать, и обороняться, и держать связь с всероссийским центром. О необходимости стать твердой ногой на Тереке, его значении для Республики 2-му съезду постарались напомнить представители железнодорожного революционного пролетариата в следующем письменном заявлении, оглашенном перед принятием резолюции об армии:

„В виду того, что пути сообщения для Красной армии служат также необходимейшим нервом для действия и приостановка движения железных дорог чрезвычайно может отразиться на оперативных действиях Красной армии Северного Кавказа, и без того находящейся в очень тяжелых условиях, мы, представители железно-дорожного пролетариата, честь имеем довести до сведения 2-го Чрезвычайного съезда Сев. Кавказа, а также и представителей боевых частей фронта следующее: жидкого топлива, нефти в запасах совсем нет и остатков хватит всего на несколько дней, мы даже не уверены, что движение дорог из-за топлива может остановиться завтра. Главный Исполнительный Комитет своевременно докладывал об этом и ЦИК'у, и в Реввоенсовет цифровыми данными, а также указывал на то, что спасение от приостановки движения жел. дор. есть открытие дороги на Беслан, где находится много цистерн нефти, и на Грозный, где природа нефти. Настоящим честь имеем и вам, представители Советов и Красной армии, заявить во всеуслышание, что если через несколько дней дорога на Беслан не будет открыта, то движение ВЛК ж. д. приостановится за отсутствием топлива дороги...“ [1]

Это грозное предостережение дает нам ответ на вопрос о той роли, которую должна была играть Терская Народная Республика в этот период: „если через несколько дней дорога на Беслан не будет открыта, то движение ВЛК ж. д. приостановится за отсутствием топлива“ — вот перед какой угрозой стояла армия. Внимание и ЦИК'а и командования должно было обратиться на юг, где в октябре развернулась и продолжала вестись борьба с местной контр-революцией, ядром которой было Моздокское правительство и бичераховские войска, подошедшие из Дагестана к Кизляру и Грозному. Эти два города уже месяцы выдерживали белую осаду. Двинутыми войсками армии Сев.-Кавк. Республики — отрядом Шупалова из святокрестовских частей, направившим удар на Моздок, и так называемой Шариатской колонной Мироненко от Невинномысской на Прохладную — совместно с отрядами горской

[1] Там же, стр. 28.

бедноты и красноармейскими частями Терской республики, наступавшими от Владикавказа, белогвардейские казачьи части Терской контр-революции были разгромлены в середине ноября у ст. Прохладной и приведены в полное расстройство. Быстро пал Моздок. Через несколько дней был освобожден и Грозный. Терская контр-революция потерпела серьезнейшее поражение, части 11-й армии соединились с 12-й, основная жел.-дор. магистраль стала свободной от белых и Владикавказ мог сообщаться с Пятигорском. Разгром белых на Тереке привел в такое расстройство их армию, что терские казаки стали целыми частями переходить к красным и раздробленные остатки ее рассыпались по мелким частям, не представлявшим уже серьезной угрозы красному Тереку. Именно в это время собрался 5-й съезд народов Терека, во Владикавказе, о котором мы писали, что он был „наиболее мирным" из всех терских съездов и своей работой пытался перевести революцию на Тереке на новую ступень уже мирного строительства. К ноябрскому же периоду относится и установление более тесной связи Северного Кавказа с Москвой и организованные попытки оказания помощи ему со стороны Российских центров. Уже цитированное нами письмо Шляпникова к Свечникову кратко описывает те мероприятия, которые по его докладу Совнарком решил принять для усиления советских позиций на Сев. Кавказе. Результатом их было создание в Астрахани руководства Каспийско-Кавказским фронтом, в состав которого вошли бывш. сорокинская, теперь переименованная в 11-ю, и 12-я армии. „В начале ноября,— пишет Шляпников, которому было поручено организовать фронтовое управление нового объединения,— мы приступили к организации штаба в Астрахани и тотчас же установили связь с XI армией, оперировавшей на Северном Кавказе.[1] Казалось, что создалось, наконец, устойчивое положение, что закрепившись в районе Ставрополь — Петровск армия сможет скоро перейти в общее наступление".

Но решающим районом в стратегическом отношении в это время была все-таки не Терская область, а оставшаяся еще в руках красных небольшая часть Кубани и Ставрополье. На этих участках 11-й армии решался вопрос, сможет ли Сев.-Кав. Республика и ее армия осуществить новые наступательные задачи, или же будет продолжаться отступление, которое закончится разгромом. Случилось именно последнее. Вернемся же в Пятигорский район и посмотрим, как развертывалось там выполнение задач, намеченных 2-м съездом по приведению армии в порядок.

Мы имеем один документ, относящийся к середине ноября, в котором состояние быв. сорокинской армии рисовалось в довольно радужных тонах. Письменный доклад члена Крайкома партии т. Баяна-Мальцева дает такую характеристику армии по состоянии ее на первую половину ноября:

---

[1] Свечников. Цитир. работа, стр. 189.

„Переход от эпохи поражений к самоорганизации и дисциплине наступил в конце октября, начале ноября, когда, наконец, долгий ряд испытаний и поражений закалил массы и показал им, что так дальше продолжаться не может. Этот перелом в настроении масс совпал с присоединением к остальным войскам Таманской армии, пробивавшейся с Таманского полуострова через вражеский стан и привившей остальным войскам закаленность и дисциплину, приобретенные ею в беспрерывных боях и трудностях перехода...

Армия Северо-Кавказской Республики в настоящее время, по точному учету, насчитывает 150.000 чел. Состав ее: иногороднее население Кубанской области, крестьяне Ставропольской губернии, часть отступивших из Крыма и Украины войск и небольшая часть казаков. Соединение с войсками Терской области и удачно проходящая мобилизация в Ставропольской губернии доведут численность нашей армии больше, чем до 200 тыс.

...Одно выручает (до этого он упоминал о слабости партийной работы в армии—И. Б.)—настроение масс, боевое и бодрое. Далеко от того, чтобы быть воспитанной в нашем духе, она верит нам и идет за нами...“ [1]

Эта длинная цитата свидетельствует об уверенном настроении партийных верхов Сев.-Кавказской Республики. Но нам нужно иметь в виду, что приведенный доклад написан товарищем, который, во-первых, очевидно, свои наблюдения над быв. Таманской армией переносил слишком оптимистично на всю армию, во-вторых, не будучи в курсе военно-оперативной работы, не знал состояние оперативного руководства армией после сорокинского выступления и, в-третьих, неправильно освещал роль мобилизации в Ставрополье — „удачно проходящая мобилизация“ — в то время, как имеются обратные данные об ее результатах. Чтобы не возвращаться к вопросу о мобилизации, приведем свидетельство Свечникова, основанное на докладе быв. нач. штаба XI тов. Петренко — „Эта мобилизация, объявленная РВС в незанятой белыми Ставропольской губ. до 40-летнего возраста, оказалась большой ошибкой, так как в части явился контр-революционный элемент, что при тогдашнем состоянии войск было весьма пагубно“.[2] Но выводы о состоянии армии т. Баяна-Мальцева все же отражали некоторое успокоение, которое наступило у ЦИК‘а и Крайкома после сравнительно легкой ликвидации Сорокина, начала успешного хода действий на Тереке и бесспорного укрепления партийного руководства армией. Образование 17-го ноября Реввоенсовета 11-й армии в составе комвойска Федько, членов Полуяна и Мамсурова (был заменен 30 ноября Одарюком и тогда же был включен членом еще Мдивани)[3] и начавшаяся работа по реорганизации армии путем сведения ее в 4 дивизии могли питать подобные настроения.

---

[1] Цит. по книге Головенченко и Емельянова „Гражд. война в Ставропольской губ.“ 1928 г., стр. 175--176.

[2] Свечников. Цит. работа, стр. 33.

[3] Федько скоро сменил Крузе, а последнего Левандовский.

Но сорокинская авантюра, непосредственно кончившаяся смертью главкома, по своим последствиям была очень печальна для армии. Оставив ее без боевого руководства, в момент развития успешных операций на Ставрополь, авантюра свела все значение победы таманцев на-нет. Реввоенсовет на некоторое время растерялся, а белые, между тем, перешли в наступление, и если они встретили серьезный отпор со стороны таманцев, топтавшихся на месте после занятия Ставрополя, то быв. сорокинские войска в их значительной части были верны своей традиции—еще 26 окт. был отдан белым Армавир, а 5-го ноября Невинномысская. Таким образом, получилась возможность окружения Ставрополя, что белые и сделали, пустив туда с юга конницу Шкуро, которая вместе с корпусом Врангеля и Покровского отрезала таманцев от Пятигорска. В течение 10 суток, окруженная со всех сторон армия вела ожесточенные бои, потеряв в них лучших, закаленных бойцов и командиров и израсходовав боевые припасы. Таманцы, сделав громадное напряжение, все же прорвали белое кольцо и 14 ноября ушли из Ставрополя в район с. Петровского очень сильно потрепанными. Благодаря „злому гению" таманцев—Сорокину, эта самая крепкая часть в составе 11 армии теряла свою боеспособность. Остальные войска с отходом таманцев, конечно, не могли сдержать натиска противника и, „постепенно превращаясь в деморализованную толпу,.. остановились на линии д. Ореховка—Александровское—Нагуты, удержав за собой ст. Минеральные Воды".[1] Такое положение создалось в районе 11-й армии тогда, когда на Тереке Советы как-будто становились твердой ногой. Советские Кубань и Ставрополье все больше суживались, в то время, как Терек освобождался от белых. В территориальной неравномерности развертывания отливов и приливов революции на Северном Кавказе в 1918 г. сказались большое разнообразие социальных условий, имевшихся в этом крае, и особенно важная, решающая роль внешней контрреволюции, опиравшейся на зап.-евр. империализм. Быстрее падали те районы, которые были ближе территориально расположены к центрам немецкой оккупации и Доброволии. И когда Терек достиг кульминационного пункта своего революционного развития, остальные Республики уже пали и очередь подходила к нему. Она наступила в начале 1919 г., а в декабрьский период снова как будто создавалась некая стабилизация в соотношении сил между противниками на линии, достигнутой белыми к концу ноября. В декабре войскам Каспийско-Кавказского фронта еще ставилась задача „овладения линией жел. дороги Царицын—Тихорецкая—Новороссийск с одной стороны и портом Петровск—с другой, как основными базами для дальнейшего наступления на север и юго-восток."[2] И самый ответственный участок по выполнению этой задачи лежал на 11-й армии, состояние которой к декабрю не

---

[1] Свечников. Цит. соч., стр. 33.
[2] Там же, стр. 45.

внушало больших надежд. Выполнение этой боевой задачи мы осветим позже, сейчас же вернемся к ЦИК'у и партийным организациям.

В ноябре деятельность Сев.-Кав. ЦИК'а выражалась, прежде всего, в содействии Реввоенсовету 11-й армии по проведению реорганизации военных сил Республики и приведению их в порядок. По существу. роль высшего органа Краевой Республики, как центра, руководящего сложной системой Советского строительства, являющегося сосредоточием гражданского управления, постепенно сводилась на-нет. Основным ядром и базой краевого образовании с момента его организации, как мы уже указывали, было Кубано-Черноморье. Эта Республика была расположена в важнейшем в политическом и стратегическом отношении районе Сев. Кавказа после падения Дона. Было естественно стремление Кубано-Черноморья объединить вокруг себя остальные области Края для организации, как говорил еще т. Орджоникидзе на 1-м С.-К. Съезде Советов, прежде всего, успешной обороны советских образований от контр-революции путем концентрации всех сил и средств и введения руководства борьбой в русло единого плана. Но если в первый период истории С.-К. Республики фактического объединения не произошло,— то и теперь, когда Кубань в своей большей части уже крепко держалась в руках белых, и у ЦИК'а, состоявшего главным образом из кубано-черноморских работников, основная база была выбита из-под ног, он тоже не смог добиться более тесного объединения оставшихся красных областей. В смысле централизации военного руководства и управления, в ноябре было достигнуто многое при участии центральных органов Советской России, но в гражданском управлении ЦИК играл теперь меньшую роль, чем раньше, ибо очищенный в ноябре от белых Терек развертывал свою творческую советскую работу почти самостоятельно, особенно не нуждаясь здесь в систематическом руководстве С.-К. ЦИК'а. Наиболее тесно с ЦИК'ом была связана красная половина Ставрополья, к концу ноября тоже сузившаяся благодаря отходу на восток таманцев. Здесь и на Тереке в ноябре и декабре крепла работа по развитию советского строительства. Ведь после летнего отхода от Ставрополя, только в начале октября, при Губисполкоме была организована большевистская фракция; до этого он представлял из себя довольно бесформенный в политическом смысле центр, что один из членов его формулировал так: „Самое главное зло Губисполкома в том, что он не имеет политической физиономии и стойкости, которая необходима для всякой власти“.[1] Когда в октябре стала оформляться под руководством Крайкома Ставропольская большевистская организация, выяснилось, что ряд членов Президиума Губисполкома, и даже один пред. Уисполкома — интернационалисты, а ряд работников выявился, как анархисты. Нужно

---

[1] Головенченко и Емельянов. „Гражданская война в Ставропольской губ.“, стр. 182.

подчеркнуть одну „особенность“, внедрившуюся в советскую работу на Ставрополье в ноябре и, особенно, в декабре, которая, к сожалению, раньше не имела такое место — это усиление партийного влияния и руководства советской работой, которая здесь в этот период была введена в новое, более организованное русло. Это интереснейший момент в том самом Ставрополье, где был наиболее силен разгул правой и левой эсеровщины летом и осенью, мы в декабре встречаем единственный район на Северном Кавказе за весь 1918 г., где были в организованном порядке созданы под непосредственным руководством большевиков комитеты бедноты, почти во всех крупных сельских пунктах.[1] Это, помимо прочего, несомненно, нужно будет объяснить тем, что в конце 1918 г. краевые совпарторганы наиболее систематическое руководство уделяли Ставрополью. На оставшейся же советской части Кубани работа в армии поглощала всю энергию всех организаций.

На мирном строительстве Терской Народной Республики мы здесь останавливаться не будем так как содержание его освещено в соответствующей главе, а степень зависимости от руководства С.-К. ЦИК'а нами отмечена выше. Нужно указать одну область работы, в которой ЦИК'у пришлось за это время много потрудиться — это ликвидация тех бесчисленных сельских и волостных Исполкомов, которые по мере продвижения белых эвакуировались к ЦИК'у, который их и распускал, и затем руководство организацией Ревкомов вместо Советов. Более гибкий, с особыми полномочиями, Р. К. в этот период борьбы наиболее отвечал требованиям момента и поэтому он к декабрю вытеснил выборный Совет почти на всей территории Республики, в том числе и на Тереке, где по постановлению 5-го ноябрьского съезда (кстати, проходившего непосредственно под руководством Мдивани и Орджоникидзе, а не С.-К. ЦИК'а) Ревкомы вводились, как система, и там, где за весь 1918 г. выборных Советов фактически не существовало. Таким образом и система организации и содержание работы советских органов и взаимоотношение их с военными органами принимали очертания знакомой нам конструкции власти в условиях прифронтовой полосы периода гражданской войны на восточном и на южном фронтах 1919 г. Между прочим, имеет смысл обратить внимание на следующие регулярно повторявшиеся случаи трений как вообще высших советских органов с низшими, так и в частности городских Советов в местах резиденций ЦИК'а с последним. Вспомните весенний конфликт первого Кубоблисполкома с Армавирским Военревкомом за разграничение компетенций и сфер влияния, затем — постоянные трения Екатеринодарского Совета сначала с Кубанско-Черноморским, а затем С.-К. ЦИК'ом и его органами. И в Пятигорске не обошлось без них — в конце ноября и здесь произошел конфликт с Горсоветом, причем руководство обоих органов настолько не смогло договориться друг с другом, что очу-

[1] Конечно, на советской территории.

тилось перед фактом, когда войска Пятигорской Ч. К. лежали в цепи против войск Республиканской Ч. К. Вмешавшийся в конфликт Уполномоченный ВЦИК'а тов. Орджоникидзе сумел „мирно" уладить его. И в этих фактах сказалась та стихийность строительства, которая нами отмечалась на протяжении всей работы и которая в данном случае несомненно сказывалась в отсутствии точного разграничения функций разных органов, в отсутствии дисциплины и систематического цементирующего партийного влияния. Сузившаяся работа ЦИК'а сделала весь аппарат, создавшийся раньше и продолжавший работать в рамках старой конструкции, лишним. Ряд отделов его, один за другим, за ненадобностью отмирали и ликвидировались. В среде работников ЦИК'а с начала декабря начали поговаривать о ликвидации и самого высшего органа С.-К. Республики, что и было проделано несколько позже.[1]

Остановимся на работе парторганизаций. Прежде всего, о Крайкоме ВКП(б), верхушка которого была расстреляна Сорокиным. За время авантюры он распался и, как орган, никакой роли в ликвидации ее не сыграл.

С приездом в Пятигорск ЦИК'а, выделенного 2-м съездом, был восстановлен Крайком в новом составе. Во главе его был выдвинут т. Меньшиков, старый рабочий подпольщик, бывший пред. Ревкома ст. Тихорецкой, сыгравший большую организующую роль в первый период революции. Все внимание Крайкома сосредоточилось теперь на усилении партийного влияния в армии. Приведенные выше цитаты из доклада члена Крайкома тов. Баяна-Мальцева, относящегося к началу работы нового Крайкома, свидетельствуют, что теперь он решил серьезно приняться за усиление партийного руководства, особенно политической работой в армии. Укреплялась система политических комиссаров, издавалась политическая литература, создавались агитотделы для ведения регулярной работы и т. д. Как по Советской, так и по партийной линии более всего руководилось Советское Ставрополье, ставшее теперь и в военно-стратегическом отношении очень важным участком.

Так, в начале декабря Крайком послал сюда инструктора тов. Красникова (бывшего члена С.-К. ЦИК'а первого созыва) со специальным заданием организовать здесь официальное партийное руководство. На состоявшемся 12-го декабря Губернском съезде партии был выделен новый Комитет, в Президиум которого вошли: Красников, Войтик и Губанов. Таким образом, Крайкомом был создан губернский партийный центр, состоящий из проверенных товарищей, которые быстро оформили руководство периферией, создавая ячейки как в воинских частях, так и в селах. Именно данный состав Губкома развернул работу по строительству Комбедов, о которых мы упоминали выше. Материалом, характеризующим состояние партработы и настроение партийцев в декабре, являются

---

[1] Более подробно этот процесс, растянувшийся на ноябрь—декабрь, мы осветим во второй части работы.

доклады представителей ставропольских большевистских организаций на Чрезвычайном Партийном съезде, собравшемся во Владикавказе в январе 1919 года по инициативе Кавказского комитета.

„Удалось образовать по Ставропольской губернии до 30-ти комитетов бедноты. Почти во всей Ставропольской губернии твердо проводится партией большевиков диктатура пролетариата. Все местные организации ВКП(б) и ответственные работники постоянно отчитываются перед партией“— сообщал съезду Красников. Выступавший делегат от Благодарненской организации сделал следующее, не лишенное интереса сообщение:— „проводилась сильная борьба с капиталистами; борьба эта закончена и только партийные ячейки продолжают еще борьбу с кулачеством. Организация твердо проводит диктатуру пролетариата. Обращено большое внимание на борьбу с бандитизмом в армии“.[1]

Как видим, речи очень уверенные, даже по мнению Благодарненского товарища закончилась уже борьба с капиталистами. Сейчас даже как-то странно читать такие оптимистические заявления на съезде, который проходил накануне решительного разгрома Советов. Но остается фактом то основное положение, что действительно в Ставрополье перед самым концом произошло наконец оформление партийных организаций и они довольно систематически руководили всей—и советской и армейской—политической работой. Но это было достигнуто уже накануне полного очищения Северного Кавказа от красных. Из деятельности Краевого Комитета Партии необходимо указать на созыв в начале декабря Краевой Партийной Конференции в Пятигорске, проработавшей вопросы положения Северного Кавказа, состояния армии и вопросы усиления партийной работы в армии и на местах. Председательствовавший т. Волик так характеризовал общее положение и задачи руководства.

„Положение Края и армии настолько тяжелое, что только исключительная энергия трудящихся и чрезвычайные меры партии и Советских органов могут спасти его... Основная тяжесть борьбы за победу Советов лежит на плечах нашей партии“...[2]

Уже на этой конференции высказывались пожелания о влитии членов ЦИК‘а в армию для усиления работы в ней, что позже было проделано. Председателем Крайкома был утвержден т. Меньшиков.

Итак мы видим, что сузившаяся территория Республики сократила объем работы по партруководству, а военизация всей работы превратила фактически Крайком в нечто похожее на политотдел армии, причем развертывание руководства им гражданской советской работой в Ставрополье как бы еще больше увеличивает это сходство — ведь соответствующие отделы по работе в прифронтовой полосе мы имели и в поармах.

---

[1] Там же, стр. 185 — 186. Интересный штрих. В начале января в Святокрестовском уезде было в проекте открытие университета и об этом заботились у самой линии фронта. Следует указать, что в этот период через Астрахань наладилось получение центральной литературы.

[2] Из воспоминаний участника конференции т. Д. Рукопись С.-К. Крайистпарт. Д. № 1. Уч карт. № 763.

Перед освещением последних событий гражданской войны на Северном Кавказе остановимся еще раз на левых эсерах, сыгравших здесь гораздо более заметную роль, чем в ряде других частей Советской России 1918 года. Инцидент с ними на 2-м Чрезвычайном Невинномысском съезде не был последним событием, описанием которого можно было бы закончить освещение их роли в революции. Кратко разобранный нами выше процесс отхода левых эсеров от революции, особенно усилившийся после 1-го С.-К. съезда Советов и закончившийся осенним расколом, не свел их окончательно со сцены политической жизни. Оттесненные от власти, они еще до раскола стали концентрироваться в армии, где и вели необходимую работу по сохранению „своего лица". Выступавший на 2-м съезде красноармеец, не желавший никак отказаться от звания левого эсера, продемонстрировал тогда те настроения, на которых играли среди масс эсеры, спекулируя своей прошлой революционностью. После Сорокинской авантюры дезертирство отдельных бойцов и красноармейских групп из армии „на Астрахань" усилилось. В качестве меры по борьбе с дезертирством был поставлен „надежный" заслон у главного пункта по дороге на Астрахань — Святого Креста, в задачу которого входила задержка дезертиров. Командование этим заслоном было поручено одному из лидеров левых эсеров, военному работнику Озерову, который начал подбирать вокруг себя выбитых из колеи сопартийцев. Таким образом, вокруг него стали собираться осколки этой партии со всего Северного Кавказа и в том числе знаменитые ставропольские левые эсеры. Эта концентрация ничего доброго и „путного" не сулила. Она привела к каррикатуре на лево-эсеровский июльский мятеж в Москве. Все-таки без этой операции левые эсеры не обошлись и на Северном Кавказе. У свято-крестовцев начали бродить в голове мысли о создании в этом районе особого государственного образования под их полным и безраздельным руководством. Все ненадежное с этой точки зрения, преданное большевикам, дипломатически из Святого Креста выпроваживалось. В ноябре им рисовался уже следующий план:

—„В ближайшем будущем будет провозглашена Республика. Если большевики или казаки попытаются сунуться, отпор дать есть чем, отряды есть, Правительство Республики намечено, глава Правительства—Бурбыга, военрук — Озеров. Границы Республики пока не определены, потом видно будет. Крестьянство сочувствует и через него надо будет добиться мира с Деникиным".

Такие данные имелись в Ч. К., которая раскрыла их „заговор". Республика, конечно, на свет не успела родиться, так как были произведены своевременные аресты вдохновителей этой идеи — Озерова, Бурбыги и др., доставленных в Пятигорск. Их свита на местах (Левокумская, Прасковея, Арзгир), растерявшись, скрылась. Так бесславно кончили свой путь левые эсеры на Северном Кавказе. А между тем, храбрый и неистовый Бурбыга, после своего освобождения из под ареста, когда уход с Кавказа красных был

уже ясен, заявил: „а что, хуже было бы, если бы вместо Деникина, да мы были бы хозяевами Края?“.

Воистину, этому классическому представителю мелко-буржуазных революционеров,—хоть кол на голове теши! Он никак не мог понять из всего опыта революции, что эта особая Республика, отличная от большевиков и от Деникина, была и неосуществимой и вредной мечтой.

Итоговым фактом истории краевой парторганизации изучаемого нами периода является 2-й Чрезвычайный Северо-Кавказский съезд РКП(б), открывшийся 2-го января во Владикавказе.

Съезд был созван Кавказским Краевым Комитетом, предполагавшим сделать его общекавказским. Но полицейский режим меньшевистской Республики Закавказья не дал возможности прибыть на съезд закавказским большевикам. Как сообщал в прениях по отчету Кавказского Краевого Комитета т. Пастухов, специально ездивший в Тифлис для организации посылки делегатов на съезд— „выехать оттуда невозможно. Были посланы делегаты в Кутаис, но и оттуда никто не сможет приехать. Партийная организация существует, но работа невозможна... Там знают в лицо всех большевиков и с ними борются удачнее, чем николаевские жандармы. Наш тов. М. Цхакая сидит под домашним арестом и за каждым его шагом следят“.[1] Поэтому, первое же заседание „после долгих и горячих прений“ (как сообщает газет. отчет) объявило съезд Северо-Кавказским. По докладу мандатной комиссии на съезде присутствовали делегаты от 26 организаций: от Терека — 18, от Ставрополья — 6, от XI армии — 5, от бронированного поезда — 1, от Северо-Кавказского Комитета — 1, всего — 31 делегат; кроме этого правом совещательного голоса пользовались 7 членов Кавказского Краевого Комитета и все делегаты, присланные на Терский областной съезд. Состав съезда отразил изменившуюся роль в Северо-Кавказской Республике отдельных областей: теперь большинство делегатов было от Терека и Ставрополья, в противоположность предыдущим съездам, на которых преимущественно было представлено Кубано-Черноморье, место которого на данном съезде по существу заняли делегаты XI армии и Северо-Кавказского Крайкома.

Повестка дня съезда была утверждена на 2-м заседании 3-го января: 1) Доклады с мест, 2) отчет и доклад Кавказского Краевого Комитета, 3) текущий момент и задачи нашей партии, 4) конструкция краевой организации, 5) выборы Краевого Комитета.

После утверждения повестки было интересное выступление „политического инспектора т. Калданова“, приветствовавшего съезд от имени Центрального Комитета коммунистов. „Россия не может жить без окраин и на окраины теперь обращено внимание Центральной власти“ — говорил т. Калданов „в центре наша партия играет

[1] Все цитаты взяты из газ. отчета „Народная власть“ — орг. Тер. обл. Совета №№ 4, 5 от 5 и 7 января 1919 г. С.-К. Истпарт. Д. № 1. Уч. карт. № 261. Президиум съезда — Махарадзе, Гикало и Меньшиков.

руководящую роль, он (центр—И. Б.) может отзывать комиссаров, привлекать их к суду и т. д. А у нас на Северном Кавказе этого нет. Партия должна высказаться о конструкции власти и поставить своей задачей создание твердой Советской власти, поэтому я предлагаю поставить в порядок дня вопрос о реорганизации власти на Северном Кавказе".[1] Это предложение было принято единогласно и обсуждение выдвинутого вопроса решили соединить с пунктом „Текущий момент и задачи нашей партии". Данное заседание было закончено двумя выступлениями: сообщением „Президиума Северо-Кавказской горской организации РКП(б) о слиянии Центрального Комитета Осетинской коммунистической организации „Кермен" с бюро Северо-Кавказской организации,"—что свидетельствует о консолидации коммунистических сил на Тереке к концу 1918 года— и приглашением Владикавказского Комитета партии левых эсеров, интернационалистов (были и такие на Северном Кавказе), членов партии и сочувствующих на общее собрание, имеющее быть 5-го января, в 10 часов утра, в помещении клуба „Земля и Воля". В виду важности вопросов, подлежащих обсуждению, явка членов обязательна". Как видим, на Тереке левые эсеры имели свои клубы до января 1919 года и даже делали сообщения на последнем Краевом съезде большевиков — это уже последняя ласточка, которая еще „летала" на поверхности легальной советской жизни в условиях тогдашней горской действительности. Как увидим, об особенностях этой „действительности" на съезде заходил разговор несколько раз.[2]

С докладами о состоянии Ставропольской организации мы уже знакомы. От Терека были выступления: от Пятигорской, Минераловодской, Ессентукской, Незлобинской, Грозненской, Моздокской организаций и „горской партии коммунистов". Прежде всего из всех сообщений вытекает один вывод — большевистские организации на Тереке подвергались за 1918 год неоднократному разгрому, вследствие чего беспрерывной систематической работы не велось, она стала оформляться только с конца осени 1918 г., но везде, исключая Грозный, партработа сосредоточивалась почти исключительно на организации вооруженных сил революции и политработе в армии. Вот сводка наиболее ярких сообщений. Делегат от Пятигорской организации т. Погорелов докладывал: „во время набега Шкуро у нас было 150 шт. и 4 пушки. У нас не было никакой силы. Шкуро чуть не взял Пятигорска. Мы объявили мобилизацию и собрали около тысячи рабочих, из Ессентуков прислали 150 человек и у нас образовался фронт. При слабой организации партии нам грозила гибель. Но благодаря помощи с других фронтов мы

---

[1] Из газ. отч. С.-К. Истпарт. Д. № 1. Уч. к № 251, стр. 2 — 3.

[2] К сожалению, по сообщению зав. Истпарта Влад. Окркома ВКП(б) т. Шаусана, не сохранились все отчеты о съезде, помещен. в газ. „Народная власть" (С.-К. Истпарт. Д. № 1. Уч. карт. № 261, стр. 14), нет доклада и прений по текущему моменту, конца прений и резолюции по докладу Кавказского Краевого Комитета, обсуждения вопроса о конструкции краевой организации.

отбили Шкуро и у нас окрепла как власть, так и партийная организация. Теперь у нас членов организации около 1000 человек... Нужно упомянуть, что наш партийный отряд в 300 штыков принес громадную пользу во время борьбы с деникинцами, наш отряд освободил Ессентуки от кадетских банд"...

Т. Тер-Степанова от Ессентукской организации сообщила: „во время августовского нашествия Шкуро организация была ликвидирована, в виду того, что Ессентуки находятся в прифронтовой полосе, почти никакой творческой работы не ведется... Членов партии 165, сочувствующих 178".

Тов. Голубнев — „Незлобинская организация очень маленькая, всего 110 человек. Введено всеобщее обучение военному делу"...

Тов. Осипов от Грозного —„Чеченское нападение на Грозный разбило нашу организацию. Рабочие рассеялись по всей России. Но теперь жизнь у нас налаживается... Три недели назад были перевыборы в Совет. Из 113 человек прошло 40 коммунистов, 40 сочувствующих коммунистам, 3 меньшевика вошли в нашу фракцию, остальные беспартийные - сочувствующие. Рабочие организованы в пролетарский батальон"...

Выступавший с дополнением тов. Гикало так формулировал положение в Грозном: „Закончена борьба с мещанством среди партии. Борьба с карьеризмом закончилась благополучно. Теперь состав Грозненской организации чисто пролетарский, напоминающий своим составом Петербургские, Московские партийные организации"...

От Моздока — „На 2-м Отдельском съезде Бичерахов захватил власть и разогнал нашу партию"... и т. д.

Все жаловались на недостаток партийных работников, отмечали засилие правых и левых эсеров в прошлом и указывали на укрепление большевистского влияния и расширение рядов партии к концу года: „Теперь ширится среди рабочих влияние коммунистов, ибо после нашествия Бичерахова все рабочие единогласно заявили, что среди них нет эсеров, ни левых, ни правых, а все они коммунисты и возврата к прошлому, когда господствовали эсеры, не может быть"... заявлял т. Осипов от Грозного. „До годовщины Октябрьской революции мы работали в контакте с левыми эсерами, но в день годовщины г-да левые эсеры выпустили провокационные листки, с призывом свержения власти коммунистов. После этого эсеры были исключены из состава Исполкома"...—докладывал тов. Шешнюк из Кисловодска.

Следует специально выделить интересное место в докладе от Грозного о попытках руководства партией хозяйственной работой: „В настоящее время нет у нас совсем частной торговли. Распределение продуктов всецело находится в руках продовольственного отдела (Грозный был единственным пуктктом на Северном Кавказе в 1918 г., где вплотную подошли к экономической политике военного коммунизма. И. Б.)... Промысла национализированы, но только на бумаге. На самом деле у промыслов нет хозяина, нет технических сил для руководства... ибо управляющие, техники и инженеры

саботажники... Еще раз прошу обратить внимание на национализацию промыслов“...[1]

Приведенный материал подтверждает наши рассуждения о том, что на Тереке так же, как и в Ставрополье, к 1919 году мы имели бесспорное укрепление партийных организаций в итоге осеннего разгрома здесь местной контр-революции. Укреплявшаяся связь с центром давала перспективу развертывания работы... но внешняя белогвардейщина стояла у ворот Терека.

Армия, только что перешедшая в наступление, закончившееся катастрофой, стояла в центре событий и съезд главное свое внимание сосредоточил на мероприятиях по укреплению в ней партийного влияния. Резолюция, принятая по докладу о задачах партии в текущем моменте, вся сводилась к этим мероприятиям. Вот она полностью:[2]

„Чрезвычайный Северо-Кавказский съезд РКП(б), заслушав доклад и прения о задачах партии в текущем моменте, вынес следующую резолюцию:

1. Рухнувший Германский империализм, душивший русскую революцию в течение 8-ми месяцев, уступил место еще более обнаглевшему и еще более вероломному империализму.

2. Потерпев поражение на северном и восточном фронтах, империалисты все свое внимание обращают на южный фронт, откуда они хотят нанести Советской России последний и решительный удар.

3. Признавая нынешнее положение Советской России в высокой степени опасным и серьезным, признавая также, что на южном фронте решается судьба русской и международной революции, Чрезвычайный Северо-Кавказский съезд РКП(б) ставит своей главной целью организацию красного фронта и обороны от наступления международных разбойников.

4. Важнейшей и первейшей нашей задачей на Северном Кавказе является в данный момент предоставление всех своих сил и всего своего организационного аппарата для дела укрепления нашего фронта и организации обороны.

5. Принимая во внимание всю серьезность переживаемого момента, 2-й Северо-Кавказский Съезд постановляет:

а) все организации на местах, насчитывающие более 50 членов, должны мобилизовать 1/5 часть наличного состава своих членов и предоставить их в распоряжение военного ведомства для работы в армии и для армии;

б) всем организациям губернским, уездным и окружным, вменяется в обязанность организовать в селах и деревнях среди крестьянства партийные ячейки и организации, посылая для этого своих активных партийных работников;

в) политическому отделу Реввоенсовета XI и XII армий, пользуясь аппаратами политических комиссаров и мобилизованными партийными работниками, позаботиться в самый краткий срок создать ячейки в воинских частях Красной армии и развить до максимума культурно-просветительную работу в тылу и на фронте;

г) в виду громадной важности организации беднейшего крестьянства в деревнях для проведения в жизнь распоряжений Центральной и Краевой Советской власти и для нужд обороноспособности в связи с продовольственными затруднениями, грозящими повальным голодом всей армии, съезд обязывает все партийные организации уездов, округов и губернии в самом срочном порядке насадить по деревням, селам и станицам Комитеты бедноты, по воз-

---

[1] Гикало по этому вопросу сообщил: „Действительно, у нас нет технических сил и потому была послана т. Орджоникидзе в Москву просьба прислать оттуда 12 инженеров и получена телеграмма, что они уже выехали из Москвы“.

[2] Там же, стр. 8 — 9.

можности и Советы бедноты, и подготовить переизбрание всех существующих до ныне Комитетов бедноты, в которые, благодаря темноте и несознательности трудящихся деревни, попали кулаки и мироеды.[1]

6. В виду того, что за последнее время в нашу партию зачастую переходят из-за корыстных целей и в виду того, что подобные элементы прикрываясь именем партии проникают во все советские учреждения, где они своим действием гораздо больше вредят, чем приносят пользу делу укрепления и углубления начала социалистнческой революции, чем в то же самое время они роняют престиж нашей партии, необходимо немедленно приступить к самой основательной чистке нашей партии от этих элементов.

7. Жизнь и опыт показывают, что в последнее время почти повсеместно в России наблюдается сильная тяга в нашу партию со стороны широких трудящихся масс, тяга, выражающаяся в явном сочувствии к ней, поэтому съезд, идя навстречу этому отрадному явлению, высказывает пожелание, чтобы всюду и везде, где только возможно, были образованы группы сочувствующих и чтобы в этих группах была соответствующая пропаганда и агитация.

8. Съезд глубоко убежден, что выход из опасного положения, в котором мы находимся, возможен только при условии строгой революционной дисциплины в рядах нашей партии, беспощадной и самой решительной борьбы с расхлябанностью и разнузданностью в наших собственных рядах, что только уничтожением всех личных счетов между партийными работниками, сознанием всей важности переживаемого момента, наша партия, как всегда, окажется на высоте своего призвания и сумеет справиться с лежащими на ней задачами.

9. Констатируя тот неопровержимый факт, что международная революция из мечты превращается в действительность, что наш союзник — международный пролетариат уже идет к нам на помощь, съезд выражает глубочайшую уверенность в том, что общими усилиями мы выйдем победителями из положения, в котором находится как международный пролетариат, так в частности и пролетариат России.

Да здравствует братство всех народов, да здравствует социалистическая революция!“

Как видим, эта резолюция в качестве основного лозунга бросала призыв превратить оставшуюся Советскую территорию на Северном Кавказе в „единый военный лагерь“. Съезд, давая директивы мобилизации коммунистов в армию, организации Комитетов бедноты по деревням, селам и станицам, чистки партии от примазавшихся элементов, организации групп сочувствующих, решительной борьбы с расхлябанностью и т. д.— стремился выравнять направление и линию работы по центральному образцу. Но как хорошо было бы, если бы такой съезд собрался пораньше. В действительности получилось так, что приведенная нами резолюция была вынесена только в начале января 1919 года, когда было уже поздно ее реализовать. Разъехавшиеся делегаты попали в обстановку отступавшей в панике армии, о которой через 18 дней тов. Орджоникидзе телеграфировал в центр—„XI армии нет“.

Резолюция является документом, который мы должны изучать не как исходный пункт новой полосы строительства и работы, а прежде всего, как заключительный аккорд, из которого нам становится ясно, до какой черты дошла партийная политика и строительство на Северном Кавказе в 1918 году, на чем она оборвалась. Мы должны бросить еще одно замечание, подмечающее один

[1] О середняке опять ни слова, хотя VII партсъезд был теперь гораздо ближе, чем во время работ I Сев.-Кавк. партсъезда.

недостаток работы съезда — в резолюции нет ни одного пункта об особых задачах, которые стояли перед партией в горских районах; своеобразие работы в них, которое мы все время отмечали, освещая революцию на Тереке, съездом не было отражено в основной резолюции, между тем как они, конечно, еще не были и не могли быть исчерпаны предыдущим развитием революции. Здесь сказалась мобилизация всего внимания к армии и ведущая роль на съезде Кавказского Комитета, поглощенного в первую очередь, конечно, Закавказьем—недаром, как мы сейчас увидим, тов. Махарадзе в своем отчете о деятельности Комитета почти обошел проблемы политики в условиях горской Северо-Кавказской действительности.

Между прочим, резолюция показывает, что съезд, приняв предложение тов. Калданова о необходимости обсуждения вопроса о реорганизации власти на Северном Кавказе, недостаточно отразил свое мнение по этому вопросу в принятой резолюции, кроме пункта о Комбедах, — которые, кстати, в начале 1919 года были в России больше в прошлом, чем в настоящем и будущем.

Собственно, на этом можно было бы закончить характеристику работ съезда, ибо доклад Кавказского Краевого Комитета и прения по нему на 95% разбирали вопросы, связанные с историей революции в Закавказье и поэтому являются документами, имеющими ценность прежде всего для Закавказья. Хотя тов. Махарадзе и начал свой доклад сообщением, что „Краевой Комитет был избран на Общекавказской конференции, где были представители от всех городов Кавказа, за исключением Ставрополя“,[1] но весь его доклад был посвящен истории Закавказских событий, кроме указания в конце, что переехавший в середине лета во Владикавказ Краевой Комитет хотел в июне созвать здесь краевой съезд партии, но не смог из-за прекращения сообщения с севером, и заключения: „когда мы приехали сюда, то здесь не было никакой партийной работы. Мы начали вести работу, но в настоящее время члены Крайкома из-за работы в комиссариатах не могут вести усиленной партийной работы“...[2]

Прения также свелись к анализу итогов работы в Закавказье, причем разгорелась дискуссия вокруг вопроса, поднятого тов. Романовым об ошибках Крайкома — „Комитетом были упущены моменты восстания в Закавказье“. Мы не будем здесь давать анализ этой дискуссии, так как она выведет нас за рамки данной работы, отметим только выступление тов. Фигатнера, имевшее отношение к Северному Кавказу — „у нас в Терской области особые условия, и упрекать нас в том, что мы не можем вести прямолинейной политики, нельзя. С переходом сюда Северо-Кавказского Крайкома, я заявляю, что мы сильно полевели, тот кто был здесь в августовские дни, тот знает, что Крайкому принадлежит честь спасения гор. Владикавказа от казаков.“

---

[1] Конференция закончила свои работы накануне Октябрьского переворота 1917 г.
[2] Там же, стр. 6.

В этом выступлении оратор подводил итог борьбы Терской организации „правых“ и „левых“ большевиков, о которой мы упоминали в соответствующей главе настоящей работы.

На этом закончим освещение работ 2-го и последнего Северо-Кавказского партийного съезда, в изучаемый нами период.

Мы подошли к освещению финала борьбы советских армий с северо-кавказской контр-революцией. Пусть читатель вспомнит те „ближайшие“ боевые задачи, которые ставились войскам Каспийско-Кавказского фронта высшим командованием: выйти на линию Царицын — Тихорецкая — Новороссийск. Эти задачи должны были осуществить войска, в которых 11-я армия была самой крупной силой; состояние же ее к декабрю нам уже известно. Потерпевшая в конце лета ряд сильных поражений, все время находившаяся в беспрерывных боях, 11-я армия не получила возможности полностью реорганизоваться на основе приведения ее в соответствие с принципами регулярного строительства всей Красной армии. Попытки в этом отношении делались в октябре — ноябре, все время, но они не были завершены общей успешной реорганизацией. Оставались еще части, в которых процветало митингование, комитеты и даже выборность комсостава. Самая боеспособная часть — б. Таманская армия, в результате тяжелых боев у Ставрополя, была настолько потрепана, что уже мало отличалась от остальных частей. Настроение войск было весьма неустойчивое, наступившая осенняя слякоть, а затем зима, при отсутствии теплого обмундирования, ставили армию в еще более тяжелое положение.

Все же начавшееся наступление в начале января сразу на обоих флангах армии сначала проходило успешно.[1] Но оно не могло развиться в стремительный удар, так как армия слишком была разношерстна, деморализована предыдущим ходом военных событий и легко поддавалась панике.

В результате, эта последняя попытка взять инициативу в свои руки была сорвана.

Дадим краткое описание хода этой последней наступательной операции на левом фланге армии, где действовали части под командой Мироненко. Здесь белые части Шкуро были стремительным ударом сбиты в районе Ессентуки — Кисловодск и за двое суток очутились в Баталпашинске. Красные части ворвались в Баталпашинск, выбивая оттуда уже сильно поредевшие части Шкуро. В это время по красным частям пошел провокационный слух — „мы отрезаны“. Поднялась паника, началась, вместо блестящего наступления, бегство назад.

---

[1] Директива 11-й армии об этом была дана Р. В. С. фронта еще 28-го ноября: „для содействия наступлению войск 10-й армии вдоль Тихорецкой жел. дор. на 11-ю армию возлагается задача, поддерживая связь с 10-й армией в районе Большого Лимана, перейти главными силами в наступление вдоль Владикавказской дороги с целью занять город Армавир и ст. Кавказская. Развить необходимо возможно скорее энергичные действия, чтобы отвлечь внимание и силы противника от района Царицына“. (Свечников. Цитир. соч., стр. 106). Весь декабрь ушел на подготовку армии к выполнению этой директивы и только 2 января 1919 г. наступление началось.

Едва успевшие убежать в лес, между ст. Бекешевской и Баталпашинской, белые, действительно, вышли на дорогу, когда прошли красные на Баталпашинск. Но их было так мало и они так были деморализованы, что при виде красных, направляющихся от Баталпашинска, они снова ушли в лес. На этом участке фронта наступление было сорвано.

Такая же, примерно, история, в это же время вышла с наступлением на Невинномысскую. Победы быстро превращались в поражение, вследствие большой неустойчивости войск. Армия снова начала общее беспорядочное отступление. В это же время был ликвидирован С.-К. ЦИК и члены его влиты в армию (осталась только часть Президиума) в качестве политических комиссаров, инспекторов пехоты, кавалерии, командиров и пр.; на этом кончилась деятельность этого органа. С.-К. Республики, как государственного объединения, уже не существовало, оставалась просто советская прифронтовая полоса и Терская Народная Республика.

17-го января фронтовое командование дает указание 11-й армии отходить по линии Моздок — Кизляр, если не удастся удержаться в районе Минеральных Вод и Святого Креста. Но в это время командование армии уже потеряло руководство своими частями, которые под ударами белых откатывались в страшном беспорядке в Терскую область.

24-го января тов. Орджоникидзе телеграфировал Ленину из Владикавказа:

> „11-й армии нет. Она окончательно разложилась. Противник занимает города и станицы почти без сопротивления. Ночью стоял вопрос покинуть всю Терскую область и уйти на Астрахань. Нет снарядов и патронов. Нет денег... Шесть месяцев ведем войну, покупаем патроны по пяти рублей... Мы все погибнем в неравном бою, но чести своей не опозорим бегством. Тогда положение может быть спасено, если Вами будут переброшены сюда пятнадцать тысяч или двадцать тысяч свежих войск. Дайте патроны, снаряды, денег“...[1]

Так кончался путь 11-й армии от Екатеринодара до Терека. Когда части ее отступили в район Моздока, то армии, как организованного целого, не существовало — было бегство разрозненных отрядов, уже не способных в огромном своем большинстве драться. Холодная, злая зима, колоссальная скученность войск и беженцев в небольшом юго-восточном углу Северо-Кавказского Края, отсутствие теплой одежды, вызвали страшную эпидемию тифа, ежедневно косившего сотни и даже тысячи бойцов. Некоторые считали, что самая главная причина военного поражения — эпидемия тифа, ибо в начале января насчитывалось до 40 тыс. больных (это по скромному подсчету). По докладу Р. В. С. армии в это время две трети бойцов были сломлены тифом. Военспецы

[1] Приложения к работе Свечникова, стр. 221. Эта телеграмма адресовалась и Троцкому и Шляпникову в Астрахань.

же указывают на отсутствие боевых припасов, как главную причину катастрофы.[1]

Но, конечно, главную причину этой катастрофы нужно искать во всем предыдущем ходе событий, анализ которых нами был дан. Тиф и отсутствие боеприпасов были последними ударами, которые добили уже „падающее здание“.

Предполагалось, что деморализованную, впавшую в панику 11-ю армию заменит 12-я, стоявшая в районе Терской области. 11-я же, откатившись в район Червленная — Кизляр — Хасав-Юрт, сможет отдохнуть, реорганизоваться и потом снова двинуться для борьбы с белыми. Но вышло не так. Огромная 11-я армия, покатившись, смяла собою 12-ю, отдельные части которой геройски дрались с армией Деникина вместе с горскими отрядами, но и они, конечно, были разгромлены.

Армии начали отступать по двум направлениям, одно — на Астрахань и другое — на Владикавказ; приблизительно треть всех войск отступала на Владикавказ и две трети на Астрахань.

Пятигорск был занят белыми 20-го января, Прохладная — 26-го. Последние бои с деникинцами, происходившие в районе Владикавказа в начале февраля, освещены нами в главе о Терской Республике. Они были геройскими боями кучек храбрецов, которые, умирая, как бы подтверждали перед лицом российского пролетариата выполнение обещания, данного тов. Орджоникидзе Ленину в телеграмме от 24-го января: „мы все погибнем в неравном бою, но чести своей не опозорим бегством“. Остатки Красной армии, отступавшие на Астрахань, после Черного Рынка подошли к Астраханским песчаным пустыням, к так называемым „Калмыцким степям“. Степные бураны и дикий холод в песках Калмыцкой степи схватили в свои ледяные объятья измученные толпы красных бойцов, предпочитавших итти почти на неизбежную гибель, чем сдаться в плен своему классовому врагу. Конечно, сотни верст почти без населенных пунктов, дезорганизованная армия, превратившаяся в толпу, без огромных жертв пройти не могла. Действительно, путь от Черного Рынка до ближайших к Астрахани сел (Промысловка, Логань и др.) явился воистину крестным путем 11 и 12 армий Северного Кавказа. К Астрахани докатилось лишь около 40 тыс. человек. Все остальные стали жертвами разгрома и отступления.

„5-го февраля, в ясную солнечную погоду, мы начали отход из Кизляра... В ночь на 7-е февраля неожиданно подул резкий ветер, скоро превратившийся в настоящий ураган... Бушевавшая буря препятствовала движению и не давала возможности ориентироваться... Не имея... возможности взять правильное направление среди бушевавших вьюги и урагана, кучки людей бродили взад и вперед по

[1] „Главные причины катастрофы заключались в том, что боевые припасы, отправленные из Астрахани с большим запозданием, не были во-время доставлены XI-й армии и впоследствии попали в руки противника“. Прим. редакции кн. Свечникова на стр. 115.

сугробам из песка и снега... В эти незабываемые дни мне приходилось видеть дикие картины, которые и сейчас встают перед моими глазами. Я как бы сейчас вижу замерзающую лошадь, а вокруг нее 15 замерзших красноармейцев. Эту картину сменяет другая: среди сугробов лежит мертвая лошадь обледеневшие внутренности ее вынуты, вместо них туда забрались люди,—люди, еще недавно бывшие убежденными горячими революционерами, организованными воинами,— превратились в спасающихся от холода животных, искавших спасения в брюхе лошади и все же замерзших. 25 тыс. человек потеряла 11 армия по пути от Кизляра до Астрахани, но все же при невероятно тяжелых условиях отступления сумела вывезти 80 орудий, до 350 пулеметов и несколько тысяч винтовок“.[1]

Вот как описывает потрясающие картины этого похода один из участников.

Этими трагическими фактами кончается история 11 армии—самой крупной вооруженной силы, выставленной рабочими, крестьянами, беднейшими казаками и горцами против контр-революции на Сев. Кавказе в первый этап „героического периода русcской революции“.

История Северо-Кавказской армии,— история быстрых переходов от побед к поражениям, от поражений к победам, в условиях долго затянувшейся партизанской войны. Из Кубанских крестьянско-казачьих красных добровольческих частей и украинских отрядов организовалась 11 армия, вошедшая в объединение Каспийско-Кавказского фронта, руководившегося уже РВС Красной армии всей Российской Республики.

Приняв первые удары окрепшей деникинщины, Сев.-Кавказская армия 10 месяцев приковывала к себе все силы Добровольческой армии и поместно-казачьей контр-революции. Несмотря на ряд поражений, которые она могла бы избежать при другом руководстве, и на ее трагический конец в Астраханских степях, 11 армия вписала незабываемые страницы героических подвигов восставших рабочих, крестьян, беднейших казаков и горцев в период бурных событий 1918 года. Об этом свидетельствует главный руководитель южной белогвардейской армии русских помещиков и буржуазии — Деникин, отметивший такой итог борьбы добровольцев с Красной армией на Сев. Кавказе: „Воинский дух ее (С.-К. армии.— И. Б.) не взирая на отсутствие непосредственного управления центра... был неизмеримо выше, чем в других красных армиях... Справляться с нею нам было труднее, чем с другими... Борьба с нею стоила нам относительно больших потерь. И не раз разбитая, казалось до оснонания, она возрождалась вновь и вновь, давая твердый отпор добровольцам“...[2]

---

[1] Кочергин. „Очерки гражданской войны на Северном Кавказе“. Воспоминания, стр. 53—54. Копия с рукописи, хранящаяся в С.-К. Крайистпарте. Дело № 1. Уч. карт. № 194-к.

[2] А, И. Деникин. „Очерки русской смуты“. Том 4. Книгоиздат. „Слово“. Берлин, 1925 г., стр. 113.

Этот самый „высокий воинский дух", которым Деникин объясняет силу Сев.-Кавказской армии, должен быть назван нами могучей революционной стихией, в порыве которой импровизированно строились красные отряды классовой армии рабочих и крестьян. Значит, сильны были корни рабоче-крестьянской революции на Северном Кавказе, если она могла создать такую мощную вооруженную силу, несмотря на слабость организующего пролетарского руководства и оторванность от центра, в результате немецкой оккупации. Не „воинский дух" вообще, а пролетарско-крестьянский классовый характер состава и целей революционной армии создал из нее эту грозную силу, в то время, как классово-помещичий характер Добровольческой армии таил „в самом зародыше ее... глубокий органический недостаток...", от которого неизбежно должна была пасть деникинщина.

Если „печать классового отбора" помещичьих элементов была предвестником неизбежного разложения и гибели Добровольческой армии, то именно недостаточно четко „приложенная печать" классово-пролетарского руководства была одной из причин тяжелого, но временного поражения Красной армии на Северном Кавказе.

Что (классовый характер) не могло не нести гибель контрреволюции, то, наоборот, должно было дать победу революции...

История революционных событий 1918 года, с лихорадочной быстротой сменявших друг друга, нами закончена. Взметнувшаяся необычайно высоко, встретившая с первых шагов неизмеримо большие трудности и сопротивление классового врага на Сев. Кавказе, чем в центре России, Октябрьская революция сломила здесь это сопротивление на первом этапе революции, но потерпела поражение на втором, когда она стала переводить на социалистические рельсы революционное строительство в станице и селе.

Революционный Северный Кавказ, разбивший в первую половину 1918 года местную казачью и помещичью контр-революцию, дает нам прекрасный аргумент за правильность следующего ленинского тезиса:

— „Если бы большевистский пролетариат попробовал сразу, в октябре — ноябре 1917 года, не сумев выждать классового расслоения деревни, не сумев подготовить и провести его, попробовал декретировать гражданскую войну, или „введение социализма" в деревне, попробовал обойтись без временного блока (союза) с крестьянством вообще, тогда это было бы бланкистским искажением марксизма, непониманием того, что обще-крестьянская революция есть еще революция буржуазная, и что без ряда переходов, переходных ступеней, сделать ее социалистической в отсталой стране нельзя"...[1]

Именно переплетение пролетарской революции с демократической крестьянско-казачье-горско-национальной революцией, с рядом переходных ступеней („Народная власть"), определило разгром

---

[1] Ленин. Собрание сочинений, т. XV, I-е издание, стр. 476.

южной контр-революции зимой и весной 1918 года, как бы закрепленный смертью ее самых видных руководителей — Корнилова, Каледина, Алексеева, Караулова и др. Вторая плеяда вождей — Деникин, Краснов и др. — была уже помельче, но она встретила теперь не единый обще-крестьянский — казачий фронт, а откол от него кулацко-казачьей части. Спрашивается, поэтому ли она смогла победить к концу 1918 года, или все же не это было основной причиной поражения революции? Здесь мы в заключение снова должны поставить вопрос о причинах разгрома Советов на Северном Кавказе.

Вытекало ли это поражение с неизбежностью из того соотношения классовых сил, которое должно было сложиться здесь на основе перегруппировки социальных сил, при переходе от „Народной власти“ к диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства в станице и деревне, когда элементы сословной вражды должны были всплыть с новой силой и решительно перевесить чашу весов в сторону контр-революции? Был ли пролетарский костяк здесь настолько слаб, что он на этой стадии революции не мог сохранить свое руководство, и неизбежно, в силу объективного хода вещей, должен был надломиться и пасть под напором внутренней мелко-буржуазной стихии?

Считаем необходимым еще раз указать, что все развитие революции, разобранное нами, не дает права утвердительно ответить на эти вопросы. Несмотря на то, что мы чуть ли не на каждой странице старались фиксировать внимание на слабости пролетарского руководства, недостаточности охвата большевистским партийным влиянием массового стихийного движения, на большей роли здесь мелко-буржуазных революционеров — левых эсеров, по сравнению с другими районами, на слишком долго затянувшейся здесь партизанщине и т. д., мы все-же считаем, что неверным будет, как это делает Г. Ладоха в своей работе,[1] констатировать, что слабость пролетарского руководства, обусловившегося внутренним соотношением классовых сил Северного Кавказа, как такового, была основной причиной гибели здесь Советских республик. По существу, именно по этой линии идет объяснение причин гибели Сев.-Кав. армии, данное Троцким в 1919 году, — „нигде быть может партизанщина не обошлась так дорого рабочим и крестьянам, как на Северном Кавказе. Таким образом, основной причиной наших южных неудач является не недостатки организации армий южного фронта, а предательская, в полном смысле слова, роль пережившей себя партизанщины“...[2]

---

[1] Г. Ладоха. „Очерки гражданской борьбы на Кубани“. 1923 г. „Основная причина поражения — слабость пролетариата Кубани“ — пишет этот исследователь на стр. 121, совершенно забывая, что и при этой слабости все-таки революция и на Кубаии, и на всем Сев. Кавказе главный удар получила от внешней контр-революции.

[2] „Как вооружалась революция“. 1916 г., т. 2, кн. 1. ВВРС. Москва 1924 г., стр. 222.

Для нас должно быть совершенно ясно, что объяснение „партизанщиной“ основной причины поражения революции на Северном Кавказе в 1918 г. не может быть признано верным. Весь анализ хода борьбы, сделанный нами в настоящей работе, дает картину, где сила поместно-казачьей контр-революции на Северном Кавказе, несомненно, более мощной, чем в каком-либо другом районе России, очень часто заставляет недооценивать при поверхностном взгляде здешние, местные силы революции и отсюда приводит к выводу, что они не могли бы сами без решающей внешней поддержки ликвидировать внутреннюю контр-революцию. Забывают при этом тот факт, что ведь Северный Кавказ с конца весны был отрезан от центра по основному направлению (через Дон), фактически боролся один, и все-таки смог больше 8-ми месяцев держаться и даже наносить поражения крепнувшей контр-революции. И как показал нам анализ, совсем не обязательно было предрешено поражение революции здесь даже осенью 1918 года, когда был оставлен уже Екатеринодар — история Сев. Кав. Республики за этот период вовсе не может рассматриваться нами, как сплошной процесс агонии Советов. Вспомните очищение Терека к концу осени и переход здесь именно в этот момент к ряду мероприятий по углублению революции, укрепление партийного и советского строительства в Ставрополе в ноябре — декабре и, наконец, работу по приведении армии в порядок в этот же период.

Основной и решающей причиной поражения явился тот факт, что революции на Северном Кавказе пришлось иметь дело не только и не столько с местной, сколько с силами внешней контр-революции.

Начало гражданской войны —„это триумф Советской власти, но от сплошного триумфального шествия в октябре, ноябре, декабре на нашем внутреннем фронте, против нашей контр-революции, нам предстояло перейти к стычке с настоящим международным империализмом“.[1]

„Настал период тягчайших испытаний и даже поражения революции в тот момент, когда она предстала перед силой восставшего международного империализма... И результат столкновения революции с этой могучей стеной мировой контр-революции — наше тягчайшее поражение“,[2]—так оценивал Ленин обстановку на 4-м Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов в середине марта 1918 года. Решающим фактором, давшим возможность „передышки“ для внутренней контр-революции во всей России, благодаря которой она смогла оправиться от своих первых поражений, был несомненно германский империализм, заставивший большевистскую Россию заключить тягчайший Брестский мир и оккупировавший Украину и Дон. Если мы при анализе причин поражения революции на Северном Кавказе отвлечемся от всероссийской обстановки

[1] Ленин, собр. сочинений т. XV, стр. 119. (Доклад по вопросу о Брестском мире на VII съезде ВКП (б) 6—8 марта 1918 г).

[2] Там же, стр. 162—163.

и роли германской оккупации в более поздней союзнической интервенции, то мы не сможем дать правильный ответ на вопрос о причинах поражения, учитывающий всю совокупность той реальной действительности, в которой развернулась южная контр-революция.

Получилось именно так, что к лету 1918 г. неизмеримо более сильная поддержка Северному Кавказу извне была оказана по линии контр-революции, а не революции.

Брест-Литовский мир, лишив центральную Россию возможности установления крепкой связи с Северным Кавказом, в то же время дал точку опоры и базу для возрождения на юге поместно-казачьей контр-революции и концентрации здесь сил всероссийской помещичье-буржуазной белогвардейщины. Именно этот решающий факт лежит у начала того периода, когда Сев.-Кавказская революция начала терпеть поражения, потеряв самый важный политический и стратегический район, ключ к Кавказу — Дон. Только в этой связи, а не в перегруппировке классовых сил в середине лета, главным образом, мы должны искать основной корень, на котором выросла контр-революция, оказавшаяся в силах победить здесь Советы.

Ведь в конце-концов политика классового расслоения деревни, вызвав переход в лагерь контр-революции кулацкого крестьянства и колебания в среднем крестьянстве, активизировала белогвардейщину по всей стране. На Северном Кавказе эта активизация была несомненно больше, чем в других районах, вызвала более мощный взрыв белого движения, но и здесь она, бесспорно, не вела к неизбежному поражению революции без решающей помощи ей пролетарской России. Восемь месяцев борьбы — этому доказательство. Пролетарская революция не смогла довести до конца буржуазно-демократическую революцию на Северном Кавказе в 1918 году прежде всего потому, что она вынуждена была принять здесь удары объединенных сил местной, всероссийской и мировой контр-революции. Это основное, но им нельзя ограничиться при анализе причин поражения революции. Тщательный разбор всего хода гражданской войны во второй половине 1918 года должен нам осветить место и удельный вес других причин, форсировавших поражение, которое при большей затяжке борьбы могло быть не только отсрочено, но и, возможно, предотвращено при условии оказания большей поддержки Северному Кавказу центром революции. Вот в этом то ряде причин на первое место мы бесспорно могли поставить слабость пролетарского руководства, перехлестывание стихии через партийно-большевистское руководство революцией (здесь-то партизанщина и сыграла свою роль), вытекавшие (слабость и перехлестывание) не только из незначительности местной пролетарской базы, но и из ряда субъективных ошибок руководящей верхушки Сев.-Кав. Республики.

— „Нет сомнения, что Советская власть во многих случаях не проявляла достаточной решительности в борьбе с контр-революцией и в таком виде она была не железо, а кисель, на котором

социализма не построишь. Мы не победили мелко-буржуазной стихии... Мы будем беспощадны, как к нашим врагам, так и по отношению ко всем колеблющимся и вредным элементам из нашей собственной среды, которые осмелятся внести дезорганизацию в нашу тяжелую творческую работу..."[1]

Эти слова Ленина должны быть нами отнесены в определенной дозе и к политическому руководству Северо-Кавказской Республикой на основе того анализа этого руководства, который мы дали выше.

Основной факт, на котором вскрывается „недостаточная решительность", „кисель" руководства — это борьба с партизанщиной, система руководства строительством Красной армии на Северном Кавказе. Если не вспоминать больших колебаний в связи с реализацией Брестского мира, доказывающих наличие мелко-буржуазной мягкотелости и других показателей, а остановиться только на руководстве армией с лета 1918 года, то и здесь бросается в глаза этот „кисель", мягкотелость, недостаточная решимость борьбы с партизанщиной, или же неудачные, эпизодические попытки к „решимости". Наше освещение роли Сорокина и условий, в которых развернулась сорокинщина, показало, что причинами этой „дезорганизации" революционных рядов и являлась „мягкотелость" руководящей верхушки Республики. Этот прорыв пролетарского руководства мелко-буржуазной стихией смог иметь место главным образом потому, что ЦИК и Крайком проявили в этот период по отношению к армии отсутствие твердости и гибкости в руководстве, которые могли бы быть проявлены в тех условиях. Они оказались бессильными перед Сорокиным не потому, что обстановка не позволяла им что-нибудь предпринять для предотвращения авантюры, а вследствие отсутствия той „решительности", без которой по Ленину мы не можем победить. Получилось именно так,— большая решимость в стремлении организовать борьбу с немцами, пренебрежение к деникинской контр-революции и в то же время мягкотелость в борьбе с партизанщиной в армии. Все это могло „пройти даром" и, бесспорно, не обусловило бы разгрома Советов, если бы контр-революция и, прежде всего, деникинщина, не получила такой базы для своего развития, как иностранная оккупация и интервенция. Но помощь западно-европейского империализма создала условия, при которых у контр-революции образовался более крепкий организующий центр в лице Доброволии, чем у революции в лице руководящих органов Северо-Кавказской Республики. И в этих-то условиях охарактеризованное нами руководство способствовало форсированию разгрома революции здесь в 1918 году. При другом руководстве борьба могла затянуться и может быть настолько, что центр смог бы успеть оказать решающую поддержку, которая предупредила бы триумфальное шествие деникинщины по Терской

---

[1] Ленин, т. XV, стр. 175 („Речь в Московском Совете Р. и К. Депутатов" 23-го апреля 1918 г.).

области в начале 1919 года. Но, повторяю, ошибки и слабость руководства, затянувшаяся партизанщина, и, наконец, тиф, сыграли роль таких отрицательных факторов и явились причинами поражения революции только благодаря тому, что Советы боролись на полях Дона, Кубани, Ставрополья и Терека, не только с силами местной контр-революции, а и со всероссийской белогвардейщиной, развернувшейся под эгидой и при помощи германского и антантовского империализма. Вся мощь и внутренние силы революции на Северном Кавказе становятся для нас ясны из того факта, что, несмотря на слабость и ошибки руководства, революционный поток пролетарских, крестьянских и горских масс оказался в силах долго сопротивляться наступавшему классовому противнику, вплоть до начала 1919 года.

За год вооруженной борьбы трудовых масс края против старых норм общественной жизни возникали и падали под ударами контр-революции Советские Республики. То существуя рядом друг с другом, то сменяя одна другую, они к началу 1919 г. умерли под ударами южной контр-революции (поместно-казачья, плюс всероссийская, плюс иностранная интервенция), возглавленной Деникиным.

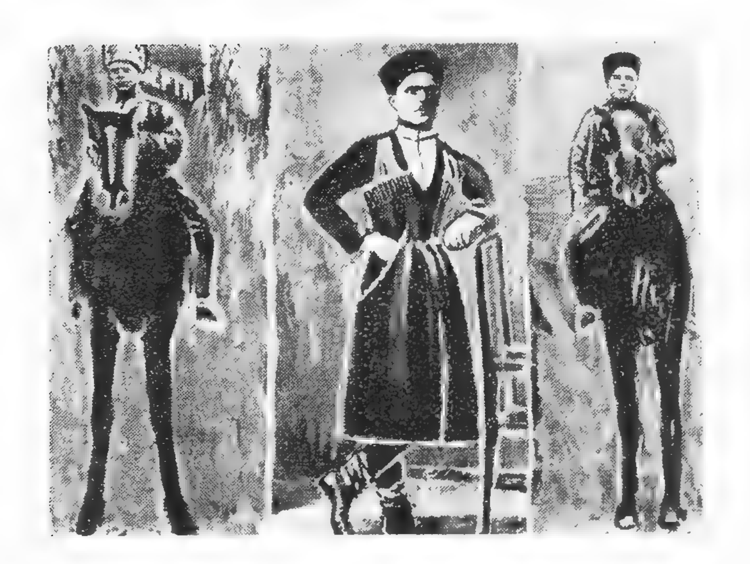
Вооруженные силы этих 7 советских образований — огромные армии, объединяясь между собой, в процессе борьбы с контр-революцией и перестраиваясь на началах „нормально существующей Красной Армии“, так и не завершили этого процесса, и все же, не смотря на это, красные части Республик были той могучей силой, которая не только приковала к себе почти все вооруженные силы контр-революции юга на 7—8 месяцев и тем развязала руки российской Красной армии, боровшейся на других фронтах, но и сильно измотала и обескровила силы „единой неделимой России“. Недаром водитель южной контр-революции генерал Деникин, вспоминая этот период борьбы, пишет: „... справляться с нею (11-й С.-К. Красной армией—И. Б.) нам было труднее, чем с другими... борьба с нею стоила нам относительно больших потерь“...

В кровавых бурях беспрерывной борьбы Республики вели новое строительство и основные вопросы жизни (аграрный, национальный, сословный, религиозный, организация новых хозяйственных форм и др.) нашли свое разрешение в интересах огромных масс трудового населения края, которые, столкнувшись позже с разрешением этих вопросов деникинщиной, дружно восстали против нее. Задержав вооруженные силы южной конт-революции на себе в течение многих месяцев, дав перспективы советского строительства по основным направлениям, Республики пали под ударами мощных сил объединенной контр-революции, но самый факт их существования был тем ядом, который с течением времени все больше и больше разрушал организм деникинско-казачьей государственности. В этом историческое значение Советских Республик на С.-Кавказе в 1918 г.

ТИПЫ КАЗАКОВ.



Донцы



Кубанцы.



Терцы.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. К ТЕРСКОЙ НАРОДНОЙ ССР.

Декрет № 62.

Об организации власти в Терской области.

5 апреля 1918 г.

Основные положения управления Терским краем, утвержденные Терским Областным Народным Съездом в заседании от 3 марта 1918 г.

§ 1. В состав Терского края входят территории и население Пятигорского, Моздокского, Сунженского и Кизлярского отделов и Нальчинского, Назрановского, Грозненского, Хасав-Юртовского, Веденского и Владикавказского округов.

§ 2. Терский край есть составная часть Российской Федеративной Советской Республики, учрежденной на основе свободного союза свободных наций.

§ 3. Терский край управляется народной властью, избранной всем населением края на основании тех законов, кои будут установлены.

§ 4. В пределах, предоставленных основными законами Российской Федеративной Советской Республики, Терский край имеет всю полноту власти на своей территории.

§ 5. Народная власть Терского края имеет целью охранять революционный правопорядок, поддерживать спокойствие и гражданский порядок края, защищать свободу и права трудовых масс и содействовать дальнейшему освобождению трудящихся от гнета класса эксплоататоров.

§ 6. На народную власть Терского края возложено: охрана интересов труда, народного здравия, расширение народного образования, общественное призрение, проведение и наблюдение над всеобщей трудовой повинностью, улучшение местных путей сообщения, телеграфа, телефона и почты, социальное страхование на случай инвалидности, старости, болезни, беременности и безработицы, строительное дело, проведение общественных работ, энергичнейшее воспособление земледелию и промышленности, продовольственное дело и ряд других задач, кои будут выдвинуты жизнью и в согласии с основными законами Российскими будут предоставлены решению отдельных советских федераций.

§ 7. В области таможенной политики вся власть принадлежит исключительно общероссийским установлениям и учреждениям, почему народная власть Терского края не может устанавливать никаких взиманий на ввозимые и провозимые продукты и фабрикаты.

§ 8. Для покрытия общих расходов по удовлетворению культурных нужд населения и по содержанию государственного административного аппарата, народная власть имеет право взимать налоги и пошлины, свободно распоряжаться теми доходами, кои поступят от тех или иных предприятий, принадлежащих народной власти.

§ 9. Составленная на каждый год смета всех доходов и расходов Края и утвержденная народной властью представляется верховной власти Российской Федеративной Советской Республики.

§ 10. Если в представляемой смете доходы превышают расходы, то излишки доходов поступают в ведомство финансов Российской Федеративной Советской Республики.

§ 11. Терской народной власти предоставляется право обращаться к общероссийской Центральной власти с ходатайствами по покрытию дефицитов сметы.

§ 12. Право выпуска денежных знаков принадлежит только Центральной общероссийской власти, но народная власть Терского края в случае недостатка разменных знаков имеет право выпускать боны, обеспеченные в той или иной степени общероссийскими денежными знаками крупных купюр.

§ 13. Только с разрешения Центральной общероссийской власти народная власть Терского края может производить внутренние и у других советских федераций займы.

§ 14. Право конверсии займов Терского края принадлежит только Центральной власти Российской Федеративной Советской Республики.

§ 15. Сборы и взимания обще-государственных налогов на территории Терского края принадлежит Терской народной власти, обязанной общую сумму этих налогов передать в ведение Центральной общероссийской власти.

§ 16. Главную часть доходов Терская народная власть должна черпать из подоходного, поимущественного и с наследств налога и только дополнительно Терская народная власть имеет право устанавливать косвенные налоги.

§ 17. Право вступать в торговые договоры с теми или иными государствами принадлежит только Центральной общероссийской власти.

§ 18. Право регулирования торговых и экономических отношений соседних федераций присвоено только общероссийской Центральной власти.

§ 19. Терский край имеет право вступать с соседними в договорные отношения по предметам специального законодательства, суда и управления постольку, поскольку эти договорные отношения не противоречат конституции Российской Федеративной Республики.

§ 20. Терская народная власть на своей территории имеет всю полноту законодательной, административной и судебной власти при условии, чтобы акты власти, во-первых: не содержали в себе ничего противоречащего конституции Российской Федеративной Советской Республики, во-вторых: не нарушали основных прав гражданства, предоставленных конституцией общероссийской, в-третьих: могли быть отменены, если того хочет большинство населения Терского края.

§ 23. В случае возникновения конфликта с соседними советскими федерациями, Терская народная власть обязана воздержаться от всякого самоуправства и вооруженной борьбы, по всякому вопросу, вызывавшему конфликт с соседями, Терский край обязан обращаться к общероссийской власти В случае нарушения порядка внутри или когда Терскому краю угрожает опасность со стороны соседа, то Терская народная власть должна немедленно уведомить об этом Центральную общероссийскую власть, дабы последняя могла принять надлежащие меры. Только в исключительных случаях, когда невозможно промедление или прерваны сношения, благодаря стихийным обстоятельствам с Центральной российской властью, Терский край, заручившись согласием и поддержкой остальных соседей, может принять меры по разрешению конфликта с враждующим соседом.

§ 24. Терский край не в праве препятствовать продвижению войск общероссийских, а территориальных только в том случае, когда на это последовало распоряжение Центральной общероссийской власти.

§ 25. Железные дороги, признанные общегосударственным достоянием, руководятся только теми законами и указаниями, которые издаются Центральной общероссийской властью.

§ 26. Народная власть Терского края обязана заботиться о том, чтобы железнодорожная администрация во всякое время содержала пути и постройки в состоянии, обеспечивающем необходимую безопасность, и чтобы железные дороги были снабжены подвижным составом настолько, насколько этого требует потребность в движении.

§ 27. Почта и телеграф регулируются только Центральной общероссийской властью, которая и получает все доходы, приносимые этим ведомством.

§ 28. Установленные Центральной общероссийской властью в согласии с Терской народной властью и с волей служащих Края те или иные лица коллегии в почтово-телеграфном и железнодорожном ведомствах имеют право и обязанность заботиться об установлении и охранении единства в организации Управления и Отправления службы железных дорог, почты и телеграфа.

§ 29. Терский край для осуществления тех или иных задач имеет право производить экспроприации, реквизиции и секвестры движимого и недвижимого имущества, принадлежащего гражданам.

§ 30. Народная власть Терского края следит за тем, чтобы в Крае было достаточно и русских и горских школ, в которых бы обучалось молодое поколение.

§ 31. Все российские граждане, проживающие в пределах Терского края, полноправны и потерять право гражданства могут только или по уголовному приговору суда, или в случаях, предусмотренных Российской конституцией.

§ 32. Каждый гражданин свободен и не может подлежать задержанию ни по чьему указанию. за исключением Народной власти, которая в 24 часа с момента задержания должна представить законные основания, послужившие причиной ареста, и передать дело в суд.

§ 33. На территории Терского края жилище неприкосновенно, а потому явка в квартиру, обыск и выемка допускается только в законно установленных случаях и формах.

§ 34. В Терском крае обеспечивается полная свобода религиозного исповедания, объединение в религиозные общества домашнего и общественного богослужения.

§ 35. Пользование гражданскими и публично-государственными правами не зависят от религиозного исповедания лиц, но пользование религиозной свободой не должно стеснять исполнение гражданских и государственных обязанностей.

§ 36. Родители и их заместители не имеют права оставлять своих детей без достаточного начального образования.

§ 37. Каждый гражданин имеет право свободно высказывать свое мнение при посредстве слова, печати и художественного изображения.

§ 38. Всякое ограничение свободы слова и печати может последовать только от законодателей и не от какой другой власти.

§ 39. Все граждане без предварительного на то разрешения имеют право собираться на митинги или собрания для обсуждения всяких вопросов, не противных закону и общественным правам.

§ 40. Все граждане имеют право соединяться в общие свои союзы для осуществления целей, не противных уголовному закону.

§ 41. На территории Терского края обеспечивается неприкосновенность частной переписки, за исключением ограничений, необходимых при уголовном следствии.

§ 42. Каждому представляется право свободно избирать занятия и работы и право выступать в согласии с коллективом с отказом от работ.

§ 43. Никто не может подвергнуться высылке в ином, кроме судебного. порядке.

§ 44. В пределах Терского края каждый гражданин пользуется правом свободно селиться там, где он хочет, если он не имеет ограничений в правах, происшедших по судебному приговору.

§ 45 Все граждане, жительствующие на территории Терского края, подчиняются по общему правилу юрисдикции и законодательству Края.

§ 46. Никто не может отговариваться незнанием закона, как общегосударственного, так и краевого, или распоряжения, обязательного постановления, изданного соответствующими властями.

Органы власти Терского края.

§ 48. Верховную власть Терского края. поскольку такая представлена обще-Российской конституцией, на территории Терского края осуществляет Терский Народной Съезд.

§ 49. Терский Народный Съезд составляется из депутатов, избранных на основе тех избирательных систем, кои установлены на местах.

Примечание. Правильность и закономерность тех избирательных систем, на основе которых избираются депутаты Народного Совета, устанавливает сам Съезд.

§ 50. На каждые 3000 населения избирается один депутат Терского Народного Съезда.

Примечание. Селения и поселки, аулы, станицы и т. д. насчитывающие менее 3000 населения, но не менее одной тысячи, имеют право избирать одного депутата.

§ 51. Правом голоса при выборах и голосовании без различия пола, вероисповедания, национальности может пользоваться всякий гражданин, которому исполнилось 18 лет.

§ 52. В депутаты Терского Народного Съезда может быть избран всякий гражданин, имеющий право избирать, активное избирательное право.

§ 53. Терский Народный Съезд собирается не менее 2-х раз в год для решения назревших вопросов, дачи общего указания Терскому Народному Совету и выборов Терского Народного Совета.

§ 54. Для законности Терского Народного Съезда необходимо присутствие на нем более половины всех депутатов. На Терском Народном Съезде дела решаются абсолютным большинством голосов.

§ 55. Терский Народный Съезд для управления Краем и законодательства избирает Терский Народный Совет на основе принципа пропорционального представительства и с расчетом от каждых 25000 населения один член Народного Совета.

§ 56. На заседаниях Народного Совета председательствует избранный Советом председатель или его заместитель.

§ 57. Все члены Народного Совета во время сессий его или занятий в различных комиссиях. образованных Советом, или во время исполнения тех или иных поручений Совета получают суточные из кассы Терского края в установленном размере.

§ 58. Для непосредственного управления Краем Терский Народный Совет избирает Терский Совет Народных Комиссаров, руководящийся в своей деятельности директивами и указаниями, преподанными Терским Народным Советом.

§ 59. Постановления и решения Терского Народного Съезда толкуются или только самим Съездом, или Народным Советом, но никоим образом не Советом Народных Комиссаров, который всецело подотчетен Народному Совету.

§ 60. Все указания Терского края только в том случае имеют силу. если они изданы Терским Советом Народных Комиссаров только по утверждению Терским Народным Советом.

§ 61. Терский Совет Народных Комиссаров может быть составлен Терским Народным Советом путем выбора Народных Комиссаров как из своей среды, так и путем приглашения тех или других лиц из числа полноправных Российских граждан.

§ 62. Дела Терского Совета Народных Комиссаров разделяются по ведомствам, во главе которых стоят комиссары.

§ 63. В составе Терского Совета Народных Комиссаров имеются следующие ведомства: 1) местных самоуправлений. 2) суда, 3) торговли и промышленности, 4) финансов, 5) труда, 6) военные, 7) народного просвещения, 8) земледелия и 9) продовольствия.

§ 64. В случае надобности Терский Народный Совет может установить и другие ведомства как путем выделения их из существующих, так и образованием новых.

§ 65. Комиссары ведомств имеют право в согласии со всем Советом Комиссаров приглашать для постоянных и случайных работ на ответственных постах сотрудников из числа полноправных граждан Российских.

§ 66. Президиум Народного Совета следит за законностью действий Совета Народных Комиссаров и в случае нарушения закона Советом Комиссаров при первой возможности докладывать об этом Терскому Нзродному Совету.

Положение о национальных и отдельских самоуправлениях.

§ 1. В отделе или в округе главным органом общественного хозяйства и управления являются окружной или отдельский трудовой народный съезд и органы, им уполномоченные—Трудовой Народный Совет и Исполнительный Комитет.

§ 2. В пределы ведомства окружного и отдельского трудового народного здравия: развитие средств народного просвещения, общественное призрение, улучшение местных путей сообщения, устройство и содержание местной почты, противопожарные меры, строительное дело, воспособление местному земледелию, промышленности и торговле, борьба с безработицей, содействие с кооперацией, продовольственное дело, агрономическая помощь населению, заведывание отдельской или окружной милицией, охранение общего гражданского и революционного порядков, регулирование землепользованием и попечение о иных местных нуждах и пользах.

§ 3. Окружной или отдельский Народный Съезд составляется из депутатов станиц, аулов, селений и городов, избранных на основе тех избирательных систем, кои признаны на местах.

Примечание. Правильность и закономерность избирательных систем, принятых на местах, устанавливается Терским Народным Советом.

§ 4. Окружной и отдельский Народный Съезд собирается не менее 2-х раз в год по особым повесткам, рассылаемым Терским Народным Советом.

§ 5. Для осуществления задач управления и проведения мероприятий по общественному хозяйству окружной и отдельский съезды и Народные Советы имеют право издавать обязательные постановления, административные распоряжения, руководство и наказы.

§ 6. Распоряжениям и обязательным постановлениям окружных и отдельских Народных Советов и Съездов подчиняются не только сельские поселения, но и города, находящиеся на территории округа или отдела и не выделенные в самостоятельную самоуправляющуюся единицу.

§ 7. Окружной или Отдельский Народный Съезд выбирает из своей среды или полноправных граждан Российских Исполнительный Комитет. Количество членов Исполнительного Комитета определяется самим Советом.

§ 8. Народный Совет выбирается на год, но в том случае, если Народный Совет в целом или отдельные его члены не выражают более мнения и настроения своих представителей, Народный Съезд может лишить полномочий как весь Народный Совет, так и отдельных его членов.

§ 9. Народный Совет выбирает одного своего представителя и его товарища, на обязанности которых совместно с секретарем Народного Совета лежит: 1) созыв сессий Народного Совета и Народного Съезда, 2) выработка порядка дня Народного Совета и Народного Съезда, 3) подготовка материалов по всем запросам, подлежащим рассмотрению Народного Совета и Народного Съезда, 4) контроль над законностью действий Народного Исполнительного Комитета.

§ 10. Секретарь Народного Совета выбирается ежегодно для заведывания всем делопроизводством Совета как из членов Народного Совета, так и из числа полноправных граждан.

§ 11. Окружной или отдельский Народный Совет собирается на очередные заседания и сессии, устанавливаемые самим Народным Советом.

§ 12. Для несения текущей работы по местному управлению и общественному хозяйству Окружной или Отдельский Народный Совет избирает окружной или отдельский Исполнительный Комитет, количество членов которого устанавливается Народным Съездом.

§ 13. Членами Исполнительного Комитета Народный Совет может избрать всякого полноправного гражданина. Член Исполнительного Комитета, не состоящий членом Народного Совета, пользуется только правом совещательного голоса на заседаниях Совета.

§ 14. Окружной или Отдельский Народные Советы и Исполнительные Комитеты обладают всеми правами учреждения, т. е. имеют полное право заключать договоры, приобретать и отчуждать владение, искать и отвечать на суде.

§ 15. Для покрытия текущих расходов окружной и отдельский Народные Советы имеют право под руководством Терского Народного Совета и с утверждения окружного или отдельского Народного Съезда устанавливать налоги и сборы.

§ 16. Смета округа или отдела, выработанная Исполнительным Комитетом, утверждается Народным Советом не позже 1 декабря и представляется Терскому Народному Совету.

§ 17. Окружной или отдельский Народный Трудовой Совет рассматривает и делает сводку всем сметам, представленным сельскими общественными управлениями.

§ 18. Окружной и отдельский Народный Совет имеет право, согласовывая работу сельских общественных управлений в области общественного хозяйства, давать руководящие указания сельским Народным Советам, но эти указания не должны поглощать собой инициативу и самодеятельность сельских общественных управлений.

§ 19. Право надзора и контроля за законностью действия и постановлениями сельских Народных Советов и Исполнительных Комитетов принадлежит окружному или отдельскому Народному Совету.

II. К СЕВЕРО-КАВКАЗСКОЙ ССР.

Копия с копии.

Протокол № 14

заседания Президиума Центрального Исполнительного Комитета Северо-Кавказской Советской Республики от 16-го июля 1918 г.

Председательствовал тов. Рубин.

Секретарь тов. Жвирблянский.

Слушали: 1. Доклад т. Дунаевского.

Постановили: 1. а) Предложить т. Дунаевскому срочно выехать к Народному Комиссару Труда—Шляпникову за денежным подкреплением.

б) Послать телеграфное распоряжение Туапсинскому Совету Народных Депутатов о немедленном переводе в г. Екатеринодар пяти миллионов руб., в противном случае туда будет приостановлена подача хлеба.

в) Утвердить Коллегию по Управлению Комиссариатом почт и телеграфа, избранную 1-м Чрезвычайным съездом почтово-телеграфных служащих, в составе 5-ти лиц: т.т. Пуц, Овчаренко, Набойчик, Кукуренко и Рябушка.

г) Не открывать кредита Черноморско-Кубанской железной дороге впредь до рассмотрения установленным порядком предъявленной сметы.

д) Дать право представителям отдела снабжения при Военном Комиссариате на реквизицию в прифронтовой полосе у состоятельных лиц лошадей для нужд действующей армии с уплатой по ним по окончании военных действий.

е) Ведение всеми продовольственными грузами, прибывающими и отбывающими со ст. Екатеринодар, принадлежит исключительно продовольственным организациям.

Слушали: 2. Доклад тов. Рубина.

Постановили: 2. а) Предложить тов. Дунаевскому совместно с комиссаром финансов Темченко разработать подробную инструкцию о порядке и способах наложения контрибуции на местах.

б) Разрешить Каладинскому Совету Народных Депутатов наложить контрибуцию на состоятельный класс станицы.

Слушали: 3. Доклад тов. Крайнего.

Постановили: 3. а) К принятию и проведению в жизнь положений устава Всероссийского Пролетарского Союза почтово-телеграфных служащих в пределах Северо-Кавказской Советской Республики со стороны Центрального Исполнительного Комитета препятствий не встречается.

б) Вопрос о включении Председателя общеармейского Комитета Северо-Кавказской Советской Республики тов. И. Берзона в состав членов Центрального Исполнительного Комитета передать на очередное пленарное заседание ЦИК с положительной по данному вопросу резолюцией Президиума.

в) Вопрос о передаче через посредство С. В. Чижова всего снаряжения военного и морского ведомств в ведение Народно-Промышленного Комитета временно отложить до созыва Совещания из Президиума ЦИК, Председателя Коллегии Народного Хозяйства и Военного Комиссара для детального обсуждения этого вопроса.

г) Предложить члену ЦИК тов. Бережному создать технический аппарат по удовлетворению хозяйственных нужд членов Центрального Исполнительного Комитета.

д) Разрешить Балису, согласно его заявления, 2-хнедельный отпуск без права выезда из гор. Екатеринодара. Выдать тов. Балису ссуду на лечение в размере месячного жалованья, а также отпустить натурой белье и обувь.

е) Выдать тов. Онипко пособие, согласно его заявления, в размере месячного жалованья, как Секретарю ЦИК.

ж) Запросить тов. Вильяковского по существу поданного им заявления, так как выражения о „маклерах" и „торгашах" революции непонятны и носят незаконченный характер,—в силу указанных причин Президиум ЦИК никакого суждения по данному вопросу иметь не может.

з) В отпусках членам Центрального Исполнительного Комитета т.т. Ачкасову, Канунько, отказать.

и) До выяснения общего вопроса о субсидиях членам Центрального Исполнительного Комитета, в выдаче пособия т. Циунчуку—отказать.

к) Членам Центрального Исполнительного Комитета, не занимающим определенных должностей по Коллегии, в выдаче жалования отказать. Поставить в порядок дня очередного заседания Пленума Центрального Исполнительного Комитета вопрос о распределении членов ЦИК по Коллегиям.

л) К отпуску членов Центрального Исполнительного Комитета т.т. Адамовича и Иванова препятствий со стороны Президиума не встречается.

Выяснить, являются ли указанные члены Центрального Исполнительного К-та „почетными членами" или работающими в тех или иных Коллегиях, в первом случае заимообразно сумму, потребную для проезда, во втором в счет жалования.

м) Смету по содержанию служащих отдела по охране народного имущества передать тов. Акулову на заключение.

Слушали: 4. Доклад т. Акулова.

Постановили: 4. а) Поручить военному комиссару поставить воинский караул у Городского отдела Призрения. Средства, потребные для удовлетворения семей красноармейцев, будут даны через 3 дня.

б) Ходатайство персидского консула о разрешении ему ввоза медикаментов из Украины и Германии в пределы Северо-Кавказской Советской Республики отклонить.

в) Таманскому отдельскому б-ну в отпуске испрашиваемых тридцати трех тысяч двухсот семидесяти пяти руб. отказывается за отсутствием связи с центром и свободной денежной наличности.

г) Предложить Чрезвычайно - Следственной Комиссии немедленно принять меры, путем телеграфного распоряжения в Новороссийск, к аресту Петрова и переводу имеющихся при нем денег в кассу Республики.

д) Дело Исполнительного Комитета увечных воинов об утверждении сметы передать тов. Крайнему на заключение.

е) Предложить тов. Сорокину представить все свободные железнодорожные помещения для размещения в них беженцев железнодорожников из ст. Тихорецкой.

ж) Предложить Председателю Коллегии Призрения выдавать семье тов. Александра Никитьевича Семенова пособие в размере солдатского пайка.

Подлинный подписали:

Председатель Центрального Исполнительного Комитета А. Рубин.

М. П.

Верно: Секретарь Жвирблянский.

Протокол № 15

(15-го июля нов. ст. 1918 г.)

совместного заседания президиума Центрального Исполнительного Комитета Северо-Кавказской Социалистической Республики с главнокомандующим армиями Северного Кавказа тов. Калниным и представителями штаба.

Был заслушан доклад главнокомандующего армиями т. Калнина.

На троицу в районе Великокняжеского действовала дивизия, состоящая из казачьих и иногородних полков. Неудачи дивизии, бывшей под командой т. Федько, объясняются полным разложением войсковых частей, упадком дисциплины. Войсковые части отошли на станцию Тихорецкую, таким образом образовался прорыв фронта, которым кадеты воспользовались и заняли Торговую. Наши отряды отошли на Медвежью и Незамаевку.

Были переброшены полки: Староминской, Ейский, часть Черноморского, прибыло подкрепление—Тимошевский полк.

Неприятель обошел нас с флангов и мы вынуждены были отступить от реки Еи. После сражения у реки Еи полки были двинуты на Тихорецкую.

Кадеты действовали следующим образом: посылали в какую - нибудь станицу своих 5—6 человек и призывали присоединиться, на что казаки охотно соглашались и выставляли до 300 и выше людей на конях и с вооружением. Ставропольская дивизия осталась в Тихорецкой, окружив ее окопами. Кадеты двинулись на разъезд Шохры. Таким образом кадеты прошли до Тихорецкой. Мною был отдан приказ двинуть находящиеся в Тихорецкой снаряды, снаряжение и пр. по направлению из Екатеринодара на Кавказскую отодвинуть нельзя, так как Шохры были заняты. Кадеты находились между Сасыкой . . . . Была связь с Кущевкой. Мосты были исправлены, присланы броневики и поезда с провиантом. Бой под Тихорецкой принял лишь правый фланг, левый боя не принял, бежал и таким образом наши позиции были взяты. Мы отступили от Тихорецкой до Новодмитриевской. Из состава штаба выбыло 5-ть человек, остался один броневик, никого из команды, находившейся на нем, не уцелело — все погибли. Противник был вооружен морскими орудиями. Отряд т. Юдина отступил на Юшковскую. В Березинской был сборный пункт У Челбас происходила с кадетами перестрелка.

На солдат советских войск у Тихорецкой сильно повлияла литература, разбрасываемая с немецких аэропланов и призывающая не подчиняться главнокомандующему, указывая на то, что каждый солдат продан их солдату. Было произведено покушение на мою жизнь, но солдат, подосланный убить меня, был задержан. В настоящее время группа наших войск занимает Станичную и посылает разъезды до Выселок. Чистову был отдан приказ двинуться на Белую Глину, другим отрядам были даны диспозиции действовать вдоль железнодорожной линии, но все эти задания не были выполнены, что и явилось причиной нашего поражения. Черноморский, Павлоградский и Таганрогский полки мобилизовали иногородних. Таким образом составился отряд в 5.000 человек, который был двинут на Торговую. Связь у этой группы с Сорокинским отрядом имеется. 17-го утром был дан приказ Сорокину оставить Ростово-Азовский фронт и итти на очистку Тихорецкого узла для соединения с отступающими советскими частями. Рассчитывать дальше на какие-либо победы нельзя, так как боевые задачи не выполняются. Последнее известие с Кавказской стороны таковы: Ст. Архангельская была занята первоначально кадетами, но нами была отбита. Вслед за этим от Тихорецкой были двинуты кадетские войска и наши части вынуждены были оставить Архангельскую и отступить на Новобрешковскую.

Наши войска находятся на линии Хоперской, кадеты занимают линию: Архангельская — Ильинка.

О Ставропольской армии нам ничего неизвестно. В Тихорецкой по вине машинистов, выпустивших из котлов пар, были остав-

лены четыре вагона сахару и один вагон чая. Наши броневики частью отошли на Кавказскую (два броневика), частью по линии Тихорецкой. Один броневик оставлен в Тихорецкой.

Вопрос. Когда отдано распоряжение Сорокину снять армию с Ростово-Азовского фронта?

Ответ. Вчера, 17-го, утром были двинуты два полка. Сорокину было отдано распоряжение во что бы то ни стало занять Тихорецкую.

Вопрос. Когда в последний раз была занята кадетами Архангельская?

Ответ. Сведения о занятии Архангельской кадетами были получены 17-го числа.

Вопрос. В каком положении находятся мирные переговоры с немцами?

Ответ. Перемирие с немцами установлено на время уборки хлеба. На это время устанавливается обыкновенно демаркационная линия, по обе стороны которой ведется уборка хлеба.

Тов. Сорокин принимает меры к заключению прочного мира с немцами, соглашаясь даже на отход армии до Каял.

Вести наступление на Батайск мы можем, но всякое наше выступление на Батайском фронте повлечет за собой высадку немецкого десанта в Новороссийске. С центром связи нет.

К Царицыну послан был аэроплан, но обратно он не вернулся.

Тов. Жлоба был отправлен на автомобиле в Царицын с приказом вернуться через пять дней. Ответа от него пока нет.

Вопрос. Когда он выехал?

Ответ. Данные ему пять дней срока прошли уже.

Вопрос. Каковы же дальнейшие планы и перспективы?

Ответ. Одна надежда на Сорокина: если он овладеет Тихорецкой, то этим он поднимет дух нашей армии.

Начальник Штаба Главнокомандующего тов. Лазаревский.— Средства, которыми мы располагаем, не надежны. На армию надеяться нельзя, нет снаряжения, нет обмундирования; лишь 10% армии способны отстаивать советскую власть. Выход только один: необходимо попросить помощь у германского правительства и действовать сообща против контр-революционеров. Если мы сдадим позиции здесь на Кубани, то все дело России погибнет. Под Тихорецкой кадеты действовали при посредстве немецких пуль и снарядов и пр.

Главнокомандующий Северо-Кавказскими армиями т. Калнин.— Необходимо удовлетворить всех т.т. фронтовиков: деньгами, обмундированием, снаряжением и этим создать хоть небольшую, но сплоченную группу людей.

Тов. Лазаревский.— Необходимы для этого ядра войск: снаряды, патроны, так как винтовками без патронов и орудиями без снарядов ничего не могут сделать. В Царицыне стоит 14 вагонов со снарядами и иными воинскими снаряжениями.

Тов. Алехин, помощник Главнокомандующего.— Путем снятия войск с Таманского и других побочных фронтов следует сорганизовать одну армию, двинуть на Тихорецкую, пробить путь к Царицыну, т.-е. занять прежние позиции советских войск при наступлении их на Екатеринодар.

Главнокомандующий Калнин.— Необходимо войти с немцами в соглашение.

Тов. Акулов.— Надо смотреть на настоящее положение с политической точки зрения. Нельзя входить в соглашение с немцами и просить у них помощи, так как при торжестве военной партии в Германии немцы безусловно воспользуются нашим предложением и в нужную для них минуту посадят на Кубани нового „Скоропадского“.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета тов. Рубин.— Прийти к исходному положению, т.-е. к защите Кубани, хотя и на это нет больших надежд. Планы о занятии Дона следует оставить: следует исходить из прежних планов защиты Северо-Кавказской Советской Республики.

Тов. Крайний.— Нет ли сведений о чехо-словаках?

Главнокомандующий Калинин.— Чехо-словаки заняли Самару. Главнокомандующий Муравьев, согласно полученной телеграммы из Москвы от Ленина, бросил армию и бежал в Сибирь. Телеграмма эта была получена приблизительно за два дня до падения Тихорецкой.

Тов. Крайний.— Весь вопрос в победе над контр-революцией внутри, иных дипломатических линий нет.

Главнокомандующий Калнин.— Новых планов общего свойства у нас нет.

Тов. Лазаревский. — Необходимо победить здесь — это наша прямая задача.

Тов. Рубин.— Надо участь реальные силы и составить план действий.

Главнокомандующий Калнин.— Общего фронта у нас нет. Имеются отдельные группы войск, живой связи между собою не имеющие. Ведется партизанская война. В таком же положении находятся кадеты Соприкосновения у нас с ними нет. Ейский полк разбежался, осталось 700 человек. Староминский и Ахтарский полки тоже бежали, от Тимошевского полка осталось 600 человек. В Ставрополе масса патронов, свыше полтора миллиона. Во время съезда Советов в г. Екатеринодаре, в Ставрополе уже Советская власть не существовала: в Ставрополе и уездах образовалась новая власть. Получены новые сведения, что в Ставрополе положение улучшилось.

Тов. Акулов.— Нет ли сведений о Силичеве?

Тов. Калнин — Силичев и Сосницкий были в Тихорецкой. Когда показалось бросание бомб, я указал им, чтобы они с моим вагоном отправились обратно, но они продолжали разыскивать свой вагон с паровозом, больше я их не видел.

Тов. Рубин.— Предлагаю вносить конкретные предложения.

Тов. Меньшиков.—Присоединяюсь к мнению т. Алехина. Необходимо оттянуть войска с Ростовского фронта. Необходимо все бездействующие части поставить на боевую работу, так как иначе они разлагаются. Необходимо пробить путь к Тихорецкой и связаться с Царицыном. Для поддержания дисциплины и боевых заданий необходимо позади действующих войск поставить пулеметы и беспощадно расстреливать всех, кто будет пытаться бежать с позиции.

Главнокомандующий Калнин.— Вопрос о Ростовском фронте уже решен, так как отдана диспозиция снять воинские части, оставив лишь сторожевое охранение.

Тов. Акулов. — Имеется ли сильная тенденция среди немцев соединяться с кадетами?

Тов. Калнин.— Они действуют совместно.

Тов. Лазаревский.— На Ростовском фронте оставляем лишь сторожевое охранение, а все силы бросаем для прорыва на Царицын. Сил у нас имеется 100.000 человек. Но эти 100.000 человек нельзя назвать армией, так как нет дисциплины, нет патронов и снаряжения. Можно ли с такой армией сделать прорыв и пробиться на Царицын?

Тов. Рубин.— Нет ли все-таки каких выходов?

Тов. Лазаревский.— Оставив сторожевое охранение, мы не гарантированы, что немцы могут двинуться в глубь страны. Необходима хотя моральная поддержка немцев. Если немцы не станут оказывать помощь кадетам, то этим самым дух их падает, а на наши части это окажет обратное действие. Вообще отношение немцев с кадетами как-то неуживчивы.

Тов. Крайний.— Наша задача в том, чтобы на все время борьбы с кадетами вести с немцами какие угодно переговоры.

Тов. Калнин.— Переговоры с немцами ни к чему не ведут.

Тов. Лазаревский.— Ведя переговоры, немцы всегда имеют в виду определенные выгоды, интересы

Тов. Акулов. Единственный выход: бить контр-революционеров. С немцами можно вести мирные переговоры о демаркационной линии, только необходимо затянуть время.

Тов. Рубин.— Необходимо установить план линий, необходимо укрепить дисциплину в армии, снадбить ее всем необходимым. Нет ли еще каких планов, кроме плана т. Алехина?

Тов. Калнин.— Это завиеит от состава армии Таманского полуострова, от ее боеспособности.

Тов. Лазаревский — Что можно сделать,чтобы настроение армии было боевое?

Тов. Рубин.— Все для армии: необходимо ее питать деньгами, снабжать обмундированием, снарядами, развивать политически.

Тов. Лазаревский.—Чтобы политически воспитать армию, необходимо время, а его нет. Чтобы правильно снабжать армию всем необходимым, нужен правильный технический аппарат, на это тоже необходимо время, а его у нас нет.

Тов. Крайний.— Раз нет правильного технического аппарата, необходимо все таки как-нибудь наладить это. Тихорецкую необходимо очистить. Необходимы прежде всего деньги.

Финансовое положение таково:

1) Контрибуция на буржуазию в размере 25-ти миллионов рублей.

2) 4.000.000 будут привезены из Туапсе.

3) Три с половиной миллиона от Шляпникова. Таким образом может быть собрано 32 с половиною миллиона рублей.

Тов. Рубин.— Можно говорить о том, что армия политически воспитана или же воспитается. Финансовое же положение оптимизма не выдерживает. Положение финансов критическое. Денег даже в лучшем случае хватит только на жалование за прошлое время — их не хватит даже на август. Вопрос в том, как получить деньги. Нельзя ли их получить из Царицына?

Тов. Калнин. – Необходимо теперь установить связь с товарищем Чистовым. Необходимо передать командование всеми войсками Кубани т. Сорокину. Нужны специалисты, люди, знающие военное дело, так как много командиров ранено. их необходимо заменить. Дать т. Чистову полномочия отдать приказ о том, чтобы его распоряжения выполнялись. Необходимо организовать горские отряды из горцев Необходимо к 18-му получить сведения о политическом состоянии Таманской армии.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Рубин.

М. П.

Центральный Исполнительный Комитет Сев.-Кав. Советской Социалист. Республики.

Секретарь (Подпись).

Копия с копии.

Протокол № 16

заседания Президиума Центрального Исполнительного Комитета Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики от 18-го июля 1918 г.

Председатель тов. Рубин.

Секретарь тов. Жвирблинский.

Слушали 1. Доклад т. Крайнего.

Постановили 1. а) Заказать бланки со штампом: „Центральный Исполнительный Комитет Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики“.

б) В виду того, что обмен военно-пленных есть дело обще-государственное, а от Центральной Всероссийской Власти никаких указаний по этому вопросу не имеется, Центральный Исполнительный Комитет предлагает всем Советам Республики не выдавать военно-пленным пропусков на выезд за пределы Северо-Кавказской Советской Республики.

в) Предложить председателю Коллегии по национальным делам т. Еремьяну в самом непродолжительном времени выдать военно-пленным удостоверения с точным указанием имени, отчества и фамилии, места жительства и рода занятий. По регистрации военно-пленных и выдаче им удостоверений, все, не имеющие таковых, будут задерживаться с гражданами Республики на общих основаниях.

г) Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета от 13-го июля с. г. за № 13 об оплате счетов по реквизициям остается в силе.

д) Центральным Исполнительным Комитетом Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики утверждается Комиссия Черноморского Губернского Продовольственного Отдела в составе четырех лиц: т. т. Николайшвили. Кириченко, Букрова и Филиппова.

Ликвидационная комиссия находится в ведении и подчинении Комиссара Продовольствия Северо-Кавказской Республики.

Ликвидационной комиссии предоставляется право свободного действия по ее усмотрению по делам ликвидации бывшего Черноморского Губернского Продовольственного Отдела. Ликвидационной комиссии предоставляется право взыскивания с продовольственных организаций, кооперативов и частных лиц, как города Новороссийска, так и всей Черноморской губернии, за все ранее и теперь отпускаемые продукты и товары от имени Губ. Продовольственного Отдела и Ликвидационной комиссии.

В распоряжение Ликвидационной комиссии передается необходимый штат служащих по ее усмотрению, как из бухгалтерии, так и иных отделов Окружного Комиссариата Продовольствия, а также и соответствующие для этого помещения с обстановкой. Ликвидационная комиссия имеет свою кассу для сбора задолженных сумм Губернскому Продовольственному Комитету и для расплаты по делам ликвидации, а также имеет свой текущий счет.

Копии постановлений Ликвидационной комиссии посылаются Комиссару Продовольствия Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики, Окружным Совнаркомам и Комиссару Продовольствия.

е) Президиум санкционирует по одобрении междуведомственным совещанием — вывоз в Россию спирта, табаку и шампанского, находящегося в городе Новороссийске.

ж) По вопросу о получении из Центра мануфактуры для Северного Кавказа — назначить на 19-е сего месяца междуведомственное совещание из председателей Коллегий финансов, народного хозяйства и продовольствия.

з) Смету по содержанию Черноморско-Кубанской железной дороги на 1918 г. в сумме 17.267.000 руб. (семнадцать миллионов двести шестьдесят семь тысяч рублей) утвердить.

Слушали: 2. По делу о забастовке рабочих печатников города Екатеринодара были заслушаны условия прекращения стачки и возобновления работ, изложенных в § 4.

Постановили: 2. По § 1-му газеты „Голос Труда“ и „Проблеск“ закрыты и под этим названием выйти в свет не могут, союзу Печатников разрешается издавать другие газеты.

По § 2-му. Распределение бумаги и прочих типографских материалов принадлежит, согласно приказа за № 25 Центрального Исполнительного Комитета, Совету Народного Хозяйства в центре и Экономическим отделам на местах, участие печатников в распределении бумаги будет допущено.

По § 4-му. В случае ликвидации забастовки, никто из бастовавших ответственности не понесет.

Слушали: 3. Доклад Председателя ЦИК‘а Рубина.

Постановили: 3. а) Ввиду крайне небрежного отношения к своим обязанностям заведующего лазаретами тов. Богуславского отстранить от занимаемой им должности, заменив другим лицом.

б) За отсутствием свободной денежной наличности по квитанции № 2 отпустить на содержание больных и раненых красноармейцев 15.000 (пятнадцать тысяч рублей) из средств Военного Комиссариата.

в) По вопросу о переводчике для ЦИК‘а навести справки о партийности тов. Шеткевича.

г) О поручении председателю Новороссийского Совдепа принять меры к перевозке украинцев из Терской области в Керчь через Новороссийск, запросить телеграфом Председателя Новороссийского Совдепа о более подробных сведениях поручается т. Крайнему.

д) Телеграфно предложить политическому комиссару т. Ткачеву и Советам Уманской, Ейска принять самые решительные меры по борьбе с контр-революционными элементами, не останавливаясь перед разоружением банд, преданием их суду Революционного Трибунала и расстрелом на месте преступления.

с) Сделать запрос Экономическому Отделу местного Совдепа по вопросу о том: по чьему мандату, кем и когда было вывезено Экономическим Отделом имущество, находящееся в доме Колосова.

ж) Выдать члену ЦИК тов. Золотухину аванс с сумме сто (100 руб.) в счет советских денег села Песчаноокопского.

з) Впредь до получения определенных директив из Центра, разрешения на перевод беженцев поляков из центра, разрешения на перевод беженцев поляков из Новороссийска в Одессу выдано быть не может.

и) Содержание членов ЦИК Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики устанавливается в следующем размере: холостым — 500 руб., семейным — 600 руб., членам ЦИК — представляется казенная квартира.

Настоящее постановление Президиума внести на пленум ЦИК на утверждение.

к) Все кожевенные и иные товары, привезенные членами Тихорецкого Совета Народных Депутатов в город Екатеринодар, передать на учет Совета Народного Хозяйства.

Предложить товарищу Меньшикову составить список членов Тихорецкого Совета Народных Депутатов, прибывших в Екатеринодар и могущих принять участие в работах местного Совдепа.

л) Довести до сведения Исполнительного Комитета Екатеринодарского Совдепа, что до проведения в жизнь социального страхования необходимо оставить функционировать „Общество борьбы с нищенством".

м) Поручить тов. Акулову совместно с Председателем Коллегии финансов товарищем Темченко обревизовать Народный Государственный Банк.

Подлинный подписали:

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Рубин.

Верно: Секретарь Жирблянский.

С копией верно.

Копия с копии.

Протокол № 17

заседания Президиума Центрального Исполнительного Комитета Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики от 10-го июля 1918 года.

Председательствующий тов. Рубин.

Секретарь тов. Жвирблянский.

Слушали: 1. Доклад тов. Акулова по вопросу распределения финансов между Коллегиями.

Постановили: 1. а) Отпустить Городскому Комиссариату Призрения сто тысяч (100.000) руб. на уплату пайков семьям красноармейцев.

б) Отпустить Военному Комиссариату для нужд военно-санитарного отдела пятьдесят тысяч (50.000) руб.

В первую очередь будет выдаваться жалование отъезжающим на фронт.

в) На 21 июля с. г. созвать междуведомственное совещание из представителей всех ведомств.

Слушали: 2. Доклад т. Рубина по вопросу о поголовных обысках.

Постановили: 2. Всякие обыски производятся исключительно через Чрезвычайно-Следственную Комиссию по борьбе с контр-революцией.

Слушали: 3. Доклад т Крайнего о товарообмене с Украиной.

Постановили: 3. Поручить тов. Акулову проверить по столичным газетам текст мирного договора между Россией и Украиной.

Вследствие отсутствия свободной денежной наличности, выплатить при первой возможности Союзу табачного производства следуемые им за прогульные дни триста семь тысяч сто шесть (307.106) рублей.

Подлинный подписали:

Председатель Центрального Исполнительного Комитета — Рубин.

М. П.

Верно: Жвирблянский.

С копией верно:

Копия с копии.

Протокол № 18

заседания Президиума Центрального Исполнительного Комитета Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики от 20 июля 1918 года.

Слушали: 1. Доклад т. Рубина о пропуске военно-пленных за пределы Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики.

Постановили: 1. Телеграфно сообщить в Новороссийск, что вопрос о переводе военно-пленных в Керчь и Одессу из предела Северо-Кавказской Республики будет принципиально рассмотрен Центральным Исполнительным Комитетом, как вопрос государственной важности. До разрешения его отправление военно-пленных недопустимо.

Телеграмму передать на разрешение Партийного Комитета.

Слушали: 2. Доклад т. Акулова о передаче имения „Хуторок" во временное управление Центральной Коллегии Отдела о военно-пленных русских.

Постановили: 2. Имение „Хуторок" национализировать, передав управление им временно Центральной Коллегии Отдела о военно-пленных (русских).

Слушали: 3. Доклад т. Крайнего о приглашении т. Хоткевича для организации Секретариата при ЦИК.

Постановили: 3. Поручить т. Хоткевичу поставить и сорганизовать Секретариат при Центральном Исполнительном Комитете.

Слушали: 4. О забастовке рабочих печатников в городе Екатеринодаре.

Постановили: 4. Вызвать из Ейска необходимый штат печатников. По отношению к бастующим печатникам в городе Екатеринодаре принять самые решительные репрессивные меры.

Слушали: 5. О созыве междуведомственного совещания.

Постановили: 5. Созвать на воскресенье 31-го июля междуведомственное совещание из председателей Коллегий к 3 час. дня в помещении б. Окружного Суда (комната № 31).

Слушали: 6. О денационализации имущества иностранцев города Новороссийска.

Постановили: 6. Запросить греческого консула Зенона по существу посланной им телеграммы, т. е о денационализации какого именно имущества иностранцев он ходатайствует.

Слушали: 7. О замещении должности заведующего лазаретами города Екатеринодара.

Постановили: 7. Вопрос об увольнении заведывающего лазаретами гор. Екатеринодара т. Богуславского от занимаемой должности передать в Военный Комиссариат для подыскания ему должности.

Слушали: е) Об агитации среди военно-пленных.

Постановили: е) Организовать при агитационно-организационном Отделе П/отдел для агитации среди военно-пленных.

Слушали: ж) О производстве ревизии в Комиссариате по охране народного имущества и советской столовой.

Постановили: ж) Поручить т.т. Бережному и Тершукову совместно с Комиссаром Финансов т. Темченко — произвести ревизию Комиссариата по охране народного имущества и советской столовой.

Вопрос о передаче вина в собственность их прежних владельцев — передать т. Дунаевскому на заключение.

Слушали: з) О назначении заместителя на пост председателя Коллегии Призрения.

Постановили: з) Назначить заместителем председателя Призрения т. Михайлова, а помощником его т. Ачкасова.

Подлинный подписали:

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Рубин.

Секретарь Жвирблянский.

С подлинным верно: Жвирблянский.

М. П.

С копией верно.

Копия с копии.

Протокол № 19

заседания Президиума Центрального Исполнительного Комитета от 22-го июля 1918 года.

Председательствовал т. Рубин.

Присутствовали: т.т. Акулов, Думанский, Крайний, Штегман, Лехно, Темченко и Адамович.

Секретарь т. Жвирблянский.

Слушали: 1. О мерах взыскания по отношению к членам Президиума, не посещающим заседания Президиума ЦИК'а. (Доклад т. Рубина).

Постановили: 1. По отношению к членам Президиума, не посещающим заседания Президиума ЦИК'а без уважительных причин, применяются те же меры взыскания, какие и по отношению к членам ЦИК'а, а первый раз о непосещении теми или иными членами заседания Президиума доводится до сведения фракции, во второй раз опять доводится до сведения фракции с тем, чтобы был поднят вопрос об отозвании его из Президиума ЦИК'а.

Слушали: 2. О финансовом положении Новороссийского Народного Банка. (Доклад т. Дунаевского).

Постановили: 2. а) Принципиальное решение: территория Новороссийска, как часть Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики, получает подкрепления из Екатеринодара; товары и продукты, находящиеся в Новороссийске, составляют всенародное достояние Российской Федеративной Советской Республики.

б) Новороссийскому Государственному Банку будет выдано подкрепление, как только наладится приток денежных средств в Северо-Кавказскую Советскую Республику.

в) Поручить Комиссару Финансов впредь посылать Новороссийскому Народному Банку подкрепления, по мере возможности.

г) Теперь же выдать Новороссийскому Народному Банку денежное подкрепление в сумме двухсот тысяч (200.000) рублей и поручить Комиссару Финансов рассмотреть представленную Новороссийском смету.

Слушали: 3. О пропуске беженцев в Керчь и Одессу за пределы Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики. (Доклад представителя г. Новороссийска).

Постановили: 3. а) Предложить всем Совдепам не направлять в Новороссийск беженцев.

б) Въезд в Новороссийск беженцев без разрешения Совдепов (по месту жительства беженцев) запрещается.

в) Предложить Новороссийскому Совету Народных Депутатов с беженцами, находящимися в Новороссийске, поступить по своему усмотрению с тем, однако, чтобы последние не направлялись морем за пределы Северо-Кавказской Сов. Соц. Республики.

г) Предложить всем Совдепам неофициально беженцев не направлять пока за пределы Республики.

Слушали: 4. О военно-пленных, товарообмене с турками и немцами. (Доклад представителя г. Новороссийска).

Постановили: 4. Вопрос о военно-пленных и товарообмене отложить до обсуждения его в партийных комитетах.

Слушали: 5. Об ассигновании Военному Комиссариату 800.000 руб. для нужд армии.

Постановили: 5. Выдать Военному Комиссариату с его текущего счета 800.000 рублей для распределения этой суммы между частями войск по своему усмотрению.

Довести до сведения Комиссариата, что денежные знаки печатаются и в скором времени будут даны на текущие нужды армии.

Слушали: 6. Об утверждении приказа председателя Коллегии по национальным делам о недопустимости мобилизации иностранно-подданных (доклад т. Крайнего).

Постановили: 6. Приказ утвердить с поправкой „никакой мобилизации не подлежат“.

Приложение: приказ № 14.

Слушали: Положение о военно-пленных.

Постановили: Издать приказ о Северо-Кавказской Советской Социалистической Республике.

Слушали: 7. Положение о внутреннем распорядке военно-пленных г. Екатеринодара (доклад председателя Коллегии по национальным делам т. Кремьяна).

Постановили: 7. Принять к сведению.

Слушали: 8. Доклад т. Крайнего.

Постановили: 8. Обязать представителей Коллегии к 27 сего месяца (к субботе) представить в Президиум ЦИК'а доклад о порядке управления Комиссариатов о положении работ и пр.

Освободить т. Дунаевского от приема просителей для выработки Конституции Управления Комиссариатами.

Слушали: 9. Об освобождении служащих Кубанского Центрального Союза учреждений Мелкого Кредита города Екатеринодара от несения трудовой повинности.

Постановили: 9. Ходатайство служащих Кубанского Центрального Союза учреждений Мелкого Кредита об освобождении их от несения трудовой повинности по рытью окопов и т. п. удовлетворить.

Слушали: 10. Об освобождении служащих учреждений Комиссариата Финансов от несения трудовой повинности.

Постановили: 10. а) Предоставить право председателю Коллегии Финансового Отдела в каждом отдельном случае входить с представлением в Президиум Центрального Исполнительного Комитета.

б) Освобождение от военной мобилизации или общественных работ тех или иных лиц по Республике происходит каждый раз с разрешения местных Совдепов.

Настоящее постановление опубликовать в форме приказа по Республике.

Слушали: 11. Об утверждении сметы по Комиссариату Юстиции (доклад Дунаевского).

Постановили: 11. Выдать в счет сметы Комиссариату Юстиции за июль месяц текущего года пятьдесят тысяч (50.000) рублей, остальная сумма будет выдана по представлении подробной сметы.

Слушали: 12. О выдаче средств Этапно-Транспортному Отделу.

Постановили: 12. Отказать.

Слушали: 13. Об оплате переговоров по проводам.

Постановили: 13. Отказать, ввиду условий революционного времени.

Слушали: 14. Об ассигновании средств Сочинскому Исполкому (доклад представителей Сочинского Комитета).[1]

Постановили: 1. а) Поручить Военному Комиссариату Северо-Кавказской Республики ликвидировать Военный Отдел Сочинского Совета Народных Депутатов.

б) Вопрос о содержании членов Исполнительного Комитета Совета Народных Депутатов города Сочи передать в Комиссариат Внутренних Дел для удовлетворения.

Слушали: 15. О назначении ревизии в Комиссариате по Национальным Делам (доклад т. Акулова).

Постановили: 15. Назначить комиссию для производства ревизии в Комиссариате по Национальным Делам, поручить Комиссару Финансов.

Подлинный подписали:

Тов. Председателя Центрального Исполнительного Комитета М. Акулов.

С подлинным верно:

Секретарь Жвирблянский.

М. П.

Копия с копии.

Протокол № 20

совместного заседания Центрального Исполнительного Комитета Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики с представителями Екатеринодарского Исполнительного Комитета от 24-го июня 1918 года.

Председательствующий тов. Рубин.

Секретар тов. Жвирблянский.

Слушали: 1. О взаимоотношении между Исполкомом Ростово-Азовского фронта и Главнокомандующим т. Сорокиным.

Постановили: 1. Взаимоотношения устанавливаются декретом Центральной власти, который и затребовать у Военного Комиссариата.

Слушали: 2. Об избрании Съездом бойцов Ростовско-Азовского фронта двух политических комиссаров.

Постановили: 2. На очередном Съезде бойцов Ростовско-Азовского фронта избираются дополнительно два политических комиссара для совместной работы с т. Петренко при Главнокомандующем Сорокине. Избранные на Съезде политические комиссары утверждаются Центральным Исполнительным Комитетом Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики.

---

[1] Вопрос об обеспечении членов Сочинского Исполкома стал в связи с занятием Сочи группами и эвакуацией Совета.

Слушали: 3. О передаче Исполкому Ростовско-Азовского фронта типографии для нужд армии.

Постановили: 3. Передать в распоряжение Ростовско-Азовского фронта типографскую машину со всеми принадлежностями для нужд армии Ростовско-Азовского центра.

Техническое выполнение настоящего постановления возложить на Совет Народного Хозяйства Республики.

Центральный Исполнительный Комитет Сев.-Кав. ССР санкционирует постановление заседания Совета Солдатских и Красноармейских Депутатов Ростовско-Азовского фронта с представителями других фронтов от 9-го июля 1918 года, выразившееся в следующем (прот. № 4 § 2).

Слушали: 4. О получении и расходовании денег.

Постановили: 4. а) Никто не имеет права получать деньги от центра, кроме Финансовой Комиссии Исполкома.

б) Расходование денег может производить только Финансовая Комиссия по представлению соответствующих ассигновок.

Слушали: 5. О назначении политического комиссара в г. Новороссийске.

Постановили: 5. а) Политическим комиссаром в г. Новороссийске назначается т. Монахов.

б) Политическая комиссия состоит из трех лиц: политического комиссара, секретаря и переводчика; организацию канцелярии предоставить т. Монахову.

Слушали: 6. О борьбе с эпидемией холеры (доклад т. Монахова).

Постановили: 6. Отпустить в распоряжение Комиссариата Здравоохранения пятьдесят тысяч рублей на борьбу с эпидемией холеры.

Слушали: 7. Доклад представителя обще-армейского комитета т. Берзона.

Постановили: 7. Послать комиссию в г. Новороссийск для отобрания оружия, мануфактуры и пр. в составе двух представителей от обще-армейского Комитета, одного — от Военного Комиссариата.

Означенная комиссия должна действовать в полном контакте с Новороссийским Совдепом при непременном участии политического комиссара т. Монахова.

Слушали: 8. Доклад представителя Сочинского Исполкома.

Постановили: 8. Предложить Комиссару Финансов сделать распоряжение Туапсинскому Совету Народных Депутатов из средств Сочинского казначества выдать Сочинскому Исполкому двести тысяч рублей.

Слушали: 9. Доклад представителя Крымского Совдепа т. Воловика.

Постановили: 9. а) Предложить Комиссару Продовольствия С.-К. ССР все товары, реквизированные в магазине Шейбаума, передать в распоряжение Крымского Совдепа.

б) Акт о вскрытии магазина Шейбаума и список реквизируемых товаров передать Комиссару Продовольствия Республики.

Слушали: 10. О переводе войск Майкопского Отдела.

Постановили: 10. Поручить т.т. Мачулину и Швецу сделать доклад в Военном Комиссариате.

Слушали: 11. О совместном заседании Президиума ЦИК'а, Исполкома местного Совдепа и отдельского Исполкома.

Постановили: 11. 1) Распределить между членами дежурства.

2) Командировать в распоряжение дежурных активных сотрудников.

3) Взять адреса и №№ телефонов у дежурных членов.

4) Предложить Военному Комиссару 2 раза в день давать сводку военных действий.

5) Предложить партиям коммунистов-большевиков и левым эсерам местному и отдельскому Совдепам и Обще-армейскому Комитету незамедлительно прислать знающих людей для установления контроля над талефоном и телеграфом.

6) Запросить комиссариаты Военных и Внутренних Дел, что сделано и что можно сделать по вопросу о разоружении квартальной охраны и квартальных комитетов.

7) Дежурства устанавливаются:

От 3 до 7½ час. вечера.

От 7½ до 12 час. ночи.

От 12 ночи до 9 час. утра, по одному человеку.

От 10 час. утра до 3 час. дня дежурства не назначать.

На 24-е устанавливаются дежурства:
1. Дежурный член Акулов от 3 до 7½ час. вечера.
2. Дежурный член Дунаевский от 7½ до 12 ч. ночи.
3. Дежурный член Крайний от 12 ночи до 9 час. утра.
На 25-е июля:
1. Дежурный член Кириченко от 3 до 7½ час вечера.
2. Дежурный член Лехно от 7½ час. веч. до 12 час. ночи.
3. Дежурный член Горбатый от 12 час. ночи до 9 час. утра.
Инструкция дежурным членам:
1. Во все дежурство член обязан быть на месте.
2. В распоряжении дежурного члена находятся все служащие бывш. Окружного Суда.
3. К дежурному члену обращаются исключительно по делам военного характера.
4. В случае необходимости дежурный член собирает по адресам всех членов.
5. Сводки военных действий представляются два раза в день в президиум ЦИК'а.
6. В распоряжении дежурного члена находятся ординарцы на лошадях или на мотоциклах.
7. Установить, чтобы во всех Комиссариатах и Чрезвычайно-Следственной Комиссии были дежурства служителей.
8. Вывесить список дежурных членов с указанием их адресов. По заявлению т. Дунаевского в протокол заседания заносятся слова т. Лехно „не могу дежурить сегодня, а потому не хочу“.

Слушали: 12. Об ассигновании Комиссариату Призрения четырех с половиною миллионов рублей (доклад т. Акулова).

Постановили: 12. а) Освободить т. Акулова от приема на 25-е для ознакомления с постановкой дела в Комиссариате Призрения.

б) Ежедневно отпускать на нужды Комиссариата Призрения (Областного) тридцать тысяч рублей.

в) Выдать Городскому Комиссариату Призрения пятьдесят тысяч рублей.

Слушали: 13. По поводу обстрела ст. Пашковской.

Постановили: 13. Довести до сведения Совета Народных Депутатов ст. Пашковской, что Центральный Исполнительный Комитет действия Черноморского полка не одобряет и принимает все меры к расследованию печального события.

Слушали: 14. О кооптировании тов. Волика в число членов ЦИК'а с правом решающего голоса.

Постановили: 14. а) Кооптировать т. Волика в число членов ЦИК'а С.-К ССР — с правом решающего голоса.

б) Предложить вновь сконструированному Временному Комиссариату перевести т. Турецкого на должность по его специальности.

Подлинный подписали:

Председатель Центрального Исполнительного Комитета т. Рубин.

Секретарь т. Жвирблянский.

С копией верно:

М. п.

Копия с копии.

Протокол № 21

заседания Президиума Центрального Исполнительного Комитета Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики от 25 июля 1918 г.

Председательствовал т. Рубин.

Секретарь т. Жвирблянский.

Слушали: 1. Ходатайство консулов дружественных держав о сложении контрибуции с иностранно-подданных.

Постановили: 1. а) Никакие репрессии к иностранно-подданным, как таковым. не предпринимаются.

б) Принимая во внимание то обстоятельство, что капитал и имущество граждан Российской Федеративной Республики, находящейся за границей, еще не учтены Народным Комиссариатом Финансов Республики, контрибуции с иностранно-подданных взимать на общих с гражданами Республики основаниях.

в) О консулате дружественных России держав ЦИК С.-К ССР ничего неизвестно, потому ходатайстзо об освобождении того или иного лица от внесения контрибуции должно исходить от подлежащих консульств.

Освобождение арестованных может быть произведено лишь при условии внесения контрибуции последними.

Слушали: 2. Заявление члена Коллегии почты и телеграфа об аресте тов. Жорова.

Постановили: 2. а) Предложить Начальнику Уголовной Милиции Прокофьеву немедленно освободить Жорова и представить материалы, относящиеся к аресту последнего.

б) Личность членов Центрального Исполнительного Комитета и арест того или иного члена может быть произведен лишь в том случае, если на это будет дана санкция Президиума ЦИК'а.

Слушали: 3. О выдаче пособия т. Каплану.

Постановили: 3. Так как красноармейцы, получившие увечья в бою. помимо установленного пособия в Комиссариате—никаких других видов воспомоществования не получают,—в ходатайстве т. Каплана отказать.

Слушали: 4. Об оказании помощи Шестовой.

Постановили: 4. Ходатайство т. Шестовой в выдаче ей пособия передать в Екатеринодарский Исполнительный Комитет на усмотрение и удовлетворение.

Слушали: 5. Об ассигновании Комитету Призрения полмиллиона рублей для удовлетворения семей красноармейцев (доклад т. Акулова).

Постановили: 5. За отсутствием свободной денежной наличности ассигновка в данное время произведена быть не может.

Слушали: 6. О порядке взимания контрибуции с буржуазии города Екатеринодара.

Постановили: 6. а) Предложить председателю Коллегии Финансов тов. Темченко создать орган по рассмотрению прошений о сложении контрибуции с тех или иных лиц.

б) Определить срок внесения контрибуции.

Слушали: 7. О выдаче т. Бабкова[1] на поруки.

Постановили: 7. Отказать.

Слушали: 8. О чрезвычайно-следственной комиссии.

Постановили: 8. Чрезвычайно-следственная комиссия по борьбе с контрреволюцией подведомственна, как и другие отделы, Центральному Исполнительному Комитету и в ведении Комиссариата Внутренних Дел не состоит.

---

[1] Возможно, что фамилия напечатана неправильно и следует читать: Бабкина.

Слушали: 9. Об оказании материальной помощи т. Харитоненко.

Постановили: 9. Так как пострадавшим в период гражданской войны выдается 1/3 убытков, а т. Харитоненко получил свыше 1/3 — дальнейшая выдача не представляется возможным.

Слушали: 10. О продовольственных грузах.

Постановили: 10. Все продовольственные грузы, прибывшие на ст. Екатеринодар, находятся в ведении и распоряжении продовольственных организаций.

Слушали: 11 О выдаче пособия на содержание членов эвакуированных Совдепов.

Постановили: 11. а) Все эвакуированные Совдепы или отдельные члены обязаны все привезенное советское имущество сдавать в Центральный Исполнительный Комитет.

б) Если эвакуированные члены Совета имеют советские суммы — выдавать из этих средств членам Совета жалование в половинном размере, при отсутствии советских сумм жалование не выдавать.

в) Прибывших членов Совдепов регистрировать в партийных комитетах.

г) Предложить т. Лехно предоставить помещение эвакуированным членам Совдепа под ночлег.

Слушали: 12. О выдаче двести пятидесяти рублей т. Волику.

Постановили: 12. Выдать за счет Совета с. Горько-Балковского 250 руб. в распоряжение члена ЦИК'а т. Волика для оказания помощи беженцам этого села, находящихся на ст. Екатеринодар.

Слушали: 13. О мобилизации.

Постановили: 13. а) Местным советам предоставляется право освобождать тех или иных лиц от мобилизации по своему усмотрению.

б) Служащих Комиссариатов Путей Сообщения и Внутренних Дел от военной мобилизации не освобождать.

Предложить председателям Коллегий входить в Президиум с ходатайством об освобождении лишь тех служащих, которые являются незаменимыми специалистами.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

Секретарь т. Жвирблянский.

Копия.

Протокол № 23

заседания президиума Центрального Исполнительного Комитета Советской Социалистической Республики от 27 июля 1928 года.

Председательствовал т. Рубин.

Присутствовали: т.т. Акулов, Крайний, Темченко, Дунаевский, Лехно и Штегман.

Секретарь Жвирблянский.

Слушали: 1. Доклад председателя коллегии по национальным делам тов. Еремьяна.

Постановили: 1. а) Приказ комиссариата по национальным делам: 1) о переписи проживающих в квартирах военно-пленных (участковым комитетам по охране гор. Екатеринодара), 2) Об установлении караула при лагере военно-пленных г. Екатеринодара (в военный отдел г. Екатеринодара), 3) О запрещении служащим города милиции выдавать военно-пленным удостоверения о препровождении неимеющих документов в лагерь военно-пленных (Екатеринодарской городской милиции) — утвердить.

б) Приказ № 17 о запрещении иностранно-подданным ношения оружия по ранее выданным разрешениям — утвердить, предложить консулам, участковым комитетам, комиссару милиции и всем подлежащим органам приступить к разоружению иностранно-подданных, не имеющих подлежащих разрешений.

в) Приказ о двойном подданстве отклонить.

г) Отношение к иностранно-подданным, как таковым, никакие репрессии не предпринимаются ввиду того, что все капиталы русских граждан за границей не учтены Комиссариатом Республики; по отношению к гражданам иных государств, проживающих на территории Российской Федеративной Советской Республики, применяются те же меры, как по отношению к русским гражданам без всякого изъятия.

д) Предложить всем председателям коллегий вносить сметы на предварительное обсуждение бюджетно-финансовой комиссии.

е) Заслушав политическую часть доклада тов. Еремьяна о работах коллегии по национальным делам Республики, президиум Центрального Исполнительного Комитета всецело одобряет и переходит к очередным делам.

Слушали: 2. Доклад т. Акулова об ассигновании 155.000 руб. на выдачу жалования служащим лазаретов.

Постановили: 2. Отпустить в распоряжение военно-санитарного отдела сто пятьдесят пять тысяч рублей для выдачи жалования служащим лазаретов г. Екатеринодара из средств Военного Комиссариата.

а) Назначить товарищем комиссара продовольствия тов. Михайлова.

б) Ввиду заявления комиссара финансов о том, что служащие комиссариата необходимы ему как специалисты, освободить последних от трудовой повинности по рытью окопов и воинской мобилизации.

в) Известить военный комиссариат, что удостоверения, выданные президиумом Центрального Исполнительного Комитета об освобождении тех или иных лиц от трудовой повинности (по рытью окопов) — действительны, в частности удостоверения, выданные служащим комиссариата финансов.

Предложить Военному Комиссариату отдать соответствующее распоряжение об этом патрулям и воинским частям.

г) Тов. Председателя ЦИК тов. Дунаевского освободить от обязанностей по финансовым делам.

Слушали: 4. Доклад тов. комиссара по продовольствию т. Михайлова.

Постановили: 4. а) Проверить правильность выдач из интендантства отдельным воинским частям предметов продовольствия и обмундирования.

б) Принимая во внимание то обстоятельство, что в Областном Продовольственном Комитете имеются два представителя от обще-армейского комитета, предложить последнему ни в каком случае не вмешиваться в дела Областной продкомиссии.

Слушали: 5. Доклад т. Дунаевского.

Постановили: 5. Закрыть текущий счет Центрального Исполнительного Комитета, впредь расходы производить установленным порядком через кредитные ассигнования комиссара финансов.

Слушали: 6. Телеграмма политического комиссара Монахова.

Постановили: 6. 1) По первому вопросу о посылке тов. Мельникова в Новороссийск узнать мнение военного комиссара.

2) По второму вопросу о товарообмене с Германией и Турцией — вывозе вина и табака — телеграфно запросить Центральное правительство.

3) По третьему вопросу о немедленном доставлении хлеба в Новороссийск поручить т. Михайлову срочно провести это в жизнь.

Слушали: 7. Доклад т Лехно о гарнизонном собрании.

Постановили: 7. Принять к сведению (протокол № 1).

Слушали: 8. Заявление граждан ст. Переправной о незакономерных действиях военной секции ст. Переправной.

Постановили: 8. Предложить Майкопскому Отдельскому Исполнительному Комитету принять решительные меры к выяснению обстоятельства этого дела.

Слушали: 9. О членах Тихорецкого Совета Народных Депутатов.

Постановили: 9. Согласно заявления тов. Кириченко в протокол заседания занести слова тов. Крайнего о том, что местные советы „дубинноголовые“.

Согласно заявления тов. Дунаевского заносятся следующие слова: „Крайний слова свои взял обратно".

а) Запросить Отдельский Исполком, местный Исполком, партийные организации, о имеющихся у них свободных вакансиях для замещения последних эвакуированными членами Совдепов.

б) Пригласить на службу в ЦИК некоторых членов эвакуированных советов, выдав им жалование вперед за август.

Слушали: 10. Заявление бывшего члена ЦИК тов. Скворцова.

Постановили: 10. Выдать мандат на право агитации в станицах против самосудов, расстрелов и пр.

Слушали: 11. Приказ о недопущении реквизиций помещений, занимаемых казначейством, банком и проч.

Постановили: 11. Утвердить.

Слушали: 12. По поводу телеграммы Безверхова.

Постановили: 12. Послать в совет народных депутатов Минеральных вод телеграмму о задержании Безверхова и о препровождении его в Екатеринодар.

Слушали: 13. О дежурствах.

Постановили: 13. Дневные дежурства членов ЦИК и местного Исполкома отменить, оставив лишь ночные.

Верно:

За Секретаря Истпартотдела Кубокружкома ВКП(б) (подпись).

Копия с копии.

Протокол № 24

заседания Президиума Центрального Исполнительного Комитета Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики от 28-го июля 1918 года.

Слушали:

Постановили: 1. Избрать в Военный Комиссариат т.т. Фарафонова, Швеца и Лехно.

2. Предложить т.т. Швецу, Фарафонову и Лехно вооружить всех членов Центрального Исполнительного Комитета, вошедших в президиум.

3. Выпустить воззвание к беднейшему населению о необходимости дружно встать на защиту Советской Власти; составление воззвания поручить т. Усагину.

4. Все наличные деньги, находящиеся у тех или иных комиссаров, сдать в Государственный Банк в распоряжение комиссара Финансов.

5. Поставить у Войскового Собрания усиленный воинский караул.

6. Усилить охрану города.

7. Поручить т. Кереметчи выяснить численность членов Правительственных партий, содержащихся под стражей за те или иные проступки.

8. Установить дежурства членов президиума Центрального Исполнительного Комитета в бывш. Войсковом Собрании.

28-го до десяти дежурят т.т. Акулов и Штегман.

После десяти т.т. Бурбыга и Дунаевский.

О принятых постановлениях довести до сведения местного Исполнительного Комитета, Отдельского и Военного Комиссариата.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

м. п.

Секретарь

Копия.

Протокол № 25

заседания президиума Центрального Исполнительного Комитета Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики от 29-го июля 1918 года.

Председательствует Рубин.

Секретарь Жвирблянский.

Слушали: 1. Заявление т. Рубина о телеграммах политического комиссара Красникова.

Постановили: 1. Потребовать телеграфно объяснения от политического комиссара т. Красникова по существу допущенных им выражений в телеграмме „деньги, выданные Центральным Исполнительным Комитетом тов. на организацию отрядов Красной армии он пополнит из своих средств".

Слушали: 2. О переговорах с грузино-немецкими войсками на Туапсинском фронте.

Постановили: 2. Поручить политическому комиссару гор. Новороссийска т. Монахову вести мирные переговоры с грузино-немецкими войсками.

Переговоры по прямому проводу поручить т. Крайнему.

Слушали: 3. Об аннулировании государственных займов в Республике Северного Кавказа.

Постановили: 3. Принято принципиальное решение:

а) Организовать комиссию по удовлетворению городской и деревенской бедноты заменой знаков аннулированных займов на кредитные билеты на сумму не свыше 1.000 рублей, при условии деятельного обследования просителей в каждом отдельном случае.

б) Предложить комиссару финансов т. Темченко провести в жизнь постановление п. 6 декрета об аннулировании займов.

Слушали: 4. Об иске профессионального союза рабочих табачников к табачникам-хозяевам.

Постановили: 4 а) Пока выдать 1/3 (одну треть) сто две тысячи (за округлением).

б) Поручить Чрезвычайной Следственной Комиссии получить с табачников-хозяев задолженную сумму для расплаты с рабочими.

Слушали: 5. О субсидировании Областного Совета Профессиональных Союзов.

Постановили: 5. Выдать Областному Профессиональному Союзу десять тысяч рублей взаимообразно для текущих нужд.

Слушали: 6. Заявление рабочих пивоваренного завода „Новая Бавария".

Постановили: 6. а) Заявление передать согласно установленного порядка в комиссариат финансов.

б) Указать заводскому комитету пивоваренного завода „Новая Бавария", что заявления адвокатов буржуазии не принимаются во внимание президиумом Центрального Исполнительного Комитета, даже в том случае, когда адвокатами выступают рабочие.

Товарищ Дунаевский заявляет, что он считает себя не участвующим в заседании президиума Центрального Исполнительного Комитета.

Слушали: 7. Об отправлении в Новороссийск раненых и больных воинов из г. Екатеринодара.

Постановили: 7. Довести до сведения политического комиссара т. Монахова и Новороссийского Совдепа, чтобы приняты были все меры к приему, размещению, питанию и проч. больных и раненых воинов, эвакуирующихся в Новороссийск.

Деньги в количестве трехсот тысяч будут немедленно переведены.

Слушали: 8. О заместителях к Озерову и Турецкому.

Постановили: 8. Временными заместителями вместо Озерова избрать Лехно, вместо Турецкого — Ивахненко.

Слушали: 9. Заявление Швеца о сложении с себя полномочий комиссара внутренних дел, ввиду откомандирования его в Военный Комиссариат.

Постановили: 9. Отклонить, ввиду того, что Швец лишь временно откомандирован в военный комиссариат.

Слушали: 10. Об открытии кредита комиссариату Призрения.

Постановили: 10. Перевести на текущий счет комиссариата Призрения один миллион рублей.

Слушали: 11. О воззвании к населению и армии.

Постановили: 11. Поручить товарищам Усагину и Лехно составить воззвание к населению и армии с указанием, что те или иные бесчинства творятся отдельными лицами без ведома и согласия ЦИК'а и что казачьи части, перешедшие на нашу сторону, не будут преследоваться.

Слушали: 12. О чеках, присылаемых для подписи президиума ЦИК'а на выдачу денег из Народного Банка.

Постановили: 12. Поручить т. Швецу, Фарфанову и т. Марченко урегулировать выдачу денежных сумм Военного Комиссариата, не обращаясь в Президиум ЦИК'а.

Слушали: 13. Заявление т. Задорожнего о прекращении частных разговоров по телефону или же изолировании всех проводов Государственных учреждений.

Постановили: 13. Поручить т. Задорожнему провести свое предложение в жизнь.

м. п.

Верно: За секретаря Истпартотдела Кубокружкома ВКП(б) (подпись)

Копия.

Протокол № 26

заседания Президиума Центрального Исполнительного Комитета Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики от 30-го июля 1918 года.

Председательствует т. Рубин.

Секретарь Жвирблянский.

Слушали: 1. Заявление тов. Дроздова о бесчинствах, творимых на вокзале (Владикавказском) и железнодорожных путях.

Постановили: 1. Сообщить военному комиссару о необходимости очищения станции и железнодорожных путей от бесчинствующих групп из полков „Таврида“ и „Свободная Россия“.

О принятых мерах сообщить президиуму Центрального Исполнительного Комитета.

Слушали: 2. О назначении т. Дроздова комелдантом станции Екатеринодар.

Постановили: 2. а) Подтвердить постановление Центрального Исполнительного Комитета о том, что комендантом станции Екатеринодар назначается тов. Дроздов.

б) Члены местного совета, посланные для контроля на станцию, поступают в распоряжение т. Дроздова.

в) Предписать, чтобы все ранее исполняющие должности комендантов станции с 5-ти час. утра 31-го июля 1918 года сдали все дела т. Дроздову, который вступит в исполнение своих обязанностей с указанного времени.

Слушали: 3. Заявление т.т. Дроздова и Сорокина о комиссаре по передвижению войск Медведеве.

Постановили: 3. а) В приказе по железнодорожному делу т. Калнина — отменить п 11.

б) Предложить военному комиссару арестовать и доставить Медведева в Екатеринодар.

в) Известить об этом т. Сорокина.

Слушали: 4. О мобилизацин в г. Екатеринодаре.

Постановили: 4. Приказ о мобилизации приостановить. Предложить военному комиссару дать об этом свое заключение с указанием, что Президиум ЦИК'а стоит на той точке зрения, что под ружье призвать нужно только трудовые массы, буржуазию же мобилизовать для исполнения черных работ.

Слушали: 5. Заявление председателя коллегии по национальным делам тов Епимьяна.

Постановили: 5. Приказ о формировании национальных дружин комиссариатом национальных дел передать в Военный Комиссариат с мнением президиума ЦИК'а, что беженцев необходимо призвать на общих основаниях.

Слушали: 6. Заявление т. Дунаевского, об отпуске сахара населению гор. Екатеринодара.

Постановили: 6. Отпустить из Областного Продовольственного Комитета Городскому Продовольственному Комитету четыре тысячи пятьсот пудов сахара для населения г. Екатеринодара, при чем Исполком местного Совдепа обязуется внести на текущий счет Областного Продовольственного Комитета деньги, вырученные за продажу этой партии сахара, тотчас же после продажи последнего.

Слушали: 7. Заявление т. Акулова о необходимом отпуске комиссариату Призрения для уплаты семьям воинов трехсот восьмидесяти трех тысяч руб.

Постановили: 7. Выдать в распоряжение комиссариата Призрения восемдесят три тысячи рублей и одну четверть 1/4 из трехсот тысяч рублей т. е. семьдесят пять тысяч рублей для уплаты семьям воинов.

Слушали: 8. Заявление Военного Комиссариата о назначении т. Лазаркевича правомочным заместителем военного руководителя.

Постановили: 8. Заявление Военного Комиссара о назначении т. Лазаркевича правомочным заместителем военного руководителя отменить и предложить новые кандидатуры.

Слушали: 9. О мобилизации в станице Пашковской.

Постановили: 9. Передать в Военный Комиссариат с мнением президиума, что по станицам производить мобиаизацию не следует. В прифронтовой же полосе производство мобилизации возлагается на командующих Революционными армиями.

Слушали: 10. О телеграмме политического комиссара г. Новороссийка тов. Монахова о торговых сношениях с немцами.

Постановили: 10. а) Довести до сведения Монахова, что военные функции несет Новороссийский Военный комиссариат.

б) По прямому проводу запросить Монахова, чем вызван товарообмен с немцами.

Слушали: 11. О телеграмме из Сочи, о роспуске Сочинского и Окружного Исполкома.

Постановили: 11. а) Утвердить выдачу жалования членам Сочинского Исполкома за август месяц.

б) Все суммы совета передать в Народный Банк.

в) Составить отчетность.

Слушали: 12. Заявление председателя Финансовой Коллегии о намерении общеармейского комитета арестовать его.

Постановили: 12. Вызвать для объяснения председателя обще-армейского комитета т. Подвойского.

Слушали: 13. О создании полевых казначейств.

Постановили: 13. Поручить Военному Комиссару срочно провести в жизнь организации полевых казначейств.

Предложить таковое создать при Военном Комиссариате.

Слушали: 14. Заявление т. Кереметчи о самосудах, творимых над заключенными на гауптвахте.

Постановили: 14. а) Сегодня 30-го июля в 6 часов вечера устроить заседание из представителей следующих организаций: Комиссариата Юстиции, Революционного Трибунала, Чрезвычайного Трибунала, Чрезвычайной Следственной Комиссии и дежурного члена Президиума ЦИК'а.

б) Поручается т. Лехно поставить усиленный караул на гауптвахте для предотвращения самосудов над партизанами.

в) Поручить т. Усагину издать приказ от имени президиума ЦИК'а о недопустимости самосудов над заключенными партизанами, так как последние нужны для обмена на наших товарищей, томящихся в плену.

Слушали: 15. О самочинных обысках в г. Екатеринодаре.

Постановили: 15. а) Отобрать мандаты у тех, кто злоупотребляет ими.

б) Вынести порицание т. Чуваеву, члену ЦИК'а, за недостойные обыски.

в) Окончательный разбор дела о Чуваеве отложить до решения такового в Комитете партии.

г) Довести до сведения всех производящих обыски, что за незакономерные обыски они будут строго караться.

Слушали: 16. Заявление т. Каракеса о слиянии агитационно-пропагандистского и агитационно-вербовочных отделов воедино.

Постановили: 16. Агитационно-пропагандистский и агитационно-вербовочный отделы слить воедино.

Довести об этом до сведения Военного Комиссариата.

Слушали: 17. О мобилизации в г. Екатеринодаре.

Постановили: 17. Послать представителей президиума ЦИК'а на заседание обще-армейского комитета по вопросу о мобилизации в г. Екатеринодаре.

Слушали: 18. О вывозе оружия из г. Новороссийска.

Постановили: 18. Послать в г. Новороссийск представителя президиума ЦИК'а т. Фарафонова для выяснения количества находящегося там оружия и препровождения такового в г. Екатеринодар.

Копия с копии.

Протокол № 27

заседания Президиума Центрального Исполнительного Комитета Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики от 31-го июля 1918 года.

Председательствует т. Рубин.

Секретарь т. Жвирблянский.

Слушали: 1. О мобилизации.

Постановили: 1. а) Послать представителями от Президиума ЦИК'а в мобилизационную комиссию при обще-армейском комитете т.т. Крайнего и Адамовича.

б) Издать приказ об освобождении всех рабочих и служащих железнодорожных станций и депо, банковских и кредитных учреждений, тюрем, почт и телеграфа, водопровода, электрической станции, трамвая. Приказ опубликовать к общему сведению.

в) Создать междуведомственное совещание на 31 июля к 1 часу ночи в помещении Войскового собрания (комната № 30) из председателей Коллегий и членов мобилизационной комиссии при обще-армейском комитете. Представителям Коллегий предложить представить к совещанию списки служащих по учреждениям, подлежащих освобождению от мобилизации.

Слушали: 2. О выдаче служащим и рабочим Водного Транспорта единовременной ссуды в счет жалования за август месяц.

Постановили: 2. а) Принимая во внимание тяжелое материальное положение служащих и рабочих Общества Водного Транспорта и разбросанность семей рабочих по Кубанской области, Президиум ЦИК'а постановляет: выдать единовременное пособие из сумм Общества в размере месячного оклада жалования в счет жалования за август месяц с. г.

б) Разрешить представителю Совета Народного Хозяйства присутствовать на заседаниях Президиума ЦИК'а с информационной целью.

в) Приказ № 2 Кубанского Областного Исполнительного Комитета об освобождении тех или иных категорий служащих и рабочих аннулировать, при чем надлежит руководствоваться последующими приказами Правительства Северо-Кавказской Республики.

г) Уплата контрибуции аннулированными знаками облигаций (Займа Свободы) не допускается.

д) Вопрос об утверждении Коллегии по земельным делам отложить до следующего заседания Президиума ЦИК'а, в виду необсуждения этого вопроса во фракции левых соц.-рев.

е) Перевести в Новороссийский Банк города Новороссийска на текущий счет Исполкома пятьсот тысяч рублей, высылку произвести в течение трех дней между 1-м и 4-м августом, для нужд раненых и больных войнов и наведения мирных переговоров.

Слушали: 3. Об открытии кредита в распоряжение Комиссариата Внутренних Дел.

Постановили: 3. Открыть кредит в распоряжение Комиссариата Внутренних Дел в сумме одного миллиона руб. на текущие расходы.

Слушали: 4. Доклад комиссара Финансов т. Темченко.

Постановили: 4. Вклады Сберегательной Кассы, как принадлежащие по преимуществу малоимущему классу, согласно циркулярного распоряжения Главного Комиссара Государственного Банка Спунде от 22-го апреля 1918 года, не подлежат ни конфискации, ни обложению, а посему ходатайство Совдепа станицы Дядьковской о выдаче по сберегательной книжке, принадлежащей убитой гражданке Сахановой, удовлетворить не представляется возможным.

Слушали: 5. Об аресте редактора газеты „Новый Проблеск" т. Чумаченко.

Постановили: 5. Предложить председателю Обще-армейского Комитета т. Подвойскому явиться в помещение Президиума ЦИК'а 1-го августа к 12 часам дня для дачи объяснений по поводу незаконномерных действий Общеармейского Комитета.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

М. п. Секретарь т. Жвирблянский.

С копией верно:

Копия.

Протокол № 28

заседания Президиума Центрального Исполнительного Комитета Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики от 2-го августа 1918 года.

Председательствует т. Рубин.

Присутствуют: т.т. Акулов, Штегман. Бурбыга, Сердюк, Темченко, Швец, Лехно, Крайний и Кереметчи.

Секретарь т. Жвирблянский.

Слушали: 1. Доклад с фронта представителя Екатеринодарского Совета Народных Депутатов.

Я отправился на хутор Кочеты влево от станицы Васюринской. В станице Васюринской встретили нас солдаты Екатеринодарского полка и были очень рады нашему приезду. Настроение солдат довольно бодрое, несмотря на различные провокационные слухи и кадетские воззвания, которые разбрасываются всюду.

Здесь командир полка т. Воронов просил у нас в спешном порядке помощь.

Первого августа хутор Кочеты был занят полком т. Воронова. Отсюда правым флангом т. Воронов оцепил монастырь и соединился с цепью Екатеринодарского полка и отряда т. Рогачева. После соединения станица Динская была занята отрядом т. Рогачева. В Динской мы видели казненных красноармейцев из полков „Таврида", „Свободная Россия" и Крымского. Все казненные были иссечены шомполами ружей.

Когда мы на конях ехали по полю, было завалено кадетскими трупами, которые начали уже разлагаться и от них исходило сильное зловоние. Наши солдаты просили прислать буржуев для уборки трупов.

Вчера был убит командир 4-й сотни Екатеринодарского полка Обстоятельства этого дела были таковы: он и еще двое поехали на разведку, где их встретил кадетский отряд в 30 человек. В схватке они убили 12 партизан, но когда стали уходить, под командиром свернулось седло и он упал. Кадеты его изрубили на куски.

В Динской из отрада т. Рогачева были бы отправлены т. Воронову снаряды и патроны в хутор Кочеты. Здесь мы узнали, что в хуторе была обнаружена кадетская организация, в доме Савицкого были найдены бумаги.

Отряд т. Рогачева сегодня должен занять Пластуновскую. Нам сообщили, что поезд с кадетами отправился в Тихорецкую, но вынужден был вернуться.

Передовые силы кадетов небольшие, но солдаты говорят, что у кадетов где то в тылу имеются большие резервы.

Беженцы идут за нашей цепью и занимают свои покинутые места. Неселение советскими войсками очень довольно, но в особенности иногороднее.

Со стороны нашей армии безчинств нет, но кадеты при отступлении все грабят и уничтожают; так имущество граждан станицы Динской разграблено. По пути валяются перья, подушки и проч. Казаки станицы Динской разбежались и частью ушли с кадетскими бандами. На фронте почти отсутствуют бинты и медикаменты. Медицинский персонал есть. Необходимо послать все нужное немедленно.

На фронте нет литературы и газет. Солдаты все время их просили у нас.

Нас трое командировано от Совета. Сегодня едем опять и нам необходим аванс на расходы.

Слушали: 2. Утверждение приказов Комиссариата Внутренних Дел об искоренении пьянства и организации мер борьбы с ним на месте.

Постановили: 2. Приказы утвердить. Приказ о пьянстве отослать Комиссариату Внутренних Дел для обработки.

Слушали: 3. Доклад председателя Кавказского Исполкома.

18-го июля нам пришлось эвакуироваться в спешном порядке. Еще за две недели было постановлено созвать объединенное заседание, но за неделю опасность миновала и заседание не было созвано. 17 июля вновь было решено эвакуироваться, но командующий внутренним фронтом Чистов на ст. Кавказской заявил нам: „Кто будет уходить и наводить преждевременно панику—расстреливать".

18-го июля в 12 часов дня получили от него бумагу о необходимости эвакуации и в 4 часа выехали, забрав все, что можно было захватить. Взяли из Романовского казначейства триста тысяч рублей денег и приблизительно на два миллиона бумаг, по словам самого председателя казначейства сорок девять тысяч руб. Кавказского Отдельского Исполкома и тридцать тысяч рублей из почтовой конторы.

Сначала эвакуировались на станцию Гулькевичи. Сюда же прибыл и т. Чистов. Прожив 2—3 дня переехали в Армавир. Здесь, согласно распоряжению ЦИК'а и предложению т. Красникова, деньги и ценности были сданы в Народный Банк. Из Армавира мы ехали по Майкопской ветке в Белореченскую, из Белореченской грунтовой дорогой по направлению к Екатеринодару через станицу Васюринскую. В Васюринской заседал местный Совет, больше никого не было.

После разведки, а также и по словам самого комиссара названной станицы путь был свободен, но когда прибыл обоз Кавказского Исполкома и было приготовлено 30 подвод, в это время станицу окружили кадетские банды, как видно, местное казачество. И мне с военным комиссаром станицы пришлось бежать через реку Кубань на лодке. К счастью, пришли броневики и часть разведки советских войск и нам удалось выручить Исполком с ценностями и бумагами, в данное время при Исполкоме находится 10 членов, несколько служащих телеграфа и телефона и 25 человек караульной охраны. Мой товарищ по Исполнительному

Комитету Стрельников — секретарь отдела и 2 члена финансовой и хозяйственной комиссии, а также и штаба вверенного мне отдела, также как начальник хозяйственной части Борисенко, помощник его Ставровский и др. остались. Не сомневаюсь, что они примкнули к кадетским бандам.

Тов. Рубин.— Где Кавказское казначейство?

— Казначейство, согласно вашего приказа, было взято нами, но в Армавире по настоянию т. Красникова было сдано в Народный Банк, при мне казначейства нет.

Слушали: 4. О третьем пункте приказа о мобилизации (доклад тов. Акулова),

Постановили: 4 Указать о необходимости снятия 3-го пункта приказа о мобилизации.

Слушали: 5. Заявление химика Нейберга по организацни производства взрывчатых веществ и удушливых газов.

Постановили: 5. Предложить т. Нейбергу подать соответственное заявление в Военный Комиссариат Республики.

Слушали: 6. Заявление служащей Комиссариата Здравоохранения Чибирновой о предоставлении ей месячного отпуска.

Постановили: 6. Указать Комиссариату Здравоохранения о необходимости самостоятельно решать вопросы внутреннего распорядка Комиссариата.

Слушали: 7. Доклад т. Михайлова по продовольствию.

Постановили: 7. а) Требование 4-х миллионов рублей для Кубанской Областной Продовольственной Комиссии принять во внимание и перенести на следующее заседание Президума, в виду отсутствия Комиссара Финансов.

б) Послать в Майкоп телеграмму, что служащие продовольственного отдела мобилизации не подлежат.

в) Телеграфно запросить политического комиссара т. Монахова в Новороссийке:

„Действительно ли комитет распорядка служащих и рабочих имения Абрау-Дюрсо распродает вина указанного имения.

Слушали: 8. Доклад т. Акулова.

Постановили: 8. а) Вопрос о взаимоотношении Чекпрода и Облпродкомиссии отложить до выздоровления т. Дунаевского.

б) Вдове т. комиссара труда Совяка выдавать пособие, как семьям убитых красноармейцев на общих основаниях.

в) Вопрос о перевозке раненых с вокзала в Маринский институт — запросить председателей Коллегий о помещении для раненых.

Слушали: 9. О мирных переговорах с грузино-немецкими войсками.

Постановили: 9. а) Спешно проверить по прямому проводу достоверность сведений телеграммы Левгофта.

Ведение переговоров по прямому проводу поручить т. Кереметчи.

б) Обще-армейскому комитету вперед предлагается всякие вопросы Государственной важности (мобилизации, повальные обыски) принимать в форме пожелания, доводя об этом до сведения ЦИК'а, но отнюдь не в виде тех или иных конкретных решений.

в) Предложить комиссии при Обще-армейском комитете, чтобы вопрос о повальных обысках был предварительно внесен на обсуждение и разрешение в очередное заседание Президиума ЦИК'а.

При голосовании т. Бурбыга воздержался, приведя следующие мотивы: „вопрос о повальных обысках поднимается у них три раза, это их обще-армейский комитет желает ввести в дело порядка производство повальных обысков, 3 — 4 дня обще-армейский комитет предлагает ЦИК'у прислать своих представителей, но последние не посылаются.

В комиссию по выработке положения о повальных обысках необходимо послать представителей, которые укажут, как следует эти обыски вести.

Слушали: 10. Заявление т. Золотарева.

Постановили 10. Заявление т. Золотарева с указанием Президиума ЦИК о недопустимости действий Чебана послать в обще-армейский комитет.

Копия.

Протокол № 29

заседания президиума Центрального Исполнительного Комитета Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики от 3-го августа 1918 г.

Председательствует товарищ Рубин.

Секретарь тов. Жвирблянский.

Слушали: 1. О посылке военным комиссариатом конного отряда на Новороссийскую ветку для сбора оружия по воинским частям, расположенным по ветке.

Постановили: 1. Одобрить меры, принятые военным комиссариатом.

Слушали: 2. О командировании т. Дунаевского.

Постановили: 2. Дать т. Дунаевскому служебную командировку в Новороссийск—Геленджик с условием, чтобы он вернулся в понедельник 5-го августа.

Слушали: 3. О телеграмме из Новороссийска Испанского консула о снятии контрибуции с турецко-подданных.

Постановили: 3. а) Не отвечать на телеграмму Испанского консула.

б) Распубликовать постановление президиума Центрального Исполнительного Комитета о взимании контрибуции со всех граждан Республики на общих основаниях.

Слушали: 4. Заявление Чрезвычайной Комиссии по борьбе с холерой, о воспрещении продажи и выдачи разрешений на продажу мороженого.

Постановили: 4. а) Утвердить предложение о воспрещении продажи мороженого.

б) Издать соответствующее распоряжение.

Слушали: 5. О мандате на право ареста комиссара Юстиции Золотарева и других, изданном Чрезвычайной Следственной Комиссией по борьбе с контрреволюцией.

Постановили: 5. а) Предложить Чрезвычайно-Следственной Комиссии по борьбе с контр-революцией аннулировать приказ, изданный т. Чабановым об аресте т. Золотарева и др.

б) Предложить Чрезвычайно-Следственной Комиссии по борьбе с контр-революцией дать разъяснение штабу 7-ой батареи, что Некрасов был выпущен под ручательство комиссара Юстиции Золотарева.

Слушали: 6. Об арестованном Колышке.

Постановили: 6. Предложить Военному Комиссариату передать арестованного Колышку в ведение Комиссариата Юстиции.

Слушали: 7. О пленарном заседании Центрального Исполнительного Комитета.

Постановили: 7. Повестка дня: 1) О мобилизации. 2) Об обысках. 3) О газете.

Слушали: 8. О мобилизации.

Постановили: 8. Вопрос перенести на заседание пленума ЦИК.

Подлинный за надлежащими подписями.

Копия с копии.

Протокол № 31

заседания Президиума Центрального Исполнительного Комитета Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики от 6-го августа 1918 года.

Председательствует т. Рубин.

Секретарь т. Жвирблянский.

Слушали: 1. О воззвании к войскам, составленном Акуловым от имени президиума ЦИК.

Постановили: 1. Воззвание утвердить, внеся туда немногие изменения.

Слушали: 2. О Ейском отдельском Исполкоме.

Постановили: 2. Принято принципиальное решение:

а) Разрешить эвакуированным Исполкомам продолжать свою деятельность в Екатеринодаре с чисто информационной целью.

б) Официально в Исполкоме числится только один человек, которому и будет выдаваться содержание из средств ЦИК.

в) Все члены эвакуировавшихся Исполкомов обязаны принимать участие в работах советских учреждений

Слушали: 3. О вольнонаемном служащем Ейского Отдельского Исполкома начальнике охраны Азовского побережья Оксюта.

Постановили: 3. а) Выдать просимую сумму 900 (девятьсот) рублей в счет жалования за июнь и июль.

б) Выдавать жалование вольнонаемным специалистам эвакуированных Исполкомов.

в) Членам же Исполкома выдавать в половинном размере согласно прежнего постановления.

Слушали: 4. О телеграмме военного комиссара Лабинского отдела Маргунова о вознаграждении вернувшихся из плена солдат.

Постановили: 4. Вернувшись из плена солдаты должны пользоваться пособием из Комиссариата Призрения на общих с другими основаниях.

Слушали: 5. О геленджикском Окружном Исполкоме.

Постановили: 5. Вопрос перенести на заседание комитета Р. К. П. (большевиков)

Слушали: 6. Заявление коллегии Здравоохранения о повышении жалования учителям военной фельдшерской школы.

Постановили: 6. а) Передать на разрешение Комиссариата Народного Просвещения.

б) Кредит Комиссариата Народного Просвещения в 10 миллионов рублей не открывать, согласно прежняго постановления.

Слушали: 7. О реорганизации Окружной Продовольственной комиссии.

Постановили: 7. Реорганизовать в следующем составе: Председателем Гришин, заместитель Михайлов, члены: Бережной, Крыленко, Пиатровский и Василенко.

Слушали: 8. О шорно-седельной мастерской на кожевенных заводах, пострадавшей от боев с Корниловым под Екатеринодаром.

Постановили: 8. Выдать со счета на счет четырнадцать тысяч пятьсот восем рублей и 33 коп., т. е. одну треть просимой суммы.

Слушали: 9. О телеграмме с южного фронта.

Постановили 9. Признать возобновление военных действий.

Слушали: 10. О сметах Майкопского Отдельского Исполкома.

Постановили: 10. Передать на рассмотрение Комиссара Финансов Темченко и бюджетно-финансовой комиссии в спешном порядке.

Слушали: 11. О телеграмме из Новороссийска комиссара Совнархоза Шатова о рационализации домов иностранно-подданных.

Постановили: 11. Послать Шатову телеграмму о том, что дома иностранно-подданных подлежат национализации на общих основаниях с другими гражданами Республики.

Слушали: 12. Заявление представителя Коллегии почто-телеграфа.

Постановили: 12. а) Выдать эвакуировавшимся чиновникам из занятых кадетами мест месячное жалование.

б) Возложить на обязанности коллегии почто-телеграфа привлечь свободных чиновников к работе.

в) Известить все Совдепы Северо-Кавказской Республики, что почтово-телеграфные конторы эвакуируются только с разрешения местных Исполкомов.

г) Предать тех суду, кто эвакуировался без разрешения властей.

Слушали: 13. О реквизиции колбасы и сала для армии Сорокина.

Постановили: 13. Передать реквизицию сала и колбасы у частных торговцев для армии Сорокина на обязанности отдела снабжения (местного).

Слушали: 14. Заявление представителя коллегии почт и телеграфа о пострадавшей от гражданской войны семье.

Постановили: 14. а) Удовлетворить единовременным пособием 100 руб. и выдавать на общих основаниях из комиссариата призрения ежемесячное пособие.

б) На ближайшем заседании пленума ЦИК поставить вопрос о почто-телеграфе.

Слушали: 15. О членах Ейского Исполкома, находящихся в рядах Красной Армии на Тимашевском направлении.

Постановили: 15. а) Перевести в другую воинскую часть.

б) Поручить провести это в жизнь тов. Лехно, предварительно выяснив суть дела.

Слушали: 16. О работах в президиуме ЦИК.

Постановили: 16. а) Возбудить вопрос на заседании пленума ЦИК.

б) Вопросы, вносимые на заседание президиума, даются за час до заседания секретарю для занесения на повестку дня.

в) Исключать из состава президиума тех, кто в течении двух раз не придет на заседание и не представит достаточных мотивов.

Слушали: 17. О телеграмме Антонова с Южного фронта.

Постановили: 17. Передать вопрос на разрешение военного комиссариата с тем, чтобы президиум ЦИК был в свое время оповещен о решении.

Слушали: 18. О телеграмме Чистова.

Постановили: 18. Сообщить Чистову, что переговоры прерваны Военные действия возобновлены.

По прямому проводу переговорить тов. Крайнему.

Слушали: 19. О торговом сношении с немцами и украинцами через порты Черноморского побережья.

Постановили: 19. Категорически запретить вывоз через порты Черноморского побережья из пределов Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики продукты без особого на то, для каждого раза, разрешения президиума ЦИК.

Слушали: 20. О медикаментах.

Постановили: 20 Предложить Совету Народного Хозяйства организовать в Екатеринодаре выработку необходимых медикаментов.

Слушали: 21. Заявление председателя коллегии по национальным делам.

Постановили: 21. Объявить все мандаты, выданные иностранным подданным, с 6 августа 1918 года недействительными.

Слушали: 22. О холере.

Постановили: 22. Предложить местному Исполкому организовать в кратчайший срок очистку улиц от нечистот при помощи буржуазии (взятой на учет).

Слушали: 23. О мобилизованных.

Постановили: 23. Послать на предстоящий митинг мобилизованных представителей: от президиума т. Лехно, от военного комиссариата т. Турецкого и тов. Волика.

Слушали: 24. Об агитационно-вербовочном отделе при военном комиссариате.

Постановили: 24. а) Агитационно-вербовочный отдел при военном комиссариате упраздняется.

б) Остается вербовочный.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно: Секретарь.

Верно: За Секретаря Истпартотдела Кубокружкома ВКП (б).

Копия.

Протокол № 32

заседания президиума Центрального Исполнительного Комитета Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики от 7-го августа 1918 года.

Председательствовал т. Рубин.

Секретарь т. Жвирблянский.

Присутствовали: т.т. Крайний, Акулов, Дунаевский Штегман, Темченко, Лехно и Кереметчи.

§ 1. Был заслушан доклад политического комиссара города Новороссийска тов. Монахова:

„Когда я приехал в город Новороссийск, я попал на заседание совета, где присутствовали представители мирной делегации так назывоемой „ТЕХО".

Представитель этой делегации просил начать поскорее мирное торговое плавание. Им указали, что германское командование определенно этому мешает, так как германские дозорные суда задерживают наших курьеров; был случай, когда, задержав наше судно, они указывали, что на нем находится якобы тов. Рубин и требовали его выдачи. Затем в Кабардинке была задержана наша землечерпалка, которой приказали итти в Керчь, но последней удалось уйти в Новороссийск под тем предлогом, что им необходимо запастись в Новороссийске продуктами. Я отдал распоряжение землечерпалке в Керчь не ходить. Прибыв в Новороссийск сторожевое германское судно („капитан, адмирал лейтенант") прибыло в Новороссийский порт и требовало отправления землечерпалки в Керчь, но при личном объяснении со мной командующий судном отказался от своих требований и просил дать землечерпалку для работ в Керчи, в чем им было отказано.

При таких обстоятельствах, заявили мы, когда наши суда останавливаются, при чем многие из пассажиров увозятся и расстреливаются, мы не можем приступить к мирному торговому плаванию. Пароходы „Трувор" и „Боржом", заявили они, принадлежат де не вам, а Грузии, на что им было отвечено, что пароход „Боржом" никогда Грузии не принадлежал, а составлял собственность акционерной компании Марташева, а ныне принадлежит Российской федеративной Советской Республике. Затем представители делегации просили нагрузить пароход „Боржом" бензином в количестве полутораста тысяч пудов. в чем им также было отказано. Мотивы их были таковы: в Москву будто запасы бензина вывезти нельзя, а здесь нет большой потребности в бензине.

Затем делегаты указали, что у берегов Черного моря потоплено германское судно „Эльбрус" и просили вместо него дать „Боржом". Им было поставлено на вид, что судно „Эльбрус" принадлежало Бельгии, но отнюдь не Германии. Тогда они выставили новое требование о том, чтобы „Боржом" был им дан на время под расписку до выяснения его принадлежности. Я ответил, что это совершенно

новый вопрос и дать судно в аренду мы не можем. Сегодня комиссия выясняет принадлежность „Трувора'. Если нам не удастся дипломатическим путем удержать „Боржом“, мы его посадим на дно. Просили они также разрешения прислать нам своего консула, с чем я согласился Делегаты заявили, что через несколько дней в порты Черного моря будут посылаться товары для обмена и просили дать разрешение на товарообмен. Затем мы просили прислать наших пленных вместо тех двух тысяч военно-пленных, какие были вывезены из пределов Северо-Кавказской Республики. Они предлагали сахар в обмен на саломас, просили они также табак, вино, предлагая в свою очередь медикаменты и другие товары. Вместе с тем мы предполагаем для начала торговли погрузить судно „Елена“ вином, табаком и отправить его в Одессу. Пароход уже грузится. Сделать это необходимо по двум соображениям — политическим и экономическим. Забастовка железнодорожников на Украине продолжается. Севастопольский и Николаевский порты бастуют. Таким образом, появление нашего судна под большим Советским флагом в Одессе окажет большое в моральном смысле влияние на бастующих. Настроение судовых команд в Одессе таково, что они готовы вернуться в Новороссийск. Соображения экономические: вино и табак нам излишни и кроме того представляют серьезную опасность Северо-Кавказской Республике, тогда как медикаменты, которые мы можем получить в обмен, нам крайне необходимы. Никакой опасности нет: немцы не будут требовать хлеба, так как я им определенно заявил, что отпускать мы будем только те товары, какие нам самим не нужны.

Сведения об убийстве генерала Эйхгорина подтверждаются. Пассажирское движение не может быть возобновлено между Украиной и Северным Кавказом из-за развившейся у нас эпидемии холеры.

Доклад председателя правления Областного водного транспорта:

Совершенно случайно, волею революции, мы очутились в городе Новороссийске; раньше мы находились в Одессе. Мы ушли в область политической работы, так как иной планомерной работы у нас не было. Мы получили из центра пятнадцать миллионов рублей и развезли их по портам. Политическую работу мы наладили по всему побережью. Наша работа уже сказалась: потопление судов на Украине. Мы имеем в виду послать на транспорте „Елена“ двух популярных среди моряков лиц для ведения переговоров о мирном торговом плавании и политического будирования. Кроме того они должны вернуть в Новороссийский порт более двадцати судов, ушедших в свое время к берегам Украины. Между нами и Новороссийским Окружным Советом народных комиссаров имеются некоторые трения. Необходимо выдать мандаты нашим товарищам, отправляющимся на транспорте „Елена“, так как им возможно придется съездить в Москву.

Дунаевский: момент политический, концепция его такова: на Украине де идет забастовка и мы нашим Советским флагом ее поддержим. Каково будет удивление бастующих матросов и рабочих, когда на горизонте появится штрейкбреховский транспорт под Советским флагом. Будут они также крайне удивлены, если мы вдруг повезем туда саломас, из которого будут изготовлять патроны. Появление дружественного флага в Одессе потушит революцию на Украине.

Момент экономический:

Немцы умеют настаивать, табак и вино действительно нам не нужны, но за вином пойдет хлеб,— они сумеют его выкачать из пределов Северо-Кавказской Советской Республики. Затем саломас им нужен не только как масло, но и как и продукт, необходимый для изготовления патронов. Нашим единственным аргументом до сего времени был тот, что мы без Центральной власти не можем вести торговли, но после этого прецедента мы не сумеем базироваться на прежних аргументах и отказать им в хлебе. В Крыму в их распоряжении имеются и вино и табак; наш табак их не интересует, но им важно создать прецедент торговли, после которого они потребуют и хлеб, а из Новороссийского порта можно вывести сотни миллионов пудов хлеба. Затем, как вы будете расплачиваться с ними: табаку у нас на сотни миллионов рублей, на сотни миллонов рублей вина, хлеба на миллиарды. Речь идет о таком обмене, который безусловно повлияет сильно на курс нашей валюты. На севере есть комиссия, которая сейчас вырабатывает валюту и мы можем спровоцировать работу этой комиссии, так как речь идет о сотнях миллионов рублей. Выиграет ли вся Россия от того, что мы здесь заведем торговлю. Безусловно нет.

Расценивать товар на наш рубль невыгодно. Необходимо расценивать на германскую марку. Наконец, общий политический момент, товаризм, внешняя торговля может быть лишь тогда, когда она будет выгодна: сейчас она нам не выгодна Мы можем стать невольно на путь прежней монархии—вывозить все товары за границу. То, что хотят сделать в Новороссийске, создаст страшный прецедент, из которого мы не выпутаемся.

Представитель правления водного транспорта:

„Думаю, что вы стали на неправильный путь. Наши рядовые моряки расстреливаются в Керчи. Нам необходимо во что бы то ни стало использовать политический момент. Если мы пошлем туда наших представителей,— они поднимут дух наших товарищей и явятся вожаками революционного движения. Я не экономик, но поскольку транспорт „Елена“ уже погружена товаром ее необходимо отправить, так как она будет пробным шаром мирного торгового плавания. Немцы, действительно, очень настойчивы. „Боржом“ они очень хотят получить с грузом масла, но он, если даже будет взят на буксир, дальше маяка не пойдет и будет пущен на дно.

Акулов: Двум моментам, представленным товарищем Монаховым, Дунаевский противопоставил пять моментов. Действительно, наше судно в Одессе подорвет несколько забастовку в рядах моряков и рабочих, но вместе с тем наш Советский флаг окажет безусловное влияние на них и подымет их дух. Немцам нужен хлеб. Зачем налаживать частичный товарообмен, когда нет торгового договора. Но раз сила в руках немцев, то ясно, что хлеб они могут получить когда пожелают. Что мы сделаем без товарообмена? Товарищ Дунаевский говорит, что мы сами достанем медикаменты, но это одна отписка. У нас есть фронты, но есть и холера. Нам чрезвычайно важно оттянуть момент нашего падения, чего бы нам это не стоило. Северо-Кавказская Советская Республика нами расценивается как очаг революции на Кавказе; нам важно сохранить этот очаг. У нас нет медикаментов. Что можем сделать без медикаментов? Ничего. Нужно сказать, положение безвыходное, но необходимо выйти из него хотя ценой некоторых уступок.

Волошин: Устами товарища Акулова гласит истина. Бросим все теоретические рассуждения, станем на путь практический. Может мы потеряем несколько чистоту наших принципов, но зато выиграем в экономическом отношении. Посмотрим действительности в глаза. Наш последний авангард, наша надежда и опора—это рабочие. Заводы и фабрики—это очаг нашей мощи. Их укрепление — наша сила. Дела много, потребности колоссальные: есть предприятия, как поташные, мыловаренные и иные, но нет совершенно сбыта, нет экспорта. На складах полмиллона бочек цемента. Дальше итти некуда. Работа стала. Я полагаю. те товары, которые мы вывезем из пределов Северо-Кавказской Республики, дальше Украины не пойдут.

Копия.

Протокол № 34

заседания Президиума Центрального Исполнительного Комитета Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики от 9-го августа 1918 года.

Председательствует т. Рубин.

Секретарь т. Жвирблянский.

Слушали: 1. О заседании президиума с представителями от Совета Народного хозяйства.

Постановили: 1. Созвать совещание президиума и представителей от Совета Народного хозяйства 10-го августа в 6-ть часов вечера в бывшем войсковом собрании, комната № 7.

Слушали: 2. Доклад политического комиссара гор. Новороссийска тов. Монахова о сдаче в аренду судна „Боржом“ Германии.

„Сегодня получено известие. что судно „Боржом“ сдано в аренду Германии по 60.000 рублей в месяц, с их ремонтом. „Боржом“—это наливное судно для

перевозки нефти; принадлежало оно ранее Акционерному обществу Мотошев. В момент сдачи на нем находилось 225.000 пудов нефти; немцы говорят, что эта нефть уйдет в 2 месяца на топливо судна. „Боржом“ будет ходить под флагами— Российской Советской Федеративной Республики. германским и белым. Появление Красного флага в портах Черноморья желательно, – оно подымет революционный дух рабочих в портах, занятых германцами, но Германское командование может использовать судно для военных целей и тогда наличность флага Российской Социалистической Федеративной Республики может создать прецедент между нами, Англией и Францией. Судно было сдано в моем отсутствии. Мы должны выйти из этого положения, аннулировав этот договор, но прежде надо найти мотивы.

Тов. Волошин предлагает привлечь к ответственности т.т. Лучина и Шатова за сдачу в аренду „Боржома“ без согласия на то Центральной власти Северного Кавказа и считает необходимым сдать в аренду водный транспорт какой-либо нейтральной организации.

Тов. Дунаевский: предлагает Центральной власти Северного Кавказа заявить германскому командованию о своем несогласии на сдачу в аренду „Боржома“.

Тов. Монахов заявляет, что 14-го августа в Одессе будет совещание водного транспорта о мирном торговом плавании, куда приглашается наш представитель; мы можем поручить нашему представителю настаивать на возвращении наших судов.

Постановили: 2. а) Аннулировать договор о сдаче в аренду „Боржом“ с его формальной стороны.

б) Выразить в письменной форме недовольство Центрального Исполнительного Комитета работой комиссии, сдавшей „Боржом“.

в) Довести до сведения комитета партии коммунистов о т.т. Лучине и Шатове, как ставших на неправильную позицию в деле сдачи в аренду „Боржома“.

г) Выработать в Центральном Исполнительном Комитете проект сдачи водного транспорта в аренду.

Слушали: 3. Доклад тов. Монахова о пароходе „Елена“.

Германское командование все время спрашивает, когда пойдет „Елена“. „Елена“ зафрахтована табаком и вином, на нее продано 200 пассажирских билетов. „Елена“, увезя нам ненужные табак и вино, может привезти медикаменты и притом нам необходимо послать на ней делегацию в Одессу. Разгрузка „Елены“ может вызвать нежелательные эксцессы—вином может воспользоваться контр-революция.

Тов. Дунаевский заявляет от имени Центральной власти Российской Социалистической Федеративной Республики: „вся внешняя торговля национализируется, поскольку нам неизвестно и мы, отправляя „Елену“, можем спровоцировать Центральную власть.

Постановили: 3. Транспорт „Елену“ не отправлять и оставить в прежнем положении.

Слушали: 4. О посылке делегации в Одессу на совещание водного транспорта о мирном торговом плавании и далее в Киев к председателю мирной делегации т. Раковскому для установления тесной связи.

Постановили: 4. а) Поручить Исполнительному Комитету Новороссийского Совдепа на месте обсудить вопрос о проезде делегации.

а) Выставленные кандидатуры тов. Монаховым—Черновского и Герценштейна—утвердить.

Слушали: 5. О коллегии по обмену пленных и беженцев (доклад тов. Акулова).

Постановили: 5. а) Создание коллегии по обмену пленных и беженцев принципиально принять.

б) На ближайшем заседании фракции Центрального Исполнительного Комитета обсудить этот вопрос.

Слушали: 6. О выдаче комиссариату здравоохранения для Чрезвычайной комиссии по борьбе с холерой 100.000 руб.

Постановили: 6. Выдать Чрезвычайной комиссии по борьбе с холерой при комиссариате Здравоохранения сто тысяч рублей (100.000 руб.).

Председатель Центрального Исполнительного Комитета

Копия.

Протокол № 39

заседания президиума Центрального Исполнительного Комитета Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики от 14-го августа 1918 года.

Председательствовал т. Рубин.

За секретаря т. Бабошкин.

Слушали: 1. О финансах Центрального отдела по устройству беженцев.

Постановили: 1. Открыть кредит в двести тысяч рублей (200.000 руб.) комиссариату Призрения с переводом на текущий счет Центрального отдела по устройству беженцев.

Слушали: 2. Заявление представителя Отрадненского отдела об отпуске отделу 1.000.000 рублей.

Постановили: 2. Выдать сто десять тысяч рублей (110.000 р.) на основании оправдательных документов не позже 16-го августа 1918 года.

Слушали: 3. О малочисленности заседаний призидиума ЦИК.

Постановили: 3. Возбудить вопрос на пленуме ЦИК.

Слушали: 4. Заявление консульского корпуса о недопустимости подвода под общую рамку с русскими гражданами иностранно-подданных.

Постановили: 4 Не отвечать на заявление консульского корпуса. Запросить у подозрительных членов корпуса их мандаты.

Слушали: 5. Доклад товарища, приехавшего из Армавира и прилегающих к нему фронтов.

Из доклада выяснилось, что седьмая колонна, оперирующая у Армавира, нуждается в деньгах, патронах и снарядах мелкого калибра. Также ощущается нужда в политическом комиссаре и военном руководителе. Несмотря на лишения, дух у войска очень бодрый. В Армавире женщины делают патроны.

Постановили: 5. Созвать по этому поводу совещание членов президиума, Сорокина, Петренко и представителей фронта.

Слушали: 6. Доклад тов. Монахова.

Постановили: 6. Расследовать дело о продаже бензина и саломаса немцам для вывоза из Новороссийска на Украину.

б) Вопрос о транспорте „Елена" оставить открытым.

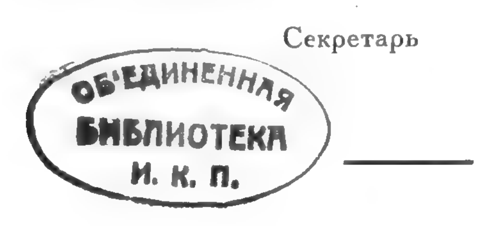
в) Не давать хлеба рабочим железнодорожникам из Сочи, ибо нет гарантии, что хлеб не попадет немцам или грузинам.

Слушали: 7. Заявление Монахова об освобождении его от возложенных на наго обязанностей.

Постановили: 7. Передать на рассмотрение комитета РКП (большевиков).

Председатель Центрального Исполнительного Комитета

Секретарь





ОГЛАВЛЕНИЕ.

ОГЛАВЛЕНИЕ I и II томов:

